

Дерябин В.В.

НА ВОГУЛЬСКОЙ ТРОПЕ

«Бил нам челом Сибирской дороги вож
Ортёмка Софонов сын Бабинов...»

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЕРХОТУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Дерябин В.В.

НА ВОГУЛЬСКОЙ ТРОПЕ

«Бил нам челом Сибирской дороги вож
Ортемка Софонов сын Бабинов...»

Верхотурье
2011

Дерябин В.В.

На вогульской тропе. «Бил нам челом Сибирской дороги вож Ортемка Софонов сын Бабинов...» – Екатеринбург: ИПЦ УрФУ, 2011. – 272 с.

Крестьянин из деревни Верхняя Усолка Соликамского уезда Артемий Сафонович Бабинов «проведал» новую прямую сухопутную дорогу из Соликамска в Сибирь. В 1597 году по указу царя Фёдора Ивановича началось её строительство. Дорога в семь раз сокращала путь в Сибирь. В 1598 году на том месте, где «государева дорога» подходила к реке Туре, был основан город Верхотурье, который на протяжении двухсот лет сохранял значение важнейшего опорного пункта на пути из европейской России в Сибирь.

ДЕРЯБИН ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 9 апреля 1961 года в Верхотурье. В школе увлекался историей и литературой. Почти в каждом верхотурском огороде можно было найти если не монеты, то штык или гильзы. Еще в те годы начал искать ответы на вопросы «Что такое? Кто такой?». Много читал. В 1976 году уехал в Ленинград к дяде. Хотел стать моряком. Город с богатыми культурными традициями оказал большое влияние. Увлёкся театром, поэзией, историей. Учился в театральной студии при БДТ. Театральный педагог Баженова Татьяна Викторовна водила на полуподпольные выступления бардов, поэтов, литераторов. Познакомился со многими интересными ЛЮДЬМИ. По причине конфликта с органами (тот еще был хулиган) пришлось вернуться в Верхотурье. С 1979 по 1982 годы служил в погранвойсках на Дальнем Востоке. После службы поступил в техникум (не закончил). С 1982 – инженер комбината коммунальных предприятий, затем руководитель комбината. Шабашил с бригадой строителей. Попутешествовал по всей стране.

Печататься в газете подвигли два человека. Верхотурский краевед, любитель истории Иван Иванович (Ян Янович) Керекс. Себе на уме, хитрован, но замечательный рассказчик. С Керексом объездили все окрестности в поисках старинных вещей – потерянных и брошенных.

Председатель Общества краеведов Раиса Николаевна Огаркова часто рассказывала об Артемии Бабинове, давала литературу, показывала документы. Она и поддержала идею написать повесть. Первая часть книги «На вогульской тропе», благодаря Юнию Горбунову, была опубликована в «Уральском следопыте» в 2008 году. «Многое в характере моего Артемия Бабинова от меня, – признается Валерий Васильевич, – Артюшка авантюрист, хитрый, расчетливый, себе на уме. Не забывал о своей выгоде, но и пользу людям и государству принес немалую».

РОМАН-ВЕРСИЯ О ДОРОГЕ.

Перед нами, если я не ошибаюсь, первая попытка художественного осмысления начальной истории Верхотурья – прокладки судьбоносной для страны и города сухопутной дороги в Сибирь. Дороги, которая положила начало государственно осмысленному освоению Россией бескрайних земель за Урал-Камнем. Дороги, которая инициировала строительство на его восточном склоне города-крепости, города-таможни Верхотурья.

Этот первый короткий, через вогульскую тайгу, путь в Сибирь изначально назван именем его первопроходца Артемия Бабинова – Бабиновская дорога. Учитывая то, что это была личная инициатива усольского крестьянина, его можно поставить в ряд замечательных российских землепроходцев. Исторически достоверных, документальных сведений о самом первостроителе и прокладке дороги, что называется, кот наплакал. Они фрагментарно сохранились в «Актах исторических», серии документов, собранных в середине XIX века Археографической комиссией, в «портфелях» дотошного архивиста и историка Герарда-Фридриха Миллера, выборочно изданных приложением к его «Истории Сибири». Какие-то крохи удается отыскать и в местных архивах. Но именно крохи. И эти «белые пятна» развязывают руки историку-романисту. дают ему возможность с известной долей вероятности выстроить сюжет, населить его действующими лицами, очертить их характеры и в соответствии с ними – поступки и события.

Такие вот творческие задачи и поставил перед собой автор, задумав ни много, ни мало художественную трилогию (журнальный вариант ее первой части «На вогульской тропе» был напечатан в журнале «Уральский следопыт» – 2008, № 6-8).

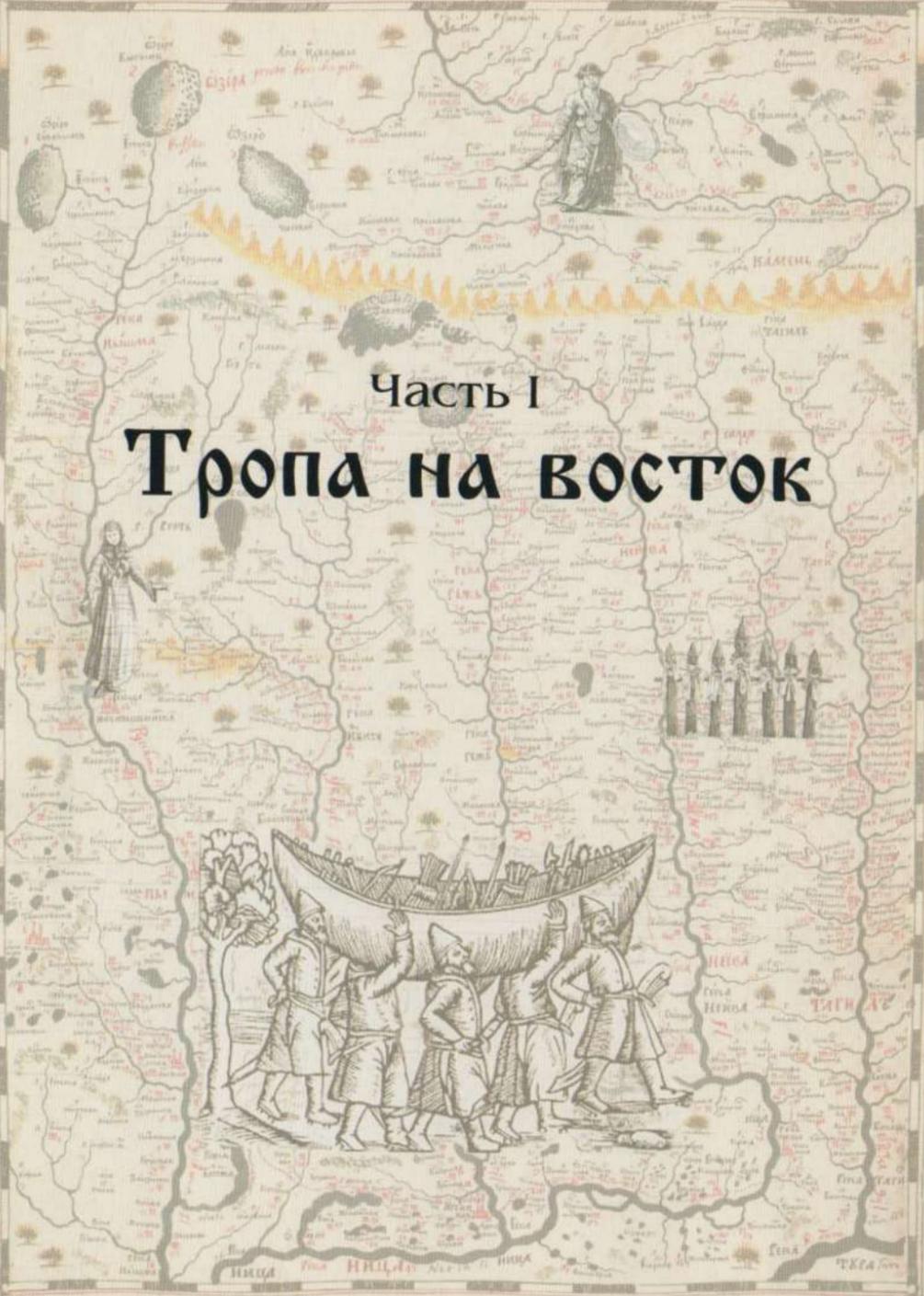
Уроженец Верхотурья Валерий Дерябин – не профессиональный писатель. Однако его жизненный путь проходил в гуманитарном направлении (жил в Ленинграде – ровеснике Верхотурья, увлекался историей, поэзией, театром, служил в погранвойсках на Дальнем Востоке, отдал дань протестному шестидесятничеству прошлого века), но только к 45 годам привел к письменному столу.

Роман о первопроходце и дороге в Сибирь построен в русле жанра историко-приключенческого – события держат читателя в постоянном напряжении. Это детективное начало счастливо сочетается с жизненной достоверностью – знанием обычаев, традиций и промыслов коми-зырян и манси-вогулов, православных и языческих религиозных обрядов. Бытовая правда, правда диалога много значат в романе, воскрешают в нашем воображении далекое время со всеми его деталями, языком, обычаями и приметами.

Роман создает исторически достоверную и драматическую версию событий, происшедших на заре Верхотурья, версию, которая несомненно запечатлится в читательской памяти и разбудит интерес к дальнейшей истории духовной столицы Урала.

Юний Горбунов, редактор отдела истории
и краеведения журнала «Уральский следопыт».

Часть I
Тропа на восток

1. ВОГУЛЬСКАЯ ТРОПА.

Стылая осенняя ночь вывездила чёрное небо. Сквозь разлапистые ветви ели, под которой устроили Артём и Фома лежак, проглядывался Млечный Путь.

– Фомка, слышь? – Артёмка толкнул локтем старшего брата в бок.

– Чё? – сквозь сон откликнулся тот.

– Старые люди говорят, что Млечный Путь – это отражение Урал-камня на небе.

– Ну? – промычал сонным голосом Фома.

– Ежели им верить, то каменная гряда тянется не до восхода солнца, а идёт поперёк, до полуночи, – с жаром заговорил Артём.

– Да иди ты – сам поперёк! – перебил его Фома, так и не поняв, о чем твердит неугомонный братка, напялил на глаза войлочный колпак, смачно зевнул и затих.

А Артём, не обращая внимания на посыл брата – неведомо куда, продолжал рассуждать вслух:

– Я думаю, что у Камня со стороны Сибири должен быть недалеко отсюда край. Ты сам посуди, ведь ходят вогулы откуда-то в пещеру у речки Чаньва шаманить! Мне кажется, что их юрт где-то здесь, недалече, стоит. И тропа у них короткая через перевал имеется, не в горах же они живут? Эти бестии хитрые, на камнях зверя мало, для него там прокорму нет, а вогулам без зверя никак нельзя. Значит, за хребтом есть угожие для жизни места, и я так кумекаю, что зверя дикого, непуганого там полным-полно, – Артём пристально посмотрел в звёздное небо, будто хотел увидеть там то невиданное, о чём хотел узнать, и продолжил разговор сам с собой, с мечтательными нотками в голосе: – Вот бы ту тропу тайную вогульскую прознать и на те неведомые земли податься!

Фома давно уже уснул, переливисто похрапывая, но Артёмка, взбудораженный своими думками, продолжал говорить дальше:

– Несколько лет тому назад, когда дружину на выручку Ермаку собирали, хотел я с войском на Тобол пойти, да тятка не отпустил – по молодости лет. Тока всё одно: подмога не поспела к атаману вовремя, припозднилось войско из-за долгого пути через горы. А потом, как-то летом, в Чердынь с Пелыма пришли ермаковские казаки, какие остались живыми после побоища. Так они две зимы из той Сибири большим округом возвращались. Я был на съезде двора и слышал, как они мужикам нашим рассказывали, что на дружину Ермака Кучум внезапно напал, казаки ночной привал на острове устроили, а татары через реку по темноте переправились и их, сонных, почти всех перерезали. Сам-то атаман в той реке утоп, раненый был, вот его кольчуга – царский подарок – на дно-то и утянула, – Артём зевнул, усталость морила его,

а веки сами собой смежались, но, борясь со сном, он договорил: – Люди, которые видали Ермака Тимофеевича, сказывали, будто бы он здоровья был необычайного и силы немереной. Трём татарам с одного маху головы рубил. Во как!.. Лихой был казак!.. Жалко, не уберегли жога, – и уже засыпая, сквозь сон, бормотал еле понятно: – А вогулов тех я выслежу, непременно выслежу, надобно прознать, где их юрт находится, должна у них быть прямая заветная тропа через Урал-камень. Так-то, братка, ей-ей выслежу, зарок даю...

Умаянные дневным переходом по чашам и буеракам, братья заснули крепким сном, и снилось им разное: Фоме – зырянка, которую он видел нынешним летом купающейся на озере, красивая статная девка с жёлтыми волосами. А Артёму – длинный торный волок, ведущий до солнца; он идёт по волоку, хочет добраться до края и никак не может пройти. Вокруг красота неописуемая: горы со снежными вершинами и зелёные долины с голубыми жилками рек. И вот он почти уже у солнца, руки протяни, и можно будет потрогать его, но тяжелые неподъёмные руки не слушаются Артёма, а большое, холодное, как лёд, солнце не греет, жжет холодом и слепит глаза, и где-то далеко-далеко слышится голос брата:

– Артюшка, вставай, просыпайся, зима пришла, гляди, сколько снега навалило! Очнувшись от сна и открыв глаза, Артёмка увидел большие белые снежные хлопья, медленно падающие на лицо, они обжигали холодом кожу и, тая, протекали за шиворот.

– Худо, Артюха, надо огонь налаживать, – брат суетился возле прогоревшего кострища, пробовал раздуть угли, но снег давно погасил жар, и Фома, досадно махнув рукой, принялся ломать сухой еловый лапник с дерева. – Мокрые мы далеко не уйдём – только измучаемся, – со злостью и обидой в голосе заговорил он. – На кой ляд дался батяне этот починок – за тридевять земель, мне так это совсем ни к чему, мне и в Чердыни не худо живётся, – сложил наломанный лапник грудкой на кострище, достал из-за пазухи кресало и трут, начал сечь искру из кремня, продолжая злиться и сетовать на всё и вся. – Вот она, погода – будь она неладна! По несколько раз на дню меняется, все задумки наши переделала на свой лад. – Из-под согнувшейся спины брата потянулся сизый дымок, он, скрючившись на корточках, раздул принявшийся тлеть пучок сухой травы, а когда пламя занялось, поднялся и, отряхивая снег с колен, сказал: – Теперь возвращаться придётся, думали – успеем до снега, а тут вон как вышло. Да не сиди ты, как пень, – прикрикнул он на Артёма, – иди, собери лучше сушняка! Надо было с вечера наготовить! А ты... небо, звёзды... Тьфу, звездочет хренов! В прах ты раздери!

Артёмка поднялся, сбрасывая мокрый, налипший на зипун и колпак снег и, на ходу разминая затёкшие ноги, растирая друг о дружку окочневшие кисти рук, пошел в чашу собирать сухие сучья. Утро ещё не наступило, на востоке только-только начинало сизым туманом светиться предрассветное,

затянутое тяжёлыми облаками небо. От снежной белизны лес просветлел и хорошо проглядывался. Артёмка в поисках сушняка отошел от становища уже на приличное расстояние, а то, что нужно было, не попадалось. Пиная ногой набодевшие от мокрого снега коряжины, выбирая дрова посуше, он думал про себя: «Этот снег, конечно, растает, по старым приметам первый зазимок недолог, настоящая зима придёт только через месяц, но по такой погоде много по лесу не находишься, – думал он, разглядывая поднятый сук. – Версты две, три – и бахилы на ногах промокнут, натянут влаги и будут, как пудовые гири».

Насобирав полное беремья смолистых сучьев, Артём хотел было уже вернуться обратно, да, заслышав неподалёку шорохи, притаился за стволом кедра. Всмотриваясь через просветы между деревьями, он увидел вереницу пеших людей с луками в остроконечных шапках. Тихо, не разговаривая, как будто крадучись, они прошли мимо, и, когда незнакомцы удалились от места, где он таился, на приличное расстояние, только тогда Артём перевёл дух и вышел из укрытия. Осторожно, стараясь не шуметь, постоянно оглядываясь, он двинулся к своему стану.

Завидев вернувшегося брата, Фома нетерпеливо начал пенять его:

– Где ты бродишь?! Надо было взять топор и свалить сухарину, а ты упёрся чёрт знает куда?! Так-то, тебя только за смертью посылать!

А Артёмка, с крупными от страха очами, боясь наделать шума, так и стоял с охапкой сучьев.

– Она вот тока мимо прошла, – еле выговорил он шёпотом.

– Ты чё там бормочешь, кто прошла?

– Смерть, – уточнил младший брат, не меняя голоса. – Там вогулы были, ежели бы заметили, точно убили бы, что им, аспидам некрещёным, русскую душу загубить, раз плюнуть.

Фома выслушал брата и, оценив положение, тоже заговорил шёпотом:

– Да положи ты эти сучки и расскажи толком, сколько их было, куда ушли?

Артём аккуратно, чтобы не греметь, положил дрова, стал считать на пальцах:

– Точно не знаю, но, кажется, человек семь или восемь, а ушли они на встречу солнца, в сторону Урал-камня.

– Понятно, это они в пещеру шаманить ходили, – сделал вывод Фома и, складывая в костёр сучки, объяснил: – Луна сейчас полная, вот они на неё свой бесовский обряд и делали, а ныне колдовали, чтобы охота зимой на пушного зверя удачной была. Их точно так же, как и нас, непогодь с ночевки подняла, – рассудил он, – вот они и двинулись в путь, пока снег идет и следы их заваливает, хоронятся, чертовы дети.

– Фома? А вправду молва идёт, или брехня это всё? – обратился с вопро-

сом Артём к брату. Он заинтересованно, с загоревшимися глазами, присел на валежину у костра и пояснил: – Знающие люди говорят, что у вогулов в пещере «золотая баба» спрятана и золота в ней будто бы больше пуда, а они, нехристи, вокруг её пляшут, стучат в бубны и по-звериному воют. Вот кабы их выследить и прознать про ту бабу!

– Золотая не золотая, эту «бабу» я не видал, так что врать не буду, а вот каменную в степи на Волге, когда сюда на житьё всем семейным гуртом перебирались, видел, – Фома приладил у кострища рогатину, начерпал в котелок снега, подвесил его над огнем, а между делом продолжал говорить: – Люди сказывали, там раньше народ степной дикий жил, так они той «бабе» как Богу молились, а потом с ними беда какая-то приключилась, вот они и ушли из тех мест, бросили землю и богиню свою оставили. – Фома пошарил рукой в берестяном коробе, вытащил из него краюху хлеба и, разломив её пополам, поделился с братом. – Та каменюка, кажись, пудов на тридцать тянула, ух, и здоровенная же фигура была. – Фома, объясняя, стал показывать на себе обольстительные формы идола. – Грудки большие, бёдра крутые, красивая, как настоящая баба, только каменная. А ты тогда ещё совсем мальцом был, титьку мамкину сосал и пищал громко и противно, вот поэтому-то ты и не помнишь.

– Сам-то на три лета меня всего старше, как ты можешь помнить, ежели я не помню? – громко возразил Артём, забыв об опасности.

Фома спокойно подкинул в костёр сучьев, немного подумал, вспоминая когда-то увиденное, и продолжил рассказ:

– Я, хоть и мальцом был, но та каменная бабища так врезалась в мою память, что я век её не забуду. Я, может, тогда-то впервые в жизни и понял, что жинки не такие, как мы, всё-то тело у них как-то по-другому устроено, да и в голове, ежели разобраться, мысли не так замешаны, не как у мужиков, вот поэтому-то, наверное, они для нас такие желанные, – задрал голову, старший посмотрел на небо. – Светает уже. Давай-ка, братка, запарим брусники, согреться надо! Да достань из короба вяленой сохатины, поснедаем и домой собираться будем.

– Как домой?! – возмутился Артём. – А тяткин наказ?! Ежели его не выполним, то он шибко осерчает, да и что мы – зря столько вёрст отпёхали? – Артём в азарте подскочил с валежины на ноги и начал доказывать Фоме неправильность его решения: – Тут идти-то один день осталось! К полудню дойдём до крутой излучины реки, там отдохнём и, дай Бог, к вечеру до верховьев Усолки добраться сможем. Нет, Фома, ты как хошь, а я обратно домой не пойду. Нам нынче до морозов обязательно надо успеть землянку вырыть и место отделить под новые срубы. Ежели батяня решил следующим летом отселяться на новые земли, значит, так оно и должно быть. Тебе же жениться пора! В Чердыни изба маленькая, на всех места не хватает, да и с землицей

там плохо, вон из России ныне сколько народу понапёрло, а здесь, на Усолке, простор, тайга, дома поставим, по лесу пал пустим, пни раскорчует под пашню, пшеничку посеём, зимой охотиться будем, живи потом да радуйся.

– Экой ты быстрый?! – вспыхнул Фома, поправил над кострищем котелок с водой, бросил в него жменью брусники. – В той глуши такие дикие – пропастные места, что ни одной живой души за много вёрст не сыщешь и работы непочатый край, а он уже и размечтался! Пупок у тебя от натуги развяжется, прежде чем радоваться начнёшь! Батя на печи, небось, сейчас греется, а мы тут пропадай из-за его прихотей.

– Эх, Фома, – укоризненно заметил Артём, снял с перекладки котелок, разлил в две деревянные плоские запаренный брусничник, подал одну брату, сам с другой сел на валёжину и, прихлёбывая горячий отвар, продолжил: – Так и скажи, что по стрелецкой вдове соскучился, думаешь, я не знаю, что ты каждую ночь к ней шастаешь, грех это невенчанными любиться-то.

– Много ты в любви, сопляк, понимаешь, молоко на губах ещё не обсохло, а туда же, корить меня вздумал, может, промеж нас взаимность большая, жалею я её, – Фома, швыряя, отхлебнул из своей плоски и продолжил:

– Она с сыном своим одна-одинёшенька на белом свете осталась, нет у них боле никого, кроме меня. Лет десять тому назад Кучум на Пермь Великую с разором приходил, Чердынь спалили, владыку убили, много русского народа тогда полегло, а мужа ейного, служивого, татары зверски на её очах зарезали и саму чуть в полон не увели. Когда басурмане дом их грабили, она под стрехой с малолетним дитём пряталась, так и убереглась от позора и неволи. Как, по-твоему, такое пережить можно?! – допив брусничник, он выплеснул ягодные шкварки на снег и уже спокойным голосом сказал: – Вдобавок у неё хозяйство доброе, справное, одних коров две штуки, тёлка-летошница да свиной трёха, не считая курей. Ей зараз тоже не шибко-то сладко на такую ораву скотины – спину горбит. Вот и хожу, помогаю ей, да утешаю её, сердешную, когда у самого на душе тоскливо, – высказал обиду Фома и, отвернувшись от брата, стал усердно жевать вяленое мясо, вспоминая жаркие объятия стрелецкой вдовушки.

Артём тоже думал о женщине, только о той, которая у вогулов в пещере спрятана: «Хоть бы одним глазком поглядеть на неё, какая она, «золотая баба».

Молча поели, каждый со своими думками, стали собираться в путь. Первым не выдержал и заговорил Артём:

– Братка, ты это, слышь? Не сердчай на меня? Ну никак нам сейчас домой нельзя, тятка шибко ругаться будет, может, даже и побьёт, скажет испугались, а я трудностей не боюсь, вот он велит мне ещё тысячу вёрст идти, я и слова не скажу, пойду, потому как мне самому интересно познавать всё. А насчёт тяти, так ты и сам знаешь, ему ныне некогда дома-то сидеть, он с

челобитной к воеводе да целовальникам ходит, за грамотой на новые земли. Как там у него ещё сладится? Чтобы разрешение получить, сколько нужно порогов обить и на лапу дать, – вразумлял Артём брата.

– Да понимаю я, – откликнулся Фома, – только что он всё время мной верховодит, я, может, не хочу из Чердыни перебираться не знамо куда, будем там одни куковать, на этой Усолке, с медведями хороводы водить. Что стоишь? Подсоби лучше!

Артём помог Фоме закинуть берестяной короб с провизией на плечи, сам взял мешок со снастями для охоты, заткнул за пояс топор. Перекрестились на дорожку, ещё раз посмотрели на место ночлега, не оставили ли чего? И, торя свежий, мокрый снег, пошли братья в верховья реки Усолки, где их отец надумал строить новый дом, починок.

К вечеру того же дня ребята добрались до места. Сырой снег валил весь день не переставая, и они, мокрые и уставшие, с избитыми ногами, сразу стали ставить шалаш, чтобы успеть дотемна определиться с ночлегом. Артёмка орудовал топором, готовя жерди, Фома укладывал их, мостыря остяк временного жилища, затем лежак и кровлю устлали еловыми ветками. Справившись с шалашом, развели костёр так, чтобы тепло огня отсекало холодный воздух от входа.

– Ну вот, теперь можно и передохнуть, – заявил Фома и растянулся на ветках, подставив ноги в мокрых бахилах к костру. – Кажись, снег на убыль пошёл, – Фома пригляделся к снегопаду и уверенным голосом знающего человека добавил, – должно быть, скоро совсем иссякнет, надо будет всю ночь огонь поддерживать, чтобы одежда к утру просохла. Давай зараз повечеряем, и я до середины ночи лягу спать, а потом ты до утра отдыхать будешь, всё равно рано не уснешь, пока не выговоришься.

На том и порешили, напарили котелок ячневой каши, заправив её вяленой лосятиной, поели, и, прежде чем улечься, Фома сказал:

– Ты, Артюха, не приставай ко мне со своими мыслями, думай про себя? Да смотри, не упусти огонь, а то у тебя в голове одна ерунда – небо, звёзды да «золотая баба», нешто б о живой помечтать, – и, завалившись в шалаш, сразу захрапел на всю округу, пугая сонных птиц.

Оставшись один, Артёмка заскучал. Развесил на жерди у костра сырые портянки, расставил бахилы, чтоб сохли, сел на кучу елового лапника и с удовольствием протянул босые озябшие ноги к огню. Посидев немного безмолвно, он от нечего делать подкинул сухой сук в огонь и с интересом стал наблюдать, как жадное пламя лизнуло смолистый сучок, будто пробуя его на вкус, и, удовлетворённое съедобностью дерева, окутало его трепетными языками огня, медленно пожирая. Артём оживился и, неожиданно для самого себя, заговорил:

– Как можно хорошие мысли не рассказывать, ежели они так и просятся

наружу? – обратился он к трещавшему и прыгающему пламени, как к живому.

– Нельзя в себе держать доброе слово, нужно его отдавать людям, это только плохие думки в себе хоронят да тешутся ими в одиночестве. Без мечты человеку никак нельзя, может, в ней, в мечте-то, и заключается весь смысл жизни. И хорошо, ежели все задумки сбываются, тогда только человек становится счастливым, когда добьётся того, о чём мечтал, – языки пламени затрепетали над кострищем, как будто слушали и соглашались с ним, просто поднялся слабый ветерок, но Артём принял это за знак внимания и, ободрённый поддержкой огня, продолжил беседу:

– Эх, брат, жалко мне, что я многого ещё не знаю и не разумею. Вот слышал я, среди народа молва идет, будто бы белый Свет так велик, что и не обойти его за всю жизнь человеческую, а хотелось бы ведать, как люди в других краях живут, что делают, чем промышляют? Одно плохо, грамоты у меня маловато, счёт веду на пальцах, читаю через пень-колоду, а писать так и вовсе не умею. А говорят, что книги есть мудрые, вот бы их почитать, да где ж их взять? Они денег больших стоят. Тяжка на учение-то денег жалеет, а на книжки так и вовсе не даст, скряга он у нас, на лопаты железные деньги зажилил, а как копать, ежели земля замёрзнет или на галечник наткнёмся? Вот и выкручивайся тут, как можешь.

Так и пробеседовал он с огнём полночи, костёр потихоньку прогорал, а Артём всё говорил:

– В прошлом году заморский толмач через Чердынь проезжал, так мы всем околотком ходили на него смотреть. Он, хитрец заморский, всё как-то не по-нашему талдычил, чудно так, непонятно... Виду был строгого, волосы длинные, в кудрях, а одет так и вовсе смехота одна, в кургузый кафтан и, – Артём, вспомнив иноземца, хохотнул, потрянул головой и, хлопнув руками себя по коленкам, весело продолжил, – в штанишки коротенькие – будь-то из лямок скроенные, а из-под них, из-под штанишек-то, голенки торчат, кривые, худосочные, как у курёнка... А когда он по двору съезжей избы ходил и челяди своей наказы выдавал, так в точности на нашего кочета был похож. Русичи так-то и не одеваются вовсе, а тут, ясное дело, чужеземец... Люди сказывали, будто бы он дорогу в Китай искал, а путь свой на бумажку зарисовывал, – Артём расшевелил костёр палкой, поправил раскатившиеся головёшки, продолжая свой разговор с огнём, – да так и не нашел он дороги в страну заморскую, убили его татары кучумовы, а добро между собой поделили. Ох, и звери они лютые, татары эти, никого не жалеют, ни старого, ни малого.

Зябко поёжившись то ли от жути, то ли от холода, Артёмка развернулся от костра, чтобы взять дров и подкинуть их в прогорающий огонь. И мельком пробежав очами по стене леса, заметил, что из тёмной лесной чаши наблюдают за ним зелёные, светящиеся глаза. Мороз пошёл у Артёма по коже, но, взяв себя в руки и не показывая вида, что он испугался, спокойно подкидывая

поленья в костёр, стал делиться новыми впечатлениями с огнём:

– Вот и первая гостья к нам пожаловала. Теперь эта любопытная чертяка от нас не отстанет, так и будет за нами подглядывать да выслеживать, тварюга, – и, подбадривая себя, весело продолжил, – а мы за ней всё одно не скучно будет жить, интересно, кто кого переглядит. Надо как-то взяться за эту хитрюлю, петли да самострелы кругом починка поставить, чтобы дикий зверь или лихой человек какой к нам непрошенными не пожаловали. А рысья шкура ныне хоть и не в большой цене, но шапка из неё на зиму будет добрая, – оглянувшись, Артём посмотрел в сторону, где видел глаза, и, не найдя их, продолжил: – Теперь все съестные припасы на вешало надо будет поднимать, а то эта бестия не столько съест, как всё попортит. Вот моему тятке один стрелец, пришедший с Верхтагильского городка, что под медвежьим камнем стоял, рассказывал: «Был у них там воеводой Рюма Языков из Москвы, так тот воевода, когда с царём Иваном Васильевичем на Казань ходили, то у тамошнего хана кота здоровенного камышового отбил и таскал его везде за собой. А тот котяра ночью ему глотку-то взял и перегрыз, видать, за хана отомстил». Вот такие, брат, дела бывают на свете.

– С кем ты опять там болтаешь? – послышался сонный голос Фомы. – Всё никак не можешь угомониться, всё-то тебе чьи-то уши надо, чтобы триндеть в них всякую дребедень, – он задом вылез из шалаша и сладко потянулся.

– Ты бы, братка, поспал ещё чуток, я посижу, покараулю, – извинительным тоном ответил Артём.

– Да какой тут сон, ежели уже поднялся. Иди, ложись, отдохни до утра, теперь мой черёд караул держать.

Младший брат без слов полез в шалаш, лег на нагретый Фомой лежак, укрылся зипуном, свернулся по-детски калачиком и крепко заснул. Сон пришёл сразу, цветной и яркий. Красивая, золотом сверкающая женщина танцевала вокруг Артёма странный танец. Она держала в руках большой бубен и, ритмично ударяя в него, приплясывая, двигалась по кругу. Одежда на ней была золотой и прозрачной, а на ногах – маленькие звонкие бубенцы-колокольчики. Артём стоял в кругу танца, наблюдая за движениями женщины в золотом, и казалось ему, что она и её танец оберегают его от всех бед и напастей, какие подстерегают его в жизни, и от этого на душе было легко и спокойно.

Когда он проснулся и вылез из шалаша, то увидел яркий ровный рассвет по всему востоку, небо было чистым и прозрачным, без облаков. Тайга опять переменилась. Поднявшийся ночью ветер пригнал тёплый воздух с полудня, и кое-где с пригорков уже сполз снег. День обещал быть ведро – хорошим и теплым. Оглядевшись, Артем не увидел Фому, он обул высохшие бахилы, вышел на берег реки, умылся холодной проточной водой и, заслышав, как недалеко из чащи, доносились удары топора, на ходу вытираясь о край рубахи,

пошёл на стук. Пройдя немного вдоль речки, увидел брата. Фома в одной рубахе валял осинник на взгорке у реки. Приметив Артёма, он перестал рубить и, утирая рукавом пот с лица, спросил:

– Ну что, братка, проснулся? А я не стал тебя будить, думаю, пусть отдохнёт, еще успеет наработаться. Гляди, какое место для землянки выбрал, на бугре, и речка рядом. Сегодня здесь всё расчистим, свалим деревья, пни выкорчуем, а завтра начнём копать. А ты пока иди, приготовь поесть что-нибудь, а потом меня кликнешь, лады?

– Лады, братка, – согласился Артёмка и пошел на стан кашеварить. При подходе к шалашу он увидел рысь, она тащила по земле за лямки тяжёлый берестяной короб с провизией в лес. Артёмка схватил жердь, оставшуюся неприбранной от шалаша, и побежал на зверя, на ходу злобно заорав:

– Ах ты, ворюга этакая, на чужое позарилась?! А ну пошла вон!

Рысь выпустила из пасти лямки и, оскалившись, встала в стойку для атаки, но дубина в руках человека была длинной и увесистой, а крик угрожающим, хитрая зверюга, оценив положение, испугалась и бросилась в лес, на ходу оглядываясь.

Когда Фома пришёл на стан обедать, Артём с азартом и блеском в глазах рассказал брату о недавнем происшествии и прямо сейчас был готов идти и ловить зверя, но Фома рассудил иначе:

– Ты, братка, охолонись малость, никуда она от нас не денется, это её охотничьи угодья, а мы вторглись в них непрошенными, вот она и противится нам, пакостит, не знает, что мы скоро тут хозяевами будем. Сейчас у нас много дел, некогда с ней возиться, вот устроимся на этом месте, потом и займёмся зверем.

2. СХВАТКА.

Три дня братья строили новое жилище. Первый день рыли землю деревянными лопатами, вырубленными из берёзовых плах. Корневища деревьев, какие попадались в котловине, подсекали топором. Почва на выбранном под зимовье месте была глинистая, наполовину с песком, и рылось легко. К вечеру того же дня они без особых усилий управились с ямой. На второй, чтобы не осыпалась земля и не было сырости, срубили из дрючка стены. Сбили из сырой глины небольшую сводчатую печку, дымоход вывели через стену, прокопав в земле боров, трубу для устойчивости сплели из ивовой лозы и, чтобы она не прогорела, обмазали её толстым слоем глины. Третий день ушёл на устройство крыши, выложили плотно жердями скат, положили сверху дёрном, сколотили нары и навесили дверь. К вечеру перебрались в готовую землянку, натопили печь и, плотно повечеряв, улеглись на нары отдыхать.

– Слышь, Фома, а завтра что будем делать? – спросил Артём.

Брат, немного подумав, ответил:

– Лес нужно на срубы отобрать и засечки на стволах поставить. Когда зимой валить его будем, то в поисках хорошей лесины не лазить по сугробам, а прямёхонько от дерева к дереву идти надо, чтоб их друг от дружки хорошо видно было.

– А можно, я на охоту пойду? Топор-то один, чё я за тобой топтаться буду, ты и сам справишься, а я тем времечком самострелы поставлю. Одолела уже эта дикая кошка, каждую ночь вокруг ходит, так пойдёшь ночью до ветру, а она тебе на загривок и прыгнет, как воеводе горло перегрызёт, помнишь, стрелец-бывалец рассказывал?

– Помню, помню, давай лучше договоримся, кто к отцу на доклад пойдёт, – сказал Фома и пытливо посмотрел на брата.

Артёмка, поняв намёк, сразу согласился:

– А ты и пойдёшь, завтра зарубки поставь и топай, а я тут останусь – хозяйство наше новое стеречь.

Фома, удовлетворённый ответом, весело хлопнул брата по плечу:

– Вот и ладно, договорились, тока нас с отцом рано не жди, мы с лошадю на санях приедем, когда снег встанет.

Артёмка со смеху прыснул в кулак, потом начал кататься по нарам, держась за живот, не переставая смеяться. Фома, не поняв, что случилось, не на шутку перепугался, соскочил с нар, стал успокаивать брата:

– Артёмка, ты никак белены объелся, что с тобой? Ни с того, ни с сего заржал, как конь.

Тот, не унимаясь от хохота, попытался объяснить брату причину его безудержного смеха:

– Мы с лошадю на санях. Ха, ха, ух, аж живот зарезало от хохота, ну,

уморил ты меня, братец.

Фома тупо смотрел на него, и только после того, как Артем, продолжая вздрагивать от приступов смеха, объяснил и жестами показал, как они с лощадью на саях едут, до Фомы дошёл смысл сказанных им слов, и он заржал, не унимаясь, пуше Артёма. Когда братья уgomонились смеяться, Фома серьёзно спросил:

– Как же ты будешь здесь жить один-то, справишься? Нас недели две не будет, а то, может быть, и больше.

– Ничего, съестных припасов мне хватит, крупа есть, мясо добуду, заняться есть чем, а в городе мне и дел-то никаких нет.

Давно Артёмка мечтал остаться один, без опеки отца и брата, а тут сразу столько воли, сам себе хозяин, хошь в лес иди, а хошь дома сиди. И он сразу стал думать и рассуждать, как распорядиться свободой: «Нужно перво-наперво изучить окрестные места, где речки, где болотины, какой зверь водится и по каким тропам ходит? А к приезду отца надо обязательно выловить рысь. Вот тятя удивится, ежели я её в одиночку одолею», – с мыслями о предстоящей свободной жизни и неминуемой схватке с опасным зверем Артёмка уснул. Мерцающий огонёк догорающей лучины превратился в зеленые глаза, неотступно следившие за ним, от звериного взгляда ему было жутко и страшно, но стоило появиться в его сновидениях девушке с бубном и в золотых одеждах, как кошачьи глаза исчезли, а продолжающийся сон стал спокойным и приятным.

На следующий день братья, как и договаривались, разошлись каждый по своим делам.

Артём, взяв снасти для ловушек, пошёл смотреть, где наиболее часто встречаются следы, чтобы узнать, с какой стороны приходит зверь. Пробрался через тальник вниз по течению вдоль речки и, не найдя следов зверя к водопою, через версту повернул от берега в обход лагеря. Многие лес рассказывал ему своим осенним безмолвием, мелкие птицы, какие любят тепло, уже улетели, а в небе пролетали последние караваны северных гусей и уток. Вот медведь разворочил муравейник, а тут метка его участка на высоте косою сажени на стволе дерева содрана когтями кора. «Вот и ладно, – подумал Артём, – топтыгин скоро завалится спать, если найду берлогу, то на зиму будет богатый запас мяса». Пройдя версты две, загибая чуть-чуть влево, делая круг, обходя свою стоянку, среди глухого леса он наткнулся на странный высокий холм, поросший мелкокошьям и шиповником, обойдя вдоль подошвы вокруг холма, он решил подняться наверх.

Карабкаясь по крутому склону, цепляясь за стволы деревьев, Артёмка забрался на вершину холма и оказался на плоской возвышенности окружностью в двадцать простых сажень. Среди кустов шиповника и жимолости на ней росло одно-единственное дерево, лиственница. Когда-то давно молнией

или ветром у неё была сломлена верхняя часть ствола, и теперь на месте сломла росло две макушки, образуя подобие седловины. Подойдя ближе к дереву, Артём увидел следы рысжих когтей.

«Вот ты, милая, где отдыхаешь, достойное место для такого хитрого зверя. Вся окрестность просматривается, как на ладони, значит, когда я сюда шёл, ты меня видела, а зараз где-то притаилась, и наблюдаешь за мной?» – от этой догадки ему стало жутко, Артём огляделся вокруг, всматриваясь в кусты ниже холма и, ничего не увидев, решил спуститься обратно. Одной рукой цепляясь за кустарник и стволы деревьев, чтобы не сорваться, в другой держа нож, озираясь по сторонам, он благополучно добрался до основания холма. Посмотрел ещё раз вверх и с восхищением сказал:

– Великий труд – такое нагородить, чьих же это рук дело, Бога или человека? – спросил он сам у себя и, не найдя ответа, двинулся дальше, продолжая оглядываться и озираясь. Но чувство, что кто-то смотрит ему вслед, не оставляло его ещё долго, будоража мурашками спину и сковывая холодом позвоночник.

Пройдя несколько вёрст по неосвоенному лесу, Артём запомнил, где встречал зверя или приметы указывающие на то, что он здесь водится. В двух удобных местах поставил петли на косуль, нашёл болотину с крупной клюквой и глухаринный ток. И, совершенно умаянный, вышел на берег реки, выше своего стана на пару вёрст. Проходя вдоль речки, он заметил на пригорке заросшую ивняком землянку. Она была точно такая же, как и у них, но только ветхая и давно заброшена.

– Надо же, я думал, мы здесь первые, а тут, оказывается, и до нас люди жили, – с этими словами он подошёл и заглянул внутрь через открытую покосившуюся, висевшую на одной петле дверь.

Когда глаза привыкли к темноте, в сумраке различил развалившуюся глиняную печь и нары, не приметив ничего более интересного, хотел было идти, но в углу на полу увидел маленькую детскую игрушку. Это была фигурка женщины из обожжённой глины, похожая на куклы, какими играли его сёстры, но не такая, и ему почему-то захотелось взять её, он аккуратно, боясь сломать, положил игрушку за пазуху и тяжёлой, уставшей походкой пошёл в сторону своего стана. Солнце катилось к закату, и мысль о том, что сейчас надо будет топить печь, готовить вечерю, а затем ночевать одному в глухом лесу, наводила беспробудную тоску, но на подходе к своему становищу он почувствовал запах дыма и, обрадованный, что Фома ещё не ушёл, ускорил шаг.

Брат суетился возле землянки, и, как бывает в лесу, когда долго не слышишь человеческую речь, Артемка издалека радостно закричал:

– Я думал, ты уже домой топаешь, а ты ещё здесь и, судя по запаху на весь лес, кашу варишь?

Фома воткнул топор в лежащий у его ног чурбак, из которого он вырубал

колоду для воды, и ответил:

– Припозднился я сегодня, набегался по лесу, устал, вот и подумал, что завтра с утра выдвинусь. А твои, брат, как дела? Что-то сердце не на спокойное у меня было, чёрте знает почему, но я волновался за тебя, мало ли что, вокруг тайга незнакомая, зверя дикого полно, как ты тут один останешься? Пойдём со мной завтра до дому, Бог с ней, с этой землянкой, никто её отсюда не утащит.

– Нет, Фома, после сегодняшнего дня мне здесь ещё интересней стало, – Артём скинул с плеч мешок, повесил его на рогатину у входа. – Давай что-нибудь поедим, и я тебе всё по порядку расскажу, – предложил он брату.

Пока вечеряли, Артёмка взалёб с упоением рассказывал увиденное им за день. Про большого медведя, про странный холм, на котором отдыхает рысь, и как он испугался её, и что рядом стоит чужая брошенная землянка. Вспомнив про куклу, он вытащил её из-за пазухи и показал брату.

– Ну и что? Таких-то я и сам тебе налеплю, сколь хошь, – заявил, не удивившись, Фома.

– Вон наши сестрёнки точно такими же в детстве игрались, и у малой Полинки, кажись, такая есть.

– Нет, Фома, я чувствую, что это какая-то особенная кукла, вот она была у меня за пазухой, вроде бы простая глина – в огне калёная, ничего в ней нет, а она меня греет, как это можно объяснить?

– О! Артём! Ты неисправим, тебя опять понесло куда-то? Всё в сказки да небылицы веришь, ты её нагрел своим пузом и думаешь теперь Бог невесть что? Ладно, если хочешь оставаться, так оставайся! Тока я тебе работу задам, и ты должен её к нашему с батей приезду выполнить. Так что некогда тебе будет по лесам шастать, – Фома почесал затылок, придумывая Артёму поручение, и вдруг заулыбался пришедшей ему на ум идее. Он поднялся и с довольным видом стал показывать на столешнице, как на плане, объясняя задачу для брата: – Нужно очистить от мелколесья участок, – он обвел столешницу руками, – под дом, – указал пальцем на лежащий на столе хлеб, – хозяйственные постройки, – расставил вокруг каравая площадки, – и огород, – не зная, как на своём плане показать огород, он полоснул по столу ребром ладони, как бы отчерчивая размер. – Завтра утром перед тем, как пойти в город, покажу тебе – от кель и до кель. А крупняк мы потом зимой вырубим. Понятно? – строя из себя воеводу, гордо спросил он.

Артём в ответ закивал головой, соглашаясь с поставленной задачей.

– Понятно, чё тут не понять-то, – уверенно ответил он.

Фома, довольный собой и своей задумкой, показывая, что разговор окончен, улегся на нары, укрылся зипунишкой и сразу захрапел, оставив брата наедине со своими думами.

Долго Артёмка не мог уснуть, всё ворочался с боку на бок, вроде бы

и устал, и спать хотелось, а сна не было. Храп брата и духота от жарко на-топленной печи выгнали его на свежий воздух. Тонкий серп народившегося месяца слабо освещал землю. Лес вокруг стоял непроглядный и темный, он вышел в одной рубашке, и от легкого морозца его начинало знобить. Артём пристально взгляделся в стену чёрного леса, пытаясь высмотреть в тёмной чаще хитрые, зелёные глаза зверя.

– Странно, – рассуждал он, – вражда тоже сближает. Рысь – мне враг, а я постоянно о ней думаю. Я её не вижу, но чувствую, что она где-то здесь, рядом. Обо мне она знает больше, чем я о ней, и эта неизвестность ещё больше тревожит и бередит душу от предчувствия неминуемой схватки. Вот сейчас сидит эта хитрая бестия где-то в кустах, смотрит и решает, как одолеть меня, – Артёмка зашёл в землянку, залез на нары, продолжая рассуждать: – Правильно говорит братка, для зверя тайга – дом родной, а мы приходим и начинаем делать всё по-своему, а кому это понравится, вот зверь и защищает себя и свой дом, противится нашему присутствию и вторжению в его владения. Эх, кабы знать, чем это противостояние между нами кончится...

Утром Фома, как и обещал, определил Артёму участок работы. Отделял, начиная от речки, вглубь тайги кусок леса в четверть версты, поставил зарубки на деревьях, указывая грань будущего поселения.

– Вот так, братка, теперь тебе некогда будет дурью маяться, к нашему приезду ты должен вырубить всё мелколесье, тонкомер до верхка складывай отдельно, потом на околицу пойдёт, а верхушки и кусты пали. Тут тебе как раз занятий на две недели будет. К нашему с тятёй приезду справишься? – спросил он Артёма.

Тот, озадаченный, неуверенно ответил:

– Мне кажется, что тут и артель лесорубов к сроку не управится, куда столько земли отмерял, здесь целую деревню можно поставить.

Фома обнял брата рукой за плечи и, подбадривая его, пояснил:

– А я на это и рассчитываю, сначала мы обоснуемся, починок зачнём, а потом, глядишь, к нам и люди потянутся, когда много соседей – веселей житьё будет, – он хлопнул брата по плечу и, подбадривая его, весело продолжил: – Не горюй, Артёмка, ежели не справишься! Не велика беда, это я тебя так, для острастки работой перегрузил, чтоб без дела не сидел, – и потом, озабоченно посмотрев на поднявшееся уже высоко солнце, сказал: – Ладно, пойдём, мне собираться пора, и так с тобой тут всё утро проваландался, а мне ещё лёхать два дня с переночёвкой в лесу.

Когда Фома ушёл, Артёмка побежал в тайгу снимать петли, которые он прошлым днём поставил на косуль. «Некогда сейчас будет каждый день ло-вушки проверять, – решил он. – Ежели с наказанными Фомой задачами не справлюсь, перед тятёй оплошаю, потом доверия от них не ожидай, и не дай Бог кто-нибудь в капканы попадётся, зверь погибнет, и мясо пропадёт».

Сняв первую, он пошёл за следующей. Подходя к месту, где была поставлена вторая ловушка, он сначала услышал хриплый рык, а затем увидел рысь, она лежала на пойманной в петлю, наполовину изглоданной косуле и скалилась на него, не желая уступить добычу. Хищница не смогла утащить оленя в укромное место из-за крепкой петли, сплетённой из конского волоса, которая другим концом была привязана к стволу дерева, и поэтому рвала свежее парное мясо там, где его и нашла. Артём растерялся, не зная, что делать. Он осторожно достал свой нож и сделал в сторону зверя шаг, рысь поднялась и угрожающе ослабилась на непрошенного гостя. Так они стояли и смотрели друг другу в глаза, каждый не решался напасть первым. Неизвестно, сколько могло продолжаться их противостояние, но в этот момент на запах крови из чащи вышел медведь и ринулся всей громадной тушей на рысь, не обращая внимания на человека. Кошка, огрызаясь, отошла в сторону, отдавая добычу сильнейшему, тем временем Артём потихонечку стал отступать назад. А затем со всех ног пустился бежать в сторону своей землянки, на ходу думая: «Бог с ней, с этой косулей, мясо всё равно уже испорчено, а вот ловушку жалко, надо будет потом сходить подобрать, ежели медведь её не издерёт».

Весь вечер Артёмка провалялся на нарах, решая, как одолеть рысь. «Эта пакостница повадится снимать из капканов лёгкую добычу, и, пока её не изведёшь, силки на другого зверя ставить бесполезно. Как быть, – рассуждал он и спрашивал себя, – как работать? Лес чистить с оглядкой, того и гляди, где-нибудь подкараулит, и был таков Артём Сафонов. Вот кабы мне ружьё, как у стрельцов, да где ж его взять? Они только у богатых и у служилых людей имеются, им по царской отписке положено, и то не каждому. Самострелов у меня маловато, а мастерить новые некогда, сколько есть, завтра все поставлю в укромных местах вдоль деляны, всё одно спокойней будет работать. К приезду отца мне – кровь из носу – мелколесье убрать надо».

На следующий день Артём, расставив самострелы, принялся за чистку делянки. Каждый день работал, вырубал кустарник, валил тонкомер, складывая его гуртом, с утра до вечера палил костры, сжигая отходы, сам себе не давал времени для роздыху, чтобы не залениться. После, когда уже осенний ранний закат совсем иссякал за лесом, он, валясь с ног от усталости, брёл в землянку, топил очаг, быстро вечерял, падал на лежак и сразу проваливался в глубокий сон без снов и видений, а с утра начиналось всё то же самое, что было вчера и что было раньше. Так, за ежедневной тяжёлой работой, Артём сбился со счёта дней, ждал, когда уляжется снег и приедут Фома с отцом. На исходе третьей недели он выполнил всю задачу, которую наказал ему брат, и вот уже два дня бездельничал. Продукты, какие были рассчитаны на половину месяца, закончились, а долгожданного снега всё не было. Утром, проснувшись, он вышел из землянки и опять обнаружил около неё свежие следы рыси, ни один самострел за это время так и не сработал. Хитрый зверь, чуя

опасность, обходил ловушки и самострелы стороной. Артёмка озадачился, думая, как одолеть обнаглевшую кошку, стал припоминать охотничьи байки и истории, слышанные им когда-то от бывалых людей: как ловить такого зверя, и чем его можно одолеть, и, вспомнил. Дядька Андрей, отец его друга и соседа Савки говорил: «Рысь любит жареное мясо. После того, как мужики пустят пал по тайге для того, чтобы освободить будущие пахотные земли от леса, после пожара на гарь всегда приходит рысь полакомиться попавшими под огонь погибшим мелким зверьём и птицей». И Артёмка сообразил:

«Я самострелы ставлю на пустую растяжку, а глазастый и хитрый зверь чует уловку и не лезет на рожон. Значит, надо брать её на приманку, от которой она не сможет отказаться», – решил он и принялся за дело. Свил из конского волоса несколько маленьких петель, нарвал гроздь красной рябины и установил силки на рябчика. К вечеру того же дня в его петли попались две птицы; не ощипывая, он поджарил их на костре. Затем выбрал подходящее дерево с толстым поперечным суком, привязал тушки рябчиков к концу длинной верёвки и перекинул её через сук, подтянул жареную дичь на высоту аршина от земли, а другой конец верёвки насторожил на спусковом механизме самострела, установленного и замаскированного в кустах напротив висевшей приманки.

На следующий день утром Артём встал спозаранку и с нетерпением ждал рассвета, а когда чуть-чуть забрезжил белым светом восток и начали вырисовываться очертания деревьев, он взял, сам не зная зачем, глиняную куклу, положил её за пазуху и помчался в лес, где был установлен самострел. Прибыв на место, он увидел, что идея его сработала: земля и сухая трава вокруг были усеяны бурыми, похожими на бусины, каплями крови, но самой рыси не было, ни раненой, ни убитой. Он прошёл по направлению, куда был установлен самострел, и неподалеку нашёл свою стрелу, она попала в зверя и прошила его навывлет. «Кошку так просто не убьёшь, они живучи», – подумал он, успокаивая себя. От нахлынувшего волнения и дрожи в коленях на него навалилась слабость, и, дабы не пороть горячку, он решил переждать сумерки и потом, во что бы то ни стало – найти подранка. Дождавшись полного рассвета, когда начал хорошо просматриваться лес, Артём осторожно двинулся по кровавому следу. Пройдя несколько вёрст по направлению рысьего пути, он догадался: «Зверь идётлизывать раны к своему лежбищу на бугре, где стоит рогатая лиственница. И когда он будет приближаться к её логову, рысь непременно заметит его и приготовится к встрече».

У подножия холма Артём перевёл дух, подготавливая себя к предстоящей схватке, которая неминуемо приближалась. То, что рысь ранена, на это не стоит рассчитывать, он знал, что зверь до конца будет защищать свою жизнь и святое святых – место лежбища, а это значит – родной дом. Он натянул глубоко на голову шапку, поднял воротник и плотно подпоясался, взял в

правую руку нож, и, осторожно озираясь вокруг, примечая каждое малейшее движение, опираясь ногами в корневища деревьев, начал тихо подниматься вверх по склону. С каждым последующим шагом он острее чувствовал и понимал опасность положения, в котором находится, противник неминуемо должен воспользоваться своим преимуществом и напасть первым сверху. От этой мысли ему враз стало жарко, он вспотел, а сердце его бешено заколотилось, отдаваясь в висках пружинившим пульсом. В какой-то момент Артём хотел снять тяжёлый, неуклюжий зипун и подниматься налегке, но вовремя одумался, вспомнив глубокие следы от когтей, оставленные зверем на коре лиственницы. Каждое мгновение он ждал нападения, но всё равно это случилось неожиданно. Когда до вершины оставалось три сажени, зверь внезапно выпрыгнул из-за среза холма, Артём успел заметить оскал и выпущенные из лап когти – и это всё летело сверху на его голову. Он вскинул руку с ножом в сторону атакующего зверя, и полетел рычащий комок из двух жизней под откос, подминая кусты колючего шиповника. Скатившись к подножию холма, клубок распался, несколько долей мгновения противники смотрели друг другу в глаза, и, перед тем как вновь с яростью сцепится в смертельной схватке, Артём увидел торчащую из груди рыси рукоятку его ножа. Зверь точно рассчитал последний свой прыжок, оскалившись, кошка кинулась на врага, вцепилась пастью в поднятый воротник, перехватив человеку шею, тот, в свою очередь, как можно крепче обнял её и сильно притянул к себе, вдавливая своей грудью нож вместе с рукояткой в зверя. Рысь в предсмертной агонии сучила задними лапами, раздирая когтями одежду и тело, продолжая держаться мёртвой хваткой за горло ненавистного ей человека. Когда всё кончилось, Артём из последних сил свалил с себя окровавленную тушу зверя и остался лежать на спине. Теряя последние силы, он всматривался в бездонное синее небо, как будто хотел увидеть там Бога. Многочисленные раны его сочились кровью, окрашивая в багряный цвет сухую траву и землю вокруг, а из-под рваных лохмотьев на нём виднелась маленькая глиняная детская игрушка.

Артёму казалось, что он лежит в тёмной сырой пещере, похожей на пасть огромного чудовища. Большие сосульки, как огромные зубы дракона, свисали со свода и торчали из-под земли. С нависших клыков падали капли рубинового цвета, похожие на кровь, и когда капля, падающая сверху, достигала верхушки нижнего клыка, в его голове раздавался пронзительный противный звук, похожий на последний жалобный звон лопнувшей жилы на гусях. Бредовое его сознание сузило небо над ним до крохотных размеров, и высоко в своде казавшейся ему пещеры светился оставшийся маленький голубой кусочек неба, по нему проплывали легкие облака, похожие на ангелов с белыми пушистыми крыльями. Всё его сознание стремится туда, наверх, в проём, к свету, к теплу, к жизни, но капающая с клыков липкая красная жидкость пропитала одежду и приклеила его тело намертво к земле, не давая возможности

оторваться и взмыть вверх, чтобы вылететь на волю из мрачного подземелья. Не в силах подняться, он с надеждой всматривался в голубое небо и плывущие облака, желая увидеть её, ту, которую ждал. И девушка появилась: вся в золотом, она склонилась над ним, заслоня собой небо и ангелов, а потом понеслась и танцевала странный танец, стучала в бубен и звенела колокольчиками. И вот она вовсе уже и не золотая баба, а простая селянка в крестьянском сарафане, подаёт ему чашу, предлагая выпить зелье. Он с жадностью пьет и снова проваливается в темноту. А девушка в золотом несётся по кругу, развевая прозрачными одеждами, бьёт в бубен, звенит колокольцами, заклиная языческих богов, но тут она опять превращается в простую девушку, склоняется над ним и шепчет молитву...

3. ЗОЛОТАЯ БАБА.

Артём открыл глаза. Тени от пламени очага прыгали по потолку, сложенному из жердей, как в их землянке, но пахло сухим разнотравьем, и он сразу догадался, что находится в другом месте. Обводя взглядом избу, увидел за грубо сбитым столом сидящую спиной к нему девушку. Её тяжёлая жёлтая коса тянулась по обтянутой рубахой спине и дальше свисала почти до самого пола. Услышав шорох, она повернулась, заметила, что незнакомец очнулся, встала и подошла к нарам, на которых он лежал. Наклонившись над его головой, произнесла непонятное слово и улыбнулась. Артём сразу узнал её – это была девушка из его снов, танцующая золотая баба, он хотел поднять и протянуть руку, чтобы дотронуться до неё, проверить, настоящая или видение, и не смог, лишь только прошептал: «Золотая». Резанувшая по горлу боль не дала выговорить второе слово, но этого и не было нужно, потому что перед ним стояла красавица, которую никак нельзя назвать бабой. Девушка взяла со стола глиняную плошку и, заботливо поддерживая одной рукой его голову, другой поднесла к потрескавшимся пересохшим губам зелье. Превозмогая боль в горле, Артём сделал несколько глотков и по вкусу определил, что это отвар клюквы, мёда и ещё чего-то. Передохнув немного, он допил остатки и, устало прикрыв глаза, снова уснул. В следующий раз, когда он опять очнулся, девушка также сидела за столом и при свете масляной лампы что-то шила. Не шевелясь, боясь спугнуть видение, Артём лежал тихо и наблюдал. Свет от лампы освещал часть лица девушки, её золотисто-бронзовая кожа как будто светилась изнутри, излучая тепло и ласку. При каждом взмахе руки, когда она тянула иголку с ниткой, льняная рубаха обтягивала гибкий стан, вырисовывая девичью грудь, возбуждая в душе Артёма ранее не испытанное чувство. Закончив шитьё, она встала, встряхнула то, что штопала, и посмотрела на про-свет, нет ли ещё дыр. Артём, украдкой подглядывая за ней, разглядел в её руках свои штаны и с ужасом понял, что он лежит под одеялом из волчьих шкур совсем голый и что эта красавица раздевала и отмывала его от крови, мазала и лечила раны, а он был беспомощным, как маленький ребёнок, и ничего не осознавал. Девушка, почувствовав взгляд, резко повернулась в его сторону. Артём не успел прикрыть глаза и от стыда покраснел, она быстро проговорила несколько непонятных слов на языке коми, а потом, картавя, медленно и путая буквы, сказала на русском:

– Некорошо глядеть на девушек тайно.

Она кинула штаны на скамейку, на которой сидела, отошла в дальний тёмный угол и надела поверх рубахи сарафан. Вернувшись к столу, прибрала нитки и иглу в берестяную коробочку, поставила её на полку за икону Богородицы, перекрестилась, прошептала на языке коми-зырян короткую молитву. Оправившись от смущения, она подошла к Артёму, села на край нар и спро-

сила:

– Как тебя зовут?

– Артём или, как мама, Артюша, – хрипя горлом, ответил он.

– А меня Прасковья, но отец иногда зовёт Горадзуль.

– Ну, Прасковья – это понятно, а что такое Горадзуль?

– Это жёлтый луговой цветок, круглый такой, на бубенчик покожий, – объяснила она, растягивая букву «л».

– Купавка по-нашему, – уточнил Артем, – а ты похожа на этот цветок, такая же золотая, значит, тебя можно звать Купава.

– Красивое имя Ку-па-ва, – произнесла она по слогам.

– А как я к вам попал?

– Я тебя принесла.

– Принесла? – удивился он.

Прасковья озорно соскочила с нар и показала, как она его ташила на себе. Потом присела обратно и серьёзно сказала:

– Я в деревню бегала маму с младшими проведать, пока отец в парму кодит, а на обратном пути моя собака кровь почуяла и на тебя вывела. Ты очень плохой бил, жизнь быстро витекала из твоего тела, ещё немного, и я ничего не смогла бы сделать.

– Далеко отсюда ваша деревня? – спросил Артём.

– Половину дня кодить, туда я утром вишла, а вечером обратно возвращалась и на тебя наткнулась.

– Сколько я уже здесь?

– Две ночи и второй день.

– И все эти дни я вот так пролежал?

– Ты уже прикодил в себя и котел разговаривать, но не мог. У тебя много крови вишло, и ты сильно ослаб, поэтому и не помнишь.

– Скажи, а снег идет?

– Да, второй день идёт.

– У меня тятя с братом должны приехать, что они подумают, ежели они меня на месте не застанут?

– Тебе завтра всё равно укудить надо, отец придет с окоти, ему не понравится, ежели у нас чужой будет, он русскик не любит.

– Почему твой отец не любит нас?

– Ваш царь ясак берёт соболями по одному в год с лука, а за что? За то, что ви пришли к нам?

– Значит, татары сибирские лучше?

– Нет, они куже, налетят, пожгут и разорят всё, людей с собой заберут, от них беда одна.

– Вот вы и платите московскому царю за спокойствие, потому что он вас от татар защищает, а что лучше, отдать жизнь или одного соболя в год? – гор-

до спросил Артём.

– Соболя лучше, – она встала, подошла к полке с иконой, взяла с неё что-то, вернулась на место, держа в руках глиняную куклу, спросила: – Откуда у тебя это?

– Я её в старой заброшенной землянке нашёл, – ответил он.

– Это моя игрушка, я с ней игралась, когда маленькая была, мне её моя бабушка по матери подарила. Раньше там наше зимовье было, и, когда мы сюда перебирались, я её потеряла. На самом деле это оберег, прародительница, хранительница домашнего очага. Много зим и лет назад наш народ в дуков верил, потом пришли русские и перекрестили нас, но мы всё равно не забиваем наших богов, иногда шаманим и приносим им жертву. В день зимнего и летнего солнцестояния мы всем родом собираемся на горе дуков и устраиваем игри. В эти дни парни сватаются к девушкам, и если девушка даёт своё согласие, то они, вместе держась за руки, прыгают через огонь, проходят первое испытание, а ежели женик не сможет удержать руку своей возлюбленной, когда прыгают, то девушка вправе изменить своё решение.

Она закончила говорить и притихла, разглядывая в своих руках куклу. Артём догадался, что девушка вспомнила что-то и по этой причине загрустила, не удержался и спросил:

– А у тебя жених есть?

– Да, – коротко ответила она и ещё ниже опустила голову, немного помолчав, продолжила: – Сосед наш, Николька, ми с ним с детства вместе, но, как подумаю, что с ним жить, так коть в петлю лезь, не люб он мне. А родители наши сговорились, что нинче на Крещение он попросит моего согласия и пришлёт сватов, а на Масленицу решено играть свадьбу.

– Значит, у вас тоже родители всё решают? – сделал заключение Артём.

Прасковья кивнула головой и отвернулась, пряча от постороннего навернувшиеся на глаза слезы. Он, не найдя слов, дотронулся до её плеча рукой и тихонечко погладил, она, почувствовав его прикосновение, вздрогнула, но не отстранилась, а даже, как показалось Артёму, чуть-чуть подалась к нему. Немного посидев, Прасковья резко встала и спросила:

– Ты, наверное, есть кочешь? А я всё разговорами тебя кормлю, я ещё утром уток отварила, сейчас разогрею. У тебя крови много пропало, тебе кушать надо, чтобы сила была.

И, не дожидаясь ответа, засуетилась, раздула почти потухший очаг, подкинула в него дров, поставила в зажётку на глиняной поверхности печи казан. Затем вышла из избушки и вернулась обратно, держа в руках его нижнее бельё, чистое и заштопанное, положила рядом с Артёмом на край нар и спросила:

– Сам сможешь одеть?

Артём утвердительно кивнул головой, хотя и не был уверен, что у него

получится. Прасковья, накинув на плечи изношенный отцовский кафтан, выбежала из избышки, давая возможность ему одеться. Артём приподнялся на лежаке, выпростал ноги из-под одеяла и спустил их с нар, прикрывая углом одеяла причинное место. Он оглядел себя: шея, живот и бедро левой ноги были туго перевязаны домотканой холстиной из крапивы, от него сильно пахло смолой и мёдом, всё тело саднило и чесалось, в некоторых местах, где раны были наиболее глубокими, сквозь материю просочилась кровь. Делая большие усилия, преодолевая боль, кое-как натянул исподние. Голова его закружилась, он побледнел, к горлу подступила тошнота, не хватало сил поднять руки и надеть на себя нижнюю рубаху. Артём сидел на нарах и от обиды смеялся над своей слабостью, он, молодой и крепкий парень, был не в состоянии одеться сам.

Войдя обратно в избышку, Прасковья увидела его беспомощную улыбку и упавшие обессиленные руки с наполовину натянутой на них рубахой. Она подошла и помогла ему справиться, при этом встала так близко, что он чувствовал своими коленями её упругие бёдра, а в вырезе сорочки, когда она нагнулась расправить подол его рубахи, он заметил верхнюю часть девичьей груди. Сладкий запах, идущий от её тела, дурманил и без того кружившуюся голову Артёма, он не удержался и обхватил руками её талию, но девушка выскользнула из слабых рук, засмеялась и, погрозив пальцем, сказала:

– Негоже брать то, что тебе ещё не принадлежит, ежели есть силы распускать руки, то сможешь и до дома своего дойти.

Артём покраснел и, не зная, куда от стыда глаза девать, мямлил, оправдываясь:

– Я не хотел тебя обидеть... это как-то само получилось... ты такая пригожая, что я не удержался и... Я больше не буду.

Она отвернулась от него, улыбнулась украдкой счастливой улыбкой, а затем сняла с печи казан, поставила его на стол и сказала, придав голосу строгости:

– Давай сейчас повечеряем и ложись спать, завтра утром я тебя рано подниму.

Прасковья растеребила мясо уток в большой деревянной чашке, залила наваристым бульоном из казана, заправила варево луком, разломил ржаной хлебец и, указав место куда садиться, пригласила Артёма за стол, подала ему большую деревянную ложку. Ели молча, вот уже третий день он ничего не ел и был страшно голоден, но из-за боли в горле налегал на жидкий отвар, откусывая хлебец мелкими кусочками. Ему было совестно за свой поступок, и он думал, как загладить вину и с чего начать разговор, но в голову, кроме глупых детских слов «я больше не буду» ничего не приходило. На его счастье, Прасковья заговорила первой, она отложила ложку в сторону и задала неожиданный вопрос:

– Зачем ти её убил?

– Кого? – удивляясь, переспросил он и, сразу догадавшись, о ком идет речь, пояснил: – Она ловушки мои стала разорять, зверя с капканов снимать, каждую ночь приходила к нашей землянке, так что тут вопрос стоял, кто кого одолеет. А что?

– По нашим поверьям, рысь окрывает древний курган, ти убил эту, а на её место всё равно придёт другая, это ик земля, и они тебе не дадут там окотиться, чтобы ти не тревожил покой умершик.

– Так это могильник, а я думаю, кто такое нагородил? Тогда понятно, и что мне теперь делать, ежели ты говоришь, что на это место придёт другая?

– Надо им приносить жертву, ежели убьёшь лося – оставь литку от ноги, поймашь утку – оставь крыло, и тогда они не будут тебе вредить. Но на курган лучше не коди, плоко это – прак умершик тревожить.

– Так это значит, ты предлагаешь мне её подкармливать?

– Нет, это значит, тебе её надо задобрить, – уточнила она.

Дождавшись, когда Артём насытится и отложит ложку, Прасковья поднялась с лавки и начала прибирать со стола посуду. Артём, исподтишка наблюдая за ней, любовался красотой девушки и, чтобы она снова не уличила его, что он опять её разглядывает, как бы пряча за словами свой взгляд, спросил:

– Почему вы в лесу вдвоём с отцом живёте?

– У нас семья большая, а я старшая, вот тятя и приучил меня с детства к окоте, младшие с мамой в деревне живут, помогают ей за скотиной укаживать, а я здесь отцу подсобляю, на белку и горностаю плашки ставлю, шкури виделиваю. Вот он выйдет из леса, а у меня печь истоплена, варево приготовлено. Ми с ним договорились, что завтра последний срок, как он должен из пармы вернуться. Дорогого зверя в близкой округе мало стало, и ему с каждым разом приходится всё дальше и дальше в парму кодить. На следующую зиму мы на другое место перебираться будем, ближе к Урал-камню зимовье поставим.

– А твой отец, случаем, дороги за камень не знает? – заинтересовавшись, спросил Артём.

– Он кодил туда, но там земли вогулов, и они сказали, что убьют его, если будет добывать зверя на ик угодык. Вогули никого не пускают окотиться по другую сторону камня. У ник иногда бивает, что брат брата из-за корошей шкури может убить, чтобы вина напиться. Тятя говорит, они раньше совсем вино не пили, не знали, что это такое, а как пришли русские, так и приучили ик.

Артём от обиды за свой народ взъерепенился и чуть-чуть повысил голос:

– Опять у тебя русские виноваты, ежели я не хочу бражничать, то кто меня может заставить пить вино? Мы тут не причём, и среди русских есть много людей, которые не могут отказаться от этого зелья. Тут мне кажется, что дело в самом человеке. Ежели есть вера и крепкий дух, то можно устоять

от любой напасти, а ежели душа слабая, то и липнет к такому всякая нечисть.

Неожиданно Артём схватился рукой за шею и сильно закашлялся, в азарте разговора он забыл про раненое горло и стал говорить громче. Девушка не растерялась, взяла с тёплого предпечника глиняную крынку, налила из неё отвар в плошку и подошла с ней к Артёму.

– На, випей, тебе поможет, – ласково сказала она и добавила: – Не надо так горячиться и громко разговаривать, твоё горло ещё такое слабое.

Прокашлявшись и выпив мелкими глотками отвар, Артём ещё хотел что-то спросить, но Прасковья его опередила, сказав голосом, не терпящим возражений:

– Всё на сегодня, наговорились, теперь тебе надо ложиться спать и отдохнуть, с утренней зарёй ти должен уйти, ничего с тобой не случится, потиконечку к полудню до своей землянки дойдёшь.

Артёму ничего не оставалось делать, как подчиниться. Он не хотел спать, но и говорить больше не мог. Горло распухло и болело, а сидеть и глазеть безмолвным истуканом на красавицу ему было бы стыдно. «Некорошо глядеть на девушек тайно», – вспомнил он укор Прасковьи, который выговорила она ему давеча. И то, что прошлые ночи она не спала из-за него, лечила беспмятного, штопала и стирала одежду... Артём послушно поднялся с лавки, лег на нары и прикрылся одеялом. Хозяйка задула масляный светильник, оставив крохотный огонёк лампы у иконы Богородицы, который не мог осветить даже всю икону, перекрестилась на неё, сняла сарафан и легла на установленный с другой стороны от печки топчан. Скрипя разохшимся настилом, она повернулась с боку на бок, выбирая удобную позу и, уставшая за двое беспокойных суток, тихо заснула.

В затерянной среди глухого леса избушке повисла тёмная плотная тишина. Из-за толстых стен бревенчатого зимовья не было слышно ни шума ветра, ни шорохов тайги, и только одно сердце бешено било в набат, возвещая на весь мир о том, что с ним произошло чудо. Артёму казалось, что оно стучит так сильно, что может вырваться наружу и потревожить сон той, к кому стремится и о которой мечтает. Тихонечко он положил обе руки на грудь, удерживая и прикрывая ладонями шум громко стучащего сердца, и вдруг неожиданно удивился пришедшей на ум простой догадке. Артём понял, что раньше совсем не ведал, где оно находится, и даже никогда не ощущал его присутствия, а теперь точно знал, что сердце есть, и ещё, оказывается, оно может чувствовать и переживать.

Утром Артём проснулся с ощущением спокойствия и счастья на душе, ещё не открыв глаза, он услышал, что Прасковья уже поднялась и хлопочет по хозяйству, приятно трещали поленья в печи, и пахло свежеспеченным ржаным хлебом.

– Я уже проснулся, можно очи открыть? – с лёгким хрипом известил

он о своём пробуждении, чтобы не застать девушку врасплох и не попасть впросак.

– Открывай, коли проснулся, я не страшная, не испугаешься, – разрешила хозяйка, поддержав шутку Артёма. – У меня всё готово, я только котела тебя разбудить, а ты сам почувствовал, что уже пора.

Она подошла к нарам, держа в руках его штаны и верхнюю рубаху.

– Как ты себя чувствуешь, корошо выспался?

Артём со счастливой улыбкой на лице кивнул головой, во все глаза глядя на красавицу.

– Ты покуда одевайся, а я на стол накрою.

Она подала Артёму одежду и отошла к столу, наломала хлеба, поставила на середину столешницы большую миску с отварным мясом, выбежала из избышки, оставив дверь открытой. Артём тем временем стал потихонечку одеваться, раны саднили, а горло немного ломило, но слабости не было, и перестала кружиться голова. Он справился с одеждой, прошёлся по горнице, проверяя себя на работоспособность.

– Кажись, и вправду дойду, – решил он и выглянул в распахнутую настежь дверь. Тайга опять его удивила своими переменами: выпал снег, и ударили первые морозы. Артем с удовольствием набрал полную грудь свежего морозного воздуха и выдохнул приговаривая: «Хорошо-то как!» В этот момент к порогу подбежала Прасковья, раскрасневшаяся, пышущая здоровьем, с лучистыми голубыми глазами и выбившимися из косы русыми прядками волос вокруг лица. В одной руке она держала за хвосты головами вниз двух стерлядок, а в другой – берестяной туюс с квашеной капустой. А он смотрел на неё во все глаза, и где-то внизу живота, под ложечкой, зашекотало желание, жаркой волной поднялось до груди, спирая дыхание, и ударило в голову пьянящим дурманом.

– Вот в ледник сбегала, риби взяла для строганини, он у нас тут недалеко, у речки, будешь? – девушка протянула руки, показывая принесённое.

Артём не удержался, обнял девушку за талию, притянул к себе и неумело ткнулся губами в щёку, и сразу ощутил крепкий удар двумя морожеными стерлядками по голове. Он отскочил от неё, схватился рукой за ушибленное место и, не зная, что сказать, глупо, как выловленная рыба, открывая рот, но не издавая ни звука, глядел на Прасковью. Она гордо прошла мимо, положила рыбу и поставила туюсок на стол, присела на лавку и с грустью в голосе заметила:

– Зачем ты так?.. Взял и всю мою спокойную жизнь порушил, – не зная, куда девать предательски вздрагивающие руки, она стала переплетать распутившийся хвост косы. – Я совсем не ведаю, как мне теперь бить? – Прасковья подняла лицо со слезинками на длинных ресницах и вопросительно посмотрела в глаза Артёма. – Мне так было корошо, пока ты бил здесь, я за

тобой укаживала, а теперь тебе надо угодить, и моё сердце не может никак успокоиться.

Артём подошёл и присел рядом.

– Я хочу, чтобы ты стала моей суженой.

– Тебе сначала надо договориться с моими родителями, но они никогда не согласятся меня за тебя отдать.

– Почему?

– Потому что ты русский.

– И что теперь делать?

– Не знаю, но мне кажется, лучше немного подождать, и решение само придёт, – она поднялась, взяла нож и стала нарезать стерлядь мелкими ломтиками. – Надо её есть, а то растает и будет невкусной.

– И сколько ждать? – Артём резко поднялся с лавки и стал ходить по комнате вокруг стола и Прасковьи. – Пока я буду тешить себя надеждой, они тебя сосватают.

– Всё равно об этом сейчас рано говорить.

– А когда, кроме как не теперь? – он взял обеими руками её за плечи, развернул к себе и с надеждой в голосе спросил: – Давай зараз вместе уйдём, я хоть сегодня тебя под венец поведу.

– Надо сначала всё корошенько обдумать, второпяк мы дров много наломаем, потом трудно всё будет исправлять.

– Ну ладно, хорошо, торопиться и впрямь не стоит, но ежели я тебя долго не увижу, я от тоски с ума сойду.

– Я кочу тебе подарок сделать, – Прасковья намеренно повернула дальнейший разговор в другое русло, чтобы им обоим не мучаться тягостным и ничего не решающим в эту пору разговором. – Ту рысь, что ты убил, я подобрала, шкуру сняла и на пяло насадила. Ежели ты её сейчас не возьмёшь, я её выделаю и для тебя шапку сошью, а к Рождеству к вам на зимовье приду и тебе принесу, там и решим, как нам быть и что нам дальше делать. А теперь тебе угодить пора, солнце уже высоко поднялось, ежели тятя нас вместе застанет, то тогда ещё куже будет.

Поверив веским доводам и здравому смыслу девушки, Артём, успокоившись, быстро перекусил и стал собираться в дорогу. Прасковья принесла его нож, с которым он ходил на рысь, и широкий цветной кушак, накинула его ему на талию поверх зипуна и, завязывая, что-то прошептала, а потом объяснила:

– У зырян, опоясок – это оберег, я сама его вязала и покрывала узором, он тебя будет оберегать от бед и плохих умыслов людей, носи его и помни обо мне, – быстро чмокнула его в щёку и, засмеявшись, отскочила.

Артём стоял и, как околдованный, смотрел на девушку.

– Я думал, ты где-то там, глубоко в пещере вогулами спрятана, а тебя и

искать-то не надо, ты сама меня нашла.

Она приблизилась и прижалась к его груди щекой.

– Про кого ты говоришь?

– Про тебя, моя золотая баба, – и обнял её крепко.

Они немного постояли, и она первая решительно отстранилась.

– Всё, тебе пора, иди с Богом, – перекрестила его на дорожку и слегка подтолкнула к порогу. Артём вышел из избышки и обернулся.

– А рыбой-то тогда за что?

Прасковья засмеялась и, уставив руки в бока, играючи ответила:

– А так, для порядку.

– Хороши порядки, сначала бить, потом лелеять, прямо как кнут и пряник, – улыбаясь, сказал он, помахал на прощание рукой и побрел по свежавшему снегу в свою сторону.

4. ВСТРЕЧА.

Ходу от зимовья зырян до верх-усольского починка, где жил Артём, было примерно восемь верст, здоровому человеку это расстояние можно пройти в два раза быстрее, чем преодолел его Артём, но, как и говорила Прасковья, к полудню с частыми передыхами он добрался до своей землянки. Отец с братом ещё не приехали. Отдохнув немного и перекусив тем, что собрала в маленький узелок ему в дорогу Прасковья, Артём занялся по хозяйству. Затопил печь, прибрался в землянке, разгрёб навалившийся снег у входа и, не зная чем занять себя ещё, стал рубить колоду под воду, которую начал делать Фома перед уходом. Работая, он думал о том, какие произошли перемены за три дня в его жизни, никогда у Артёма не случалось столько значимых событий за один раз. Он понимал, что встретил Прасковью и полюбил её на всю жизнь, и никому не позволит отнять у него её, а как спасти и сберечь эту любовь, он не знал. В голову лезли думы одна краше другой, и чем больше он думал над этой задачей, тем дальше мысли его заходили в тупик. Артём не заметил, как стемнело и, когда уже почти не стало видно то, что он делал, кинул работу, воткнул топор в недоделанную колоду и зашёл в землянку, так и не решив, как поступать далее. Два хода сидело в его голове, как заноза: выкрасть её или в ноги родителям упасть, украсть или упасть, украсть или упасть... Совершенно измученный думами и уставший за день, он завалился на нары и крепко уснул.

– Бать, глянь-ка! Дрыхнет сынок твой и не чует, что гости нагрязнули.

Артёмка подскочил на нарах, спросонья не понимая, что произошло. В землянке перед ним стояло два человека, у одного в руке был факел, другой отряхивал с шубы снег, и только по голосу он узнал брата Фому.

– Одичал, небось, здесь за три недели, родственников не признаёшь, вставай давай, – и, подойдя к Артёму, схватил его и поднял с нар, стал мять в объятьях. Артёму было больно, но он терпел, не хотелось перед отцом показывать, что он хворый, а то после придётся рассказывать и про всё остальное.

– Ну да ладно, хватит тебе тут топтаться, дай и отцу с сыном поздороваться, – отец отстранил Фому в сторону, сунул ему в руки факел. – На-ка, возьми эту головёшку, ишь как наладила, зажги для света что-нибудь да пойдди лошадь распряги и в санях разбери что куда, пока мы с Артюшкой толкуем. Ну, здравствуй, сынок, как ты тут? – он подошёл к сыну и обнял его.

– Всё нормально, тятя, вот починок караулю.

– Мать там шибко за тебя волнуется, а как узнала, что ты здесь один остался, так и вовсе расстроилась. Говорит, что чует материнское сердце что-то неладное, и всё нас торопила, чтоб мы, значит, пораньше выехали, а мы чё? Всё снега ждали, на санях-то ты сам знаешь, по голой земле много не наездишься, лошадь тока измучаешь.

Фома тем временем запалил лучину, вставил её в рогатый светец и вышел. Отец продолжал расспрашивать сына:

– Как тебе это место, по нраву? Небось, все закоулки облазал, пока один здесь сидел?

– Нет, тятя, недосуг мне было, ту работу, что Фома мне наказал, я всю сладил, поутру покажу. А места здесь хорошие, зверя много, в реке рыба имеется, с голоду не помрём.

– А я, сынок, грамотёшку на эту землицу выхлопотал, так что строиться будем по закону, и никто нас отсюда не отселит, пока я сам не решу, – отец довольно потряс Артёма за плечо. – А так, сынок, я очень рад за тебя и что тебе здесь приглянулось, в отличие от Фомы. Заартачился братец твой, не хочу, говорит, перебираться сюда – незнамо куда - и всё тут, так я, почитай, его от самой Чердыни подзатыльниками кормлю, а он всё равно ни в какую. Ну да ладно, вот построимся, потом хоть на все четыре стороны пушай идет, держать не буду, тока куды он от нас денется, – отец, улыбаясь, хитро подмигнул Артёму и весело добавил:

– На выселках-то жить одному, ох, как трудно, гуртом-то всегда было легче и веселей.

Фома распряг лошадь, занёс в землянку короб с продуктами и две пилы, продольную и поперечную. Артём увидал новинку в хозяйстве, стал разглядывать. Фома ехидно стал шептать ему на ухо:

– Наконец-то батя раскошелился, пилы купил и две железные лопаты, я думал, что мы так топорами и будем тюкать до скончания века, а он, гляди-ка, не пожалничал. Видать, лихо хочет замахнуться со строительством-то, – брат подмигнул Артёму и, подсовывая короб, громко сказал: – На, Артемка, примай короб, там матушка тебе гостинцев послала, пирогов с капустой да грибами, смотри сразу всё не слопай, а то треснешь.

Фома завалился на нары и засмеялся.

– Буде, ржать-то тебе, жеребец застоялый, за полночь уже, давайте ешьте и разбирайтесь спать, с завтрашнего дня работать зачнём, – Сафон снял шубу и по-хозяйски сел за стол. – Ставь на стол, чего там мать послала, полуношничать будем, я тоже проголодался чуток.

– Артем вынул из короба и разложил перед отцом на столе пироги.

– Ты, Артюшка, у нас за кашевара будешь, но от работы не отлынивать, не допущу, – отец постучал указательным пальцем по столешнице так, что заподпрыгивали пироги. – Когда скажу идти, тогда и побежишь к котлу, уразумел?

– Угу, – давась материным гостинцем, гукнул Артём, соскучившийся по домашней еде.

– С утра пилой навалите сколь лесу, ты варить побежишь, а мы с Фомой тёс на лошади вытаскивать будем, и так же после обедни до вечерней зари,

понятно?

Братья, пережёвывая пироги, закивали головами, а Сафон продолжал наставлять сыновей:

– Нам ныне тесу много потребуется, хочу большой двор поставить, на три коня, чтобы для всего хозяйства места хватило. Ежели к Рождеству успеем заготовить лес, то на праздники в город поедем, передохнём маленько.

– Ты, тятя, на широку ногу хошь развернуться? – спросил Артём.

– А то как же, надо успевать, пока мы здесь первые, потом народу с России понавалит, из-за каждого клочка земли драка будет. Вот помяните моё слово, скоро и за Урал-камень народ пойдёт, не удержишь, потому как в Московии тесно людям жить становится. Я бы и сам туда подался, да против сибирских татар целую рать содержать надо, но, – отец развёл руками, – у меня строгановских деньжищ не имеется, пшик один, а без войска эти нехристи жить спокойно не дадут – нет, разорят. В Соли Камской люди говорят, в Москве опять стрельцов собираются за камень посылать, хотят Кучума добить. Тока тут закавыка маленькая выходит, – Сафон поднял указательный палец вверх и прищутив глаз, загадочно спросил: – Как войско в Сибирь переправить? – и сам ответил на свой вопрос: – Через тагильский волок тяжко, а по лозьвинскому пути долго. Вот кабы здесь поблизости короткую дорогу через перевал выведать, то это было бы дело... – Он дожевал пирог и, хлопнув ладонью по столешнице, сказал: – Ладно, сынки, хватит языками чесать, поздно уже, спать давай укладываться, завтра с зарёй подыму, никому спуску не дам.

Отец, как и обещал, сам усердно работал и не давал сыновьям продыху. За два дня из тонкомера срубили временную конюшню для лошади Мурашки, а затем каждый день с утра до вечера валили вековые деревья, обрубали сучки и крыжевали тёс в размер, и стаскивали его затем с помощью лошади в гурт. Артёмка поначалу пытался вести счет дням до Рождества, но каждодневная однообразная работа как-то замяла, затёрла память, и он, вконец запутавшись, перестал по вечерам, старательно морща лоб, считать и загибать пальцы.

Прасковья всё это время неотступно была в его мыслях, ясный и лучистый взгляд её бездонных глаз преследовал его везде, даже когда работал, пилил с Фомой лесину двуручной поперечной пилой, то постоянно сбивался с ритма и не попадал в такт, Фома в сердцах чертыхался, ругаясь матерно на весь лес:

– Чё ты!... Язви тя в душу!... Через пень коромысло!... Квёлый какой-то!/? А ну давай под шет! Раз-два, раз-два.

Артём старательно повторял за Фомой: «Раз-два, раз-два», – но мысли от однообразной изнурительной работы сами собой уплывали куда-то, рисуя в воображении её образ, который он мысленно целовал и говорил непонятно откуда взявшиеся ласковые слова, каких он никогда доселе и не произносил.

Один раз Артёмку чуть не разможило сыгравшим комлем, задумавшись, он не заметил, как пошел ствол, и продолжал держаться за ручку пилы в то время, как Фома уже отскочил на безопасное расстояние. Он недоуменно смотрел на голую рукоять пилы со стороны, где только что был Фома, и никак не мог понять, куда делся брат, и сообразил, что нужно бежать лишь в тот момент, когда Фома неистово закричал: «Тёмка, ложись!» Артём упал, распластавшись, влипая в снег, и в то же мгновение комель просвистел над его головой и рухнул рядом, взметнув вверх веер снежной пыли.

Фома вечерами, когда они по сумеркам возвращались в землянку, вечерами и укладывались спать, подшучивал над Артёмом:

– Братка, слышь? Ты как в лесу один пожил, так каким-то смурным стал, будто бы тебя по башке чем-то двинули. Ты и раньше-то был немножко не в себе, а теперь и вовсе, как будто чуток умом тронутый.

Артём, не отвечая на зацепки брата, усердно мешал, чтобы не пригорела в стоявшем на печи казанке кашу, Фома от нечего делать продолжал подтрунивать:

– Я тебе давно говорил, что твои дурные мысли тебя до добра не доведут, всё летаешь в небесах, вот тебе уже девятнадцатый годок идет, а ты всё, как дите малое, мечтаешь чёрт те знает о чем.

Когда Фома начинал сильно досаждать, вступался отец:

– Отступись от него, балабол, у самого-то в голове каша одна, а строишь из себя попа-исповедальника. Ты почему сегодня лесины верхушками к вывозу положил? Зараз надо будет их разворачивать, лишнюю работу делать, не успеешь от вас отвернуться, как вы тут же какой-нибудь ляп врежете. Вот давеча весь подсад потоптали, а без молодой поросли лес выведется. Артём что? Он младше тебя, значит, ты, Фома, за старшего, с тебя и спрос.

– Так ведь ветер в другую сторону дул, вот лес и полёг неправильно, а молодняк мешался, – оправдывался Фома.

– В голове у тебя ветер, завтра чтоб всё исправили, ясно!

– Ясно, – отвечали в разной братья.

– А тайгу беречь надо, она нас кормит...

В середине месяца студня-декабря вдарили лютые морозы, холод стоял такой, что плевков на лету замерзал, не успевая долететь до земли. Несмотря на холод, отец продолжал работать, не делая уступок сыновьям. Накануне праздника Введения во храм Богородицы братья взмолились:

– Тятя, ты хоть на праздник-то дай отдохнуть, замаялись уже, сколько без продыху вкалываем. Тем паче в праздники грех работать.

Сафон, почесав затылок, прикинул в уме, успеют ли закончить с лесом до Рождества, и разрешил пробездельничать один день, заметив при этом:

– Ежели послевать не будем, я вас по ночам заставляю, как вы говорите, вкалывать. А работать – не грех, не работать – грех.

Сыновья тут же согласились, закивали головами, уверяя батю, что отработают, точно зная, что до работы по ночам дело не дойдет. Хоть отец и был иногда крут по нраву, но человеком был добрым и никогда понапрасну не горячился.

В праздничное утро все поднялись по привычке ни свет ни заря, рано, хотя можно было поспать и подольше. Фома взялся латать свой полушубок, отец за столом подсчитывал убытки и сколько ещё нужно вложить денег в его затею. Артём, не зная, чем заняться, оделся, вышел из землянки, принялся тесать топором лыжи из двух заготовленных загодя еловых плах. «Когда работаешь, всё легче переносить жгучую тоску, - думал он. - А так, без дела, хоть волком вой, все мысли Прасковья заполонила, кинуть бы сейчас тесать те лыжи да бежать к ней на зимовье, хоть одним глазком взглянуть, как она там, родимая?»

– Куды лыжи востришь, братка?

Артём, увлечшись своими мыслями, не заметил выбежавшего из землянки по малой нужде Фому.

– Фома! Чёрт! Прямо под руку спросил, топор из-за тебя сорвался, чуть-чуть палец не оттяпал.

– Вот я и говорю, блаженный ты какой-то, будто ты сам здесь, а душа твоя хрен знает где обитает, – Фома, заметив что-то, вытянулся, пристроив руку ко лбу, защищаясь от бликов солнца и снега, всмотрелся вдаль и удивлённым голосом произнёс: – Тю, никак к нам кто-то торопится? Глянь! Вон по грани нашего вырубка на ходунках скользят.

Артём пригляделся и признал Прасковью. Она легко шла на лыжах в зеленой обметанной по подолу снегом юбке, в лузанае, одетом поверх короткого овчинного полушубка, а из-за спины виднелись дуга большого охотничьего лука и колчан со стрелами на боку. Сердце его бешено заколотилось, он сорвался с места и побежал навстречу, разметая ногами целинный снег, навалившийся уже на три четверти.

– Да то ж баба, ай, да Артемка, кралю гдесь уже подцепил, вот так тихоня!

Фома в одной рубахе, продрогши на морозе, дождался, пока брат добежит до девки и, видя, что дальше ничего интересного не происходит, зашел в землянку сообщить бате новость.

Артём, в распахнутом зипуне, в сбившейся на затылок шапке, запыхавшийся, подбежал к девушке и, проваливаясь почти по колена в мягкий рыхлый снег, топтался на месте, не зная, что сказать, как будто, пока бежал, растерял все те слова, какие давеча говорил ей, но только в воображении. Прасковья, раскрасневшаяся от долгой ходьбы, стояла на лыжах вровень с ним и глядела широко открытыми лучащимися глазами.

– Вот я, как и обещала, пришла.

– А я уж, было, чуть сам сегодня к тебе не сорвался, не знал, как день прожить, все думушки о тебе передумал, Фома итак уже малохольным обзывается.

Артём поднялся и встал рядом с Прасковьей на её широкие охотничьи лыжи, сразу став выше на голову.

– Так-то сподручней будет, – сказал он, раскрыл полы своего зипуна и, как птица крыльями, обнял девушку, пуская её к теплу своего горячего тела. – Как ты? Купава моя, цветочек весенний, всё ли у тебя ладно?

– Я батюшке всё рассказала, не смогла утаить. Он, как пришёл, сразу спросил: кто был? Следы-то твои в одну сторону шли от зимовья, он окотник, всё примечает. А как узнал, что ты русский, так и вовсе о тебе ничего слышать не кочет. Мы на Рождество в деревню к своим пойдём, так он грозится меня там оставить, чтобы я под присмотром матушки била.

– И когда свидимся-то теперь?

– Ой, милый, даже и не знаю, – и тесней прижалась к его груди, заплакала, мелко вздрагивая плечами.

– Может, в землянку зайдём? Я тебя с братом и отцом познакомлю, да и согреешься заодно.

– Нет, идти уже пора, а греться-то мне и вовсе не надо, меня моя любовь к тебе так греет, что, как печка горячая, плесни воды, жгучим паром обдам, как в бане, – она смахнула рукой в шерстяной рукавице набежавшие на щёки слезинки и, немного повеселев, заулыбалась. – Я тятя сказала, что дальние капканы пойду проверять, а сама к тебе побежала, а ик всё равно надо ещё успеть обойти. Мне и так корошо, повидала тебя, и сердце теперь на спокойе будет.

– На Рождество мы в Чердынь поедем, родных на праздники навестить. В лес вернёмся тока после Крещения.

– Ми с тятей тоже туда приедем, руклядь, что нинче заготовили, тамошним купцам сдать надо, может, и доведётся нам там свидеться?

– А ну, как к тебе в эту пору сваты от Никольки придут, как тогда быть?

– Ежели тятя с мамой согласие дадут, то я из дома убегу, примешь меня без приданого? Обратном домой мне уже возврата не будет.

– Ты ещё спрашиваешь, любя моя, непременно приму и приданого никакого не надо, лишь бы ты была рядом, а со своими родителями я договорюсь, они меня поймут и помогут нам.

От захлестнувшего чувства счастья Артём целовал девушку в щёки, в глаза, обнимая всё крепче и крепче, не удержался, стоя незакреплёнными ногами на лыжах, и оступился, упал в снег, утянув за собой и её. Барахтаясь в снегу, дурачась и смеясь, они пытались подняться и снова падали, проваливаясь в ещё не успевший от стужи и ветра покрыться настом рыхлый снег.

Фома, любопытствуя, вышел посмотреть, что делают брат с девушкой?

И, увидев их барахтающимися в снегу, сначала подумал, что они дерутся, а заслышав смех, удивлённо пожал плечами и заскочил обратно в землянку, так и не поняв, к чему это они на морозе кувыркаются в снегу, да ещё и веселятся.

В землянке Фома, похохатывая, обратился к отцу:

– Тять, глянь-ка. Артюшка с девкой-то, как дети малые, в снегу вертухаются и ржут на всю округу.

Сафон, считая и выкладывая полушки, денежки и копейки по разным стопкам, сбился со счёта и в сердцах незлобно выругался на сына:

– Мать твою! Прямо под руку, сбился из-за тебя! Что мне, дел больше нет никаких, кроме как за молодыми подглядывать, да и ты займись чем-нибудь, вон, фитиль совсем прохудился, починить надо. К Святочному заговенью свежей рыбки надобно наловить, матушку на праздники порадовать, она до рыбы-то шибко охоча. Зараз Артёмка со своей кралею навстречается, так пошлю его на речку майну рубить, чтобы на ночь снасти поставить. А то итак цельный день псу под хвост пошёл, всё бы вам ничего не делать, – Сафон отмахнулся от Фомы и принялся дальше считать деньги, аккуратно двигая стопки по десять монет из медной мелочи.

Артём и Прасковья стояли, обнявшись посреди выруба, и никак не могли расстаться. Девушка первая, очнувшись от пьянящей близости друга, спохватилась:

– Артюша, милый, поздно уже, мне идти пора, так би и стояла с тобой, да мне каккани ещё проверить надобно, ежели тятя что заподозрит, то может меня и под замок посадить.

– А вот и не отпущу, сейчас кликну брата, пушай лошадь запрягает, поедем в Чердынь и обвенчаемся без благословения твоих родителей, а потом – хоть трава не расти, поздно будет после драки кулаками махать.

– Да кто ж нас теперь-то обвенчает, дурачок ты мой, – она столкнула его со своих лыж и, смеясь, договорила: – Перемахнул меня выше на целую голову, а простого не знаешь, пост же Рождественский идёт, ни один батюшка не возьмётся в пост венчать, да и кочется, чтобы всё по-людски било. Ежели совсем кудо станет, то я сама к тебе прибегу, не бойся, ни за что теперь от тебя не отступлюсь, мой ты на веки. – Она достала из висящей на боку сумки трюх из рыси, надела его прямо поверх старого, изношенного войлочного колпака Артёма. Полюбовавшись немного, поворачивая руками его голову в разные стороны, чмокнула в покрытую мягкой молодой порослью волос щёку. Смеясь и играючи, обошла его, встала на свой след, каким пришла, и ходко, не оборачиваясь, заскользила ходунками, обтянутыми лосиными голенищами, по лыжне. Артём некоторое время пытался идти за ней, но, утопая по колени в снегу, отстал и потом долго смотрел ей вслед, пока она не прошла выруб и не скрылась в лесу.

Вернувшегося в землянку Артёма Фома встретил с растянувшейся до

ушей улыбкой, явно желая подцепить его, он, ехидничая, заговорил:

– Значит, я кралю приглядел, намерения насчёт её заимел, а ты уже охмурил девку поперёд брата?

– Где ж ты успел её застолбить для себя, ежели, окромя моих слов, она о тебе и слыхом не слыхивала?

– Да я же тебе говорил, братка, это та баба, какую я нынешним летом на озере видел, когда она купалась? Поначалу-то я её не признал, а потом гляжу, уж больно стан мне её знаком, без одёжки-то она куды привлекательней, – Фома мечтательно закатил глаза и потер ладошками друг об дружку. – Я бы и сам не прочь с ней покувыркаться, тока не в снегу, ха-ха-ха, – довольный своей сальной шуткой, заржал Фома.

У Артёма лицо налилось красной краской, руки сами собой сжались в кулаки. Ему неприятно было, что Фома видел девушку голой и рассказывал об этом всем с масляными, похотливыми глазами, но он сдержал себя и ответил:

– Всё-то ты, Фома, опакостишь, везде-то ты видишь только одну похабшину, а ведь у неё есть ещё и душа, ты подглядел и знаешь, какая у неё «хфигура», – передразнил он Фому его же голосом, – а нутра девушки тебе никогда не разглядеть.

– Ну, буде вам, вы ещё раздеритесь мне тут, – встрял в перебранку отец, – пущай Фома фитиль дочинит, а ты иди-ка на речку, выруби майну, рыбу будем ловить, заодно и охолонешься маленько. А то ишь, битву из-за бабы чуть не учинили, – отец поднял со стола масляную лампу, пригляделся к Артёму. – Шапку-то она тебе штоль принесла? Ладно сшито, и шкуры рысьей не пожалела, знать у девки золотые руки, и, наверное, любит тебя, дурака, – Сафон не сильно стукнул ладошкой Артёма в козырёк треуха и, возвращаясь на своё место – за стол, добавил, – ежели такому охламону, как ты, подарки такие богатые делает.

Фома поднялся с нар и, подойдя к Артёму, снял с него шапку, стал мять её в руках, разглядывая.

– Сдаётся мне, батя, что эта рысь ещё недавно вокруг нашей землянки бегала, знать, одолел её всё-таки Артюшка. То-то я гляжу, у него горло тряпницей перемотано, – он посмотрел на брата испытующим взглядом. – Как же ты эту зверюгу-то одолел, а, братишка, поделись секретом? И за какие такие заслуги эта баба тебе такой добротный треух преподнесла? Небось, пока мы дома были, вы тут с ней...

Артём, не желая высушивать Фому дальше, выхватил из его рук шапку и, как ошпаренный, выскочил из землянки. Морозный воздух обдал холодом разгорячённое лицо, но этого было мало, он упал коленями на снег и сунул чубатую голову в сугроб. Поостыв чуток, поднялся, нахлобучил на взъерошенные, со снегом, волосы шапку, выдернул из стоявшего рядом чурбака то-

пор и со злостью ринулся на речку рубить майну. Но в глубине души у Артёма осталась досада на себя из-за того, что он не смог ответить на похабшину брата по-мужски, сдержал себя и не вдарил обидчику промеж глаз за его пакостный язык.

5. ЗНАХАРЬ.

К праздникам все задуманные Сафоном работы были выполнены. За неделю до намеченного отъезда Артём и Фома с разрешения отца, дабы не терять время даром, по утрам бегали ставили и проверяли ловушки на мелкого пушного зверя. Сам же Сафон следил за поставленными на реке фитилями. За два дня до Рождества, припрятав в лесу всё ценное, оставили своё новое жильё на порядочность людей, какие могли воспользоваться отсутствием хозяев, притворили дверь землянки поленом и выехали в город.

Зимний путь до дома давался трудно, снега выпало почти на два аршина, и Фоме с Артёмом пришлось торить колею по перемётам для лошади, запряжённой в сани с горкой груженной рыбы. Старая кобыла по кличке Мурашка, слепая на один глаз и с провалившейся хребтиной, кое-как тянула воз. Отец, ругаясь на весь лес, то и дело соскакивал с облучка и шёл рядом с возом, по-нукая лошадь:

– Ну! Мать твою, дьявольское отродье, совсем дряхлая стала, восьмой год от тебя приплода жду и всё без толку, на базаре пустышку подсунули! Правду люди говорят, на дешёвое позаришься – дороже обойдётся. Так и знай! Как тока притащимся в город, продам тебя за бесценок на бойню живоде́рутатарину Касимке, съмет он с тебя шкуру, а из костей драгунца наварит. Кабы чуяла, кобыла, что тебе там предстоит пережить, так бежала бы щас со страху аж поперёд моих оболтусов.

Пройдя тяжёлый отрезок пути, он снова мостился на край облучка и, отдышавшись, начинал рассуждать, поучая впереди идущих сыновей:

– Вот, что нужно для доброго хозяйства? А? Я вас спрашиваю?

Сыновья, разгребая почти по пояс навалившийся снег, выбившиеся из сил, молчали, не обращая внимания на разболтавшегося от нечего делать отца.

– А я вам поясню, чтоб не мучаться вот так-то и не тащиться, как улитка по склизкому бревну. Доброму хозяину перво-наперво нужно ладить дорогу, и желательно, чтоб она не петляла по лесу, как змеюка, а была прямёхонька, а то пока крутнешься меж деревьями, шибкость ходу теряешь. Вот как тока поставим на Усолке избу, так сразу за дорогу и примемся, чтоб до Чердыни за день можно было добраться. До большака по лесу всего-то пятнадцать вёрст, а кажется, что все сорок, ежели большак так же переметён, то придётся заночевать в дороге. Но! Шельма! – он снова на ходу спрыгивал с саней, подбирал за пояс полы шубы и матерно крестил лошадь, дорогу, и сыновьям доставалось на пряники.

К полудню следующего дня, с переночёвкой в лесу у костра, в предпраздничный сочельник накануне Рождества Христова они добрались до Чердыни. После дремучей тайги тихий маленький городок им показался столичным градом. По улицам ходили нарядно одетые люди. Со всех окрестных

деревень, где не было своих приходов, съехались верующие православные, и в предвкушении заговенья после долгого поста все ждали всенощной службы. Молодые девки и парни по своей добровольной охоте в своих околотках заливали ледяные горки для катания с них в праздники. Они таскали воду деревянными ушатами на пригорок из вырубленной иордани на речке Колва, по правому берегу которой стоит городок Чердынь. Поддавшись всеобщему настроению, Сафоновы ребята, забыв усталость тяжёлой дороги и обиды друг на друга, радовались, как малые дети, на ходу дурачились, толкались в снег и делали шутейные подзатыльники. У дома, где они жили, их встретил радостным лаем дворовый пёс по кличке Вялый, он вилял хвостом и насккивал на хозяев поочерёдно, желая получить от каждого порцию ласки. Завидев приехавших отца и братьев, с визгом и радостными объятиями налетели младшие сёстры. Они натаскали снега в большую горку и поливали её водой, делая свою собственную ледяную катушку. Соскучившиеся по Артёму, сестрёнки сразу облепили его, рассказывая наперебой свои девчачьи истории. Всем троице сёстрам он и Фома приготовили подарки, какие можно было добыть в лесу. Старшей Лукерье – несколько шкурок белки для оторочки кафтана, средней Фросе – кунцу на воротник, а младшей, поскрёбышу Полинке – живого зайца, заскочившего в охотничью петлю перед самым отъездом. На шум и переполох во дворе из дома вышла мать, она вежливо поздоровалась с мужем, обняла Фому и, подойдя к Артёму, всплеснула руками, приговаривая:

– Исхудал-то как, а на лицо будто старше стал, ишь борода какая полезла, три месяца назад так её и вовсе не было, так, глядишь, а тебе и невесту скоро надо будет подыскивать.

– Нет, мама, никого искать не надо, она у меня уже есть, – смушаясь, ответил Артём.

– Ишь как вышло. Где ж ты её нашел-то, в лесу штоль? Не оборониха ли, случаем, сынок? Али лешачка какая? – не понять, шутейно или всерьёз спросила мать.

– Нет, простая девушка, глянь, какой треух из рыси мне сшила, на все дела мастерица, Прасковья зовут. Вот увидишь, она тебе приглянется.

– Ты, Евдокия, потом с ним наговоришься, иди в дом, чего раздетая вышла, не хватало мне, штоб ты захворала ещё, да пока мы рыбу прибираем, поставь на стол что есть – поесть, проголодались с дороги, – встрял в разговор отец, взял мать за плечи и вежливо, но настойчиво повёл её к крыльцу.

– Ты што, Сафон? Сегодня же последний день поста, до первой звезды нельзя.

– Ничё, хворым да путникам можно.

– А ты никак захворал?

– Дура, тилун тебе на язык, путники мы, полтора дня в дороге, ладом не жрамши.

– Так у меня тока сочиво с мёдом да репа парёная, квашню-то я к завтраму на пироги поставила, – стоя уже на пороге, оправдывалась мать.

– Ну, куды деваться-то, раз уж пост, и сочиво сойдёт, не до жиру, быть бы живу, – отец засмеялся, проводил весёлым взглядом мать в дом и, обернувшись, прикрикнул на девок:

– Што рты пораззявили? А ну, живо таскайте рыбу в подклеть да складывайте её там у стены поленицей. А вы, – обратился он к сыновьям, – распрягите лошадь да баньку затопите, ко всенощной штоб все мытыми были, к Богу надо идти чистым и телом, и душой... Лушка?!

– Что, тятя?

– Как баня протопится, вы её от сажн-то отмойте да не забудьте пол и полки кирпичом отшоркать.

– Ладно, тятя, исполню.

Сёстры, весело смеясь, сыпанули на воз, стали растаскивать мороженых хариусов и стерлядь, складывали их, как дрова, в охапки и таскали в подклеть. Фома взялся распрягать лошадь, Артём вышел в огород, где поодаль на отшибе стояла баня по-чёрному. Сафон потоптался чуток на крыльце и, убедившись, что все дети заняты делом, с хитрым видом зашёл в дом. После яркого солнца и белого снега, щурясь, привыкая к полумраку, снял с себя шубу и кинул её на лавку.

– Евдокия?! Ты где? – кликнул он жену, потирая озябшие ладошки друг о дружку.

– Тута я, – тихо и глухо раздался голос из кухонного закутка.

Сафон отдёрнул занавесь, разделяющую горницу от кухни, зашёл за печь и, взмахнув руками... сорвался вниз, в открытый лаз домашнего погреба, простучав ногами в пимах по ступеням и сосчитав их задом, он приземлился на дно подполья.

– Што ж ты!?! Голова твоя мякитная, лаз-то оставила открытым? На тебе, хотел получить ласку, а вместо этого получил увечья.

– Сам виноват, под ноги-то надо глядеть. А то ишь, полетел за лаской, задрав голову, голубь сизокрылый, ежели бы я лаз закрыла, как я тебе тут впотьмах-то была бы? Слава Богу, что на загривок мне ещё не присел, а то бы и меня порушил, – она поставила на приступок миску с набранными из бочки солёными огурцами и, подталкивая снизу, помогла Сафону выбраться из голбца наверх. Тот, крихтя и охая, продолжал ругаться, но уже не злобно, а так, для острастки, понимая, что виноват сам:

– Вот бляха-муха, мать твою за ногу!.. Прости меня, Господи, грешнаго!.. Как же я сегодня всенощную стоять-то буду, крестец-то начисто отшиб, аж позвоночник гудит, будто в ём пчелиный рой завёлся, и каждая из них ядрёно кусат.

Он кое-как с помощью Евдокии добрался до лавки, лег на неё ничком.

– Ты, матушка, кликни-ка кого из девок-то, – плаксивым голосом попросил он, – скажи, чтоб сбегали до деда Лёшки, пушай придёт, он хоть и водит дружбу с бесами – однако, может, и поможет...

Про деда Лёшку в округе ходило много сказок и небылиц, но кое-что из народной молвы было невымысленной правдой. Многие люди были свидетелями его чудачеств. То он свадьбу, проезжавшую мимо на лошадях, оставит, кони встанут как вкопанные и не сходят с места, что с ними ни делай, пока жених с невестой не попросят старика и не дадут откуп пряником или кружкой браги. Или привезёт дед Лёшка из леса живых зайцев, косые сидят свободно в розвальнях и не убегают, а на вопросы зевак, почему зайцы сидят смиренно, старик отвечал:

– Я когда по лесу еду, заячью песню пою, а они уши развесят и, чтоб лучше слышать, сами собой в сани-то и запрыгивают, а почему не убегают? Так потому как ведают, што я их не трону и не обижу, – и хлопнет неожиданно в ладоши, а зайцы в раз повыпрыгивают из саней во все стороны и напрямик до леса, беги-свищи - не догонишь.

Этот чудный дар достался деду Лёшке от его родной бабки, потомственной остяцкой шаманки.

Дед его, Гаврила, ратный человек с Вычегды, участвовал в походе на Югру в составе отряда Семёна Курбского. В этом успешном походе против пелымских князей было завоевано много остяцких и вогульских городищ и взято большое количество пленных. Среди невольников оказались дочери знатного остяцкого шамана, имевшего очень сильное влияние на племена остяков и самоедов. И, чтобы ослабить язычество, по приказу пермского владыки, девушек насильно окрестили и отдали в жёны охочим жениться ратникам. Так досталась пращурю деда Лёшки жена, потомственная шаманка, при крещении получившая имя Анастасия, но в народе её звали просто Нюркаведунья. Гаврила в скорости после рождения их дочери Глаши, был задран на охоте медведем и, оставшись без кормильца с ребёнком на руках, Нюрка стала потихому шаманить, заговаривать и лечить травами больных и немощных. Слава о крещёной шаманке разнеслась по округе, и к Нюрке потянулись хворые да убогие люди с надеждой на исцеление. Дабы не травить местное духовенство, она не стучала в бубен и не одевала лохмотьев, заклинания произносила на своём непонятном для русских людей, булькающем, гортанном языке, вставляя из православных молитв ключевые слова «аминь» и «Отче наш». Прошли годы, дочь выросла, и её взял в жены чердынский крестьянин Осип. Вскорости у них родился сын Алексей. Как-то в Масленицу, приревновав Глашу к заезжему купцу, Осип убил её и, женившись на другой, за ненадобностью новой жене пасынка, отец отдал нажитого с Глашей сына Алексея старой Нюрке на воспитание. Переняв от бабки все премудрости шаманства, после её смерти Алексей сам стал помогать людям, никогда не женился и жил

один в старом, вросшем, покосившемся бабкином доме на отшибе у окраины Чердыни.

За знахарем Евдокия послала среднюю дочь Фросю, та, сверкая подшитыми подошвами валенок, понеслась к старику, на ходу оповещая всех, что тятка расшибся. Услышав весть, что отец покалечился, в доме собрались дети, они расселись рядком на лавку вдоль стен и в ожидании, что будет происходить далее, переживали за отца.

Тем временем Сафону становилось совсем худо. Он так и лежал ничком на узкой деревянной лавке, опустив огромные натруженные кулачищи до полу. Жёсткая лавка давила грудь, и он, пытаясь облегчить свои страдания, упирался кулаками в пол, приподнимая тело, чтоб свободней дышалось. Каждое движение причиняло боль, он охал и крестил весь женский род аж до четвёртого колена, упоминая в сердцах и Божью Матерь. На что Евдокия возмущённо спрашивала:

– Причём тут бабы-то? А Матушку-заступницу так-то и вовсе грех упоминать, вот ты сам за свой язык на себя все беды и кличешь.

– Цыц, баба! Поговори у меня ещё?! Вот я тебе! – и, резко приподнявшись, Сафон показал жене кулак, вдруг ахнул, и его тяжёлая рука упала до полу, как плеть. От стрельнувшей в поясницу резкой боли и своей беспомощности на его глаза навернулись слезы, не в силах скрыть и спрятать их от домашних, он, часто моргая и скрипя зубами, отвернулся, уперся взглядом в темноту под столом и затих, не желая боле разговаривать.

На все попытки и уговоры домочадцев перенести его на лежанку с мягкой периной он, не поворачиваясь, глядел под стол и отвечал плаксивым категорическим отказом:

– Тут пошевелинуться-то не в мочь, так во всём теле и стрелят... Охти мне как... А вы, изверги, хотите меня совсем со свету изжить, ироды... На лавку-то я так, временно прилёт, а ежели на перину переберусь, так, мобыть, с неё и вовсе не встану... Вот придёт Лёшка-шаман, там и видно будет, куды меня ташить, на погост аль на перину...

– Ты што, старый? Совсем сдурел? – жена всплеснула руками, хлопнув себя по бёдрам. – В праздник погост упоминать? Язык твой, что ботало, сам беду накликает. Нельзя тебе помирать, кто девок подымать будет?

Бегавшая до деда Лёшки Фрося вернулась и, запыхавшаяся от бегу, отдыхаясь, отчиталась:

– Дедушка сказал, что он припозднится чуток,... ему шас некогда... со скотиной управляться надо... я ему рассказала, что случилось, так он наказал, чтоб ты, тятя, не шевелился.

– А я итак не в силах шевельнуться, – жалостным голосом занудил Сафон, – надо же, угораздило на праздничек зашибиться, – и, обведя взглядом домочадцев, решил разогнать всех, дабы не было свидетелей его беспомощ-

ности: – Со скотиной управились? Коров, свиней напоили, накормили? – Сафон хотел придать голосу жёсткости, но у него получилось, как у нищего на паперти – просьба о милостыне.

– А как же, давно управились, и в хлеву, и в стайке почистили, в конюшне Фома прибрался, всё сладили, – за всех отчиталась мать.

– Вам что?! Дел больше никаких нет, кроме как на меня глазеть? Вот бездельники! Помру, всё хозяйство прахом пойдёт. Идите хоть чем-нибудь да займитесь. Я не скоморох, нечего тут на меня глаза пялить, ротозей!

Несмотря на беспомощность отца, дети, забоявшись его гнева, разошлись, придумывая каждый сам себе занятие.

Ближе к вечеру, переделав все дела, домочадцы снова собрались в горнице. Сафон, как и прежде, ничком лежал на лавке и время от времени говорил вслух всё, что взбредёт ему в голову, чтобы хоть как-то отвлечься от боли в пояснице:

– На пошто стройку затеял? Теперича вы без меня и вжизть её не закончите, всегда хочешь как лучше, а почему-то всегда выходит как придётся. На то всё есть Божья воля, – вспомнив о Боге, Сафон глазами нашёл старшую дочь и спросил у неё: – Лукерья, ты баню от сажи отмыла?

– Да, тятя.

– А кирпичом шоркала?

– И кирпичом.

– Так идите мойтесь! В церкву уже пора собираться... Я вам не поп, праздничную литургию служить не буду... Да не забудьте там помолиться за меня, в церкви-то. А то моченьки моей уже нет терпеть этаку боль... Где этот чёртов шаман?!

И в то же мгновение в дверь кто-то тихо постучался, прочитав молитву: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешнаго»... Все домочадцы в голос произнесли «аминь» и удивлённо переглянулись. Что это был чужой человек, сомнений не было, но почему не лаяла и пропустила постороннего сидевшая у ворот на цепи собака, было непонятно. Стоявший ближе всех к входу Фома открыл дверь.

В избу зашёл маленький человек неопределённого возраста, седые, длинные волосы, намазанные конопляным маслом от вредных насекомых, висели сосульками. В его сухом теле не было видно богатырского здоровья, в движениях не чувствовалось уверенности, но маленькие черные глаза-пуговики жгли насквозь. Несмотря на русскую кровь отца и деда, шаман Лёшка был настоящим остяком и видом, и повадками.

– Здравствуйте, люди добрые, – с легким поклоном поздоровался он, повернулся к красному углу и три раза с глубокими поклонами перекрестился на иконы с зажжённой лампадой, показывая свою набожность.

– Что, Сафон, недуг схватил? – отбив поклоны, спросил старик.

– Да, вишь? Распластался, как черепаха, не вздохнуть, не...ох, охнуть.

– Ты уж, Ляксей, постарайся, кудыть нам без него, без хозяина-то? – те-ребя передник, слёзно стала просить деда Евдокия. – А мы уж отблагодарим, не поскупимся.

– Ну, благодарить-то пока ещё рано, а помочь постараемся, – дед снял с себя латаный-перелатаный армяк, повесил его на рогатки у входа, подошёл к Сафону, задрал на спине рубаху и спустил до ягодиц штаны. Как бы прицениваясь к разложенному на полу товару, поглядел и начал давать распоряжения: – Ты, милоч, – обратился он к Артёму, – принеси-ка с улицы три осиновых полена.

– Так я это за раз – мигом зрблю, – с готовностью откликнулся Артём.

– Баня топлена? – спросил дед у Евдокии.

– Топлена, родимый, топлена, – подтвердила мать.

– Тогда пусть Фома принесёт ушат тёплой воды, ноги надо омыть.

Евдокия схватилась за сердце, готовая завывать от такого известия. Все домашние взволнованно посмотрели на старика.

– Кому? – удивляясь, спросил Фома.

– Мне, – невозмутимо ответил старик, после чего все с облегчением вздохнули.

Мать благодарно перекрестилась на иконы.

– Ты, милушка, приготовь чистых тряпич и плошку – каку не жалко, – продолжил дед распоряжаться, обращаясь к Евдокии.

Все разошлись выполнять наказания, оставшиеся сёстры сидели тихо, во все глаза наблюдая за стариком, тот из переднего кармана лузана достал маленький глиняный кувшинчик с пробкой, поставил его на стол. Артём принёс поленья и, не зная, что с ними делать, положил их на стол перед стариком. Мать достала из сундука тряпки, а из подпечника вытащила старую выщербленную по краям глиняную чашку, подала деду. Старик взял посудину, поманил пальцем самую младшую из сестёр, когда Поинка подошла, сунул ей в руки чашку и сказал на ухо:

– На, милая, набрызгай чуток.

Девочка зарделась краской и вопросительно посмотрела на отца.

– Делай, что велют, надо так надо, – на всё соглашаясь, нетерпеливым тоном прикрикнул Сафон и тяжело вздохнул.

Фома принёс из бани ушат с парившей водой и с торжественным видом, как поднос с яствами, поставил его у ног дорогого гостя. Старик попросил братьев переложить отца рядышком с лавкой на пол, предварительно расстелив старую шубу. Артём и Фома выполнили просьбу и встали в ожидании дальнейших указаний по обе стороны от распластавшегося на овчине родителя, как рынды подле царя. Отец, отдавшись воле колдуна, покорно слушался и не возражал, лежал, тихо упёршись подбородком в вонючий ворс старой

шубы, разложив веером бороду, и наблюдал из-под лохматых бровей за происходившим вокруг. Дед уселся на опустевшую лавку, не спеша стянул с ног няры – меховые сапоги, закатал штаны до колен, снял раВДуги – носки с длинным голенищем, большим пальцем ноги попробовал воду и, блаженствуя, опустил ступни в ушат.

– Эх, ляпота-а, – дед от удовольствия закатил глаза и мечтательно пожелал вслух: – Зараз бы сбитня горячего!

Все домочадцы недоуменно переглянулись, удивляясь чудачествам старика.

– Так можно и соготовить, – услужливо предложила мать

– Нет, спасибочко, не надо. Вы лучше идите, не мешайтесь здесь, парни пусть остаются, ежели чё, так помогут, а вы, девки, все на выход, – дед помачал в сторону дверей рукой, – нечего вам тут делать, очи мне только мозолить будете.

– Куда идтить-то, батюшка? – растерянно спросила Евдокия.

– А вот в баню и идите, помоеетесь заодно, а то не люблю, когда бабы под руку смотрят, червивый у вас какой-то взгляд, не зря говорят, что в каждой бабе маленький бес сидит.

Мать с дочерьми тихо достали из сундука чистое бельё и, стараясь не шуметь, явно побаиваясь колдуна, вышли из дома.

Дед ещё немного побулькал в ушате ногами, по очереди вытер их насухо тряпицей, затем из принесённого кувшинчика налил в ладошку масло, обмазал им свои ступни и шустро, по-молодецки перекинул ноги через лавку, крутанувшись на заднице. И, начиная с шеи, стал ловко ощупывать пальцами ног позвонки на спине Сафона. Когда проворные пальцы дошли до крестца, отец взвыл от боли, вцепился руками в шерсть шубы, заскрипел зубами и с круглыми страдальческими глазами жалостно смотрел на сыновей, дед как ни в чём не бывало, не обращая внимания на страдания Сафона, продолжал елозить ногами по позвоночнику, пока не дошёл и не ощупал копчик.

– Лихо ты, милоч, прокатился по ступеням-то, – озадачившись, заметил знахарь, – почитай, от самого копчика до поясницы все позвонки порушил, как бы совсем без ног не остался. Вот что, ребятки. Тащите-ка вы его на порог, боль изгонять из тела будем, а то, ежели я ему сейчас жизненный столб править начну, он может и Богу душу отдать, такую муку терпеть не приведи Господи.

Старик взял три осиновых полена, загодя приготовленных Артёмом и, открыв входную дверь, два положил по обе стороны порога, третьим вооружился сам, держа его в правой руке, как меч.

В открытые настёж двери тянуло морозным паром и доносился благовест басовитым гулом одиночных ударов большого колокола, извещавшего горожан о скором начале праздничной службы в Иоанно-Богословском ка-

менном храме, построенном в Чердыни недавно.

– В самый раз колокол загудел, – заметил дед, – под бой легче будет хворь прогонять. Колокольный звон и молитва – это самая страшная сила против всякой нечисти, так что, пока я тут с хворью бороться буду, вы вставайте под образа и читайте «Отче наш», одно другому не помешает, – и нетерпеливо прикрикнул на братьев: – Ну што встали?! Тащите его! – старик поленом, как жезлом, стал указывать, куда и как положить Сафона.

Артём и Фома, не на шутку испугавшись слов деда Лёшки, аккуратно, боясь лишний раз причинить тяте боль, перенесли его на порог и уложили поперёк порожного приступка животом вниз, головой на улицу, а ногами в дом, как указал старик. Сами же братья встали на колени под образа и в голос зачастили молитву, с любопытством поглядывая в сторону деда.

Дед Лёшка взял чашку с Полинкиными брызгами, замочил тряпицу и аккуратно разложил её на ушибленное место, затем опустился на колени перед Сафоном и, держа обеими руками полено, прижал его ко лбу. Поначалу он тихо, а потом всё шибче и шибче стал раскачиваться взад и вперёд, как Ванька-встанька, издавая гортанные звуки и произнося непонятные слова. При каждом наклоне вперёд он тихонечко прикасался поленом к спине Сафона, а затем прикладывал его к своему лбу. Наклон движений туда-сюда постепенно увеличивался, а звук голоса становился похожим, чередуясь, то на звериные рыки, то на крик большой птицы. Осиновое полено било по спине всё сильней и жёстче. Глаза старика закатились и светились в полумраке белыми бельмами, седые длинные волосы-сосульки сами собой поднялись дыбом, а голос из человеческого превратился в сплошной звериный вой. Сафон сначала вздрагивал от прикосновения полена, но по нарастаюнию силы ударов он всё меньше и меньше реагировал на боль и на всё происходящее вокруг.

Фома и Артём, видя такое первый раз в жизни, не на шутку перепугались и глядели на то, что творил старик, как на бесовское представление, совсем позабыв про молитву и крестное знамение.

Старик, достигнув наивысшего состояния бешенства, как посчитали братья, последний раз стукнул отца по лопаткам, диким голосом прокричал «аминь» и затих. По его морщинистому лицу текли струйки пота, из трясущихся расслабленных пальцев рук вывалилось полено и грохнуло об пол. Братья от неожиданности вздрогнули. Стариковское худосочное, маленькое тельце тянуло судороги, била мелкая дрожь, и со стороны было похоже, что он кривляется и строит рожи. Дед поднялся с колен, держась за дверной косяк, кое-как прошёл на непослушных, подгибающихся ногах в горницу и сел на лавку.

– Ребятки! – слабым голосом обратился он к братьям. – Это мы ещё только полдела сделали, самое главное впереди, вы бы притащили его сюда, под лавку, пока я сил набираюсь.

Артём и Фома подняли безвольное, расслабленное тело отца и перенесли его на место, где он лежал прежде. Глаза Сафона, бессмысленные и пустые, блуждали по горнице, ни на чем не останавливаясь, казалось, что он был в сознании, но ничего не ощущал и не понимал действительности.

– Фомка, помнишь, как мы тятю в прошлом годе из казённого кабака ташили? – зашептал Артём брату. – Он тогда пермскому купцу рожь по выгодной цене продал и на радостях загулял.

– Как не помню, помню, мы его домой на руках несли, а он не узнавал нас, кулаками махал и в беспамятстве на всех драться лез.

– И зараз он тоже, будто бы во хмелю, ничего не соображает, это дед его околдовал, сам-то старик, вишь? Сидит еле живёхонек, как бы худо совсем не было?

– Старик-то, дьявол вылитый, волосищи пегие и глаза, как буравчики, аж жуть берёт, нешто так людей лечить надо?

– Был бы дьяволом, на образа бы не крестился, от креста животворящего вся нечисть гибнет, наверное, тут дело в другом, великой силой дед владеет, нам неведомой.

Дед Лёшка, посидев чуток, набрался сил, отдохнул и вновь принялся за спину Сафона. Устроившись на лавке удобней, он босыми ногами так же, как и в прошлый раз, стал осторожно ошупывать поясницу. Шаря пальцами ног по позвоночнику и найдя только ему ведомый изъян, он, прицеливаясь, мягкими толчками пятки расставлял позвонки по местам, действия его были точными и уверенными. В горнице стояла такая тишина, что слышно было, как хрустят вправляемые кости. Сам старик, не обращая ни на что постороннее внимания, был в напряжении и сосредоточен только на том, что он делал. Напряжение передалось и братьям, они сидели тихо, во все глаза наблюдая за действиями знахаря, отлично понимая, что самый важный момент в лечении отца проходит именно сейчас, и от того, как старик справится с этой задачей, зависела вся дальнейшая жизнь их большой семьи.

Входная дверь, открываясь, заскрипела. В тишине горницы её звук был неожиданным и зловещим. Братья с холодком, пробежавшим по их спинам, медленно повернули головы в сторону скрипа. На пороге в нерешительности, не зная, что делать, выйти или зайти в горницу, топтались вернувшиеся из бани мать и маленькая Полинка, на них сзади напирали пытающиеся протолкнуться Луша и Фрося. Лица их были распаренными и красными, а в глазах сверкало любопытство. Клубы морозного пара вваливались в дом и катились по полу, протягивая холодком. Дед Лёшка, не обращая внимания на толчею у порога, продолжал священнодействовать. По лицу знахаря бежали крупные капли пота, а рубаха на теле взмокла. Он больше не бил пяткой, а только пальцами ног осторожно бегал по костяшкам позвоночника Сафона и как будто прислушивался к чему-то. Перестав шелудить ногами, осторожно опустил их

со спины больного, расслабленно откинулся на лавке и, упираясь спиной на сзади стоявший стол, с облегчением выдохнул из себя воздух: – Ууух... – и затем тихим голосом добавил: – Кажись, всё, отмучался родимый,- старик имел в виду, что поправил все позвонки и избавил Сафона от сильной боли.

Но стоявшая на пороге Евдокия поняла сказанные стариком слова по своему и, видя, что её муж лежит обездвиженно и бездыханно, враз заголосила, как по покойнику:

– На кого ж ты нас покинул, родимец ты на-а-а-ш? Тока ведь с животом бы-ы-л! Нешто ты, старый хрыч, погубил его? Убивец! А-а-а...!

Вслед за хозяйкой по нарастающей стали поднимать вой и дочери. Фома и Артём, ничего не понимая, попеременно смотрели то на родственников, то на деда Лёшку. А тот продолжал сидеть, не обращая внимания на нападки Евдокии, и лукаво улыбался в свою жидкую остяцкую бородёнку.

Неожиданно из-за лавки, с пола, где лежал Сафон, раздался его громкий голос:

– Вы што, бабы? Совсем сдурели, блажите, как по покойнику?

Евдокия и старшие дочери враз, как начали, так и перестали выть, только одна младшая Полинка продолжала, кривя рот, пищать и выдавливать крупные слёзы из плотно зажмуренных глаз.

– Сон тока потревожили, такой баской был, и не дали досмотреть, бес-тии, – Сафон стал медленно подниматься с разостланной на полу шубы, сначала боязно, осторожно встал на четвереньки, пощупал рукой поясницу. – Не болит, – удивляясь, сказал он и поднялся во весь рост.

– Вы дверь когда-нибудь закроете?! – раздражённо закричал он на стоявших у порога жену и дочерей. – Весь дом выстудили, на вас так-то и дров не напасёшься, и печи не натопишься, вот ежели бы помер сёдня, у вас, у беспутных тогда бы всё прахом пошло.

Вдруг неожиданно с улицы в открытый проём двери, поверх голов матери и сестёр, в дом ворвался колокольный перезвон, означавший скорое начало праздничной Рождественской службы в храмах города.

6. РОЖДЕСТВО.

Всё семейство Сафона, за исключением самого хозяина и маленькой Полинки, немного припозднившись, пошло на всюнощную литургию в церковь. Опоздание означало то, что всю службу придётся простоять во дворе церкви, так как храм уже был забит народом до отказа. Сафону, по совету деда Лёшки, непременно нужно будет лежать целую неделю и ни в коем случае не вставать, а в дальнейшем нельзя перетруждать себя, спать только на жесткой постели и не поднимать тяжести. «А то может паралич разбить, будешь потом всю оставшуюся жизнь, как бревно лежать», – страшно выкатив глаза и избражая из себя бревно, с серьёзным видом предупредил старик, своим не утешительным предсказанием напугав домочадцев, а особенно самого Сафона.

Полинка с нетерпением ждала этого праздника, постоянно приставала ко всем, чтобы взяли её с собой, а тут вдруг залезла на печь и – на радость старших сестёр – нечаянно заснула. Никто не хотел с ней возиться.

– В храме столько народа будет. А вдруг потеряется?

– Или того хуже, задавят в толпе. Такие случаи уже бывали.

Громко, подражая взрослым, толковали между собой Луша и Фрося, в надежде, что мать всё-таки пожалеет их и не заставит взять под опеку младшую сестренку. А издерганной и напуганной Евдокии нынче было не до того, и Полинку оставили дома.

Артём за суматохой беспокойного дня совсем забыл про Прасковью, но не так, чтобы напрочь память отшибло, а так, что душа не болела и не было постоянной думы, как выкрасть её у родителей. И теперь, по дороге в церковь, предчувствуя скорое свидание с Прасковьей, сердце его снова сильно билось, в голове крутилась только одна мысль – о ней, а в душе теплилась надежда увидеть её.

Собравшийся народ, съехавшийся на лошадях и пришедший пешком ходом со всей округи, толпился ещё задалёко до подхода к храму. Тщетно Артём пытался кого-то различить в плотной массе верующих, собравшихся на церковном дворе. При слабом свете ушерблённого месяца все люди казались на одно лицо, и даже трудно было в сумерках различить, мужик это или баба? А те, у кого водились денежки, и они могли позволить себе купить свечку, стояли с зажженными свечами, также были неразличимы, потому что, когда горит мерцающая свеча под лицом человека, то он становится похожим на мертвеца или, ещё того хуже, на беса из преисподней. Артем ужаснулся своей мысли-догадке, снял шапку, задрал голову вверх и стал усердно креститься на колокольный звон, разносящийся над головами собравшихся на молебен людей.

– Артюшка! – к уху Артёма, перекрикивая звон колоколов, прилип Фома.

– Че тебе? – Артём прекратил крестится и подался к брату, подставляя ухо, чтобы было лучше слышать.

– Мне уйти надо, оставайся один с матушкой и девками, а то скушно мне с вами, жуть, как праздника хочется.

– Ну, так иди, я тебя не держу.

– Тока ты потом бате не говори, что меня с вами не было, ладно?

– Не бойся, не скажу, зачем мне тятю лишний раз тревожить, ему теперь покой нужен.

– Ежели матушка спросит, где я, скажи, что в церкву полез пробиваться ближе к алтарю.

Не успел Артём Фоме ответить, как его уже и ветром сдуло, в одно мгновение брат исчез в толпе народа.

Неожиданно затихли перезвоны подголосков, и в морозном воздухе остался один продолжительный, уносящийся ввысь и растворяющийся в черном небе гул большого колокола-благовестника. Оглушенные люди, находившиеся на паперти и храмовой площади, громко переговаривались между собой, по привычке пытаясь перекричать продолжающийся звон в заложенных ушах. Постепенно, начиная с паперти, людской гомон стал стихать. И в открытые настежь ворота храма послышался зычный голос дьякона, приступившего читать тропарь.

Артём, не вникая в ход действия службы, машинально крестился, когда краем глаза видел, как начинали делать крестное знамение стоявшие рядом с ним сёстры. Непонятно, каким неведомым чувством, но он точно знал, что Прасковья сегодня здесь. Как лось чует свою самку за многие вёрсты в бескрайней тайге, так и он ощущал её присутствие и лихорадочно думал, как можно в таком столпотворении народа отыскать одну девушку.

Рядом стоявшие Фрося и Луша постоянно о чём-то перешёптывались, хихикали и успевали ещё при этом следить за службой. Понаблюдав за ними, Артём понял, что они вовсе не знали правил литургии, а так же, как и он им, подражали матери. После каждого знамения делая маленькие поклоны, они двумя пальцами левой руки зажимали нос, а после, выпрямившись, хихикали, брезгливо морщились, указывая и тыкая пальцами на впереди стоявшего маленького человека.

Одетый в сильно изношенные русские пимы и дырявую во многих местах вогульскую парку, низкорослый мужичок невпопад службе делал поклоны. И громко, силным голосом, показушно ломая плохо понятные ему слова, пел вместе с хорами долетавшую из храма в открытые ворота «алилуя». Артём почувствовал запах, идущий от странного человека, и догадался, что в то время, когда никогда не мывшийся вогулич начинал шевелиться и бить поклоны, то во все дыры его парки сквозило зловоние, что и послужило поводом такому поведению его сестёр.

Глядя на мужичка и слушая, как он не выговаривает русские слова, Артема осенило: «Нужно не вглядываться в лица, а вслушиваться в говор, ведь

ежели Прасковья здесь, то она приехала не одна, а с отцом, но зыряне – боязливый народ, и всё может быть, что их приехало больше. Торговать рухлядью – рискованное занятие, а отец у неё охотник, значит, осторожный, и поэтому он обязательно должен взять с собой на подмогу кого-то. А ежели их несколько человек, то они будут находится все в одном месте и разговаривать между собой на своём родном языке или на русском, но так же, как и Прасковья, путая буквы, «х» на «к», «ы» на «и».

Шепнув матери на ухо, что пойдёт посмотреть, где Фома, Артем стал проталкиваться сквозь массу столпившихся людей, вслушиваясь в их разговоры. Медленно пробираясь, иногда нагло толкаясь и протискиваясь между плотно стоящими молящимися, он внимательно слушал и одновременно продолжал рассуждать про себя: «В храм они не должны попасть, там и своих, чердынских, набилось – не продохнуть. Ближе к алтарю бояре с семьями и челядью, за ними – стрельцы и служилые люди, потом купцы, за купцами – зажиточные крестьяне, а после – народ, какой поплоче, но пошустрей. А так как зыряне пришлые, не босяки, конечно, но всё равно чужие, то они должны быть во дворе и выбрали место поближе к входу», – сделав такое заключение по ходу своей думки, Артём решительно двинулся в сторону паперти.

Обходя плотные кучки людей, прислушиваясь к ихговору, он наткнулся на спину здоровенного молодого парня, тихо разговаривавшего на языке коми с рядом стоящим мужиком, и, как показалось Артёму, мужик был в летах и с рыжей окладистой бородой. Заинтересовавшись двумя зырянами, Артём обошёл их с боку и увидел Прасковью. Она стояла впереди парня со свечой в руках и, не отрываясь, смотрела в открытые ворота церкви. Он хотел сразу броситься к ней, но пересилил себя и, пристроившись рядом, чуть-чуть сзади, стал наблюдать, что будет далее. Здоровенный детина, по-видимости, жених её и сосед Николька, по-хозяйски и бесцеремонно то брал её за талию, то, положа руки на плечи, что-то шептал ей на ухо и сам смеялся мальчишеским, не подходящим к его внушительным размерам голосом. Она, не обращая внимания на слова и смех парня, продолжала упрямо смотреть в проём церковных ворот, мелко креститься и шептать молитву, еле заметно шевеля губами. Артёма била нервная дрожь, и предательски тряслись коленки, нет, не от страха при виде здорового жениха, а от ревности и жалости к себе, что не он сейчас стоит рядом и обнимает Прасковью, а другой. Поначалу Артём хотел показать ей себя, как-нибудь тихо привлечь её внимание, но теперь он решил проследить и со стороны попытаться понять их отношения. Он осознавал, что поступает плохо, но оправдывал себя тем, что другого выхода у него нет. «Если сейчас уйти, – думал он, – то потом будут терзать сомнения и догадки неизвестности, а так есть возможность расставить по местам все беспризорно бродившие мысли в голове. И, чем чёрт не шутит, может, удасться поговорить». Артём спохватился при упоминании беса и, кляня себя за

неподобающие на церковном дворе слова, стал усердно молиться, не упуская из вида Прасковью и её жениха. Так и простоял он всю службу до конца, не сходя с места, крестясь и наблюдая за ними. Прасковья всё так же спокойно стояла и глядела в храм, а парень переговаривался с рыжебородым мужиком и иногда шептал что-то Прасковье.

Всенощная праздничная служба закончилась, неожиданно зазвонили колокола, и из ворот храма повалил люд, уплотняя и без того битком набитую паперть. В начавшейся давке напираний народ отдалил Артёма от Прасковьи, и толпа понесла его с церковного двора в ворота ограды. В отчаянии он пытался сопротивляться течению, но безжалостная, безликая масса тянула его всё дальше и дальше от высокого парня, которого Артём ещё какое-то время пытался держать в поле зрения. Но вскоре и он потерялся за головами напираний людей. За церковной оградой натиск толпы ослаб, люди, рассыпаясь в разные стороны по прилегающим улицам, отпустили его, и он, как брошенный шенок, метался из стороны в сторону и заглядывал в лица людей, не теряя надежды ещё раз увидеть Прасковью. Вдруг его кто-то сзади потянул за рукав, Артём оглянулся и...

– Слава Богу! Я тебя нашёл, – с чувством облегчения воскликнул он.

– Чудной ты у меня, это я тебя нашла. Ты думаешь, я не видела тебя там, у паперти? Сразу заметила, только вида не подавала.

Артём растерялся, не знал, что делать и что говорить. Слова где-то потерялись, а мысли запутались.

– Артём! Ну что ты встал, прям, как столб проглотил, меня вот-вот споквалятся и начнут искать, давай отойдём с дороги, – она взяла его за руку и потянула в сторону, за поворот церковной ограды, где было меньше народа.

– Ты знаешь? Я как тебя увижу, так какой-то сам не свой становлюсь.

– Думаешь, у меня поджилки не затряслись, как я тебя увидела, а сердце так и вовсе чуть не зашлось от стука, даже боялась, что Николька услышит.

Они отошли и встали за крайним угловым столбом ограды, Артём обнял девушку и спросил с ревнивыми нотками в голосе:

– Почему он ведёт себя так, как будто ты уже его жинка?

– У ник с отцом всё уже решено, и я пока не кочу разубеждать их в этом, пусть думают, что я согласна.

– Уходи от них прямо сейчас, а завтра обвенчаемся, ныне как раз время свадеб.

– Нет, рано ещё. Я надеюсь, что, может, всё как-нибудь обойдется, некоота укудить из родительского дома со скандалом. Потерпи немного, – она выглянула за угол. – Мне уже пора идти, вон Николька с тятей бегают по двору, меня ищут. Завтра с утра мы будем у Строгановских лабазов пушнину сдавать тамошнему приказчику, так, пока тятя торговаться да рядиться будет, я постараюсь улизнуть. Придешь?

– Ты ещё спрашиваешь, обязательно приду, как на крыльях лететь к тебе буду.

– Тогда до завтра.

Поцеловав его, она выскользнула из объятий и пошла скорым шагом вдоль ограды к воротам, где в поисках её метались отец и жених Николька. Артём осторожно из-за угла поглядел ей вслед, сердце его тоскливо сжалось от такой скорой разлуки, а в глубине души начала подниматься жгучая волна ревности. Искавший Прасковью Николька, завидев её, подбежал навстречу, махал руками и недовольным тоном что-то выговаривал. Девушка, спокойно выслушав его, невозмутимо отвечала ему, указывая рукой в сторону угла ограды. Артём прислушался к разговору, но ничего не понял, общались они на языке коми. В этот самый момент он сильно пожалел, что не знает их речи и не понимает, о чём они толкуют, и решил для себя: «Ежели с Прасковьей всё будет ладно, и они станут жить вместе, то обязательно попросит её научить его изъясняться на языке зырян. Дабы не выглядеть иногда вот так-то, полным дурнеем».

Проводив долгим взглядом Прасковью и её сопровождаемых, пока они не скрылись в темноте улицы, Артём вышел из-за угла и направился скорым шагом домой, думая о завтрашнем дне и о предстоящей встрече с Прасковьей.

Первый день святок, когда Артём проснулся, начался с таких родных и знакомых с детства запахов праздника. С самого утра по дому плавал дух рыбных и капустных печёных пирогов, ягодных шанег и медовых пряников. «И когда мать успевает всё это изобилие стряпни творить?» – удивлялись в детстве ребята. И только повзрослев, поняли, что мать в такие дни и вовсе не ложилась почивать, а, дождавшись, когда все в доме уснут, начинала суетиться, топить печь, стряпать, варить и жарить и не успокаивалась до тех пор, пока утром не накормит всё семейство, устраивая тем самым родным и близким ощущение праздника.

Сёстры с раннего утра, первыми насытившись пирогами, шумно бегали по дому, смеялись и дурачились, наряжаясь в рогожи и вывернутые мехом наружу овчинные полушубки, на лица пляли козлиные да лешачьи рожи, сделанные из бересты и лыка. Первый день святочной недели они с ребятами такого же возраста будут колядовать, ходить и стучаться в дома к соседям, петь христославки и колядки, получая за это вознаграждение. По давно заведённому правилу утром колядовали младшие подоросли, а вечером рядились ребята и девушки, что постарше, каким уже в женихи да в невесты пора. Наколядовав достаточно вкуснятины, они жгли костер, лакомились собранной праздничной снедью, пели песни и с визгом и смехом катались с ледяных катушек.

Луша, Фрося и Полинка, снарядившись в свои придуманные наряды, с хохотом повыскакивали из дома, пошумели во дворе и затем высыпали на

улицу за ворота. В горнице сразу стало тихо, в кухонном закутке суетилась мать, отец сидел за столом.

Артём поднялся с широкой лавки, стоявшей под крошечным, затянутым бычьим пузырьём окном, через него ничего нельзя было разглядеть, что творится на улице, но зато в горницу чуть-чуть попадал матовый свет дня. Он натянул штаны и, шлёпая босыми ногами, в исподней рубахе подсел за стол рядом с отцом. Сафон сидел точно в таком же виде и с большим удовольствием уминал огромный кусок рыбного пирога, шумно прихлёбывая его молоком из глиняной крынки.

– Как твоя поясница? – заботливо поинтересовался сын у отца, вытягивая с деревянной, круглой, великих размеров тарелки творожную шаньгу.

– Поясница, как царёва колесница, что ни взвалишь, то и везёт, – отшутился отец. – Ты мне лучше вот что скажи, куда подевался Фома?

– А я почём знаю? – не умевший врать Артём отвёл глаза, делая вид, что полностью занят поглощением шаньги.

– Ты мне тут не крути. Опять он к своей стрельчихе подался? Язви его в душу! Он у меня добегаётся, вот заставлю венчаться, будет знать, как мать с отцом позорить, – отец дожевывая пирог и, успокоившись, заговорил снова: – Я хотел, чтобы вы сёдня на рынке коня доброго подыскали, за рублей этак пять, чтоб под седлом ходил, и в сани запрягать можно было. Мне-то не с руки по рынку шастать, дед Лёшка наказывал не шевелиться, так я бы в санях поси- дел, пока вы выберете, а торговаться я уж сам буду.

– Так, тятя, я это, зараз старую Мурашку запрягу, да и поехали, – Артём поднялся с лавки, на ходу дожёвывая шаньгу, стал одеваться, думая о том, чтоб управиться до обедни и успеть на свидание с Прасковьей.

Артём вышел во двор, вывел из конюшни дряхлую Мурашку, запряг её в сани, на сани поставил плетёную из ивовой лозы кошёвку и закрепил её на розвальнях, в кошёвку накидал ворохом сена, чтобы тятя было удобно ле- жать. Когда всё было готово, кликнул отца. Сафон, по-праздничному нарядно одетый, вышел из дома, хозяйским взором оглядел двор, проверил упряжь на лошади, покряхтывая, залез в кошёвку, поудобней устроился на сене и ско- мандовал сыну: «Трогай». Артём понукнул Мурашку, застоявшаяся за ночь в стойле. Старая лошадь, тяжело двигая чреслами, вышла за ворота.

•

7. КОЛЯДКИ.

Днём в центре Чердыни на ярмарочном базаре толкались, торговались и просто гуляли люди всяких мастей и разного сословия. Неизвестно откуда появлялись калеки да убогие, слепцы с поводырями и ряженые под увечных – хитрая чернь. Они просили милостыню и, если удавалось, то воровали у зазевавшихся коробейников, горожан и приезжих из окрестных сёл и деревень крестьян то, что удастся. А ежели поймают такого вора, то бьют его прилюдно жестоко и нещадно до полусмерти. Бедный воришка украдёт на полушку, а увечий получит столько, что потом ни за какие деньги не сможет излечиться. А то и вовсе безжалостные пьяные мужики просто так, от нечего делать, для веселья выбегут из казённого кабака – и давай бутузить бедолагу чем ни попадя. Озверев от крови и своей безнаказанности, не могут остановиться, бьют так, что после расправы остаётся от человека один большой кровавый кусок мяса. И нет никому дела до смерти бездомного воришки-попрошайки. Вот по этой-то причине краж было мало, а ежели кто и решался на воровской поступок, так только по недоумию, безрассудный или отчаянный человек.

Подъезжая к торгу, Артём увидел, как наперерез Мурашки из толпы выскочил маленький мужичок в парке и разбитых пимах, он бежал, на ходу откусывая от большого макового калача куски, и, не пережёвывая, глотал их, стараясь съесть до того, как его поймают. За ним нёсся коробейник с лотком калачей, сдоба сыпалась с лотка, но парень, не обращая внимания на потраты, скакал саженными шагами, стараясь догнать вора, в надежде поймать и потешиться над ним вволю. Артём сразу узнал мужичка-воришку, это был вогулич, который растряхивал вонь на церковном дворе в Рождество. Вогул юром, шустро проскочил мимо Мурашки, чуть-чуть не врезавшись в морду лошади. Ковыляя и кривя ногами, запинаясь большими валенками друг о дружку, он успел оторваться от преследователя и скрыться в толпе. Бежавший за ним коробейник с лету влетел на подоспевшую кошёвку, в которой сидели Сафон с Артёмом. Калачи да булки веером взлетели вверх, засыпая булочным дождём кошёвку и седоков в ней. Артём, осадив, остановил лошадь. Толпа народа, с интересом наблюдавшая за разворачивающимися событиями, взревела хохотом от неожиданно полученного удовольствия, некоторые острые на язык сразу стали балагурить, ещё пуще веселя зевак:

– Вот, Сафон, на Рождество тебе подарок, смотри, как пирогами осыпало, как из рога изобилия.

– Хороший знак, знать, богато жить будет.

– А этот недоумок за одним калачом побежал, да остальное потерял.

Почуявшие дармовшинку бродячие собаки живо стали подбирать то, что пролетело мимо кошёвки. Незадачливый коробейник, шибко ударившись о край саней, лежал в ногах Сафона и слегка поскуливал от боли и обиды.

– Ты, голубок, чё разлётся-то, я не колядовщик, мне твои гостинцы за необходимость, давай подымайся и собирай свою требуху. Нечего тут скулить, – зло высказался Сафон, ногой подталкивая парня в бок.

Молодой коробейник, от боли кривя рожу, поднялся и вылез из кошёлки.

– Как я теперь перед хозяином отчитываться буду? Он же у меня всё вычитет, – слёзно выговаривал он, собирая оставшиеся калачи.

А Сафон нравоучительным тоном поучал его:

– Не гонялся бы ты за полушкой, не потерял бы рубль. Сам виноват, ротозей. Ладно, Артюха, трогай, кажись, этот лохмандей всё собрал, поехали туда, где лошадьми торгуют.

Любил Артёмий наблюдать за отцом, когда тот торгуется с продавцом или когда сам что продаёт. Куда там скоморохам до его умения лицедействовать! В ход шли все уловки Сафона. Он важничал, показывая из себя богатого купца и слёзно приbedнялся, давя на жалость, клялся и тут же отказывался от своей клятвы, упрекая в этом того, с кем торговался, помногу раз стучался по рукам, сговариваясь о цене, и снова начинал рядиться. За каждый сэкономленный алтын он потом хвастался друзьям и гордился своим умением вести торг.

Коня, приглянувшегося им, они заметили быстро, это был саврасый молодой и резвый жеребец лет четырёх. Стоя у коновязи, он постоянно взбрыкивал и ржал, пытаясь встать на задние ноги в дыбы, но коротко привязанная к бревну уздечка мешала ему. Отец вальяжно, полулёжа на сене, строя из себя купца, попросил Артёма, чтобы он пригласил хозяина коня к нему для разговора о торге. Сын вернулся, ведя за собой неказистого мужика в латаном летнем армяке и с бегающими глазками на худом избитом оспой лице.

– Скажи, мил человек, сколь просишь за жеребчика? – начал пытаться торговец Сафон.

– Да, всего-то ничего, шесть рублей да пять гривен, – стараясь быть уверенным, ответил хозяин.

Сафон, заметив неуверенность мужика, придал голосу жесткости и уже спрашивал понапористой:

– А ты сам-то чей будешь?

– Да, тутошний я, – озираясь по сторонам, сказал торговец.

– Местных, почитай, я всех знаю, а вот твоего обличия что-то не припомню.

Мужик немного растерялся, торг пошёл по другому руслу, не так, как он желал, и поэтому стал чуток заикаться, но решил в свою очередь надавить и на Сафона:

– Солькамские мы, ныне утром приехали к вам, на ярманку.

– Кто мы? – чуток спасовав, спросил Сафон, вертя по сторонам головой.

– А вон, стоят братья мой с дружкой закадычной, – и он указал ру-

кой на стоявших неподалёку двух мужичков разбойничьего вида.

– Что, теперь в Соль-Камском граде ярмарка худая стала, раз вы сюда за тридцать вёрст приехали?

– А чё нам? Бешеной собаке семь вёрст – не крюк, – шерясь беззубым ртом, ответил мужик. – Ну, так ты берёшь, али дальше дознание будешь весть?

– Моё слово – четыре с полтиной – за этого молодого необъезженного жеребца.

– Эвон как загнул. Он и под седлом, и в оглоблях мастак. Ему цены нет, все семь стоит, а ты – четыре. Шесть – боле не спущу.

– За шесть я двух таких-то смогу взять.

– Такого ты и днём с огнём не сыщешь.

– Ладно, хорошо, к сказанному ещё алтын добавляю.

– На што мне твой алтын, добавь рублик, и порешим на этом.

– Ну ты, чудак-человек, сразу как хватанул, пять с полтиной получается, не многовато ли будет?

– В самый раз, добрый конь – не пожалеешь.

– Пять, и по рукам.

– Погодь чуток, мне посоветоваться надо, – мужик отошёл к своим товарищам, и они стали бурно обсуждать, доказывая что-то друг другу.

– Всё, Артём, торг окончен, жеребец наш, – уверенно сказал отец.

– С чего ты так порешил?

– Конь-то уведенный, им нужно побыстрее его сбегривить, чтоб избавиться, так что торговаться они уж боле не будут, не с руки им kota за хвост тянуть.

Мужик, «хозяин» жеребца, подошел обратно.

– Ладно, мы согласны, тока накинь гривенник за уздечку и забирай.

Пока отец рассчитывался, Артём отвязал от коновязи жеребца и привязал повод уздечки с задка к саням. Мужик-торговец, получив расчёт, отошёл к своим дружкам.

– Как кличут-то? – спросил Артём у мужика вслед.

Тот, обернувшись, хлопая глазами, не поняв вопроса, переспросил:

– Кого?

– Коня.

– А как хошь, так и называй, – и вместе с дружками быстро затёрлись в народе, будто их и не было.

Когда довольные сделкой Артём и Сафон возвращались домой, Артём спросил у отца:

– Тять? А как ты догадался, что конь ворованный?

– Конь справный, ухоженный, гладко выглядит, а хозяин – отрехолок в легком армяке, где же такому коня доброго иметь, вот я и догадался.

– Как назовём-то?

– Как придумаешь, так и кличь. Вам с Фомой на нем ездить.

Артём удивился сказанным словам отца:

– А почему ты себя в счёт не берёшь?

– Я, видать, в седле уже откатался, спина не выдерживает тряски. Вона уже ныть начинает. Наказал дед Лёшка неделю лежать, да как тут вытерпишь, ежели вы ничего не можете без меня выправить?

– Тять? Можно мне, как домой приедем, коня спытать?

– Напой да накорми его с початку, всю дорогу, пока за санями идёт, всё пытается из-под меня клок сена хватануть. Поди эти разбойнички жеребца-то голодом морили. Сами-то, небось, давно не жрамши. Глаза-то голодные у лиходяе были, однако теперича оторвутся на дармовщинку, будь они не ладны! Вот тока совестно чуток, што ворованного жеребчика взяли.

– Настоящий хозяин, небось, шас слезы льёт, поил, кормил, холил да леял, а тут на тебе – украли, – поддержал Артём начатый отцом разговор.

– Ну да ладно, чё теперь об этом толковать да сопли распускать. Взяли, значит, свово не упустили, и шабаш на этом. А про то, как, мол, и откуда, никому не говори, уразумел?

– Уразумел, тятя, – согласился Артём с отцом, кивнул головой и с проежей дороги повернул Мурашку в проулок к своему дому.

У Сафоновых ворот стояла гурьба ряженных в кикимор и рогатых зверей всяких, ватага соседских ребятишек, где-то меж них были и Артёмкины сёстры, но в хламидах и накладных рожах различить их было невозможно. Колядовщики громко стучались в ворота и в разнобой, кто кого перекричит, детскими голосами горланили колядку:

Коляга-маляга,

Подай пирога,

Не подашь пирога –

Уведу корову за рога,

С пышки уташу все твои покрывки.

На стук из ворот вышла мать с блюдом медовых пряников и козюлек, высыпала их в подставленный ребятами наполовину заполненный гостинцами мешок из рогожи.

Артём лихо подкатил ко двору, выскочил из кошёвки и, довольно улыбаясь новому приобретению в хозяйстве, весело спросил ряженных:

– Что, колядовщики, богато пряников насобирали?

Ряженные всей лохматой оравой бросились к Артёму, стали хвастаться собранными угощениями и проситься прокатить их на новом жеребчике. Слепая старая Мурашка стояла, как ни в чём не бывало, не обращая внимания на снарядчиков. А молодой конь, привязанный сзади, испугался, резко встал на дыбы и, оборвав повод, стал дико метаться по улице из стороны в сторону. Почуяв свободу, жеребец галопом прошёл по глубокому снегу на обочине,

взмётывая снег копытами, взбрыкивал и ржал от восторга и обрётённой воли. Наряженная лешачкой Полинка со страху бросилась к стоявшей в воротах матери и, ухватившись за юбку, закричала:

– Соврался, соврался!

Артём не на шутку перепугавшись, что не привыкший к новому месту конь может убежать и его потом не найти, выхватил у стоявшего рядом ряженого «козлом» мешок с наколядованным добром, отсыпал добрую половину на утоптаный дорожный снег и попросил отойти всех подальше. Голодный, давно не кормленный жеребец, почуяв хлебный дух, идущий от горки пряников да пирогов, успокоился. Вытянув шею, фыркая, подошёл, обнюхал кучу и, шаря мягкими губами по гостинцам, стал выбирать, что повкусней.

– Вот, шельмы, и тут обжулили, уздечку худую подсунили, разбойники! – сокрушался отец и, не зная, на ком выместить злость, спросил у Евдокии:

– Фома объявился?

– Вон, в горнице на лавке отсыпается, – ответила мать.

– Ну, я ему зараз задам гулянку, – и решительно, широко шагая, направился в дом.

Артём подобрал жеребца за уздцы, дождался, пока тот доест пироги да пряники, и объявил грустившим ряженым:

– Ну что, горбуны, козлы да лешие, приуныли? Зараз катать вас буду, убыток ваш возмещать.

Ребята с радостным криком и визгом, не дожидаясь, пока Артём перепряжёт Мурашку на нового жеребца, кинулись в кошёвку, устраивая в ней кучумалу: непонятно, где чья рука, где чья нога. Ряженные кое-как разместились в санях и сидели тихо, боясь, кабы хозяин не передумал и не прогнал их. Артём поменял лошадей, старую кобылу поставил в стойло, нового жеребца запряг в оглобли. Усадил рядом с собой на передке маленькую Полинку и тихо тронул, проверяя, как слушается конь.

– Как ты кричала, когда жеребца испугалась, «соврался»? – спросил Артём у Поли.

– Я так напужалась, что все слова перепутала, – созналась она.

– Значит, так коня и назовём, Савраской, согласна?

– Да, мне нравится, – согласилась Полинка.

– Но, Саврасый, – Артём подхлестнул коня, пуская его на рысий ход.

Жеребец с шага легко перешёл на бег, сидевшие в кошёвке снарядчики, осмелев, веселились, дожёвывали оставшиеся гостинцы и пели нескромные колядки:

Тётка-колядка,
Дай пирожка.
Не дашь пирога –
Обгажу ворота,

Дай вам Бог,
Ни кола, ни двора.
Одну корову.
Да и ту нездорову.

Дашь пирожка – Был петух,
Обмету ворота. Да и тот протух.

Прокатив ребятишек большим кругом по Чердыни, Артём подъехал обратно к дому. Ряженные отправились колядовать далее, а он привязал коня, насыпал в кормушку овса, забежал в избу. Отец сидел за столом и с угрюмым видом разглядывал разложенные пироги на тарелке, решая, какой бы ещё съесть, с грибами али с рыбой? Фома, зажавшись в углу на лавке, держался рукой за скулу, под левым глазом начинал вырисовываться огромный синяк, он равнодушным взглядом поглядел на брата и отвернулся, как будто Артём был виновником всего случившегося.

– Как конь, не урусит? – спросил отец.

– Добрый жеребец, удила слушается, бежит легко. Не чета старой кобыле, – широко улыбаясь, довольно ответил Артём и, не зная, как подступиться к отцу, подсел к нему за стол и начал разговор издалека: – Я ныне надумал основательно заняться охотой на Усолке, зверь там водится, а на рухляди всегда можно деньгу зашибить.

Отец наконец-то решил, какой выбрать пирог, взял с грибами и стал жевать его, не проронив ни слова, выжидая, куда клонит сын.

– Ежели тебе, тятя, не в мочь тяжкую работу делать, то мы вдвоём с Фомой дом начнём ставить, ты нам тока Савраску отдай!

– Ково отдай? Каку-таку ещё савраску?

– Да жеребчика нашего, мы с Полинкой так его прозвали.

– Ну, ну, мели дальше! Савраска.

– Так вот, пока ты хвораеть, мы до вёсны уже полдела сделаем. С дряхлой Мурашкой нам таку работу не повернуть, она вот-вот, не дай Бог, загнётся, а с добрым конём дело шибче пойдёт, глядишь, за лето со строительством дома и управимся.

– А кто здесь, под Чердынью, хлебные десятины будет пахать да сеять, не пропадать же землице? – сошурив хитро глаза, спросил отец.

– Так мы с Фомой на посевную приедем, коль такие дела.

– Фома, поди сюды? – крикнул отец. Фома подошёл, сел рядом. – Слышал, о чём мы здесь толкуем?

– Слышал, – ответил Фома, продолжая держаться за скулу.

– И как ты думаешь, про энтог наш разговор?

– А чё, Артём дело говорит.

– Вот и я так считаю, чем тебе здесь гулять да бражничать, лучше на Усолке жить и работать, и нам с матерью спокойней будет, а прознаю, что ты со стрельчихой продолжаешь шуры-муры водить, загоню под венец и не погляжу, что она тебя старше. Моё слово, что кремень, понятно тебе?

– Понятно, – тоскливо откликнулся Фома, а сам подумал: «И бабу всегда доступную жалко терять, и под венец идти со старухой охоты нет. А отец

сгоряча может и дров наломать».

Сафон, неторопливо жуя пирог, сидел молча, обдумывая предложение Артёма, и, наконец, приняв решение, быстро доел пирог, вытер масляные руки о свою рубаху на груди и заговорил:

– После Крещения берите жеребца и всё, что вам нужно, и можете ехать, мне что? Лишь бы дело двигалось. Тока я не пойму, Артём? Ты, кажись, про охоту что-то там начинал балакать?

– Так я и толкую, дом будем ставить и зверя бить, одно другому не помеха, благо – всё в едином месте находится: и строительство, и охотничьи угодья, далеко ходить не надо. А зараз мне надобно съездить в Строгановские лабазы, сговориться с тамошним приказчиком насчёт цены на рухлядь.

– Надо, так езжай, я тебя не держу, – отец отмахнулся от Артёма, как от надоедливой мухи. – Притомился я малость, спина гудит, аж моченьки нет, придётся выполнять наказ колдуна Лёшки, ложиться, пока в бревно не обернулся.

Артём уж было ломанулся на радостях в двери, но отец его окликнул:

– Погодь, ишь, какой прыткий, пушай и Фома с тобой едет!

Артём замешкался на пороге, думая, как выкрутиться и отделаться от брата, но Фома сам пришёл к нему на помощь.

– Да кудыть я с таким обличем? Позор-то терпеть, нет, я лучше дома посижу, он там и без меня управится.

Артём, чувствуя, что опаздывает на свидание, выскочил из дома, отвязал Савраску, запрыгнул в кошёвку и, пустив коня в галоп, помчался вдоль улицы к Строгановским лабазам, на встречу с Прасковьей.

8. ВОРОЖБА.

Огромная вотчина Строгановых простиралась от речки Чусовой до верховьев реки Печоры. Богатые, зажиточные купцы-солепромышленники, наделённые по царскому указу миллионами десятин земли, имели собственные города и остроги. С разрешения царя Ивана Грозного, им было дозволено содержать свои военные дружины, оснащённые огнестрельным оружием, и собирать в государеву казну дань и ясак с подданных России.

Летом караваны судов-кочей по рекам Чусовая, Колва, Лозьва, Кама, Волга доставляли товары в Нижний Новгород и Сибирь. Зимой по руслу замёрших рек шли санные обозы, торговля и обмен товарами между городами и разными народами не прекращались круглый год. В Чердыни, на берегу реки Колва, у Строгановых стояли лабазы, своего рода перевалочная база и склад, с выходящей на воду пристанью, для удобства перегрузки товаров. Во дворе лабазов, обнесённом бревенчатым частоколом, денно и ночью дежурил караул из наёмных ратных людей. Здесь можно было встретить представителей всех народностей, живущих в Пермском крае. Татары, удмурты, башкиры, коми-пермяки и коми-зыряне, вогулы, остяки и русские, разношерстный народ всех вероисповеданий и разного сословия постоянно толпился у лабазов, всех объединяла торговля.

Артём, стоя в кошёвке, влетел на разгорячённом коне в открытые ворота двора, чуть-чуть не затоптав двух зевак, не успевших отскочить.

– Но, но, не балуй!

– Я тебе, задам, молокосос! – донеслись до него чьи-то угрозы в спину.

Артём, не обращая внимания на выкрики, лихо подкатил к мосткам лабазы. На них в окружении приказчиков и холуев в богатой лисьей шубе и шапке стоял сам Гаврила Семёнов, целовальник и доверенное лицо Строгановых в Чердыни.

– Ты кто ж таков будешь? – удивляясь наглости молодого парня, спросил управляющий.

Артём, сам не зная, чему улыбаясь, совершенно не смутившись, без страха, весело ответил:

– Артёмка, сын чернососошного землепашца Сафона.

– Тю, я уж было подумал, птица какая важная прилетела, хотел хлеб-соль приподнести, а тут Артюха – рожно в брюхо, явился не запылится.

Стоявшие рядом люди угодливо заржали.

– Ну, так с чем пожаловал к нам, сын вольного землепашца, торговать аль покупать?

– Цену на рухлядь хочу прознать да к пищали прицениться.

– Губа не дура, на пищаль замахнулся. А ты знаешь, что это ружо половину коня твоего стоит?

– Да ну, – удивился Артём.

– Вот тебе и да ну, – Гаврила Семёнов, потерявший интерес к простому парню, спустился по подмосткам вниз и в сопровождение суетливых приказчиков, пройдя двор, зашёл в казначейскую избу.

Артём, не зная, что делать далее, тронул коня вокруг по просторному двору и у коновязи, среди привязанных лошадей под сёдлами и в оглоблях с санями, увидел Прасковью. Она сидела в розвальнях на пузатых, набитых чем-то мешках из рогожи, и смеющимися глазами смотрела на него.

«Видно, она слышала его разговор с целовальником», – подумал он и остановил своего коня. Прасковья поднялась из саней и, не таясь, подседа рядом с ним в кошёвку, улыбнулась и спокойно сказала: «Зачем стоим? Трогай». Артём от нахлынувшего переизбытка чувств приподнялся, раскрутил над головой конец вожжей и хлестанул ими по крупу коня. Жеребец сорвался с места намётом, меча из-под копыт комья снега в упавших назад, в кошёвку, от резкого рывка вперёд седоков. Савраска сам по себе выскочил в открытые ворота и понёсся размашисто по дороге, куда глядели его выпученные лиловые глаза. Артём и Прасковья лежали в кошёвке на сене, глядели друг на друга и просто так смеялись, не оттого, что было отчего-то смешно, а оттого, что было обонм хорошо. Разгорячённый быстрым бегом жеребец пронёсся мимо мелькающих домов, проскочил несколько улиц и выбежал в поле за город. Почуяв, что им никто не управляет, Савраска перешёл на шаг. Артём поднял голову над бортом кошёвки и огляделся вокруг. Конь вынес их на просёлочную дорогу в поле, позади на горизонте виднелась колокольня храма, сверкая на солнце медью маковки и креста. Впереди за белым заснеженным полем чернела полоса леса. Артём поднялся сам, помог подняться Прасковье, устроились в кошёвке удобней, тесно прижавшись друг к другу.

– Пошто такие перемены, – спросил Артём, – я думал, мы опять хорониться будем?

– Нет, прятаться больше не надо, но всё равно ещё ничего не решено. Просто сегодня утром я поссорилась с отцом из-за того, что сказала Никольке решительно: я никогда не пойду за него замуж. А они не котят отпускать меня, говорят: «Стерпится – слюбится». А я не кочу терпеть его и не могу любить, ты мне мил, и, кроме тебя, мне никто не нужен.

– Так в чём дело? Вон храм, а вон и лес, давай обвенчаемся и махнём на Усолку. Будем там жить как муж и жена в законности. Спочатку в землянке, потом дом поставим, детишек начнём рожать, авось, как-нибудь всё и обойдётся.

– Артёмушка, я за тобой коть в огонь, коть в полымя, на всё согласна, я только боюсь, родители твои не примут меня без приданного.

– Ничего, тятя чуток поартачится, да успокоится, а матушка так и вовсе за нас рада будет, ей лишь бы в семье всё ладно было. А насчёт приданного

ты даже не волнуйся, мне за такую красоту твоим родителям калым надобно добавить, как у татар, так что остаётся слово за тобой - согласна?

Прасковья в ответ молчала, не зная, как поступить.

– Ну, так как, любя моя – решайся, – поторопил Артём и, не дожидаясь ответа, развернул коня, направляя его по заснеженному полю напрямиком на церковную колокольню. Прасковья сидела рядом, положив голову на его плечо и не в силах что-либо сказать, только крепче прижималась к нему. Лицо её светилось счастьем, а глаза, наполненные слезами радости, блестели. «Зачем слова, когда и так всё ясно», – подумала она, отдаваясь воле проведения и подчиняясь решению будущего мужа.

Настоятеля Иоанно-Богословского храма отца Георгия Артём и Прасковья в церкви не застали. Все ворота были заперты, а двор пуст. Постоянные присутствующие на паперти нищие перекочевали на рынок, поближе к питейным заведениям. Не зная, у кого спросить и где отыскать батюшку, они обошли храм и обнаружили в маленькой коморке при колокольне хмельного по случаю праздника звонаря, истопника и сторожа, придурковатого мужичка Стёпку. Кое-как растормошив чумного от пьянства, полуглухого звонаря, Артём обратился к нему, как к знающему, служившему при церкви человеку:

– Дядька Степан! Будь ласков. Объясни, как нам быть?

Дядька мутными глазами оглядел пришедших и, сделав жест рукой, показывая им ладошку, уверенно сказал:

– Зараз, милый вьюнош, погодь чуток? – Степан пошарил рукой под лежачком и выудил из-под него крынку с вонючей, настоящей на хмеле брагой. Дрожащими руками приладил край крынки ко рту трясущейся головы, стал жадно отхлёбывать из неё, двигая острым кадыком на худом жилистом горле. Приняв добрую половину содержавшейся в крынке жидкости внутрь булькающего чрева, дядька наконец-то оторвался от неё, смачно рыгнул, прищурил глаз на присутствующих, внимательно оглядел непрощенных гостей и с достоинством учёного человека, который имеет должность и ответственность за доверенную ему колокольню, спросил: – Чё вам надобно от уважаемого звонаря?

– Нам бы про венчание прознать? – неуверенно спросил Артём.

– А чё тут прознавать-то? Ык, – ухмыльнулся Степан и громко икнул. – Спервоначалу сговоритесь с батюшкой, он вам назначит день, скажет, сколько будет стоить, и объяснит, што ешо надобно приготовить к такому событию. Ык.

– Нет, дяденька, ты не понял. мы хотим тайно, чтоб никто не знал.

– О как?! Тайно?! – удивился дядька, показывая корявый в мозолях от колокольной верёвки указательный палец. – Пожалуй, тут дело позакорыстей будет. Ык. Ежели без родительского, так сказать, благословления, то и цена двойная, да и не всякий батюшка согласится пойти на это беззаконие. Вдруг

кто-то пожалуется? Ык. Епископ шибко не любит, когда не по уставу, может и наказать заслушание. Наш-то, отец, Ык, Георгий, чуток бздилловат по такому случаю будет, Ык, не пойдёт он поперёк владыки, не резон ему богатый приход терять.

– А как нам быть-то в таком разе, посоветуй? – с надеждой в голосе спросил Артём. Стоявшая рядом с ним Прасковья умоляюще смотрела на всезнающего звоняря.

Дядька немного подумал и, найдя решение, оживился:

– Жалейка-то промеж вас сильная? Ык.

– А то! Ежели бы мы не любили так шибко друг-друга, как можно было бы решиться на такое, вкрадче от родителей, – с жаром за обоих ответил Артём.

Степан хитро улыбнулся, подмигнул глазом, дескать, и мы не лыком шиты, всё понимаем, поманил указательным пальцем посетителей, чтобы они подошли поближе. Артём и Прасковья, недоумевая, переглянулись, но желание дядьки исполнили, склонились к нему в ожидании, что он им скажет. Степан, как заговорщик, огляделся по сторонам, не подслушивает ли кто, дыша перегаром и икая, стал шептать:

– Вы, голубки мои, вот что. Ык. Сходите в старую, деревянную церквушку Успения Богородицы, что на погосте стоит, и обратитесь к тамошнему попу Амвросию. Он вам должен помочь. После постройки этого нового большого храма... Ык, – Степан с гордостью ткнул пальцем в пол, имея в виду место, где он служит, – старый Успенский приход совсем оскудел. Так что за «живые» деньги батюшка Амвросий вам не токма тайное венчание устроит, а и живого человека отпоёт и панихиду по нём отслужит. Ык. А владыку ему бояться – один пустяк. Худее Успенского прихода в округе и не сыщешь, так что и ссылать-то ниже некуда. Ык.

Степан снова приладил к крынке с брагой, допивая остатки. Артём и Прасковья, узнав, что им было нужно, пятясь назад, тихо вышли из каморки.

Старая, деревянная, обветшавшая церквушка Успения Богородицы, больше похожая на часовню, некогда была единственным действующим приходом в Чердыни. Построена она была ещё при первом Пермском епископе Стефане в XIV столетии. Стены её помнили большие столпотворения народа по праздникам, богато убранные крестные ходы собирали паломников со всей Перми Великой. Но с постройкой в городе других храмов и основанием Иоанно-Богословского мужского монастыря значение её утратилось, и приход пришёл в запустение.

Артём потянул на себя деревянную дверь церковных ворот, и она неожиданно с пронзительным скрипом поддалась. По три раза перекрестившись, с лёгкими поклонами они неуверенно, держась за руки, прошли в холодный мрак храма. После того, как их очи после дневного света и белизны снега

привыкли к сумраку темного помещения, они различили в центре небольшо-го зала на массивной лавке большую деревянную домовину, вырубленную из цельного соснового бревна, в которой лежал покойный. Из его сложенных на груди узловатых костлявых пальцев рук торчал обрубок почти уже догоревшей свечи, слабый свет от неё путался в седой, никогда не чёсаной бороде и отражался в новых лыковых лаптях на ногах. Вторая свеча горела на аналое перед человеком в скуфейке. Он скороговоркой, наизусть, глядя куда-то под свод храма, бубнил строки из псалтыря. Артём и Прасковья остановились недалеко перед гробом и смущённо топтались на месте, не решаясь нарушить размеренность чтения и покой умершего. Дочитав главу, Отец Амвросий, шурясь слезящимися глазами, пригляделся к пришельцам, не спеша отложил псалтырь на подложку и, выйдя из-за кафедры, подошёл к молодой странной паре.

Артём и Прасковья с земным поклоном приложились поочерёдно к руке батюшки, получая благословление, а он, крестя им головы, скорбным голо-сом заметил:

– Кому весёлые святки, а кому горькие поминки, – и, как бы оправдыва-ясь за неудобства, добавил: – Впрочем для некоторых смерть – это тоже ра-дость избавления от мук мирских. Посмотрев в глаза Артёма, отец Амвросий неожиданно спросил: – Вы, по-видимому, хотите тайно обвенчаться?

– Как вы догадались? – удивился Артём.

– Поверьте мне, молодые пары разных народностей приходят сюда ред-ко, но именно только по причине тайного венчания.

– Батюшка? Почему вы сразу признали во мне чужую? – спросила Пра-сковья.

– Эх, молодо-зелено. Да потому, что Сафоновых сыновей я знаю, а на-счет вас, девушка, то это ещё прощё, только зырянки плетут пояса с таким узором. А насчет чужой, то вы это зря так думаете, для Спасителя мы все одинаковы, рабы Божьи.

– Я уж, было, подумал, что вы насквозь нас видите. А тут, оказывается, и ума много не надо, всё так просто, – заметил Артём.

– Протечёт время, как в реке вода, и многое тайное для вас станет явным. А объясняется это легко: живёшь дольше – знаешь больше, – батюшка тяжело вздохнул и замолчал, о чём-то задумавшись.

Артём, не зная, как прервать затянувшееся молчание, осторожно дотро-нул рукой до плеча «слуги Божьего» и тихо спросил:

– Отец Амвросий! Скажите, наше дело сладится – вы поможете нам?

– Завтра до обедни приходите, после погребения усопшего раба Божьего Никифора я вас обвенчаю. Ежели у вас есть пятиалтынный, то можно распла-титься деньгами, а ну как нет, то и снедью не погнушаюсь. А теперь идите с Богом, мне псалтырь дочитать надо.

Артём в приподнятом настроении отвязал застоявшегося Савраску от ветхой церковной изгороди, лихо запрыгнул в кошёвку и шутиливо, дурачась, пригласил Прасковью пожаловать в «царский возок». Она достойно и грациозно присела рядом, и тут он заметил в её глазах грусть.

– Но, пошёл, – Артём тронул коня шагом и спросил у Прасковьи: – Что с тобой, золотая моя? Аль не рада?

– Рада, очень рада, но не знаю, как бить, тятя, наверное, меня уже обыскался, что я ему скажу?

– Я думал, мы поедем к нам, там придумали бы, что сказать родителям, и ты бы у нас переночевала.

– Нельзя женику с невестой накануне венчания накодиться в одном доме и тем более ночевать под одной крышей.

– Вот как? А я и не знал всех этих премудростей.

– Ми остановились на постой у дальник родственников, там остался мой узелок с чистой одеждой, и мне надо к венчанию переодеться. Ты отвези меня туда, я покажу, где надо остановиться, а поутру перед рассветом приедешь, и я выбегу к тебе.

– А ну, как вырваться не сможешь?

– Меня теперь ни одна цепь не удержит, ни один замок не остановит. Всё равно убегу. Или я не китрый окотник? – она улыбнулась и крепко прижалась к нему. А он ей поверил, искренне поверил, потому что и не должно быть никак иначе.

В незаметном переулке, недалеко от дома, где Прасковья с отцом гостевали у дальних родственников, Артём остановил коня. Сговорившись на завтра о встрече на этом же месте, быстро попрощавшись, они расстались.

Короткий зимний день медленно растворялся в сумерках. Артём приехал домой, не спеша распряг Савраску, поставил его в стойло, в кормушку навалил овса, добавил сена и, не заходя в избу, вышел на улицу за ворота. В доме напротив жил его закадычный друг детства – Савка, который был младше Артёма года на два, но житьё по соседству с раннего возраста сблизило их. Артём Савке был вместо старшего брата, и заступался за него во всех уличных драках, и вытягивал из всех передраг, в какие беспокойный, шебутной Савка вечно попадал. Отец Савки, дядька Андрей, в зимнее межработье, занимался к купцам Строгановым в обозные ямщики и ходил с соляными обозами в Новгород и Москву. С прошлой зимы к ямщицкому промыслу дядька Андрей пристроил и старшего сына. А после Савки детишек в Андреевой семье было ещё штук семь, или восемь, или даже больше, и все мала-меньше. Тетка Глафира, мать Савки, приносила их каждый год, иногда даже по двое. И когда гурьба Андреевского белоголового гороха высыпала на улицу, их нельзя было ни сосчитать, ни разобрать, кто есть кто. Артём, надеясь застать друга дома, перешёл улицу и постучался в ворота.

– Кто там? – немного погодя, раздался голос в ограде.

– Это я, дядя Андрей, Артём.

– Чё стоишь? Проходи, открыто, мог бы и не стучать, велика птица, на мороз из-за тебя шастать. Ежели б не нужда меня постигла, стучался бы ты тут до второго пришествия, а энти вон аглоеды залезли на тёплую печь, и хрен ты их сгонишь, – и, на ходу снимая штаны, побежал в хлев.

Артём прошёл в дом, состоящий из одной большой горницы, огромной русской печи посередине и уставленными многочисленными лавками вдоль стен. Савка сидел на печке в окружении младшей своры детишек и с упоением травил им рассказы про Москву.

– А, Артюха, здорово живёшь, давно не виделись, – он спрыгнул с печи, и они по паре раз, по-дружески, хлопнули друг друга по плечам.

– Мы с тятей тока сёдня из ходки в Москву вертанулись, ну, я те скажу городище! Народу тьма-тьмушая, аж в глазах рябит от суеты людской. А дороги там, – Савка закатил глаза и с восторгом продолжал, – где деревянные, где камнем выложены, а лошадям на копыта железяки цепляют, и они по мостовой цок, цок, цокают, чудно так.

Савка уж было хотел продолжить свой рассказ о Москве, но друг его перебил:

– Слышь, Савка, у меня к тебе дело есть, поговорить надо!

– Так говори, чё скрываться-то?

– Нет, давай лучше выйдем?

– Выйдем – так выйдем, – Савка лениво накинул полушубок и нехотя вышел за Артёмом во двор. – Ты давай быстрее говори, – заметил он деловито, – а то я намёрзся в дороге. Сам знаешь, путь-то от стольного града неблизкий. Полторы тыщи вёрст! И это только в одну сторону, – Савка явно гордился своим путешествием и толковал о поездке, как старый бывалец. – Почти четыре недели по речному зимнику шли, продрог весь, до сих пор от холода потряхивает, никак согреться не могу.

Артём коротко рассказал другу обо всех приключениях, какие произошли с ним за последнее время, и в конце раскрылся:

– Савка, ты представляешь, я завтра венчаюсь!

– Да иди ты, – не поверив, отмахнулся тот.

– Ёй, ей, вот те крест, – побожился Артём.

– В церкву на обряд-то зовёшь?

– Я ещё и не знаю, как тятка к нашей свадьбе отнесётся. Ежели шибко от злости разойдётся, то может сгоряча и прогнать меня из дома вместе с молодухой: венчание-то крадучее.

– Как это так – крадучее?

– Ну, потому как я умыкнул её от жениха и родителей. А завтра в Успенской церкви отец Амвросий нас обвенчает без всякого шума, втихушку.

– Тогда от меня-то чё те надо, ежели дружкой в церкву не берёшь, на гулянье не приглашаешь, на кой ляд я те тогда сдался?

– Отец Амвросий пятиалтынный запросил за службу, а у меня тока дюжина копеек, ныне летом на погрузке Строгановских кочей заробил, у отца просить мне не с руки, начнёт пытаться, что да куда. Может, ты мне одолжишь три недостающих копейки? Вы же с отцом, наверняка, за обоз расчёт получили.

Савка, почесав затылок, что-то прикинул в уме и, заходя обратно в дом, на ходу буркнул:

– Погодь чуток? – через некоторое время он вышел, перебрасывая из руки в руку маленький узелок. – На бери, здесь пятак мелочью, алтын я тебе в долг даю, а две копейки на гулянье дарю.

– Савка, друг, век не забуду, выручил ты меня. – Артём, растрогавшись, обнял друга.

– Веселье будешь делать, так не забудь позвать!

– Не забуду, ты в стороне уж никак не останешься.

Артём ещё раз потряс руку Савки и с лёгким сердцем пошёл домой, думая о том, что так чудно и ладно всё складывается, что даже и не верится, и уже у ворот обернулся и крикнул не успевшему забечь домой Савке:

– Ты, дружка, завтра до обедни подъезжай на своём гнедом к Успенской церкви да не забудь под дугу колокольца подвесить! Свадьба всё-таки.

* * *

Ближе к полуночи Лукерья и Фрося, с нетерпением дождавшись, пока в доме все крепко уснут и по горнице покатится густой храп отца и вторящих ему братьев, тихо слезли с полатей, зажгли огарок свечи от лампы под иконами. Взяли приготовленное заранее всё, что им надобно для гадания, накинули поверх ночных рубах кожушки и осторожно, стараясь не шуметь, вышли во двор. Чуток побаиваясь непроглядной ночи, прикрывая руками от ветра свечу, они пробежали по тропинке в баню. С утра топленая банька сразу окутала теплом, смешанным запахом дыма и берёзовых веников. Фрося, скинув кожух, залезла на полог и растянулась на нём, нежась в тепле.

– Луша, ты на кого будешь гадать, на Стёпку али на Никишку? – позёвая, спросила она.

– Чей облик покажется, на того и выйдет гадание, может, это вовсе и не они будут, а кто-то другой.

Луша набрала в черпак-уточку холодной воды, утопила на его доньшко серебряное колечко и принялась капать на холодную воду горячий воск с зажжённой свечи. Фрося, свесив голову с полка, с интересом наблюдала, что получается из застывших капель и, высмеивая, диктовала увиденное:

– Рожа какая-то свинячья получается, а теперь глянь! Дуля вышла, ха-

ха-ха.

Луша, как ни всматривалась в узор из воска, а кроме, как подсказанной сестрой дули, так ничего и не смогла разглядеть. Как ни старалась она выложить каплями хоть какое-то подобие, похожее на человеческий облик, но у неё всё равно получался один большой кукиш. Не добившись ничего путного от воска, Луша взяла сырое куриное яйцо и махнула его, не глядя, через левое плечо в дверь. Яйцо брызнуло в разные стороны разлетевшейся скорлупой и оставило мокрый след на двери в виде двух полукружий, а остатки желтка и белка поплыли вниз посередине и повисли большой каплей на нижней дверной стяжке. Фрося от хохота покатилась с полка, мягко упала на среднюю лавку и, тыкая пальцем в причудливый узор, оставленный яйцом на дверях, не унималась от хохота:

– Я такую штукювину видела у парней между ног, когда летом на речке купались, ха-ха-ха, ух – не могу. Это что ж тебе ныне выходит? Кукиш и хе-ха-ха-ха.

Луша, убедившись, что, кроме как узора, похожего на мужские причиндалы, ничего путного из яйца не вышло, отступилась от дверей и принялась за третий способ гадания, казавшийся ей самым верным. Девушка расстелила на полу парнишачьи штаны, поставила шайку с водой на мотню между штанинами, скинула с себя рубаху и, обнажённая, встала над шайкой, расшаршив ноги в стороны. Наклонив голову вперёд и держа свечу в руке, она стала пристально вглядываться в свою отражающуюся в воде промежность, надеясь хоть что-нибудь там разглядеть, кроме своих прелестей.

Любопытная Фрося с нетерпением спрашивала её:

– Ну чё, Лушка? Видно ковань аль нет?

– Отстань? Нет пока.

– Видать, ныне замужем тебе не бывать, – с сожалением заметила Фрося, – всё какая-то дребедень появляется, ладно, ежели кто привидится, так ты скажи, может, и я чё смогу разглядеть? – разморенная теплом и банным духом, она сложила руки под голову и, прикрыв глаза, сладко задремала.

Луша, разочарованная предыдущими попытками что-то прояснить из своего будущего, решила во что бы то ни стало добиться хоть какого-нибудь видения и продолжала стоять, вглядываясь в шайку. От напряжения и ожидания, от банного угара и наклонённой головы в висках у неё застучало, а перед глазами сначала появились плавающие круги, а затем отражение в воде стало меняться, превращаясь в существо с бородой, отвислым носом и толстыми щеками. Она от неожиданности испугалась, качнулась и опёрлась рукой о пол. Задев нечаянно Фросю. Та спросонок не поняла, что случилось, увидела испуганные глаза сестры, быстро соскочила с полка и, завизжав, выбежала из бани. Страх от паники сестры передался и Луше. Она, как была, в чем мать родила, бросилась вслед за ней и очухалась только дома, на полатах рядом с

Фросей и с зажатой в руке потухшей свечкой.

– А чё там было-то? – не попадая зуб на зуб, спросила Фрося.

– Н-не з-знаю, р-рожа какая-то т-толстая с-с чёрной куд-дрявой бородой, с-совсем н-не з-знакомая.

Их обеих била мелкая дрожь, и, чтобы согреться, они крепко прижались друг к дружке и вскоре успокоились, а потом и затихли, посапывая под стрёкот сверчка в притолоке.

9. ВЕНЧАНИЕ.

Артём рано утром, ещё до зари, встрепенулся во сне с ощущением страха, что опоздал на собственную свадьбу. Он открыл глаза, встал с лавки и в одном исподнем белье подошёл к занавеси, разделяющей горницу от кухни, и заглянул за неё. Мать, как обычно, поднялась раньше всех, растопила печь и сутилась в кухонном закутке, приготавливая пойло скотине и харч домашним.

– Ты на кой ляд так рано проснулся? У меня ещё ничего не готово.

– Мне спозаранку одно дельце сделать надо, зараз коня напою и поеду.

Он взял приготовленную в ушате болтанку для лошадей, на босу ногу надел коты и вышел на двор, в хлев. В деннике его радостным ржанием приветствовал Савраска, переминаясь с ноги на ногу, конь тянул морду к пойлу, прядая ушами. Артём потрелал его по холке, погладил гриву и шепнул на ухо: «Ты уж меня не подведи сегодня, будь молодцом!» Насыпал в кормушку овса и вернулся обратно в дом. Одеваясь, он никак не мог найти штаны, натянув рубаху и шлёпая босыми ногами по горнице, Артём обшарил все углы, заглянул под лавки и стол, злополучных штанов нигде не было. В отчаянии он ещё раз обшарил всю горницу, штаны как сквозь землю провалились, и тогда он в панике обратился к матери:

– Маманя, мне венчаться пора, – и сообразив, что проболтался, тихо добавил, – а штанов нигде нет.

Мать от неожиданной новости выронила из рук деревянный черпак, присела на край табурета и, пока до конца не осознав смысла сказанных Артёмом слов, зашептала:

– Коль дело такое, так новые возьми, там, в сундуке, – а затем, очнувшись, тихо запричитала: – Ты чё удумал-то, сынок, без родительского благословения, што отец-то на это скажет?

Артём не стал слушать мать, открыл сундук, нашёл штаны, похватал верхнюю одежду и выскочил из дома, на ходу одеваясь. Потом, одумавшись, вернулся в дом и упал перед Евдокией на колени.

– Матушка, родимая, прости меня, но я люблю её – и без неё мне жизни нет, благослови меня, и я поеду с лёгким сердцем.

Евдокия, утирая передником слезы, натрое перекрестила его и поцеловала в лоб, давая своё благословение:

– Нежели я тебе вражина какая? Поезжай с Богом, ... пока отец не проснулся.

Когда Артём приехал на условленное место, Прасковья уже ждала его, держа в руках узел с вещами. Она упала в кошёвку на сено и облегчённо вздохнула:

– Я уж, било, подумала, что ти не приедешь, испугалась так, что под-

жилки до сик пор трясутся.

– Припозднился малость, замешкался, пока штаны искал, пропали кудыть, ну, прям, как сквозь землю провалились. Н-но, пошёл, родимый, – он пустил коня легкой рысью, продолжая на ходу оправдываться: – Думаю, не соседок ли подшутил, домовые иногда всякое вытворяют, надо будет гостинцев подложить за печку, дабы не пакостил.

У ворот церковной ограды их уже поджидал Савка. Завидев возок Артёма, он оживился, выскочил из своих саней и подбежал к подъезжающим.

– Я уже давно вас поджидаю и уж, было, решил, что ты пошутковал. Жду-жду, а ты всё нет, хотел уж домой вертаться, – сказал он, а, увидев Прасковью, осёкся, замолк, хлопая удивлёнными глазами.

В храме молодой служка и старая сгорбленная бабка, орудуя суконными тряпками и толчённой в порошок известью, наводили блеск и меняли догоревшие свечи на спущенном из-под купольного свода паникадиле на пять десятков свечей. Служка, обратив внимание на вошедших и догадавшись, кто пришёл, обстоятельно пояснил:

– Отец Амвросий предупредил о вашем приходе и наказал, чтоб ждали, пока он панихиду дослужит, – продолжая натирать бронзу, добавил, – поди, погребают уже.

Прасковья, не теряя времени, сняла полушалок, развязала свой узел и из вороха белья достала искусно вышитый бисером и нанизанными длинными висюльками по лбу, из речного жемчуга, кокошник. Смотрясь на своё отражение в бронзовом, натёртом до зеркального блеска потире, надела кокошник на голову, а поверх накинула кружевной белый покров. Артём, удивляясь находчивости и предусмотрительности своей невесты, восхищённо глядел на неё и шептал: «Золотая моя, ненаглядная, век буду любить».

Вдруг входные двери с грохотом распахнулись и в церковь ворвался разъярённый отец, за ним Фома, а следом Евдокия с семейной иконой Богородицы в руках.

– Я те покажу, шельмец, как без отцовского благословения под венец ходить! – глаза Сафона сверкали негодованием и не предвещали ничего хорошего.

Евдокия, путаясь ногами в длинной юбке, еле-еле поспешая за ним, пыталась успокоить взбешённого мужа:

– Сафон! Побойся Бога, в храме нельзя скандалить, угомонись!

Отец уж, было, замахнулся на сына кулаком, но в самый последний момент Прасковья вышла и встала перед Артёмом, преграждая собой дорогу Сафону и его кулакам. Не ожидавший такой прыти от девушки, отец резко остановился, будто налетел на невидимую стену, и в растерянности тарашил на неё удивлёнными глазами, безмолвно ругаясь, смешно открывая рот. Невеста спокойно откинула с лица кружевной покров и ясными и чистыми,

как небо после дождя, голубыми глазами без страха посмотрела на будущего свёкра. Он сразу как-то сник, весь обмяк и зачем-то развёл руки в стороны, а вместо негодования и злости на лице появилась легкомысленная улыбка. Утопая в бездонных девичьих глазах, Сафон сменил гнев на милость и восхищённо произнес:

– Вот это девка!.. Огонь!

Мать, стоявшая сзади отца, не растерялась и подсунула ему в руки икону. Прасковья первая опустилась перед иконой Богородицы на колени и, потянув стоявшего в столбняке Артёма за руку, заставила его сделать то же самое.

С навернувшимися на глаза слезами, слегка волнуясь, Сафон заговорил:

– Вот, дети мои, вам наше родительское благословление. Живите в мире и согласии, почитайте друг друга, уважайте родителей и нарожайте побольше детишек.

Артём и Прасковья перекрестились, поочерёдно приложились губами к образу и поднялись с колен, чтобы троекратно, по русскому обычаю, поцеловаться с родителями.

– Всё тайное рано или поздно становится явным, – все обернулись на прозвучавший неожиданно голос – это отец Амвросий, вернувшийся с погребения, притворил распахнутые настежь Сафоном ворота храма и продолжил разглагольствовать: – Нельзя новую семейную жизнь начинать с обмана, ибо за сказанной однажды ложью обязательно последует другая. А у вас, как я погляжу, с одной стороны всё обошлось. Значит, можно приступать к обряду венчания. Сенька, сынок! – обратился он к службе. – Поди, принеси из алтаря венцы да начнём, пожалуй.

Сенька принёс венцы, и Савка с Фомой встали позади жениха и невесты, держа сверкающие золотом венцы над головами жениха и невесты. Отец Амвросий, попробовав голос на зычность, крикнул в кулак и начал:

– ...Венчается раб Божий Артемий с рабой Божьей Прасковьей. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.

Жених поцеловал поднесенный батюшкой крест.

– Венчается раба Божия Прасковья с рабом Божьим Артемием. Во имя Отца и Сына, и святаго Духа, аминь.

– К кресту приложилась невеста.

– Господи, Боже наш, славою и честью венчай я.

– Господи, Боже наш, славою и честью венчай я.

– Господи, Боже наш, славою и честью венчай я.

– Премудрость прости, услышим Святое Евангелие, мир всем и духави твоему от Иоанна Святаго Евангелие. Отче наш, слава тебе! Господи, слава тебе. Помнем...

Сразу после венчания служба забрался на звонницу и при выходе жениха и невесты из церкви вдарил в колокола. Отец в приподнятом расположении

духа шёл позади молодожёнов и, не переставая, в голос удивлялся, балагурил:

– Ай да, Артюха! Вот, сынок, удивил! Таку кралю отхватил, заглядеться можно. Не чета твоей стрельчихе-бабихе, – поддевал он Фому.

Тот криво улыбался, пожимал плечами и шутиливо оправдывался:

– Да куда уж нам, со свинячьим рылом – да в калашный ряд, видать, обликом не вышел.

Сафон прытко оббежал поперёд молодых и, пока они проходили церковный двор, отвязал Савраску, лихо подкатил к жениху и невесте.

– Прошу садиться, бояре, ныне я вашим возницей буду, а Фома с Евдокией пусть на Мурашке в розвальнях поспешают до дома, приготовиться надобно по-людски к встрече жениха и невесты. А мы в сопровождении Савки крутанёмся разок-другой по Чердыни. Эх, прокачу, да с ветерком! – он крутанул над головой вожжами, хлестнул ими коня и залихватски, по-разбойничьи свистнул. Управляя жеребцом, привстав на полусогнутых ногах в коленках, отец на ходу по-молодецки, громко, чтобы слышали все, прокричал: – Домой приедем, свадьбу играть будем! Пир на весь околоток закатим. Пусть все знают, что у Сафона сын женится! А то, ишь, выдумали – тайное венчание!

Сделав добрых два круга по городу, свадебный поезд подъехал к дому жениха.

В открытых настежь воротах стояла мать с хлебом-солью на руках, Фома держал икону с рушником, а сёстры – тuesa, наполненные семенами жита, ячменя и конопли. Перед встречающими была разостлана шуба. Артём и Прасковья рука об руку встали на шубу, сёстры осыпали молодых зерном, а Савка уговаривал жениха и невесту по очереди куснуть каравай, при этом шептал Артёму: «Больше кусай, жоркой будешь, ежели жорко отхватишь, значит главный в семье».

Два дня у Сафоновых в доме шло гульбище. Соседи и дальние родственники, прознав весть о свадьбе, подходили пешими и подкатывали на лошадях, поздравляли молодых и дарили подарки, всем хотелось посмотреть на красавицу-невесту, а заодно и погулять всласть и вволю, по-русски, так, чтоб ноги от пляски гудели и глотку ломило от натуги, горланя песни. Выпили по ведру горячего да зелена вина, съели кабанчика и мелочи всякой из погребца, огурцов, грибов да капусты по ведру. Рыба на столе не переводилась: стерлядь паровая, хариус жареный, уха белужья. И какая же русская свадьба обходится без драки, и она всё-таки случилась на третий день поутру.

Молодожёны вот уже вторую ночь спали в бане по причине нехватки места в избе. Изрядно подпившие и поднадоевшие гости никак не решались разойтись. Прасковья с Артёмом, уставшие от веселья, не хотели появляться на люди и лежали на разостланной на банном полке перине, наслаждаясь одиночеством и друг другом. В дверь бани кто-то громко постучал, и тут же раздался голос Савки:

– Артёмка, подымайсь, хватит прохладяться, вот-вот лихо начнётся. Артём вышел в предбанник, спросил запыхавшегося от бега взъерошенного Савку:

– Какое лихо? Ты чё несёшь?

– Зараз я был в съезжей избе, отец меня туда послал прознать, когда соляной обоз на Москву собираться будет. Так там зыряне к целовальнику Гавриле Семёнову приехали с челобитной жалобой на тебя, что ты-де не по закону у них девку под венец увёл. Я как прослышал это, так сразу сюда побёг.

– И чё далё? – задумавшись, спросил Артём.

– Так зыряне с целовальником к тебе на разборы собираются. Надо что-то решать. Заберут у тебя Прасковью, и всё, пиши – пропала ваша любовь.

– Ну, мы это ещё посмотрим, у кого чё пропадёт. Не дам я за просто так, за здорово живёшь, судьбу свою и ейнюю ломать.

– Ты, давай, быстрее кумекай, они вот-вот нагрянут.

– Ладно, ты найди Фому, и ежели он ещё не слишком пьян, пошли его ко мне, а я пока Прасковью подготовлю.

– Чё надумал-то?

– Иди уж, потом расскажу, – Савка побежал искать Фому, а Артём вернулся в баню.

– Люба моя, не успели нарадоваться да натешиться, а разлука уже близка.

– Какая такая беда стряслась, что расставаться нас заставляет?

– Твои родичи на меня целовальнику пожаловались и уже сюда едут тебя забирать.

Прасковья быстро соскочила с полка, начала второпях одеваться.

– Надо на Усолку ехать, там в землянке спрячемся и переждём бурю, а потом, глядишь, всё и уладится.

– Нет, на Усолку нельзя, нас там найдут. Я решил спрятать тебя пока одну и подальше, а сам встречу их и попробую договориться.

В предбаннике послышались шаги, дверь распахнулась и в баню, не постучавшись, ввалился полупьяный Фома.

– Чё звал? – спросил он, еле стоя на ногах, держась за дверной косяк, и присел на порожек, косясь пьяными глазами на невесту.

– Братка, выручай, Прасковью надо увезти и спрятать!

– Надо, значит, сделаем, ты коня запрягай, а я пойду выпью на дорожку, – Фома поднялся, открыл дверь и уж, было, вышел, но задумался и спросил:

– А куда ехать-то?

– Отвези её в Соль Камскую, остановитесь там на постоялом дворе и ждите меня. Ежели я дела улажу, так сразу за вами приеду.

– Лады, в Камскую, так в Камскую, нам всё одно, куды ехать, лишь бы не пешком идти, – Фома пьяно заржал и вышел, забыв за собой закрыть дверь.

Прасковья кинулась мужу на шею и, целуя его, зашептала:

- Артёмушка, милый, а ежели не договоришься, как тогда быть?
- Всё равно жди! Я приеду, и там решим, куда бежать, любые препятствия пройду, а от тебя ни за что и никогда не откажусь.

Провожать беглецов вышли все, кто был в состоянии шевелиться. Гости, прознав о том, что родители невесты хотят её вернуть, давали Артёму разные советы:

– Ты, Артём, не пужайся, мы их зараз проучим, будут знать, как наших невест забирать.

– Что с воза упало, то пропало, очухались, мать их за ногу, когда венчальную уже отслужили.

Мужики, закатывая рукава, бахвалились друг перед другом, как они сейчас зырян будут бить. Артём попрощался с женой, наказал Фоме быть осторожней и, хлопнув ладошкой по крупу коня, сам крикнул:

– Трогай!

Не успели сани с Фомой и Прасковьей скрыться в дальнем конце улицы, выходящей на Соликамский тракт, как с противоположной стороны появились зыряне-челобитчики на двух санях и возок целовальника Гаврилы Семёнова.

Санный обоз остановился у Софонова дома, где у ворот скучковались вокруг Артёма мужики, решительно настроенные не давать в обиду своего друга. Целовальник, побряхывая, вылез из возка и направился к мужикам, за ним следом шли коренастый зырянин с рыжей бородой, отец Прасковьи и здоровенный Николька, бывший её жених. Остальные зыряне, человек пять-шесть, остались сидеть в санях. Сторонники Артёма увидав, кто сидит в розвальнях, начали подсмеиваться и балагурить, издеваясь:

– Гляньте, братцы, кого они к нам на битву собрали! Стариков дряхлых.

– Видать, молодежь у них шибко трусливая, ежели воз пеньков трухлявых привезли.

Гаврила, напуская на себя грозный вид, спросил, глядя на Артёма:

– Кто из вас Артюшка Сафонов? – целовальник узнал парня, который интересовался пишалью на дворе лабаза, но для проформы задал вопрос.

Артём вышел вперёд из кольца окруживших его дружков.

– Ну, я буду Артемий, сын Сафонов, – с достоинством и задиристо ответил он.

Сзади подошёл отец и встал рядом.

– Што ж ты, Артюха, рожно те в брюхо, традиций старых не считаешь? Али не учили тебя отец с матерью, что чужое брать нельзя?

– Это наговоры всё, я чужого не брал, с измалства к воровству не приучен.

– А вот эти почтенные люди, – Гаврила указал рукой на сзади стоявших зырян, – утверждают, что ты у них девку увёл без согласия родителей и ста-

рейшин рода.

Отец Прасковьи и бывший жених закивали головами, подтверждая слова целовальника. Артём не растерялся и уверенно ответил:

– Что родителей не спрашивал и сватов не засылал, это да, тут я грешен, но мне это и неважно было, потому, как эти почтенные люди ни в жисть не отдали бы мне её, а она сама была согласна и пошла со мной под венец по своей охоте и доброй воле.

– Так вы венчаны? – удивился Гаврила.

– А то как же, вот и свадебку гуляем, по такому случаю, – встрял в разговор Сафон.

Тут из-за мужиков вышла Евдокия, поднося в руках на вышитом рушнике хлеб-соль и жбан с вином. Мать встала рядом с мужем и, низко кланяясь, затынула певучим голосом:

– Прошу гостей дорогих отведать наш хлеб-соль, а также испить за здоровье молодых чарку зелена вина! Чтоб житушка их была долгой и счастливой.

Целовальник, не зная, как решить этот вопрос, смутился, но потянулся к чарке рукой.

– Ну, ежели они в церкви, перед Богом венчаны, то я с Отцом нашим небесным не спорщик, пусть он теперь за них и отвечает, – он взял жбан и под общее одобрение мужиков с Артёмовой стороны выпил вино, отломил от каравая шепотью хлеб и, шумно потянув воздух, занюхал краюшку.

– Вот это по-нашему, справедливо решил.

– И чарку до дна выпил. Молодец, Гаврила Семёнов!

– А теперь, гуляй! Веселись, честной народ!

Вдруг Николька снял с себя полушубок, шваркнул его о дорогу и зло прохрипел:

– Не буду я такого позора терпеть! Не кочу просто так от девки своей отказываться! – он ткнул в Артёма пальцем и, брызгая слюной, закричал: – Биться с тобой желаю! За право владеть Прасковьей! Кто победит, тот и станет ей мужем! – и пошёл на Артёма, отодвигая рукой с дороги целовальника. Не дав никому опомниться, размашисто вдарил «крюком» в левое ухо Артёма,шибанул так, что он отлетел на три сажени и зарылся головой в сугробе.

Савка и несколько мужиков грозной стеной двинулись на Никольку, почёсывая кулаки, но тут вмешался целовальник:

– Погодьте, православные, ежели есть желание подраться, то это без меня, зыряне приехали ко мне с челобитной, а я беззакония не потерплю, чтоб у меня, да в городе инородцев обижали? Никогда этому не бывать! А за послушание я вас живо всех в острог!.. Пусть поединок будет честным, один на один, и драться, чтоб не до смерти, а так, пока кто из них шибко не покалечится.

Угроза Гаврилы Семёнова действовала на дружков Артёма отрезвляюще, и те встали в нерешительности, выжидая, что будет дальше.

– Да што ж это деетсяя-то, – заголосила Евдокия, – такенного здоровяка на Артюшку травите? Где ж ему с таким боровом справиться-то?

Сафон затолкал упирающуюся Евдокию во двор, за ворота, дабы не слышать причитания и всхлипов, показал ей кулак и предупредил:

– Чтоб сидела здесь, как мышь, а не-то я тебе! И девок придержи, нечего плясться! – подойдя к Артёму, отец подал сыну руку, помог подняться на ноги и тихо проговорил напутствие: – Сынок, не посрами отца, бейся? Он хоть и здоровый, а духу в нем мало, ежели с хитринкой к этому делу подойти, то можно и одолеть бугая.

Артём выбрался из снежной кучи, в голове гудело, а из уха тонкой струйкой текла кровь.

Он, как волк, тряхнул головой, разбрызгивая подтаявшим снегом с лохматого чуба, и пошёл на Никольку, сжав кулаки, и тут сообразил, что второго прямого попадания по уху ему не пережить, и решил действовать иначе. Здоровяк-зырянин, надеясь на свою немереную силу, опять кинулся первым. Махая руками, как пудовыми гирями, он пролетел мимо увернувшегося Артёма, чуть-чуть не угодив целовальнику по физиономии, и врезался в стоящих полукружьем, зубоскалящих и улюлюкающих мужиков. Озверевший от неудачи Николька, не мешкая, вновь кинулся на соперника, с перекошенным от злости лицом и жадной мести он летел на Артёма, как громадный валун, сорвавшийся с кручи. В самый последний момент Артём успел нагнуться от просвистевших над головой кулаков и ухитрился врезать рукой сопернику под дых, одновременно отскочив в сторону. И пока Николька, отдыхиваясь, соображал, что случилось, Артём налетел на него и поочерёдно обеими руками нанёс несколько ударов по переносице. Кровь ручьём хлынула у Никольки из сломанной сопатки, заливая рот и окрашивая в багряный цвет светлую рубаху-косоворотку на груди. Зырянин взревел, как бык, и вновь кинулся на Артёма, поймал его в охапку, поднял на две четверти над землёй и сдавил объятиями, сковав могучими руками, как железным обручем. Артём понял, что ещё мгновение и он задохнётся, в нос шибанул запах крови, а перед глазами плавала бесформенная кровавая лепёха расплывшегося по лицу носа соперника... От безвыходности положения, в котором находился Артём, и от охватившей его ярости, он что есть мочи стал бить своей головой по лицу Никольки. Зырянин сначала от удивления скосил глаза, как бы пытаясь разглядеть, куда бьёт противник, а затем зрачки его поплыли куда-то под лоб за веки, и он всей громадной тяжестью своего тела упал, придавив собой Артёма, так и не расцепив объятий.

Не в силах свалить с себя бугая Никольку, Артём беспомощно елозил ногами по снегу, пытаясь выползти из-под бесчувственной туши. Первым

опомнился и подскочил на помощь Савка, а за ним и Сафон. Друг и отец кое-как расцепили руки-клешни бесчувственного зырянина и поставили Артёма на ноги.

Те, кто следил за схваткой, взревели от восторга, со всех сторон на Артема посыпались поздравления и восхваления за умение драться. Гаврила Семёнов, подойдя к нему, стукнул по-панибратски парня по плечу.

– Ты, оказывается, не только наглец, но и драчун отменный, лихо ты с ним справился, поздравляю. Теперь девка по чести и по закону твоя, а ежели что, так приходи ко мне, чем смогу – тем помогу, – целовальник сел в свой возок и толкнул возницу в спину: – Трогай, тут уж боле мне никаких дел нет, – сказал и уехал, оставив растерявшихся зырян одних, без защиты.

Лежавший на снегу Николька стал потихоньку приходить в себя, поднялся на колени и, как недорезанный вепрь, хрюкал разбитыми губами, пускал кровавые пузыри и вращал выпученными, безумными, ничего не понимающими глазами. С его расквашенного лица текла кровь, рисуя на белом снегу красный узор.

Отец Прасковьи, коробясь, перебарывая себя, подошёл к Артёму, пристально посмотрел в его глаза и попросил, коверкая русские слова:

– Раз уж так вишло, то будь мне зятем!.. Не обижай понапрасну свою жену и мою дочь, – хотел отойти, но передумал и добавил: – Она у меня корошая.

– Я знаю, – соглашаясь, ответил Артём.

Новоиспечённый тесть помог подняться Никольке и, поддерживая его, усадил в розвальни на солому, сам сел на передок и, вымещая свою злость на коня, с оттяжкой хлестанул кнутом его вдоль крупа и что-то крикнул гортанно на языке зырян своим спутникам. Жеребец с ходу, резво пошёл по дороге, за ними тронулась вторая упряжь, в санях которой понуро сидели старейшины рода, сопровождавшие челобитчиков. А вслед отъезжающих летели обидные издёвки и дружный хохот:

– С чем приехали, с тем и уехали, да ещё тумачков с собой прихватили.

– Не захотел позора, так на свою голову срама кучу получил.

– Аника-воин!

– Силы много, так думает, что и ума не надо.

– Ладно, мужики! Хватит языками чесать и зубы скалить! – прикрикнул Артём. Все разом замолчали и прекратили смеяться. И тут Артём увидел и понял, как возросли к нему почёт и уважение, чуток смутившись, он продолжил уже спокойнее: – Прасковью с Фомой надо как-то обратно вертать, вёрст пятнадцать, наверно, уже отмахали. До Соли Камской их поди уже и не догонишь?..

Артём почувствовал подкативший к горлу комок и сплюнул его на снег большим кровавым пятном. Поначалу, в горячке, он не заметил боли в груди,

а теперь нутро всё ломило и тяжело дышалось.

– А ведь этот здоровенный чёрт, кажись, тоже меня порушил. Нудит да колет штой-то в нутрах. Ребра, видно, поломал. Костолом окаянный!

– Знаешь, сынок, – под бок Артёма подвернулся отец, – давай-ка обопришь на меня и айда в баньку, протопим её хорошенько, а я тебя потом так веничком охожу, косточки твои прогреем, примочек с Полинкиным снадобьем наложим, рушником крепко перетянем, и ребра твои и неделя не пройдёт, как срастутся. Известное дело, как изломы выправлять.

– Так надо за Прасковьей ехать! – возразил Артём.

– А за Фомой и жинкой твоей мы Савелия отправим, он верхом на своём гнедом быстро обернётся.

10. ЗА ЖЕНОЙ В СОЛЬ КАМСКУЮ.

Вечером того же дня Артём, туго перемотанный по груди рушником, неуклюже и немного скособоцаясь, волнуясь и переживая за Прасковью, ходил по дому взад и вперёд, не находя себе места. Мать, измученная свадебными хлопотами, отдыхала. Сёстры тесно рядом лежали на печи и болтали о своём. Отец при свете масляной лампы сидел на лавке и подшивал старые валенки.

– Да угомонись ты хоть чуток, – в сердцах заметил он Артёму. – Ходишь туда-сюда, и воздух понапрасну сотрясаешь, от этого пламя на лампе прыгает, и я никак не могу шилом метко прицелиться, уже какой раз из того в палец востриём тыкаю.

– Не могу я никак успокоиться. Чует мое сердце что-то неладное, и всё тут.

– Чё там может стрястись, у Савелия конь справный, наш Саврасый тоже хоть куда, просто рано ещё. Я так думаю, они должны далеко за полночь приехать, путь-то неблизкий. Тридцать вёрст туда, да посчитай обратно, лишь бы пурги не было, по перемётам-то сам знаешь, как ехать, – и, чтобы отвлечь Артёма от переживаний, начал рассказывать давнюю историю: – Вот был у меня один случай. Вы с Фомой ещё мальцами были, а девок-то и вовсе ещё не намечалось. Так вот. Зимой это случилось, в аккурат после Крещения. Нанялся я к одному хитрому купчишке зубы чудного зверя, размером в сажень и боле, наменянные им у вогулов да остяков, до Перми отвезть. Ну, туда-то мы с им доехали – всё путём, без происшествий. Разгрузился на месте, где положено, купец рассчитался со мной, и вертался я уж, было, обратно до дому. До Чердыни уже несколько вёрст оставалось, и тут, как назло, застигла меня метель в пути. Пока светло было, так куда ещё ни шло, пёр потихоньку, а как стемнело, так всё, куды ехать? Не знаю, зги не видно. Лошадь, шельма, встала и ни в какую, ни туда, ни сюда. А метель всё шибче завывает, вьюжит, кружит, снегом запоросило так, что меня уже сугробом затянуло. Всё, думаю, концы пришли, замёрзну, попрощался я мысленно с вами, детишками и с супругой моей, как вдруг из метели подходит ко мне старик странного облика, на чернеца похожий, и спрашивает: «Чё, милок, помирать собрался?» А я и отвечаю ему: «Да нет, пожить ещё охота, детишки у меня маленькие да жинка молодая, плохо им без меня будет». А он мне и говорит: «Ну ежели ты за Фому и Артёма печёшься, то я тебе помогу, укажу дорогу». Взял лошадь под уздцы и повёл её. А мне так хорошо стало, чё, думаю, зазря пялиться в лошадиный зад, укутался тулупом и лежу себе, думаю разные думки. И тут меня, как прошибло, а откуда он знает, как детишек моих зовут? Поднимаю голову из-под воротника, гляжу и глазам своим не верю. Никакого старика нет, и стоит моя кобыла у наших ворот и мордой в их тычется, дескать-де, открывай ворота,

хозяин? Домой приехали...

– Тять, а куда делся старик? – спросила с печи Фрося.

– А Бог его знает, у кого потом ни спрашивал, так никто такого старика не видал и слыхом о нём не слыхивал.

– А где эти звери живут, у которых такие большие зубы?

– Там, далёко, – Сафон махнул рукой на окно, – где-то в полуношной стороне.

С улицы послышалась возня, стукнули ворота, и в избу ввалился весь запорошенный в снегу Савка. Артём метнулся к нему, спросил с нетерпением и надеждой:

– Ну что? Где Прасковья?

– Погоди, зараз всё объясню, дай чуток прийти в себя с мороза. Продрог весь, – он, не раздеваясь, прошёл в горницу, сел за стол. По тому, как его потряхивало, видно было, что он порядочно околел. Луша спустилась с печи и, ни слова не говоря, достала ухватом из хайла печи томившийся там горшок с горячей похлёбкой, поставила его на стол перед Савкой, подала ложку, хлеб. Тот с благодарностью посмотрел на девушку и принялся уминать за обе щеки, громко прихлёбывая. Все с нетерпением ждали, когда он насытится и начнёт говорить. Заморив голодного червячка, Савка, продолжая жевать, шумно чавкая, наконец-то начал свой рассказ:

– Приехал я в Соль Камский град и сразу на постоялый двор, – он выудил из горшка мясо и отправил его в рот, пережёвывая, продолжил, – спрашиваю у смотрителя, где, мол, такой-то и такая-то остановились? А заодно и жеребца вашего обрисовал на всякий случай... А смотритель мне и отвечает: «Нет таких постояльцев на месте, и жеребца не видал». Ну, думаю, где же мне их искать-то теперь? – Савка облизал ложку и положил её на стол.

– Да не томи ты, говори быстрее, – поторопил его Артём.

– И тут я догадался у него спытать! – он гордо обвёл всех взглядом, хвастаясь своей находчивостью, и, как на допросе, продолжил: – Кто из жителей в городе на постой пускает? – выдержал паузу и хохотнул. – Тот лохмандей и выложил мне полный расклад, кто, где и почём? Ну, я богатые дворы сразу начисто отмёл, и остались у меня средние и захудалые. Стал я их по очереди объезжать, и на четвёртом на Фому наткнулся, он как раз на дворе коня поил. Гляжу, а сын ваш, – он посмотрел на Сафона, – и брат твой, – Савка хитро подмигнул Артёму, – как будто и не рад меня видеть вовсе, я ему рассказываю, что да как, а он хоть бы хны и смотрит на меня зло так, будто я плохую весть ему принёс.

– Ну, а Прасковью-то ты видел?

– Не-а, не видел. Фома сказал, что захворала она.

– Как захворала?

– А я почём знаю? Он мне не объяснил.

У Артёма от плохого предчувствия на скулах загуляли желваки, заподозрив неладное, он спросил:

– Почему Фома и Прасковья с тобой не поехали?

– Фома пояснил мне так: «Зачем торопиться, утро вечера мудренее, поедут они на следующий день, мол, девка устала и ей отдохнуть надо».

– Да ежели бы Прасковья узнала, что всё хорошо сложилось, она на месте не смогла бы усидеть, я её знаю. Ох, чует моё сердце, мудрит что-то Фома и замышляет против меня нехорошее, – Артём забежал по горнице, собираясь в дорогу, забыв про сломанные рёбра. – Надо ехать туда, медлить нельзя.

– Сынок, ты што? Ночь на дворе, – забеспокоился Сафон.

– Ничё, тятя, запрягу Мурашку и к утру до Соли Камской доберусь.

– Тогда я тоже поеду, – изъявил желание отец, – вдруг, што случись в дороге? Никогда себе не прошу, а два калеки – это получается, что один здоровый.

– А меня в счёт уже не берёте, да? – возмутился Севка. – Втроём-то веселее будет. Правда, конь мой подустал немного, но с вашей кобылой быстро не наскачешься, так что вы в саях, а я верхом, тихим шагом пойдём.

Ночные долгие вёрсты до Соли Камской Артём, сидя на облучке, правил Мурашкой и, чтобы не уснуть, тянул песню:

На горе-то снег лежит.

Парень в том снегу лежит.

А он с лошади упал

Да тихонько помирал.

Уставший, проведший на лошади почти целый день Севка дремал в седле, клюя носом в гриву лошади. Сафон, завалившись в саях на сене, укрылся овчинным тулупом и пытался уснуть, но никак не мог успокоиться, всё ворочался, не находя себе удобства.

– Тять? – прервав песню, окликнул Артём отца.

– Чё? – отозвался Сафон из-под тулупа.

– Я всё хочу тебя спросить. Как ты про венчание-то прознал?

– Вот проживёшь со своей кралей двадцать годков, так не токмо с полуслова будешь её понимать, а и с полувзгляда насквозь видеть. Я, как поутру проснулся, так сразу заметил, што Евдокия, будто чем-то по голове шарахнула, молчит, слёзы льёт, посуду на пол роняет. Ну, думаю, беда какая стряслась. А у меня от такой от бабской растерянности одно средство безотказное есть.

– И какое же? – очнувшись от дрёмы, с интересом спросил Севка.

– Надёжное! Ведь ежели бабу насильно начнёшь пытатъ, што да как, так она ни в жисть тебе ничего не скажет, муки адские будет терпеть, а не скажет. Есть в них такая железная терпячка, не у всех конечно, но некоторых, хоть калёным железом жги, а не проболтаются. А вот ежели жалеючи её да с лаской к ней под юбку пробратъся, то по слабости передка она не токмо тебе все

секреты выложит, а и душу свою приложит в придачу. Вот я этим средством-то и воспользовался, только и всего-то, пожалел да по спинке погладил, а она мне всё и раскрыла. Как прознал я про твоё венчание, так сразу и закипел весь, ну, думаю, поймаю, порву, как волк зайца, – Сафон, посмеиваясь, толкнул Артёма в плечо и продолжил, – а как увидел её ясные очи, так будто кто-то из меня весь пар выпустил. Хороша девка! Не зря тот здоровяк-зырянин так по ней страдает.

– Отстрадался уже, теперь долго будет помнить русские тумачи, – Савка подхлестнул коня и, посмеиваясь, кружанил вокруг Артёмова воза.

– А ты-то сам, подыскал себе невесту али так, нецелованный ешо? – спросил Сафон у Савки, когда тот вернулся на прежнее место.

– Да желание жениться-то имеется, только вот на ком? Стеснительный я, как Артём, быстро обходиться с девушками не умею.

– Стеснительный! – съехидничал Сафон. – Видел я, как вы сегодня с Лушкой в переглядки играли. Скажи правду? Глянется она тебе али как?

Савка засмутился, снова подхлестнул своего коня и, поскакав вперёд по дороге, прокричал:

– Приглянулась, дядя Сафон, ещё как приглянулась.

В Соль Камскую Артём, Савка и Сафон прибыли перед самым рассветом. Савка показал двор, где остановились Фома и Прасковья. Неказистая изба с покосившимися воротами представляла собой убогое сооружение, сразу было видно, что здесь живёт дрянной хозяин или его вовсе не имелось. Дом отапливался по чёрному, из дыры, вырезанной в притолоке над дверями, наружу тянулся дым и дальше по торцу кровли до конька шёл чёрной сажной полосой, уходя в предрассветное морозное небо свечкой. «Значит, в доме уже не спят», – решил Артём и сразу стал сильно колотить кулаками в ворота.

– Иду, иду, – раздался за воротами старушечий голос, – вот, ядрёна вошь, похмелье как мучит, до рассвета не могут дожидаться. Пьяницы окаянные! Покою от вас нет ни днём, ни ночью.

Артём догадался, что в доме курят вино и торгуют им втихую по соседям. Послышался стук затвора, и створка ворот распахнулась. Увидав трёх незнакомых мужиков, старуха, испугавшись незнакомцев, отшатнулась назад и, глядя на Артема, неуверенно спросила:

– Ты кто?

– Барыш с торговли имеешь, так терли, – прикрикнул он на неё.

Старуха схватилась за сердце, слезливо запричитала:

– Ой, люди добрые, не обижайте бедную вдову, а что хмельным торгую, так это от скудости положения. Кормильца мужа потеряла, детушек не нажила, так и маюсь.

– Постояльцы в доме? – перебил её всхлипывания Артём.

Старуха немного успокоилась, узнав, что незнакомцы пришли не по её

душу, а интересуются постояльцами, и зачастила словами, выкладывая всё, что знала о новых жильцах:

– Приехали намедне, незнамо на сколько, денег не заплатили, всю ночь сами не спали и другим не давали, сказал, что муж и жена, а она всю ночь выкобенивалась, он к ей, а она драться, чё бабе надо? Мне бы её годки.

Артём, услышав такие слова, оттолкнул старуху и, пробежав двор, ворвался в избу. В нос шибанул кислый запах перебродившего хмеля. Через открытое хайло русской печки освещалось полгорницы, на видной половине никого не было, другая сторона избы была тёмной и непроглядной. Проходя мимо печи, лицо его попало в свет от открытого огня.

– Артемушка?!.. – услышал он голос Прасковьи и быстрые шаги, через мгновение она повисла у него на шее и ревела навзрыд.

– Золотая моя, не плачь. Всё уже позади, я же за тобой приехал. Нас теперь никто и никогда не разлучит. Родная, а ты зачем в избе одета по уличному? Тут и так жарко натоплено, и дух какой-то тяжёлый.

– Моченьки уже не было разлуку терпеть, думала, рассвета дождусь и к тебе пешком пойду, а там била-не била, коть в омут, но с тобой.

– Была не была, дурёха моя, – поправил он её и обнял еще крепче.

– А мне всё одно, что била, что не била, лишь би вместе.

Со двора пришла старуха и, ворча, принялась греметь у печи горшками:

– Приехали! И как у себя дома, командуют, пытаются меня: «Где вожжи? Где хомут?» А я почем знаю, спрашивали бы у своего знаконца. Да, правду говорят: «Ранний гость хуже татарина».

Потряхивая в руке вожжами, в дом вошёл Сафон. В сверкающих отражением от топочного огня его глазах светилась сама преисподняя, но, сдерживая себя до поры до времени, он спокойно сказал:

– Савелий там Савраску запрягает, а я вот решил со старшим сыном поздороваться и поговорить, так сказать, с глаза на глаз. Фома! Ты где?! – теряя терпение, прикрикнул он.

– Тута я, где мне быть-то ешшо? – вяло отозвался тот из темного угла горницы.

– Выходи на улицу, поговорим по душам, – предусмотрительный Сафон не стал разбираться с сыном у посторонних в доме, вызвал Фому во двор, дабы не наделать урону хозяевам. Отец казался внешне спокойным, но затишье это было перед страшной бурей, Фома знал крутой нрав его и выходить не торопился, медленно одеваясь, обдумывал, как выкрутиться из затруднительного положения. Сафон вышел, за ним последовали Артём и Прасковья.

Пока Савка и Артём запрягали Саврасого, Сафон с нетерпением ждал появления Фомы и, спрятав руки с сырмятными вожжами за спиной, переминаясь с ноги на ногу, пристально смотрел в темный проем сеней. Сзади подошёл Артём и тихонечко потянул за болтающийся конец вожжей. Отец от

неожиданности встрепенулся и, выдернув снасть, замахнулся на сына.

– Тять, так это, мы уже удила заложили, надо повода цеплять.

– На, бери, я его зараз и руками достану, – он протянул руку с вожжами Артёму, и тут хлопнула входная дверь, и на крыльцо вышел хмельной Фома. Сафон, держа руку на вытяжке, с разворота да с оттягом, крикнув, хлестанул Фому вдоль тела распушенной сыромятиной, как казак сабелькой, от неожиданности сынок сначала присел, а потом юрко, боком, оббежал отца и спрятался за жеребцом, запряжённым в сани.

– Ты чё, батя?! Оху-, оху-, охренел, чё ли? За што?!

– Я те покажу, за што! Да тебе даже козу нельзя доверить пасти, ты и на неё прыгать начнёшь! Прелюбодей недоделанный! – Сафон, пытаясь достать Фому, бегал за ним вокруг Савраски с санями и хлестал вожжами, приговаривая: – Ишь чё удумал!.. На жену брата позарился!.. Будешь знать, как на чужое скакать!..

Фома и впрямь, как козёл, скакал от него по кругу и болтался, как язык колокола, из стороны в сторону, увертываясь от хлестких ударов отца. Неизвестно, сколько могла продолжаться эта беготня, но стоявшей возле саней Прасковье надоело вертеть головой, и она подставила пробежавшему мимо Фоме ногу, желая одного, чтобы кончилась побыстрее эта долгая дрянная ночь, сесть с любимым Артёмом в сани и уехать от всего этого шуму-гаму подальше.

Сафон, не ожидая, что Фома упадёт, с разгону пробежал по распластавшемуся на унавоженном скотиной грязном дворе сыну, оставляя навозно-снежный след на его спине. Пытаясь остановиться, махая руками, он проскользил по дерьму и наледи вдоль двора пару саженой и, когда остановился, резво, по-молодецки подлетел к лежащему Фоме и стал хлестать его вдоль и поперёк по чему придётся, не унимаясь. И откуда столько прыти взялось у больного Сафона, в гневе он забыл про все свои хворобы, и останавливать его уже было без толку, попадёт и заступнику.

На шум во дворе выскочила из дома хозяйка и, как вкочча, шлёпая себя руками по толстым ляжкам, верещала:

– Ты што, старый злодей?! Запорешь парня до смерти! А кто за постой, за выпивку расплачиваться будет? Он за ночь почти цельную четверть дымки у меня выжрал! С ково теперь спрашивать-то, а? С тебя што ли? Чёрт с бородой!

– Молчи, старая курица! – Сафон угрожающе сделал шаг в её сторону. – А то и тебе достанется на пироги!

Старуха, подхватив грязную юбку и сверкнув толстыми икрами, заскочила в дом.

– Пошто людей спиваешь? – крикнул он ей вдогонку. Но слова о пьянстве сына да о том, что надобно платить за его беспутное гулянье ещё пуще

взбесили его, и Сафон заново принялся за Фому и не на шутку разошёлся. Со стороны он и впрямь казался дьяволом, наказывающим грешника в преисподней. Хлестал вожжами от вольного своё чадо и всё норовил зацепить Фому по боку ногой. В старых подшитых валенках у него плохо получалось хорошенько приложиться, чтоб пробрать Фому до косточек, и от этого он ещё больше ярился и зверел.

II. МАСЛЕНИЦА.

Вслед за Крещенской неделей подоспела весёлая Масленица. С вечера накануне праздника Прасковья и Артёмовы сёстры готовились и рядились на завтрашнее гулянье. Лукерья оторочила свой кафтан белкой, Фрося подшила куний воротник, и обе ходили по горнице туда-сюда мимо друг друга, делали шуточные поклоны, здороваясь между собой, представляя, как они будут прохаживаться по гульбищу. Пришёл сосед Савка, якобы поговорить с Артёмом по важному делу, а сам, так и не начав разговора, сидел и исподтишка плялил-ся на Лушку. Прасковья в горнице на столе творила тесто, Артём с Савкой, сидя подле на лавке, лениво переговаривались. Полинка вертелась на печи и уговаривала зайца поесть, она тыкала в его морду капустный лист и звонко смеялась. Евдокия, как всегда, гремела горшками в своём закутке. Фомы не было дома, все догадывались, где он, но делали вид, будто не замечают его отсутствия.

Приехал отец, ввалился в избу, заполняя собой и шумом тесную горницу, он ездил в земскую избу по делам и привёз с собой незнакомого человека.

– Примай, мать, гостя, – крикнул Сафон с порога, – на постой к нам стрельца определили.

– Да кудыть нам ешо-то, итак друг у дружки на шее сидим, – Евдокия вышла и оглядела постояльца.

– А кудыть мне деваться-то, – передразнивая голос жены, сказал Сафон, – староста сказал взять, значит взять, супротив власти-то не попрёшь, скиды-вая полушубок, оправдывался отец. – Вона, как оно выходит, опять войско за камень отправляют.

– Здорово живёшь, бабонька? – для приличия поинтересовался гость.

– Слава Богу, не тужим, – неприветливо ответила Евдокия.

– Вы шибко-то не беспокойтесь, харч у меня свой имеется, ежели место где выделите, я там и выплуюсь. Мы люди привыкшие, – спокойным ровным голосом сказал незнакомец.

– Знаем мы ваш харч, хоть вой, хоть плачь, – ворчливо высказалась мать и ушла обратно к печи.

Все, кто был в горнице, с интересом разглядывали гостя. Это был крепкий, коренастый мужик лет тридцати, с наголо выскобленной шишкастой головой, одутловатым лицом в оправе чёрной кучерявой бороды, выпученными глазами и проломленным носом. «Видок ещё тот, кистень в руки – и на большак лихоимством заниматься», – глядя на незнакомца, подумал Артём. Примерно то же подумали и остальные.

– Ты проходи за стол, чё на пороге топчешься, – предложил гостю хозяин, – моя, хоть и ворчит, а так баба добрая.

Ратник снял кушак с пристёгнутым к нему широким казацким палашом-

саблей, скинул казённый кафтан и прошёл за стол. Артём и Савка уважительно проелозили задницами по лавке в сторону, уступая место бывалому человеку. Прасковья быстренько прибралась на столе с тестом, а мать с Лушкой из закутка притащили ведёрную корчагу с духмяной, наваристой ухой, поставили стопу блинов и заставили стол мелочью. Помолившись, все дружно принялась вечерять, ели долго и молча, с пониманием растягивая удовольствие, таская по очереди деревянными ложками уху из корчаги. Первый Сафон, за ним гость, а потом и все остальные по старшинству. Когда брякнула на стол последняя ложка, хозяин семьи, оглаживая бороду, уважительно обратился к гостю:

– Тебя как звать-величать, мил человек?

– Спасибо за хлеб-соль, хозяин, – поблагодарил гость, – а звать меня Платон Ломонос, с Москвы, на службе восьмой год, вот уже другой раз иду на Сибирь, – вяло и нехотя ответил стрелец, видно было, что он устал и желал только одного – спать.

– Я вижу, ты старый бывалец, может, нам поведаешь о своих походах. Где был, что делал? Мне шибко интересно знать, что там за камнем делается.

– Из меня рассказчик-то никудышный, но ежели желание есть, то слушайте. Отчего бы и языком не почесать маленько, – сделав нажим в голосе на слово «маленько», он давал хозяину понять, что не хочет долго рассусоливать, исполнит просьбу, расскажет как дань гостеприимству, а как там будет, вы уж не обессудьте. – Шесть лет назад, – спокойно начал он, – три сотни стрельцов, среди коих был и я, определили под начало князя Семёна Болховского. Выдали нам казённые пищали и из Москвы отправили в Сибирь на выручку атаману Ермаку. От Соли Камской шли мы на стругах вверх по речке Чусовой, гиблое, скажу я вам, место, перекааты такие, аж дух захватывает, вода кипит, бурлит, будто черти её закручивают, – говорил стрелец не спеша, ровным спокойным голосом, будто бы отработывая повинность. – Ну, а дальше, ещё хлестче, волок, через перевал пройти надо, а там кручи высокие, ямы глубокие, идёшь по краю, и душа от страха трепещет. Раз, было, чуть не сорвался, да обошлось, товарищи поддержали. Перебрались мы кое-как, с Божьей помощью, на ту сторону камня и поставили под медвежьим утёсом маленький Верхтагильский острожек. И уже от этого городка по реке Тагил поплыли на стругах до Туры, а потом и до Тобола добрались. Ермак-то уже к тому времени сгинул, и ни одна душа не знает, где косточки его покоятся. Царствие ему небесное, – стрелец перекрестился, перекрестились и все остальные. – Ну так вот, несколько сражений у нас с Кучумом было, и били мы его войско, и убегало-то оно от нас, а самого хана изловить так и не удалось. Помытарилась мы по той Сибири, похлебали горяшко, – стрелец, широко раскрыв рот, зевнул. – Князь наш помер, не к ночи будь помянут, – служилый опять перекрестился, – а потом от голода и холода, почитай, большая половина стрель-

цов пропала, светлая им память, – он опять перекрестился. – В общем, таких страстей натерпелись, врагу не пожелаю. А вертались-то мы уже другим концом. Сначала по Туре до Тобола, от Тобола в Тавду, да от Тавды на Лозьву, через камень прошли, Вишерою рекою до Печеры добрались, а тут уж и до Москвы рукой подать, – стрелец грустно замолчал.

– Да, что-то невесел твой рассказ да короток, – заметил Сафон.

– Я же сказал, что рассказчик я никудышный, – невозмутимо оправдался стрелец. – Мы больше по военной части.

– А зараз зачем в Сибирь идёте? – не отступался Сафон, пытаясь разговорить бывальца.

– Кучум ныне на Тобольск напал, разорил окрестности и вогулов с остяками на свою сторону сманил. Ох, и хитрые они, эти вогулы да остяки, того и гляди, из-за каждого дерева из лука стрельнуть могут. В тайге так спрячутся, что мимо пройдёшь и не заметишь. Вот нас, бывалых, туда и посылают, так как мы уже знаем их обычаи. Как бы страшно ни было, да что ж поделаешь, я человек служилый, куда скажут, туда и пойду.

– А страшно в сече? – спросил Савка.

– Страшно всегда, но лучше об этом не думать, – ответил стрелец.

– Как это?

– Вот ежели ты когда дерёшься и вдруг задумаешься о своей жизни, что она у тебя одна, страх тебя скуёт, и ты перестанешь руками махать, вот тут-то тебя сразу и забьют, как кутёнка. Так? – спросил он у Савки.

– Ясно дело, так, – не сомневаясь, подтвердил тот.

– Так и в сече, один раз сабелькой не успеешь махнуть, глядишь, а твоя голова уже и покатилась. Так что лучше думать, как врага первым уложить, а о жизни можно и на досуге покумекать, ежели живой останешься. А смерть сама по себе не страшна, страшно её ожидание.

– А как широко камень тянется? – спросил у стрельца Артём.

– Где сто вёрст, а где и поменьше, по-разному. Я всего-то камень два раза переходил. По тагильскому пути туда и по лозьвинскому обратно, и оба очень тяжёлые. А на кой ляд тебе за камень идти?

– Хочу короткий путь в Сибирь найти.

– Ой, парень, не буди лихо, пока оно тихо, – стрелец немного подумал и, будто спохватившись, продолжил. – Хотя, может, ты и прав, от Москвы до Перми Великой быстрее дойдёшь, чем от Перми до Сибири, хотя тут и ближе по верстам, ежели напрямки махнуть. Мне один служилый человек, который с лялинского юрта ясак брал, говорил, будто бы река Тура, по которой мы сплавливались в Тобол, начинается с камня, а, стало быть, здесь, недалече, и ежели ты к верховьям Туры путь найдёшь, великое дело для Российского государства сделаешь.

Стрельца от сытной еды и тепла сморило, и он за столом начал клевать

носом, роняя выскобленную голову на подставленные руки. Место ему определили на лавке Фомы, он, как упал на неё, так сразу и уснул, разливая по горнице густой, переливчатый храп.

На масленичные гуляния Сафонова семья пошла всем скопом, с утра объявился Фома и, не желая попадаться на глаза, тёрся сзади. Отец, идя рядом, тихо сказал Артёму: «В бане холодной спал, видать, вдовушка его тоже не шибко жалует, в полночь я слышал, как ворота сбрыкали». Сафон с утра был под хмельком, что было на него не похоже, говорил много и как-то по-свойски, как давнишние друзья, шептался с Платоном, подмигивал ему и хлопал по плечу, будто за ночь они стали крепкими приятелями. Увязался за ними и Савка, он теперь не упускал случая, чтобы лишний раз побыть рядом с Лукерьей. Он вовсю старался, ухаживал за ней, потакая её капризам, а она, хитрюля, вертела хвостом и сверкала глазками на парней, отчего Савка нервничал и делал всё невпопад. Изъявил желание идти с Сафоновыми и стрелец, его красный кафтан, позвякивающий палаш на поясе и бравая военная выправка придавали большой вес семейству, отчего Сафон был горд, полон достоинства и тщеславия. «Когда семья не бедно одетая, сытая и всем довольная – это ли не счастье», – думал он. Они дружно шли по улице на площадь, Сафон здоровался с соседями и знакомыми, и весь вид его показывал: «Вот так, знайте наших, и мы не лаптем деланы».

На гульбище толпа разношерстного народа приняла Сафоново семейство и растворила его в себе. Отец с матерью и маленькой Полинкой пошли по торговым рядам, стрелец, завидев своих сослуживцев, ушёл с ними в казённый кабак, Фома тихо откленился, будто его и не было, а Артём с Прасковьей, сёстрами и Савкой направились на место, где устраивались шутихи и игрища. В центре игрищ стояли большие качели на три ладьи. Девичий визг и смех летели во все стороны невероятные, а стоила эта радость всего полушку. За порядком на качелях приглядывал смотрящий, он собирал деньги и определял, сколько кому качаться. Лушка сразу потянула Савку в очередь.

– Савушка, пойдём, покачаешь меня, – попросила она ласково с налёвом.

– А не забоишься, я желаю, чтоб шибко вверх заносило.

– Страсть люблю, когда жутко, – искря бесовским взглядом, ответила Лушка.

– А меня? – спросила застенчиво Фрося.

– И тебя апосля, – пообещал Савка.

Девки с качелей вершали от жутки и страха, от свистящего в ушах ветра и захватывающего дух падения, сердце заходило стучком, а кровь играла в жилах. Парни, сами боясь, но не подавая вида, приседали, выжимая вверх девичью сторону, а когда сами оказывались вверху, били с подскоком по доске, ещё сильнее раскачивая ладью, чтоб показать свою смелость и удаль перед

избранницами.

– Может, тоже покачаемся? – предложил Артём жене.

– Ты что, Артёмушка? Я же уже не девушка.

– Ну и что из того, какая разница, молодая ведь ещё?

Вместо ответа она выразительно посмотрела на него, и через мгновение, догадавшись, он удивлённо спросил:

– Что, уже?

– Я не знаю, но всё может быть, бережёного Бог бережёт, – загадочно сказала она и потянула его к другим развлечениям.

Артём и Прасковья прошли по площади, любопытствуя, что происходит вокруг. Из наскоро сбитых дощатых лавчонок через прилавки перегибались торгаши, зазывая к себе народ. Лотошники кричат: полденьги пара, с пылу с жара – суют прохожим пироги, хватают за полы, удерживая и уговаривая купить товар. Юродивые тянут руки за милостыней, заголяя свои лохмотья, показывая гнойные раны и страшные увечья. Бродячие собаки путались под ногами, принюхиваясь к прохожим. Обойдя торг, Артём и Прасковья немного посмотрели, как лазают мальчишки на скользкий столб за кочетом, потом, как мужики бьются на бревне мешками, набитыми соломой, посмеялись у балагана над скоморохами и домрачами-музыкантами, разыгрывающими на помосте сказку. И Прасковья, услышав призывный голос зазывалы, потянула Артёма в ту сторону. Лукавого вида парень, не то татарин, не то коми-пермяк, ряженный «сибирским лучником», кричал звонящим, пронзительным голосом:

– Кому пятиалтынный за копейку, кому пятиалтынный за копейку? Отдам – не продам, копейку ставишь, метко стреляешь, пятнадцать берёшь.

Прасковья уверено подошла к зазывале, спросила:

– Что нужно сделать, чтобы пятиалтинный бил наш?

Зазывала оценивающе посмотрел на Артёма и, решив, что русскому не под силу справиться с этой задачей, пояснил:

– Всего-то навсего сбить стрелой три шепки подряд с десяти шагов.

Артём всегда плохо стрелял из лука, и эта задача ему была не по плечу, но Прасковья сама взяла лук, тинькнула ногтем натянутую жилу, попробовала снасть на упругость, приладила первую стрелу и по очереди с трех раз сбила все шепки, сунула лук в руки ряженого парня и подставила ладошку лодочкой для расплаты.

Зазывала, сильно удивлённый, смотрел то на девушку, то на сопровождавшего ее парня и ничего не мог понять. Поставивший его сюда проходец уверял, что никто этого не сможет сделать, а тут...

Прасковья ждала, парень молчал, Артём грозно стал напирать на зазывалу, тот смотрел на него и разводил руками.

– Ты чё на меня так смотришь? Я сам не знал. А деньги придется отдать, – жестко посоветовал Артём.

– Так это, у меня пока ещё только восемь, – растерянно ответил парень.
– Значит, не нашлось ещё пятнадцать мазил? Да, не повезло нам, надо было позже подойти, – засмеявшись, пошутил Артём.

Зазывале ничего не оставалось делать, как отдать деньги, он нехотя высыпал восемь копеек в ладонь Прасковье, и больше не слышно было его пронзительно противного голоса.

– Где ты так наловчилась? – спросил у жены Артём, когда они отошли.

– Тятя надолго в тайгу угодил, и я от нечего делать училась управляться с луком.

– Прав был батюшка, который нас венчал, «живешь дольше, знаешь больше». Так, глядишь, а ты и вообще что-нибудь необыкновенное можешь делать, не только из лука стрелять.

Подбежали раскрасневшиеся и растрепанные, но довольные сестрёнки и Савка.

– Пойдем, покрасуемся, – предложила Лукерья, приплясывая.

– Как это? – спросила Прасковья.

– Пошли, там увидишь, – и обе сестры потянули её на игру «Смотрины».

В центре толпящихся парней и девушек лежит борона вниз зубьями, девушки по очереди заскакивают на неё и красуются, показывая себя. Борона решетчатая, со сквозными ячейками, на ней нужно поворачиваться осторожно, чтобы не провалиться в ячею и постараться не свалиться с бороны. Неловких и непривлекательных девушек осмеивают, выкрикивая позорные издевки и подковырки из толпы. Когда девица на бороне ловко вертится, парни могут лучше её разглядеть, приметить её сноровистость и выбрать себе понравившуюся девушку, узнать имя, а потом засылать сватов.

Первая на борону, опередив неуклюжую полную девку, заскочила Лушка и, приплясывая, ловко переступая по ячейкам, вертелась во все стороны, показывая себя. Со стороны парней послышались одобрительные выкрики:

– Вот это девка!

– Хороша!

– Как звать-то тебя, красавица?

– Лукерья я, Сафонова, – смеясь, ответила Лушка.

– Ну, теперь жди сватов.

Артём посмотрел на друга, тот стоял весь красный, а на скулах играли желваки. Чтобы подбодрить Савку, Артём ткнул его в плечо, сказал:

– Не переживай, дружка, это же всё баловство девичье.

Друг в ответ промолчал и как-то криво улыбнулся. Лушка спрыгнула с бороны и, пока другие девушки мешкали, она подтолкнула на показ сестру. Нескладная, еще не превратившаяся из девчонки в девушку Фрося, скромно, стесняясь, повернулась туда-сюда и, покрывшись бордовым румянцем, спрыгнула с бороны. А из толпы кто-то крикнул:

– Сикушка ешо, в следующий год на погляд приходи.

Фрося вернулась, а Лушка уже с новой затеей суетится, втроём они о чём-то пошушукались, похихикали, поглядывая на Прасковью. И не успел Артём опомниться, как Савка с Лушкой подхватили его жену и поставили на борону. Прасковья поначалу хотела броситься бежать, а потом решила: будь что будет. Обернулась круг себя и встала, задорно вскинув голову. Волосы её выбились из-под платка, ланиты румяные, очи ясные, с огоньком. Мужики ахнули и давай кричать наперебой:

– Кто такая? Почему не знаем?

– Куда сватов засылать, краса-девица?

Артём опомнился, подбежал к жене, поднял её на руки и крикнул толпе, довольно улыбаясь:

– Всё, мужики, опоздали, моя она навеки, – и унес её из круга с мужичьих глаз долой.

– Вот, шустряк, девке и опомниться не дал, прямо с бороны под венец попер!

– А она даже и не пискнула!

– А девка хороша!

Артём принёс Прасковью, поставил её на ноги и, обняв в кучу сестёр и Савку, задорно спросил:

– Ну что, заговорщики, теперь куда?

– Может, к балагану, на кукол поглядим или посмотрим, как масленицу палить будут, – предложила Фрося.

– Скоро на кулачки созывать будут, я бы потешился, размял косточки, тихо прошептал на ухо Артёму Савка. Тот с загоревшимся взором мотнул головой в знак согласия.

– А я блинов хочу, с мёдом, – изъявила желание Луша.

– С гори нам с тобой, Артёмушка, надо съесть, – предложила Прасковья, – у нас, у зырян, поверье есть, ежели молодые с катушки после свадьбы вместе бистро скатятся, то так они смогут ускользнуть от бед, какие за ними гонятся.

– Тогда пошли на катушку, поначалу от бед угоним, чтоб они от нас отстали, а потом и всё остальное посмотрим и попробуем, – согласился Артём.

После ледяной горы компания направилась к балагану с куклами. Пока они смеялись над тем, как две тряпичные куклы с деревянными головами, обидно обзывая друг друга, бутузились между собой, отвечивая по очереди подзатыльники, Савка, слышав призывный свист с пустыря, потянул Артёма за рукав, и они тихо отошли от девушек назад и юркнули в толпу.

На пустыре, прилегающем к рыночной площади, где летом растёт сплошным ковром репей и бурьян, пасутся козы да коровы, нынче собрались парни и молодые мужики, в коих ещё не утих азарт острых ощущений, желание

подражаться на кулачках и показать свою удаль. По давно заведённым в Чердыни правилам, две соперничающие дружины собирались по определению места жительства. Город делился на две части по околоткам, и, собрав равное количество участников с каждой стороны, мужики расходились по сторонам и готовились к драке. Артём с Савкой, скинув с себя в общую кучу верхнюю одежду, примкнули к ребятам из своего околотка. По команде старшего надзирателя, выбранного общим голосованием из уважаемых людей города, две дружины сошлись стенка на стенку, и потасовка началась. Поначалу вяло, без охоты, мужики как бы шутейно поколачивают друг друга по плечам да в грудь, не очень-то стараясь нанести серьёзные увечья сопернику. Городок Чердынь маленький, и все жители знают друг друга в лицо, иногда в противоборствующих сторонах сходятся родственники. Но с каждым мгновением ярость дерущихся нарастает, и начинают сыпаться совсем не шуточные тумачи. И, достигнув какого-то непонятного всеобщего, неистового зверства, бьются уже по-серьёзному, в кровь, так что утоптаный снег пустыря начинает кое-где окрашиваться багряными заплатками. Одним из первых вывалился из гущи пластающихся Савка, ему изрядно досталось, и он, пошатываясь, в изодранной в ленты рубахе, с окровавленной сопаткой сел в сугроб и, покачиваясь взад и вперёд, приложил пригоршню снега себе на лицо. То и дело из массы дерущихся выбегали, выходили и выползали потрепанные, избитые мужички, кое-кто остался лежать под ногами продолжающих драться участников побоища.

Прасковья первая всполохнулась, стала озираться по сторонам, выглядывая мужа в округе, и, не найдя его глазами, спросила у Луши, тронув её за плечо:

– Лукерья. Ты не видала Артёма?

Та, не отрывая очей от представления в балагане, со смехом беззаботно пожалала плечами и отрицательно покачала головой, а тихая, но глазастая Фрося подсакала:

– Они, кажись, на потасовку подались.

Забеспокоившаяся Прасковья потянула сестёр на пустырь.

Артём из последних сил старался держаться на ногах и уже не бил кулаками, а просто отмахивался, пытаясь прикрыть руками голову от прямых ударов. Гурьба дерущихся заметно поредела, из доброй полусотни человек, какие начинали драку, на пустыре осталось с десяток мужиков, не считая упавших и продолжающих лежать на снегу без памяти. Драчуны от усталости и потери сил, не разбирая, где свой, где чужой, как пьяные, шатались, толкались между собой, тыкая руками без разбору, куда придется, в ожидании команды прекратить побоище. Он не слышал, как прозвучал сигнал остановки драки, но, как в тумане, увидел перед собой бородатого мужика с усмешкой на лице и, собрав последние силы, ударил его в смеющуюся рожу. Мужик,

ахнув от неожиданности, закричал истошным голосом: « Ты что, паскудник? Драка давно уже закончилась, один ты никак успокоиться не можешь». Потом появилась Прасковья, и будто вернулся старый сон, она снова была в золотом и с бубном.

Артём очнулся, с трудом приоткрыл тяжёлые опухшие веки, сознание вернулось к нему, и он всё вспомнил, Масленицу, качели, кукол, драку. Прасковья с Савкой помогли одеться, он сам умылся снегом, после чего окончательно пришёл в себя.

После, когда все вместе возвращались домой, Прасковья, жалея Артёма, ненавязчиво увещевала его:

– Артёмушка, что ж ты, как маленький, в драку полез, вон глянь? Очи все подбиты, рубака разодрана? Я не понимаю вас, мужиков, зачем по своей воле такую боль терпеть?

– Вот так-то и я раньше думал, – шамкая разбитой губой, начал объяснение своего поступка Артём. – Людям, которые не понимают сути народных обычаев, трудно постичь причину происходящего. Со стороны кажется, что стадо взбалмошных мужиков бутузят друг друга, причём зазря. Но это вовсе не так. Наши предки были мудрыми людьми, и многое ими не зря придумано. Вот, например, общественная драка, стенка на стенку: это первая проба для молодых к воспитанию воина, это то же самое ратное побоище, только врукопашную, и здесь воспитывается чувство товарищества, стойкости и умение побеждать боль и страх в себе. Драка один на один – это не в счёт, там ты видишь одного соперника, и он постоянно находится перед твоими глазами, ежели ты от него не убегаешь. – Артём криво усмехнулся и продолжил: – А тут, когда много народа, то не ведаешь, что откуда прилетит, поэтому постоянно приходится держать себя чутко и быть всегда готовым отразить удар с любой стороны. Вот, например, кто-то получил один крепкий удар по башке, не выдержал боль, спасовал, испугался и убежал, а ежели бы в настоящей битве он так поступил? Когда противник в панике утикает без оглядки, его проще разить в спину. Конечно, кто-то скажет, что это не настоящее сражение и не стоит изнахривать себя понапрасну, но именно так закаляются дух и выдержка. А в настоящей битве уже поздно будет учиться, там нужно воевать...

Ближе к вечеру Артём с Савкой запрягли Саврасого для весёлых катаний, и Савка, улучив момент, без свидетелей спросил Артёма:

– Ты когда говорил про парня, какой с драки убёг, ты о ком подумал?

– О тебе и подумал, – спокойно ответил Артём.

– Так меня вон как шарахнули по башке, я даже в день-деньской начал звёздочки считать.

– Нет, Савка, мы же рядом были, и я видел тот удар, какой тебе достался, а как юшка носом пошла, ты сразу и свалил. Так, нет? – жёстко спросил Артём друга.

Тот, виновато потупившись, ответил:

– Так, но...

Артём, не дослушав объяснение Савки, перебил его:

– Ежели бы мы с тобой стояли до конца спина к спине, поддерживая дружка дружку, то мне бы меньше досталось, и твоего позора бы не было. Может, кто другой ничего и не понял, но я-то тебя давно знаю, и поэтому мне горько оттого, что ты можешь кинуть друга в трудный момент.

– Нет, Артём, тут я как-то не докумекал, что может так всё обернуться, но я обещаю, в следующий раз не подведу.

– Ладно, не волнуйся ты так, время покажет. Я нынешним летом за камень хочу пойти. Пойдёшь со мной? – спросил Артём друга, глядя прямо ему в глаза.

– Да я уж, было, и сам хотел тебя об этом просить... А ты и сам предложил, хоть зараз. Ей-ей пойду, – Савка побожился, перекрестясь, и заговорил с азартом: – Ты знаешь, я круч совсем не боюсь. Когда на седмицу на нашу колокольню залажу, мне даже нравится.

Савка хотел продолжить свои бахвальства, но Артём его перебил:

– Вот там и посмотрим, какие кручи нам по плечу.

Пока ребята разговаривали, девушки украсили кошёвку ветками с привязанными разноцветными лентами и унизали упряжь бубенцами. А потом молодёжь до полуночи палила чучела масленицы, каталась на лошадях, все веселились, пели песни, водили хороводы, радуясь окончанию долгой холодной зимы.

12. ВОР ЯШКА.

Прошли, пролетели зимние праздники: Рождество, Крещение и разгульная весёлая Масленица. Артём и Прасковья целый месяц прожили в родительском доме. Семья первую невестку приняла хорошо. Её умение вести всю работу по хозяйству подкупило новых сородичей, и они, каждый по-своему, привязались к Прасковье. Мать берегла невестку, надеясь на скорых внуков, и относилась к ней, как к сироте. Жалеючи молодуху, она не раз говаривала:

– Надобно тебе, Праскева, повидаться с родителями-то да в ноги упасть, повиниться им, может, и простят. Не гоже так, не по-христиански это. Да и нам с отцом со своими сватами познакомиться бы надо. Вон, у соседа Прохора сват – остяк некрещёный, а и тот ныне на Масленицу приезжал, оленины да рыбы привёз, а Прохор муки ржаной пять пудов в обрат им отвесил. Лад да уважение должны быть между роднёй.

Сафону просто нравилась невестка, и он иногда заглядывался на неё, смотрел, любуясь, на то, как она сноровисто управлялась со скотиной или как подавала на стол, и не было в его взгляде ничего похабного, а только восторг и любованье.

– Вот это баба! – хвастался он соседям. – Настоящая золотая баба, что по облику, что по хватке до работы.

Сёстры Лукерья и Фрося подружились с золовкой, иногда подсмеивались и безобидно подтрунивали над её говором и неумением выговаривать правильно русские слова, но это ничуть не мешало их приветливости и дружбе. Больше всех к Прасковье привязалась маленькая Полинка, она ни на шаг не отставала от жены старшего брата и везде топталась за ней, как хвостик. По вечерам, когда рано становилось темно, а спать ещё не хотелось, все домашние девки залезали кто на печь, кто на полати и, устроившись тесным рядком, просили Прасковью что-нибудь поведать про сказочное житьё-бытьё. Все старые русские байки и небылицы они с детства знали наизусть, а былины народов коми-зырян для них были новы и неизвестны. Когда Прасковья рассказывала о старичке Пеле, добром лесном духе, или о сарчике, весенней маленькой птичке, с которой с полудня прилетает тепло, то все притихали и слушали, с интересом раскрыв рты.

Фома дома почти не бывал, приходил к вечеру, молча ел и ложился спать. С утра у него обязательно находился предлог или причина, по которым нужно было куда-то ехать или идти. Он с радостью брался за любую работу, какую наказывал ему отец, лишь бы не мозолить глаза домашним и не терпеть укоризненные взгляды Прасковьи и Артёма. Весть о том, что братья Сафоновы подрались и поссорились из-за бабы-зырянки, облетела всю Чердынь и её окрестности. Со временем эта молва укоренилась и обросла новыми сплетнями, и если речь заходила о ком-нибудь из Сафоновой семьи, то обязательно

добавляли или уточняли: «А, это те, у каких золотая баба живёт» или «Это те два брата, какие из-за бабы вдрызг рассорились». Так и прилипла кличка-приставка к их именам – Артём и Фома Бабины.

Однажды после вечерней трапезы отец с серьёзным видом обратился к сыновьям:

– Вот что, сынки, я так гляжу, что промеж вас ладу уже никогда не будет?

– Это уж точно, – сразу согласился Артём.

Фома промолчал.

– Да-а-а, верно говорят: «Мужик предполагает, а Бог располагает». Все мои задумки на счёт Усолки из-за Фомы в тар-та-ра-ры полетели. Как быть-то теперь, даже и не знаю?

– А чё тут знать, Фома и раньше не хотел туда перебираться, так что мы с Прасковьей вдвоём на Усолку поедем, начнем потихоньку ставить дом, – горячо заговорил Артём. – А когда наше житьё наладится, вы к нам переедете. Прируб к дому пристроим, места всем хватит.

– Ладно, на том и порешили, так тому и быть, – согласился отец и закрыл на этом мучавший его вопрос.

В первый день строгого поста молодожёны, загрузив на сани-розвальни маломальский скарб, собрались выезжать, пока ещё в безымянный новый починок на маленькой речке Усолка. Отец отдал им старую лошадь Мурашку, торжественно пригласил молодых, как отделившуюся семью, в гости на Пасхальные праздники и пообещал, что как только весной отсееся, так сразу приедет к ним помогать ставить дом. Своими торжественными речами Сафон давал понять Артёму, что он должен подсобить отцу с посевными работами. Сосед и друг Савка также изъявил желание летом помочь другу с постройкой дома, чтобы потом, когда он обзаведётся семьёй, то Артём помог бы ему со строительством на Усолке избы по соседству. Провожать вышли все домашние, кроме Фомы. Евдокия крестила сына и невестку в дорогу, тихо плакала, утирая слезы передником, и шептала молитву. Ревела и маленькая Поинка, держалась за юбку Прасковьи и не хотела отпускать. Привыкшая к её сказкам, она всё спрашивала, когда они приедут и как долго они будут жить в лесу. Отец напутствовал Артёма, как правильно надо вести хозяйство, советовал на то, что отправляет детей одних без присмотра и долго не сможет их навестить. Лукерья и Фрося наперебой поочередно обнимали свою новую подругу и шептались, делясь между собой появившимися общими секретами, а когда отъезжающие тронулись, сёстры тоже чуток всплакнули. Прослезилась и невестка, умилённая заботой и любовью новой семьи, она, расставаясь, обняла их всех по очереди, а Поинку чмокнула в розовую пухлую щеку. А потом все долго смотрели им вслед и, прощаясь, махали руками, пока сани с молодыми не скрылись вдалеке.

Дорога на Усолку далась трудно. По большаку до сворота на Усолку до-

ехали быстро, а далее путь шёл по лесу и был сильно переметён. Не доехав до землянки десяти вёрст, Артём и Прасковья скоротали ночь у костра, а с рассветом тронулись дальше. С Божьей помощью и тяжкими усилиями к полудню они всё-таки добрались до выруб, где стояла землянка. Подъезжая ближе, Артём ещё издали заметил над зимовьем столб дыма, поднимающийся из трубы жилища.

– Прасковья, глянь! Кто-то у нас хозяйничает.

– И впрямь дим идёт столбом. Может, кто из своих?

– Свои все здесь, ты да я, а остальные все дома – в Чердыни. Так что наших там не должно быть, – Артём подхлестнул Мурашку. – Зараз посмотрим, что за хозяин у нас объявился?

Когда до зимовья оставалось примерно сто сажень, дверь с грохотом распахнулась, и из землянки выскочил невысокий человек с чумазым лицом. Он из-под руки посмотрел на подъезжающих и, на ходу одевая через голову вогульскую парку, опрометью кинулся в противоположную сторону.

Артёму показалось, что совсем недавно он уже видел такую же парку и уморительно смешной бег на кривых ногах вразвалочку. «Где-то я уже это видел», – подумал он.

– Так это тот мужик, который крендель свистнул у лотошника! – воскликнул он, вспомнив вогулича с церковного двора и убегающего вора на базаре. – Смотри, какой приткий! Уже до леса доковылял.

– Может, догнать его надобно, вдруг что украл? – забеспокоившись о хозяйстве, спросила жена.

– Теперь его в чашобе бесполезное дело искать. Да и незачем, землянка-то на месте осталась, а ежели чё и украл по мелочи, так это дело наживное, – он, широко улыбаясь, посмотрел на Прасковью и подмигнул ей. – Правду говорю, любя моя, лишь бы ты рядом была, а остальное приладится.

Подъехав к становищу, Артём кинул поводья на сани и поспешил зайти в землянку.

– Мать моя родная! – досадно удивился он. – Што тут было-то? – обратился он к подошедшей следом Прасковье.

– Да!... – не меньше Артёма удивилась она. – Я не знаю, как у вас тут било, но то, что не так, это точно.

Зрелище, увиденное ими в землянке, повергло их в полное изумление. В потрескавшийся свод печи вырывалось пламя огня и чадило наружу, отчего дым сизым туманом плавал по помещению землянки и оседал черными хлопьями сажи на стенах и утвари. По полу ворохами катались пух и перья ошипанной птицы. На столе громоздилась куча из обглоданных костей, грязной посуды и неубранных после разделки дичи потрохов.

– Как так можно? – не переставая удивляться увиденному, ошарашено проговорил Артём. – Это же надо, до такого состояния загадить всё?

– Человек иногда становится сродни зверю, – задумавшись сказала Прасковья. – И плохо, ежели он привыкает к такой жизни, ему потом обратно в человеческое обличие уже трудно вернуться, – она тяжело вздохнула, а потом с воодушевлением произнесла:

– Ну что? Глаза бояться, а руки делают. – Она сняла с себя верхнюю одежду и, не зная, куда её деть, всё было в саже, подала кафтан и шаль в руки Артёма. – Нечего окать, нужно убирать весь этот срам, – озабоченно сказала она и принялась наводить порядок.

Артём сначала растерялся, не зная, что делать и с чего начинать, а потом сообразил, что нужно перво-наперво восстановить печь и прочистить дымоход.

Вечером, наведя в избушке порядок, Артём и Прасковья повечеряли и легли спать, но на новом месте, да ещё в первую ночь самостоятельной жизни, несмотря на то, что они оба сильно устали, спать не хотелось. Вдоволь налюбившись друг с другом, они проговорили всю ночь, мечтая и загадывая планы на будущее. И казалось им, как они сейчас придумают свою жизнь, так оно всё и сложится. Сколько у них будет детей? Как надо построить дом? И как долго и счастливо они будут жить? И никогда ничего плохого в их придуманной судьбе не случится.

На следующий день после приезда у новой семьи начались обычные крестьянские будни. Артём шкурил лес, подготавливая его к строительству, Прасковья иногда помогала ему ворочать тяжёлые брёвна и хлопотала по хозяйству. Чтобы иметь в семейной казне живую, наличную копейку, решено было заняться промыслом. Артём и Прасковья вместе, дабы обоим знать места закладки капканов и ловушек, обошли окрестный лес и поставили ловчие снасти на пушного зверя, а заодно и петли на рябчиков и тетеревов для пропитания. Прасковья, приученная с малолетства к охотничьему делу, каждый день брала лук и на лыжах обходила расставленные ловушки. Охотничье счастье не изменяло ей, и она всегда приходила с добычей. В середине марта она всё чаще стала возвращаться с обхода капканов пустая и жаловалась Артёму, что кто-то разоряет ловушки, опережая её. Вор ходит по проторенной Прасковьей лыжне и пользуется разными хитростями, снимает пойманного зверя аккуратно, чтобы скрыть кражу, и замечает следы снежной порошей. Артём решил во что бы то ни стало поймать хитрого лакоствника и жестоко наказать за неправо дело. Таёжные законы суровы и безжалостны, об этом знают все, и когда человек совершает такой поступок, он должен понимать, что расплата может быть страшной.

Ночью Артём приготовился к предстоящему поединку. Взял нож, крепкую верёвку и по темну, загодя до того момента, когда Прасковья обычно выходила на обход своих угодий, встал на лыжи и отправился искать удобное место, где можно будет легко поймать и повязать вора. Обходя свои капканы,

он нашёл сработавшую ловушку с пойманной в неё куницей. Чтобы не испугать вора, Артём прошёл далеко вперёд, в удобном месте сошёл со следа и сделал большой крюк на лыжах вокруг того места, где стояла сработавшая ловушка с куницей. Осторожно подобранный с побочной стороны к пойманному зверю, он спрятался за стволом большого дерева и стал терпеливо ждать появления лиходея. Каково же было его удивление, когда на лыжне он увидел знакомую кривоногую походку вогулича-бегунка. «Ну тут-то ты у меня не убежишь», – подумал Артём и приготовился к неожиданному броску. Вогул заметил пойманного зверя и, довольный, цокая языком, принялся аккуратно вытаскивать куницу. Здесь довольство его быстро погасло, потому что он и не понял, как перед глазами что-то мелькнуло и на загривке у него оказался человек с подставленным к горлу ножом. Воришка на мгновение растерялся, но, быстро сообразив, кто его поймал, плаксиво заканючил:

– Русская окотника, не убивай, жрать котел, голодный был.

– Жить хочешь? – кое-как выговорил Артём устрашающий вопрос, давясь хохотом и задыхаясь от смрада, идущего от вогулича.

– Яшка отцень котцет жить, Яшка любит жить!

Артём на всякий случай связал ему руки и легко, как ребёнка, поставил маленького человека на лыжи.

– Что же мне с тобой делать-то? – спросил он у самого себя вслух.

– Тока не убивать? – подхватил разговор вогул. – Можешь тцуть-тцуть поколотить, и всё, – разрешил «горе-охотник».

Артём рассмеялся неудержимым хохотом от наглости и простоты пленника. Яшка, почуяв, что его убивать никто не собираются, тоже стал подхихкивать, щуря и без того узкие глаза и щерясь беззубым ртом.

Вдоволь насмеявшись и немного успокоившись, Артём извлёк из ловушки куницу, засунул её в мешок и, продолжая время от времени при взгляде на Яшку-вогула вздрагивать от подкатывающего смеха, повёл его к себе на становище. По пути домой Артём решал, что делать с этим незадачливым человеком. «Не убивать же? – думал он, – А тогда что? Как наказывать? А наказывать надо обязательно, чтоб не повадно было... Да такому что в лоб, что по лбу, один чёрт не поймёт, хоть кол на голове теши. Как быть? Не знаю, – спрашивал сам себя Артём и, не находя ответа, рассуждал дальше: – Отпустить его, так он снова примется за старое, и, в конце концов, его где-нибудь кто-нибудь убьёт, и всё, не будет человека». С такими невесёлыми мыслями Артём довёл пленника до своего становища. Посадив его со связанными за спиной руками на чурбак у входа в землянку, Артём зашёл внутрь.

– Принимай, жена, злодея! Изловил я его. Тока вот не знаю, что с ним делать, поди глянь, может, ты чё решишь?

– Я тут уже вся извелась. Что, сильно страшен?

– Страшнее и не видывал, – смеясь, ответил муж.

Прасковья вышла посмотреть на изверга, потрошившего её капканы. Яшка сидел на чурбаке с отрешённым видом, готовый на все испытания, приготовленные ему судьбой.

Увидав женщину, вогул снова начал канючить: «Козыяка, отпусти! Яшка короший. Яшка муку не обидит». Его жалкий вид не возбуждал злости, и Прасковье сразу захотелось отпустить горемыку, но она понимала, что этим добрым поступкам делу не поможешь, и вогул снова примется за старое. Она попросила Артёма развязать его и зашла в землянку. Артём исполнил желание жены и, распутывая узел, спросил Яшку:

– Не убежишь?.. А то догоню, хуже будет, – припугнул он вогула для острастки. А что хуже, чего хуже – он и сам не знал.

– Яшка никогда не безит, Яшка сильный, – вогул посмотрел плутовским взглядом на Артёма, пытаясь изобразить гордость, и, не выдержав единоборства взглядов, отвёл свои глаза в сторону.

– Ну, смотри мне? На первый раз поверю, – грозно сказал Артём и не смог удержать давившего его смеха.

Из землянки снова вышла Прасковья, неся в руках миску с похлёбкой, хлеб и ложку, подала вогулу. Тот взял миску, хлеб засунул за пазуху, а от ложки отказался и стал пить варево через край, громко хлюпая и давясь, проливая жирные капли варева на грудь. Выпив жижу, Яшка запрокинул голову, вытряс остатки гуши себе в рот, отдал пустую миску хозяйке, вытер рот рукавом и сел смиренно в ожидании, что будет дальше.

Прасковья, махнув рукой на вогула, вернулась в землянку на ходу, тихо сказав мужу:

– Бог с ним, отпусти его.

– Нет, теперь, кажись, у меня к нему интерес появился, – ответил он жене и задал вопрос вогулу: – Ты из какого рода будешь?

– Из лялинского.

– А где это?

– Там, за камнем, – махнул в сторону восхода Яшка.

– Почему один?

– Меня князька из юрта выгнал.

– За што?

– Я брата убил.

– Вот те на, как это?

– Мамкиной клюкой бац по башка, – Яшка показал, как он махнул клюкой.

– Пошто убил-то?

– Выпить шибко котел. А он соболя не давал. Я брата убил, шкуру взял, на вино менял. Пьяным был, плоко помнил.

– Ну, а дальше как?

– Я русский стал, – Яшка полез за шиворот, вытянул оловянный крестик на жилке. – Видишь? Я совсем русский, поп крестил, грешки снимал, теперь я брата не убивал, князь не верит, в юрт не пускает.

– Ничего себе грешки? – изумился Артём. – Путик за камень знаешь?

– Знаю. Чё не знать-то.

– Покажешь?

– За брата прогнали, а путь покажу – убьют. Тебя убьют, меня убьют, всех убьют, – Яшка отчего-то развеселился и толковал про убийство, посмеиваясь.

Понимая, что под страхом смерти вогул не выдаст тайну своего рода, Артём решил отложить разговор о пути на восход до лучших времён и спросил, сменив направление своего дознания в другое русло.

– Ты ныне-то где живёшь?

– Чум поставил, елка, берёза крыл, дувал горит корошо, однако, колодно тцуть-тцуть, но Яшка привык.

– Шалаш лубяной, значит, соорудил, из бересты и елового лапника, – догадался Артём.

– Вот-вот, шалаш, шалаш, – подтвердил Яшка, кивая головой.

– Хочешь, как мы, в землянке жить? Каждый день хлеб есть?

– Твой дом – большой дом, мне корошо. Баба твоя корошо, клбб делает корошо, наша баба не могут делать, оленя могут, рыбу могут, а клбб не могут.

– Ладно, так и быть, я тебе помогу. Только услуга за услугу, – предложил Артём.

– Нет, нет, – испуганно замахал руками вогул, – за камень нельзя, – он страшно выпучил глаза и резанул себя ладонью по горлу. – Убьют!

– Да мне туда и не надо вовсе, я просто так спросил, – схитрил Артём. – Я хочу, чтоб ты помогал мне лес шкурить, брёвна катать, в общем, дом строить. А ежели согласишься, то за это я буду тебя кормить и хлеб каждый день давать. Договорились?

– Яшка всегда согласен клбб есть, дома зить, тебе помогать, – вогул от радости, что не поколотили, сразу согласился, спрыгнул с чурбака, всем своим видом показывая, что он готов работать.

– Какой из тебя помощник, непонятно, в чём душа-то только держится? А в голове после всех побоев, наверное, однадумка и осталась «как украсть», – высказался недоверчиво Артём.

– Нет, Яшка добрый работник, Яшка воровать не может, – вогул с надеждой, заискивающе посмотрел Артёму в глаза.

– Ладно, пойдём, я тебе землянку покажу. Она здесь недалече, – Артём взял топор и повёл Яшку в старую, заброшенную землянку зырян, в которой раньше жила Прасковья.

Новое жилище вогулу понравилось, он по-хозяйски сразу стал определять, что надо подремонтировать, что заменить, а что выбросить за ненадоб-

ностью. Они вместе навесили оборванную дверь, заменили сгнившие жерди на нарах, и Артём стал думать, как восстановить развалившийся очаг. Но Яшка не захотел ставить печь и объяснил это так:

– Печка не надо, чувал надо, огонь горит, дым в дырку идет, корошо, – он разбил обухом топора остатки очага, выложил из кусков обожженной глины на земляном полу круг, затем выбежал из землянки, залез на крышу и топором прорубил в центре кровельного ската дыру. Просунув в неё свою голову, вогул радостно сообщил стоявшему внизу в землянке Артёму: – Теперь совсем корошо, как в чуме.

– Ты смотри-ка, на что-то ещё способен, – сказал Артём торчащей из дыры Яшкиной башке. – Вот и чудно, тогда ты тут осваивайся, налаживай житуху, а я домой пойду, своих дел невпроворот.

13. СКОРНЯЖНОЕ ДЕЛО.

Несколько лет назад молодых и крепких охотников из Лялинского юрта вогульский князёк Еркын послал к Сибирскому хану Кучуму на реку Тобол для подмоги в войне с атаманом Ермаком и его казаками. Под Чувашевым мысом, на подступах к сибирской столице – городу Искер, Ермак разбил татарское войско, а отряды остяков и вогулов обратил в позорное бегство. Тогда-то молодой Абакын и увидел в первый раз больших бородатых людей, похожих на сказочных батыров из древних рассказов-песен, слышанных им с детства от старого шамана. С тех пор при виде русских казаков он испытывал к ним необъяснимое чувство страха и уважения, заставлявшее его раболепствовать перед русичами и бояться их. Вскоре после возвращения с побоища Абакина домой, в его родной юрт пришли царские стрельцы и обложили весь род ясаком по соболю с лука в год. Среди людей, собиравших дань, были хитрые пройдохи, какие помимо царской подати торговали на свой собственный карман и, обманывая государеву казну, наживались сами. Они выменивали железные ножи, топоры, наконечники для стрел, дешёвые стеклянные бусы, вино и хлеб на драгоценный мех пушных зверей, добываемый местными охотниками. Больше всего Абакину нравилось вино, после того как он его пил, разум его становился беззаботным, и ощущал он себя равным русским, был смел, храбр и никого не боялся, а ещё полюбил он ржаной хлеб и сдобные булки, какие не умели печь вогульские женщины. Из-за любви и страсти к пьянству он завёл дружбу с одним кабацким приказчиком из города Соль Камский, к которому ходил через камень и менял рухлядь на хмельное вино. Через пару лет Абакын окончательно спился, забросил охотничий промысел, стал воровать у сородичей, что под руки попадётся, и проливать, отдавая рухлядь за бесценок. А однажды, в пьяном возбуждении, желая доказать, кто из братьев главней, убил родного младшего брата и завладел его соболями. После чего старейшины рода его прокляли и навсегда изгнали из стойбища. Проклятый своей семьёй Абакын начал бродяжничать, существовал на подаяние и, имея постоянное желание пить вино, занимался мелкими кражами. После очередного неудачного воровства мужики его поймали, жестоко били кольями и отступились истязать бедолагу, когда подумали, что от побоев вогул испустил последний дух. Нашли его бесчувственного, с переломанными ногами, выбитыми зубами, потерявшего много крови, монахи из Чердынского Богословского монастыря. Несколько месяцев послушники выхаживали страдальца, и, когда Абакын ожил и поправился, то, по настоянию игумена Филарета, он принял православие и получил при крещении имя Яков. Из рассказов вогула монахи прознали, как он убил своего брата, и к его новому имени прибавилась прозвище Клюка. Прожив в обители год, Яшка Клюка отъелся, окреп, но никак не хотел подчиняться суровому монастырскому

уставу. Привыкший к лесным просторам и вольной жизни, не смог принять монашеское существование в тесной келье и подался из монастыря на вольные хлеба. Правильная жизнь наёмного работника не прельщала его, и он принялся за старое, начал снова бродяжничать, пить и воровать. В церковные праздники ему, нищему, бездомному бродяге, можно было рассчитывать на щедрые подаяния от прихожан, сидя на паперти, выпрашивая милостыню. В дни разгульной ярмарки и весёлой Масленицы, когда в общей людской сутолоке маленькому незаметному человеку легко кралось, он этим своим недостатком охотно пользовался, и если кража удавалась, то Яшке более-менее сытно жилось. Но неизбежно после череды праздников наступал пост, и это было самое тяжёлое время для таких, как он. И Яшка, чтобы пережить скудость постных дней, уходил в лес, где он мог прокормиться, добывая зверя, до следующих праздников.

Утром другого дня Артём проснулся спозаранку, вышел из землянки по малой нужде и вздрогнул от неожиданности. В утренних сумерках на чурбаке у входа сидел Яшка, он беззаботно болтал короткими кривыми ножками и широко улыбался.

- Ты чё в такую рань припёрся?
- Яшка мало спит, Яшка долг принёс.
- Какой долг? Очумел, что ли?

Вогул спрыгнул с чурбака, вытянул из-за чурки, на которой сидел, большую драную рогожину и вывалил из неё под ноги Артёма кучу невыделанных мороженных шкур разных зверей.

– Вот!.. – гордо начал свою речь вогул. – Он твой зверь брал, Яшка тебе вернул. Яшка твой друг, – объявил он и встал в ожидании, что ответит Артём.

– А кто брал-то? – засмеявшись, спросил он.

– Вогул Абашка брал, я нашёл, – Яшка неопределённо махнул рукой в сторону и назвал своё прежнее имя.

– Ладно, я всё равно такого не знаю и искать концов не буду. Ты мне вот что лучше скажи.

Весь во внимании, вогул подошёл ближе к Артёму, тот отстранился чуть-чуть назад из-за невыносимого запаха, идущего от Яшки.

– Ты шкуры выделывать можешь? – спросил Артём. – А то у меня скорняцкое ремесло плохо выходит. Научиться бы надо.

– Яшка всё может, тока шкуры не может, – вогул отрицательно помотал головой.

– Почему это? – удивился Артём. – Рухлядь, однако, на базар готовую ташите?

– У нас шкуры делать баба должна, окотник добыл, баба сделал.

– Во как? А ты перебори себя и сделай, у тебя же бабы нет.

– Нет, – грустно согласился вогул.

– То-то! – нравоучительно заметил Артём. – Мы на Пасху с Прасковьей в город поедем, надобно с родными повидаться. И ежели у тебя желание есть, то можно новую одежку тебе сладить на те деньги, какие от продажи меха выручатся. А то ходишь весь драный, как собаками рваный, срамотой сверкаешь, смотреть противно.

Вогул задумался, глядя на поднимающийся восход солнца, туда, в сторону Урал-Камня, где жил его род, попинал разбитым валенком снег и, наконец-то решившись нарушить традиции своего народа, согласно махнул рукой и цокнул языком.

– Обратная дорога у меня до дома нет, буду зить, как музик русская, – решительно объявил он и, смущаясь, виновато добавил: – Клеба дашь?

Артём зашёл в землянку и, вернувшись оттуда, подал Яшке целый каравай ржаного вчерашнего хлеба. Вогул от запаха чуть не захлебнулся слюной, схватил каравай, поспешно засунул его за пазуху и быстро, как вор за работой, стал собирать шкуры в мешок, приговаривая:

– Яшка совсем русска будет, Бога русска, парка русска, вся руска, – он затолкал шкуры в рогожу, закинул мешок за плечи и побежал, смешно кривя ногами, к себе на зимовье, не оглядываясь, думая о том, каким он станет настоящим русским.

На следующий день Яшка опять с самого утра припёрся к землянке Артёма и, сидя на чурбаке, терпеливо ждал его появления. Когда входная дверь открылась, он проворно соскочил с чурбака, подбежал к Артёму и доложил:

– Козяин? Шкуры киснут, скоро, скоро делать буду, работать давай, дерево резать пошли.

– Хорошо, пусть киснут, ты только потом мне покажи, каким «макаром» вы их выделяете, что они у вас такие хорошие получаются, не чета нашим.

– Показу, показу, сам делать станешь. Тока я без Макара буду, я не знаю его, – вогул озадачился и, удивляясь, разводил руками.

– Ладно, пошли, Прасковья покормит, а потом, когда работать будем, я тебе многое объясню. Кто такой Макар, и какая у Сеньки шапка, а также почему она иногда на голове горит.

– Кто горит?

– Шапка, чудацк-человек.

Через несколько дней вогул торжественно объявил, что с завтрашнего дня он начинает заниматься шкурами и приглашает «хозяина» к себе учиться скорняжить. Заинтересованный наловчиться прибыльному ремеслу, Артём, как и договорились, пришёл с рассветом к Яшке, но нетерпеливый вогул уже начал выделять шкуры до него. Когда Артём открыл в землянку дверь, сразу в нос емушибанул резкий запах человеческого дерьма, угара и какой-то кислятины. От режущего глаза запаха и дыма у него потекли слёзы, к горлу

подстулила тошнота. Внутри землянки жарко пылал чувал, дыра в крыше не справлялась с вытяжкой всего дыма, и он плавал по жилищу сизым туманом. Сам Яшка в одной драной грязной рубаше и таких же подштанниках сидел на полу и мял шкуру вперемешку с болотным мхом. Увидав Артёма, вогул помахал рукой, приглашая гостя зайти.

– Закоди, козяин, показывать буду, – весело крикнул он и принялся мять дальше.

Пересилив себя, Артём во что бы то ни стало решил остаться и посмотреть, почему у вогулов шкуры получают отличной выделки. Он, как последний раз в жизни, набрал полные лёгкие свежего воздуха и шагнул внутрь. Немного привыкнув к запаху и дыму, Артём стал осматриваться и наблюдать за всем, что делал вогул. У Яшки была вырыта в глиняном полу землянки яма на четыре ведра. Он её утрамбовал, обжёт костром, чтобы не просачивалась жидкость в землю и не обваливались стенки. А потом в этом глиняном корыте разложил шкуры и ходил в это место по нужде всё то время, пока они квасились. Когда, по мнению Яшки, шкуры дошли до нужного состояния, он вытаскивал их по одной, выбегал из землянки, полоскал заготовку в снегу, а потом долго мял их вперемешку с сухим мхом, так он подсушивал шкуру до лёгкого влажного состояния. Затем, разложив шкуру на ровном месте, ножом срезал остатки мездры и мяса, потом опять долго мял, снова скоблил и снова мял. И это действие повторялось, чередуясь до полного высыхания и готовности шкуры, после чего она превращалась в богатый мех, какой в Московии ценился на вес золота. Когда Артём проглядел и запомнил все этапы выделки шкур, он с пониманием заметил:

– Значит, тут всё дело в дерьме, поэтому-то они и получают у вас такие мягкие, а мы закваску делаем из хлеба.

Вогул приостановил работу, насупил брови, соображая и переваривая услышанное, немного подумал, вдруг взвился под потолок, шмякнул сырой шкурной заготовкой об пол так, что брызги полетели в разные стороны, и возмущённо прокричал:

– Ты чё, совсем плохой человека?! Клеб портить?! Не надо портить! У тебя чё г... а мало?! – вогул, нервничая, забегал по маленькой землянке, возмущённо махал руками и быстро что-то тараторил на своём языке.

– Да нет, этого добра у нас, как и у вас, тоже в достатке, ежели пожрать, что имеется, просто мы не привыкли так делать, – Артём, отряхиваясь от прилетевших на него капель, пытался объяснить Яшке, что у всех разные способы выделки шкур, и люди вольны выбирать, как им пользоваться и чем пользоваться. – Просто, Яша, мы не так живём, не так, как вы, и всё тут, – Артём поднялся с нар, на которых сидел. – Ладно, я, пожалуй, пойду, дел много, ты потом приходи столоваться-то, Прасковья что-то там наготовила.

Артём, чувствуя себя виноватым, тихо вышел из землянки, оставив Яшку

одного с его непониманием жизни русских людей. Артём шёл до своего становища и всё думал о том, какие народы бывают разные, разные не только по облику, но и разные внутри. Накопленный предками вогулов опыт выживать в этом суровом краю передавался из поколения в поколение, от деда к отцу, от отца к сыну. Много сотен лет вогулы выделывали шкуры именно так, и для них это нормально, и это народный нрав и обычай. А к хлебу у них отношение совсем другое. У северных народов, вогулов и остяков, никогда не было своего хлеба. Они не умеют его сеять, не умеют жать и не умеют печь. Вогулы да остяки выменивают шкуры зверя, которого сами бьют и сами выделывают, на муку. Для них рухлядь стоит меньше, чем мука, и поэтому расчётливое сознание Яшки отказывается понимать, как можно тратить впустую драгоценный хлеб, когда дерьма – завались. И Яшка был прав, так посчитал Артём.

В первых числах березня-апреля весна полностью завладела тайгой. Снег на глазах начал спадать, лес наполнился весенними звуками прилетающих с полудня птиц, а небо стало пронзительно голубым.

Артём, беспокоясь, что снег сойдёт быстро и надо успеть до полной потайки и половодья выехать в Чердынь, засобирался в дорогу. К строительству дома всё уже было готово, отторцован в размер и ошкурён лес, напилены плахи на пол и потолок и наколота сосновая дрань для кровли. Несмотря на очевидную природную лень и глупость Яшки, он оказался послушным работником и старался угодить Артёму изо всех сил. Наскучавшийся по своей родной семье, он привязался к новым знакомым, очень дорожил дружбой с Артёмом и помогал ему во всех его начинаниях.

Накануне отъезда Яшка притащил ворох готовых шкур и попросил Прасковью, чтобы она выбрала ему на рынке одежду получше и женский платок покраще.

– Плат-то тебе зачем? – спросила Прасковья.

– Лето придёт, в юрт пойду, бабу себе воровать буду.

– Баба – не чурка, подмышку не сунешь, потом родичи девушки поймают, тебя опять бить будут.

– Яшка китрый, платок дам – сама пойдёт. Ти только покажи ей, как клёб делать и вино курить, – говорил Яшка о своей женщине, как о решённом вопросе, и просил Прасковью подсобить в обучении.

– Научу и клёб печь, и дымку гнать, ты сначала приведи жёнку, а там уж видно будет.

Артём, дабы пробрать Яшку ответственностью, с серьёзным видом обратился к нему:

– Яков. Мы завтра поутру отъезжаем, так что всё хозяйство оставляем на тебя, смотри, чтоб всё путём было.

– Яшка будет добрый сторож, Яшка крест целовал, – он, довольный за

оказанное доверие, расплылся в улыбке и вытащил из-за пазухи крест, показушно поцеловал его, клятвенно обещая не шалить и добросовестно охранять имущество.

Чтобы одолеть дорогу одним днём, Артём и Прасковья ещё задолго до рассвета, при свете новой луны, выехали с зимовья. Усаживаясь в сани, Прасковья рядом с собой положила лук и стрелы.

– Это-то тебе зачем? Аль боишься кого?

– Сегодня ночью сон плохой видела, будто оборениха меня в лесу выслеживала, а это не к добру. Оборениха, по нашим народным поверьям, злая лесная баба, которая пакостит и блудит человека в парме. Так что бережёного Бог бережёт, – озабоченно пояснила жена.

– Ну-ну, – с недоверием ухмыльнулся муж.

Через пару вёрст размеренного, спокойного хода Мурашка запрядала ушами, прислушиваясь к лесным звукам, лошадь сама собой ускорила шаг. Прасковья, чувствуя неладное, стала озираться по сторонам, вглядываясь в чёрный лес. У Артёма по спине пробежали мурашки, как в случае, когда он первый раз увидел в темноте глаза рыси.

– Вон они! – неожиданно крикнула Прасковья.

– Кто?! – спросил Артём, вертя головой.

– Волки!

– О, мать моя! Да их целая стая! – Артём подхлестнул лошадь, нащупал рукой в сене на санях топор, приготовился защищаться.

Волки, не решаясь напасть сразу, бежали сбочь по лесу саженьх в двадцати от саней и готовились к удобному моменту для нападения.

Прасковья заложила стрелу и, готовая стрелять из лука, стояла в санях на коленях, в ожидании, когда стая начнёт атаковать. Петляющий между деревьями извилистый путь не давал возможности разогнаться Мурашке, и для волков ничего не стоило её догнать. Артём гнал, подстёгивая лошадь, с надеждой поглядывал в предрассветное небо, ожидая скорого рассвета. В темном междулесье не было возможности сосчитать нападающих хищников, и эта неизвестность ещё больше страшила его. Стая разделилась на две части и разошлась по обеим сторонам пути, постепенно теснясь к Мурашке и саням. Тенькнула тетива, выпущенная Прасковьей, первая стрела прошла мимо, в сумерках и на ходу в мелькавших между стволов деревьев теней хищников попасть трудно. Волки, почуяв момент, сразу пошли на сближение и бежали уже вровень с санями на расстоянии десяти саженьх. Самый крупный волк, судя по всему, вожак стаи, вырвался вперёд и, догоняя лошадь, готовился к прыжку. Прасковья перебралась на передок саней, быстро прицелилась и выпустила стрелу. Хищник, не издав ни звука, кубарем пролетел несколько саженьх и застыл в снегу лохматым клубком. Волки по инерции какое-то время ещё бежали за санями, но потом отстали и, принюхиваясь к запаху свежей

крови своего сородича, подошли к убитому жожаку. Они осторожно обнюхали его, облизали кровавую рану и, убедившись, что он мёртв, налетели на собрата, разрывая его на части.

Мурашка, пробежав с версту, вся в клубах пара, совершенно выдохшаяся и уставшая, встала, шумно раздувая бока, она мордой потянулась к снегу, стала жадно хватать его трясущимися брылами. Артём, крепко сжимая в руке топориче, озирался вокруг. Жена, отложив лук, обняла мужа сзади и нежно прижалась к его спине. Артём, удивляясь прозорливости Прасковьи, спросил:

– Как же ты смогла почувствовать опасность задолго до того, как это должно было случиться? Ежели бы не твой лук, как могло всё обернуться? Топором-то я не шибко много бы намахал. А сколько всё-таки их было?

Не умеющая считать Прасковья показала восемь пальцев на руках.

– Да! Надо живо убираться отсюда подальше, пока они не пошли по следу.

– Нет, они не пойдут, волки утолили голод, съев своего собрата, теперь они ситие и ленивые.

– Ну да, всё одно, поспешать надо.

Артём понукнул Мурашку, лошадь вяло, тяжело тронулась, устало волоча задние ноги, и казалось, будто бы она стала ещё дряхлее.

Приезда молодых с нетерпением ждали в отцовском доме. Сафон волновался: «Ежели чуток припозднятся, снег растает и по голой земле будет трудно добираться на санях, а престарелая Мурашка может не вынести натуги и по дороге издохнуть». Но в Вербное Воскресение, за неделю до Пасхи, опередив полную потайку снега на два дня, Артём и Прасковья поздним вечером добрались до Чердыни.

Отец, во дворе помогая Артёму распрягать лошадь, делился новостями:

– Фома-то наш к бабихе в примачи подался, так и греховодничают невенчанными, перед людьми стыдно, приходит, помогает мне – и обратно. Так сказать, на два конца работает, но ничего, я его после Пасхи загоню под венец, куда не денется. Савелий с отцом на Москву с обозом ушли, к праздникам должны обернуться. По приезду Сава-то хочет до Лукерьи свататься. Мы с матерью тут посоветовались и решили: пушай женются, у Андрея хозяйство справное, да и знаем мы друг друга давно.

Вечером после поздней трапезы домашние с интересом слушали отчёт Артёма о проделанной работе, а также рассказ про потешного вогула, который потрошил их капканы и поначалу наделал им много хлопот. В азарте своего рассказа Артём уморительно показывал кривоногую походку Яшки, смешно передразнивал его говор и повадки, строя на лице гримасы в точности, как Яшка, отчего домашние покатывались со смеху и очень долго смеялись. А в завершение своих рассказов Артём поведал о приключении, которое случилось с ними в пути, особенно нажимая на количество волков и

меткость стрельбы из лука Прасковьи.

– Ежели бы не прозорливость и не меткость моей жены, съели бы волки нашу Мурашку, а потом и нас на закуску, – сказал он, многозначительно поглядывая на отца, а потом со вздохом добавил: – Надобно где-то пицаль прикупить, хоть плохонькую, но надо, потому как, если стая волков на Усолке объявилась, от них одним луком не отстреляешься. Но у меня в таком разе совсем другая мыслишка имеется, – Артём чуток разволновался и стал доказывать свою правоту немного напористой. – В нашем лесу на Усолке соболя, бобра, чернобурку уже давно всех извели, и, чтоб на охотничьем промысле деньгу зашибить, надо уходить дальше. Вот и Прасковья не даст соврать, её отец за хорошим зверем до самого Камня ходит. А я думаю, что нужно за Урал-камень идти, там зверя богато, и он непуганый, его там с пицалью легче взять будет. Заряжась ружьё картечью, и вместо одной пули летит пять, вот тут ты и посчитай выгоду. Так что, батя, ежели хочешь живые деньги иметь, надо раскошелиться.

Отец после убедительного рассказа Артёма долго думал, а потом, хлопнув себя по колену, сказал:

– Да-а, сынок! Задал ты мне задачу на три рубля с копейкой, а где их взять? – он вопросительно посмотрел на сына и сам ответил: – Не то, што ты не знаешь, но и я не ведаю. У меня всё до последней полушки рассчитано, и ружо твоё в тот счёт никак не входит.

– А ежели потолкаться средь народа в лабазах, поговорить со знающими людьми да поторговаться, может, где и подешевше пицаль прикупить выгорит...

Отец на мгновение задумался.

– Ладно, сделаем так! – Сафон принял решение и оживился. – Ты завтра поедешь в лабазы рухлядь сбывать? – обратился он к сыну непонятно с вопросом или с советом.

Артём в подтверждение просто кивнул головой.

– Так вот, сколько денег выручишь за меха, на них и присмотришь пицаль, а ежели малость не хватит, то я тебе додам, и запомни: больше пяти гривен не дам! – он смачно зевнул. – Ладно, поздно уже, разбирайтесь спать, утро вечера мудренее. – И потом, как бы спохватившись, сердито добавил, грозя пальцем: – Только смотри, шибко дорогое не бери, на красоту не зарься, выбери, што попроще, а то я тебя знаю.

Поутру Артём с сидящей рядом на телеге Прасковьей въехали на широкий двор Строгановских лабазов. В обнесенном частоколом, с невысокими сторожевыми башнями дворе суетилось в работе много народа. На реках Колва и Кама вот-вот вскроется лёд и поднимется большая вода. Двор лабазов своей тыльной частью выходил на берег реки с пристанью и мастерскими для ремонта стругов. На берегу в огромных чадающих чанах работники варили

смолу, промазывали ею борта стругов, латали снасти, распускали круглый лес на доски, кипела работа. Готовились струги для спуска на воду, чтобы по весеннему половодью успеть добраться до труднодоступных мест в верховьях рек. Памятуя о прошлом своём лихом заезде во владения всесильных купцов Строгановых, Артём, удивляясь наивному своему ребячеству, чуток поостерегся и не наглед. «А ведь могли и взашей вытолкать за такое нахальство, вон сколь народу, и стража не слабая, – думал он. – Ежели бы Гаврила Семёнов тогда осерчал, не сдобровать бы мне». Объезжая по кругу амбары, Артём определился, где скупают рухлядь, и, отдав вожжи жене, зашёл в открытые ворота лабаза.

Потолкавшись среди охотников, сдающих добытое за зиму добро, Артём прознал цену на меха. Колонок полушка, белка по копейке, горностаи алтын, куница пятак, соболь тридцать, но за всю зиму Артём ни одного соболя так и не видал. Он долго посчитывал в сторонке от толчеи свои барыши от рухляди, старательно морщил лоб, бубнил, загибая пальцы, сбился со счёта, начал заново, от напряжения и стараний весь взмок, прикинул сумму, и вышло все про всё – два рубля и полторы гривны вместе со шкурами Яшки. «Да, негусто, и отцовский полтинник не поможет». С этой мыслью, почесывая затылок, Артём вышел на мостки посоветоваться с женой и нос к носу столкнулся с целовальником Гаврилой Семёновым и его подручными.

– Аа! Артюха, рожно в брюхо! С чем пожаловал к нам? – весело спросил целовальник.

– Рухлядь привёз сдавать, да цена мала, – нерадостно ответил Артём.

– Выше нашей цены тебе никто в округе не даст, – слукавил Гаврила, хотя и знал, что в городе есть другие скупщики, с которыми можно было поторгаться. – Памятуется мне, ты на пицаль в прошлый раз зарился, на кой она тебе?

– Волков в тайге много развелось, да и от лихих людишек, ежели что, так оборониться, – Артём оживился и с азартом продолжил: – Я ныне хочу за Урал-камень пробраться, дорогу новую, короткую в Сибирь разведать.

– Так-так, а за Камень-то тебе зачем, – заинтересовался Гаврила.

– Землицы, говорят, там бесхозной много, и зверя богато.

Целовальник, задумавшись, повёл взглядом по двору и увидел Прасковью, сидящую на телеге.

– Твоя, што ль, баба-то? – спросил он.

– Моя, – не без гордости ответил Артём.

– Да-а! Из-за такой стоит драться! – восхитился красотой девушки Гаврила, ощупывая её масляным взглядом. – Ладно, так и быть, помогу я тебе, будем считать, что это задаток. Ежели справишься, отыщешь путь, прощу долг, ну, а коли нет, взыщу с лихвой. И наш уговор будет такой: как добротную дорогу за Урал-камень прознаешь, так мне доложишь. Да приглядись

там хорошенько к местности, где острожек можно будет поставить, земельку пощупай, годна али нет для пахоты, в общем, сам должен понимать, что да как. А там уж и порешим, что к чему. Согласен?

– Согласен, – ответил Артём, довольный неожиданным поворотом событий. – Только пусть ещё запишут пять аршин сукна и десять аршин холста.

– Ну, ты наглец! – удивился Гаврила и добродушно добавил: – Ладно, будет тебе и сукно, и холст.

Тотчас Семён Гаврилов отдал приказчику распоряжение рассчитать Артёма по справедливости, недостаток записать в долговую бумагу и выдать ткань, пищаль и зелья да свинца на пули, сколько потребно. И уже, проходя мимо, обернулся и, посмеиваясь, спросил:

– Ты хоть пищалью-то пользоваться умеешь?

– Не-а, я её и в руках-то ни разу не держал, – честно ответил Артём.

– Обучите его, как стрелять, – обратился он к служивому, стоящему рядом, – да покажите, сколь надобно зелья сыпать, а то, не ровен час, погубит себя, и долг мой прахом пропадёт.

14. СВАТОВСТВО.

Калеки да убогие теснились у ворот церковной ограды, плотно стояли у обочины дорожки, ведущей к храму, и, как мухи, облепили паперть, выпячивая напоказ свои приобретённые увечья и врождённые недостатки, они наперебой клянчили, христарадничали, выпрашивая подавание. Иные нагло хватали за полы прохожих, тыкали в их глаза свои обрубки покалеченных рук и, показывая на теле гнойные язвы, жалились:

– Глянь, человек, – просит один, – как меня воры изуродовали. Ни одного живого места на теле нет, подай копеечку. Пожалей страдальца.

– Очи мои ясные изверги казённые вышибли! – кричит другой. – Живу, маюсь! Света белого не вижу. Подайте Христа ради. Век за вас буду Бога молить.

Безногий калека, сидя на обочине, разложил свои пустые штанины от колен на прохожую часть дорожки и канючил:

– Ноги оторвало ядром на войне с ливонцами. А они болят, саднят, как цельные, не дайте с голоду сдохнуть, жрать хочу, моченьки нет, – прихожане, проходившие мимо, втапывали штанины в грязь, запинались о них и, заметив свою оплошность, совали в грязную руку безногого полушку или яичко.

– О-о-о-ох, люди добрые! Не дайте пропасть! – голосит баба с грудным ребенком на руках, закутанным в рваное тряпье. – Кормильца басурманы зарезали, избу сожгли, меня испоганили. Пожалейте дитя! Дайте на пропитание!

Народ шёл на раннюю в этом году, выпавшую на середину апреля, праздничную Пасхальную службу в храм вдоль живой, изломанной, покалеченной судьбой и житейскими невзгодами изгороди и, жалеючи и по положению, одаривали нищих кто чем мог.

Сердобольная Прасковья, будучи сама на сносях, не выдержала, пустила слезу, попросила у Артёма полушку и сунула в ладошку бедной кормилице. Евдокия оделила всех, сколько хватило, съестной мелочью: кому козюльку, кому пряник, а кому и крашеное яичко. Она вздыхала и крестилась в ответ на жалобные рассказы нищих и шептала: «Помоги вам, Господи, помоги вам, Господи!»

В храме набилось народа – не продохнуть, духота, давка, запах ладана, чад сальных дешёвых свечей сизо затуманил лики на иконах. Хор на клиросе оглашал высокие своды то сладкоголосым пением, то рёвом крепких голосов. Тихим потрескиванием множество свечей перед золотыми окладами озаряли разгорячённые лица верующих. Возглас дьякона: «И смертью смерть поправ» – всколыхнул толпу. « Всем миром Господу Богу нашему помолимся», – народ в ответ загудел и кланялся, осеняя себя крестным знаменем. А дьякон продолжал вытягивать: «Христос Воскресе», а народ гудел в ответ: «Воис-

тину Воскресе». Артём, оберегая жену от случайных натисков шевелившейся толпы, как мог, закрывал её собой, следил, кабы кто ненароком не притиснул зачавшую суженую. Прасковья, сильно побледневшая, стояла еле живая, от недостатка свежего воздуха она начала слабеть, и её постоянно тошнило. Накануне Пасхи, в Благовещенье, жена объявила Артёму, что второй месяц как беременна.

– Почему ж ты раньше-то мне об этом не сказала? – удивлённо и радостно спросил Артём.

– Я сама не уверена была, а теперь точно знаю, – немного смущаясь, но довольная, отвечала Прасковья.

И теперь, в церкви, Артём сильно пожалел, что они зашли внутрь. «Надо было оставаться на паперти, спокойней бы было, сейчас плотная толпа не даст выбраться из храма. Скорей бы начался крестный ход, – подумал он. – Выйти вместе с народом на улицу и постоять во дворе или вовсе увести Прасковью домой, чтоб не мучалась. Как я раньше-то не догадался, что ей может быть тяжко. Всё-таки не зря придуман Крестный ход». От однообразности службы его думка пошла дальше, и он мысленно рассуждал: «Во время тянувшейся всю ночь службы, уставший от духоты, давки и томительно долгой литургии, народ с Крестным ходом выходил из храма, помещение церкви в это время проветривалось, и перед продолжающимся до самого утра ночным бдением отдыхали люди. Посты также не зря придуманы, наверное, в них тоже есть своё рачество. В каждой традиции, какие установили люди, есть свой смысл и объяснение. Все в этой жизни не зря и не просто так».

* * *

Не выдержав безделья и одиночества, Яшка Клюка на шестой день после отъезда Артёма и Прасковьи подался из леса в город, прихватив с собой запасённые на такой случай несколько шкурок белки и одну куницу. В Чердыни, в казённом кабаке, он обменял шкуры на жбан вина и солёный сухарик. Что было дальше, вогул не помнил.

Яшка очнулся полупьяный, с похмельной раскалывающейся головой, в грязи, под стенами казённого амбара. Его, принявшего в пустое голодное чрево чересчур много вина, половые обшарили и, не найдя в лохмотьях ничего доброго, выкинули на улицу. Немного придя в себя, он, плохо соображая, поднялся, цепляясь за брёвна амбара, потряс дурной головой, будто хотел встряхнуть из грязных, свалывшихся волос вшей, и, определившись, где находится, двинулся в сторону церкви с надеждой выпросить у прихожан одну-две копейки на опохмелку.

На церковном дворе Яшка попробовал втиснуться в вереницу калек у ворот, но потерпел неудачу, бойкие нищие не хотели уступать чужаку насиженные доходные места и отовсюду его гнали. Пройдя за рядом стоявших вдоль

дорожки убогих, ему наконец-то удалось встать между мамкой с грудным дитём и безногим мужиком. Изобразив на лице страдание, Яшка для пушей жалости ощерил беззубый рот, оголив кровоточащие дёсна, и встал с протянутой рукой в ожидании подаяния.

* * *

Наконец-то засуетились церковные служки, хоругви, слюдяные фонари, кресты и иконы заколыхались, поднятые на руках. Сквозь разделившийся народ двинулся Крестный ход.

Вслед вышедшему духовенству с места тронулся православный люд и медленно, как полноводная река, поплыл за хоругвями в распахнутые ворота, выпрастывая храм.

Подождав, пока спадёт толкотня, Артём с Прасковьей вышли в хвосте вереницы людей и позади процессии обернулись вокруг церкви.

– Артёмушка, – с виноватым видом обратилась Прасковья к мужу, – давай не будем закодить внутрь, постоим здесь. А то у меня что-то внутри мутит. Вот-вот вывернет, – и, схватившись одной рукой за живот, ладошкой другой руки прикрыла уста, и опрометью пошла с церковного двора за ограду.

Артём, еле поспешая, протискался сквозь народ, двинулся за ней следом. За углом церковной ограды, где в прошлый раз они стояли, скрываясь от Никольки, Прасковью выполоскало, и она, сожалея о случившемся, оправдывалась перед Артёмом:

– Ты знаешь, у баб иногда такое бывает, когда они беременны, от любого запаха всё нутро виворачивает наизнанку.

Артём, жалея жену, обнял её и услышал невдалеке шум. Приглядевшись в темноту, он увидел, как баба-кормилица, которая ранее стояла с ребёнком среди нищих, была своим дитём, закутанным в лохмотья, по голове лежавшего навзничь человека и, тяжело дыша, хрипло приговаривала:

– Я из тебя всю душонку твою вогульскую выбью! Отдай копейку!

Мужик, какой ещё недавно был без ног, довольно умело, с подкряком бил своими здоровыми ногами бедолагу по бокам и увещевал:

– Будешь знать, как к нам пристраиваться, мы тут стараемся, народ жалобим, а ты припёрся на готовенькое? Н-на тебе! Н-на-а...

Прасковья удивлённо смотрела на разъярённую бабу и не могла понять, почему она бьёт ребенком, да ещё с таким остервенением. Артём, возмущённый нахальством нищих, не столько заступаясь за того, кого они били, сколько за их обман, подскочил к дерущимся, сунул кулаком мужику в зубы, бабу отшвырнул за шиворот назад, та с налёту шмякнулась оземь задницей, накрылась подолом, задрав ноги, и завалилась на спину, сверкая сдобными, белыми ляжками. «Безногий» сначала отполз на коленках в сторону, а потом резво вскочил на здоровые ноги и шустро убежал в темноту. Баба, не желав-

шая отступаться от копейки, вытянула из своей тряпки полено и с перекошенной злостью мордой кинулась на Артёма. Не ожидавший такой прыти от женщины, Артём еле-еле успел прикрыться рукой, попрошайка с маху огрела его больно по локтю и уж, было, замахнулась другой раз, как получила удар кулаком в лоб и так и упала пластом на спину, держа над головой обеими руками берёзовый скол.

– Эй, мужик! Живой? – Артём потряс за плечо лежавшего ничком на земле горемыку и, почувствовав знакомый тошнотворный запах, неуверенно спросил: – Яшка, ты што ль?

– Я, козьяин, – вогул развернулся, сел на земле, скрестив ноги, заплакал, тихо попискивая.

Из его пробитой в нескольких местах головы текла кровь, она, заливая лицо, ворот парки, мешалась со слезами. Яшка утирал драным рукавом слёзы, ещё пуще размазывал юшку по лицу, раздувшемуся от побоев.

Подошла Прасковья.

– Ти как здесь очутился, Яша? – удивляясь, спросила она.

– Я? Я котел на Паску поспеть и обратно в тайга идти, – соврал вогул.

– За что били-то тебя? – поинтересовался Артём.

– Купец копейку мне дал. Я уж, било, котел в кабак бежать, чарку пить, а они догнали, били, копейку забирали, – сказал Яшка и выплюнул на свою ладонь кровавый сгусток слюны, а другой рукой вытянул из плевка копейку. – Вот, – похвастался он медяком и проворно засунул монетку обратно за щёку, плевком вытер о парку на груди.

– Ладно, богатей, пойдём домой, отмыть тебя надобно да одежонку твою в порядок привести. А то стыдно с тобой на люди показываться.

Дома Артём подтопил баню, заставил вогула скинуть с себя всё рваньё и бараньими ножницами выстриг ему свалявшиеся с запёкшейся кровью волосы наголо. Усадил вогула на банный полог отпариваться, а сам вышел в огород и подпалил огнём всю драную, с кишашими вшами Яшкину одежонку и стриженные ключья чёрных, жёстких, как проволока, волос. Шевеля палкой костёр, Артём слышав скрип дверей, обернулся: Яшка, стоя на коленках, высунул голову из бани наружу и, жадно хватая ртом свежий воздух, нудил:

– Козьяин... я уже чистий... кватит баня, – по его измученному лицу струились смешанные с кровью, грязные, потные разводы. Увидав, что в огне горит его парка и волосы, вогул запричитал: – Нельзя гореть волосы, дуку огня понравится, он меня с собой заберёт, ик надо далеко в тайга прятать, чтоб никто не найти. Птица найдёт – гнездо сделает, мне плоко будет, норка найдёт – в нору утащит, мне плоко будет. Ой, горе мне!

Артём расшевелил огонь, чтоб пламя лучше взялось за остатки лохмотьев, спокойно выбрал под карнизом банной кровли из связки берёзовых венников попушистей и, потряхивая им, как розгами, зашёл в баню:

– Сейчас мы из тебя настоящего русского делать будем.

Вогул на коленках дал задний ход, упёрся худым костлявым задом в угол и бормотал еле внятно:

– Яшке плохо, шибко зарко.

– Ты же давно хотел стать таким, как мы? Так вот, время пришло.

Яшка от страха перед новым крещением, скукожившись, забился в угол и умолял Артёма оставить его вогулом:

– Не надо, козяин! Яшка – вогул, Яшка не кочет стать русская.

После бани Яшка, распаренный, сидел за столом в горнице, обливался потом и с наслаждением уминал кулич с парным молоком. Новое исподнее бельё, загодя сшитое предусмотрительной Прасковьей из холста, взятого Артёмом в залог под будущее открытие, сидело на вогуле ладно и приятно не жило чистое тело. Он восторженно оглядывал себя и довольно цокал языком:

– Корошо, будто меня дук огня, как дим, на небо поднял.

– Ну вот, а ты не хотел становиться русским, – посмеиваясь, подшутил Артём.

– Если вам всегда так корошо, я согласен бить русская.

Из церкви со всеобщей вернулись домашние и с интересом разглядывали вогула. На просьбу Артёма к отцу оставить Яшку в их доме Сафон ответил:

– Ежели нахлебником не станет и будет во всём помогать, пушай живёт. Лишние рабочие руки в хозяйстве пригодятся, тем паче, что на носу посевная. Работы предвидится невпроворот, – по хозяйски рассудил Сафон и решил вогулу остаться.

Всю Светлую седмицу до Красной горки Яшка отъедался на дармовых домашних харчах и думал, что так будет всегда. Но прошли праздники, и радивый Сафон стал подгонять всех домочадцев готовиться к пахоте и посевной. От зари до зари он придумывал и наказывал всем новую работу. Латали лошадиную сбрую, отладили две сохи и наковали на них новые железные наконечники. На боронах сменили сломленные деревянные зубья на новые, восстановили разбитую телегу. Заделье в хозяйстве находилось всегда. Сам Сафон каждый день ездил в поле на свой надел, щупал земельку, мял её в заскорузлых натруженных руках, прикладывал к щеке и, оглядевшись вокруг, быстро скидывал до колен штаны, садился голой задницей на прошлогоднее жнивье, проверяя своим мягким местом почву на влажность и на прогрев. А вечером, когда вся семья собиралась в доме, озабоченно сокрушался: «Вот-вот надо будет пахать, а у нас ещё ничего не готово», – своей неоправданной щепетильностью накаляя себя и домочадцев до нервного состояния.

В первых числах мая-травника распогодилось, несколько дней подряд стояло по-летнему жаркое вёдро, земля прогрелась так, что к полудню над да-

лью полей стояло еле колеблющееся марево весеннего солнце-припёка. Худая суглинистая земля Сафоновского надела на открытых обветриваемых местах уже стала выбеливаться от пересыхания, и Сафон скомандовал: «Пора».

На следующий день, раным-рано поутру, надев чистое бельё, обув новые лыковые лапти с онучами, дружно помолясь и плотно позавтракав, Сафон, Артём, Яшка, Прасковья, Луша и пришедший подсобить отцу Фома на двух телегах, гружёных сохами, бороной и посевным зерном, с привязанными к задкам телег парой тягловых быков, выехали в поле.

Шесть дён от зари до зари хлебоборобы пахали, боронили, сеяли, потом снова боронили свои десятины, какие Сафон арендовал у купцов Строгановых под процент от урожая. И вот уже пятнадцать годков, как из года в год отсеивал и собирал свой хлебушек с этой землицы. Без продыху выдавая каждое лето урожай, почва вконец истощилась, оскудела и уже не могла, как было раньше, отдавать сполна силы прорастающему зерну.

– Ныне, супротив прошлых лет, слабый будет урожай, – сетовал Сафон после первого дня пахоты, когда повечеряли и собирались разбираться на ночлег, – совсем оскудела землица. Под пары бы её надо оставить на пару годков, да куда уж там, и так треть заготовленного зерна приходится за надел отдавать, а ежели в два раза больше десятин да половина из них на роздыхе? Не потянуть нам, не потянуть, – переживал Сафон, устраиваясь удобней на разостланном тулупе под телегой. – А не посеешь да не пожнёшь, значит, с голоду помрёшь.

– На Усолку, батя, надо перебираться, на свежие земли. Там хоть, как у чёрта на куличках, а развернуться есть где, – подсказывал Артём отцу выход.

– Да знаю я, тока пока там обустроишься, сколько времени пройдёт? Кабы и на следующий год нам здесь отсеиваться не пришлось.

Весенние ночи короткие, не успеешь глаз сомкнуть после тяжёлого трудового дня, а не тающий всю ноченьку по северной стороне рассвет уже поднимается, и, как бы ни хотелось спать, приходится вставать, ловить стреноженных на вольном выпасе коней, искать залёгших в луговине быков, запрягать их в сохи да бороны и снова браться за чапиги от сохи. С расстановкой сил определились просто. Отец организовывал работы и кашеварил. Фома пахал одиночной сохой на Саврасом, с Лушкой в поводырях. Артём управлялся с сохой трёхрядкой за быками, те всё время норовили сойти с борозды до поднявшейся молодой, зелёной травки на меже, и Прасковье приходилось с невероятными усилиями тянуть их за ярмо по колее, а Яшка водил под уздцы дряхлую Мурашку с бороной на растяжках.

– Крестьянская доля такая, – поучал Сафон своих работников, – ежели за лето не наломаешь спину, то зимой от голода живот к той спине присохнет. Один летний день кормит, и надо успеть вовремя отпахать да отсеять до первых майских гроз, а ежели из-за лени своей припозднишься на

день-другой, то и не получишь доброго урожая, – он постоянно обходил надел, проверял глубину вспашки, сетовал на похудевшую землю и подгонял сонно плетущихся Яшку и Мурашку. – Что плетётесь, как в кабалу идёте?! А ну, давай живей!

Со стороны было непонятно, кто кого ведёт, кобыла вогула, или вогул кобылу, а борона за ними следом выписывала неровные круги и зигзаги. Услышав грозный окрик Сафона, Яшка встряхивался и с усердием начинал тянуть лошаадь за подуздок.

Недалеко, через яр, по соседству с Сафоновым наделом, отпахивали свою землицу Савка с отцом. Запавший сердцем на Лукерью, Савка, несмотря на усталость после работы, повечеру на второй день не выдержал и перебрался вброд через быстрый весенний ручей в крутом яру и пришёл на стан к соседям.

– Доброго вам здоровьяца, – с задором ещё издали прокричал он в сумерках, на ходу оттирая лапти от жирной глины прошлогодним пучком соломы. Подошёл к отдыхающим после поздней вечера соседям и сказал, как бы оправдываясь: – Наши спать завалились, а я вот решил вас навестить, – он присел к костру напротив Лукерьи. – Не спится штой-то, – с кажущейся беззаботностью добавил он, исподтишка поглядывая на Лушку.

Девушка зарделась под многозначительными взглядами парня, отстринилась от костра, пряча подальше в темноту от света огня залитое красным румянцем лицо.

– И тебе того желаем, Савелий, – ответил за всех Сафон. – Когда отсеешься? – лениво почёсывая живот, лежа под телегой, спросил он.

– Ежели Бог даст денёк погоды, то завтра к вечеру управимся.

– Ваши десятины супротив моих, как раз, половина будет, да то и понятно, я-то кормлюсь с земли и семейство этим содержу, а ваш основной промысел – извоз, – и, вспомнив, что Савелий с отцом недавно вернулись с обозом из Престольной, спросил: – Как там Москва-то, стоит ёшо?

– Стоит столица, куды она денется? – Савка, довольный заданным вопросом, сел на своего любимого конька, махнул рукой по московски коротко стриженной голове и начал чесать разговор безостановки. – Там царские палаты все начисто из камня деланы, по два, а то и по три поверха. В вьсь глянешь – шапка с головы валится. Некоторые боярские дворцы по высоте – что наша колокольня. По наружи стены кружевами резанные, петухами да диковинными зверями расписанные, смотришь, и глаз нельзя отвести от такой красотищи. В самом Кремле всё чинно, благородно, кругом порядок, а оградная стена и башни Кремля заново отстраиваются из жженого красного кирпича, высоченные да толстенные, ни один единорог али пушка не возьмет.

– Кто ж тебя допустил в царские хоромы? – недоверчиво спросил Фома.

– Наши подводы с солью ныне в государевы амбары определили, вот я и

подглядел там, как царь с царицей поживают.

– Ну, и как царица, красивая? – спросила Луша, жеманно поправляя на голове девичью повязку.

– Нет, врать не буду, царицу не видел, она всё в светёлке своей сидит и на люди редко выходит, – с сожалением в голосе сказал он и тут же оживился и торжественно промолвил: – Царя нашего, батюшку, Феодора Иоанновича, только один разочек издали всё-таки углядел. Кафтан, шитый золотом, поверх кафтана однорядка бархатная, стоячий ворот, унизанный перлами, и шапка соболья с вершком, усеянным камнями разными, а на ногах червонные, мягкие, сафьяновые сапожки. Да народу служивого вокруг его было много, оттого-то я и не смог ближе подойти, разглядеть его. А вот Годунова, как тебя сейчас, лицезрел! – с гордостью заявил Савка, указывая пальцем на рядом сидящего Яшку. – Когда Борис на коне из Кремля выезжал, войско русское вёл на войну со шведами да поляками, нас тогда с батей толпа к самой обочине притёрла, конь его буланый чуть-чуть меня не стоптал, тут-то я и высмотрел всё до самых мельчайших подробностей – вы бы знали, какой красоты у него панцирь воеводский!

– Кто таков, этот Годунов? – любопытствовал Артём.

– Знающие люди на Москве говорили про него, будто бы он теперь самый главный воевода после царя. Своими очами видал, как по царскому указу, по «Годунову приказу» непокорным боярам головы рубили и на всеобщее обозрение на кол насаживали, чтоб другим неповадно было супротив его воли идти. Он и соль-то под себя гребёт, потому как хочет новый соляной налог определить и быть единоличным хозяином всей соли в государстве. Бояре смуту затеяли против Годунова, народ подбивали, письма подмётные по городам рассылали, отравить даже хотели, ан нет, не вышло, заговор их раскрыли, кого головы лишили, а кого по дальним монастырям сослали. С нами в обозе сын московского боярина ехал, пожалели его, младого, не стали голову сечь и отправили на Вятку в Покровский монастырь постриг в монахи принимать. Ныне знаете, чтоб уберечься от лихих людей в дороге, в попутный обоз собирается множество возов, вот их телега к нам и пристроилась. Его, хоть и стерегли два стрельца, но разговоры разговаривать не запрещали, потому как служивым самим интересно было царёву подноготную узнать, а я, не будь дураком, да уши-то и развесил и чуточки подслушал. Теперь-то знаю, чё к чему в нашем государстве лепится. – Савка нагнулся к костру, одновременно показывая рукой, чтоб все слушатели сели ближе, и, понизив голос, зашептал: – А услышал я вот что. Тот сынок боярский, которого в монастырь везли, рассказывал, якобы де «по приказу Бориса Годунова» вот уже как год тому назад в Угличе царевича Димитрия зарезали... Вот такие дела в нашем царстве-государстве творятся... Последнего, малолетнего сына царя Ивана Васильевича Грозного жизни лишили, – Савка окинул всех присутствующих

загадочным, заговорщицким взглядом и также тихо, вполголоса продолжил свой рассказ. – Царь Фёдор следствие назначил, а Годунов подстроил так, что вышло де не убийство, а несчастный случай, и, чтобы скрыть истинного виновника этого злодеяния, народу сказали, что царевич сам зарезался, заигрался вострым ножичком и, якобы, себя тем ножичком-то нечаянно и порезшил. Падучая болезнь будто бы его враз постигла, и он сам де на ножичек-то своим горлышком-то и напоролся.

– Ты вот что, Савелий, – перебил его Сафон, – таких речей нигде больше не веди! До Бога высоко, до царя далеко, но у «тайного приказа» – око всевидящее и ухо всеслышащее, да руки длиннющие имеются, так что держи лучше язык за зубами и лишнего не болтай! За такие слова можно и на дыбу попасть, – Сафон неодобрительно сверкнул очами и зло добавил: – Давайте спать укладывайтесь, вон заря уже занимается, скоро всех подыму...

Сафон давно уже знал, что произошло в Московском государстве, и понимал своим крепким, крестьянским задним умом, что с такими разговорами, какие ведёт Савка, надо держать ухо востро. «Не ровен час – и загреметь можно, – думал он думашку. – Вон сколько за убийством малолетнего царевича Димитрия кровушки русской потянулось! Головы боярские полетели, холопов на Пелым ватагами в кандалах гонят, в Угличе половина домов на посаде пустыми стоят, людей, какие в бунте были замешаны, всех сослали кордоны сибирские укреплять. Чтобы те, кто много знает, подальше от Москвы были. Колокол угличевский, который об убийстве царевича возвестил, и тот в Сибирь отправили... Кажись, и впрямь опять в России-матушке смута великая начинается, – он, переживая за себя и своё семейство, поглядел на вызвездившее небо и, троекратно перекрестив пупок, прошептал: – Господи! Пронеси нелёгкая меня и моих неразумных чад!»

* * *

Ранним утром, накануне Масленицы, когда в доме Сафона ночевал стрелец Платон Ломонос, любопытный Сафон, приметив, что бывалец перестал храпеть и начал не по сонному ворочаться с боку на бок, не выдержал, тихо слез со своего лежачка от спящей Евдокии и, подойдя к стрельцу, спросил шёпотом:

– Что, Платон, проснулся?

– Да, привычка такая имеется, до первых петухов вставать.

– У меня там наливочка брусничная в закуте томится, ядрёная, хмельная, может, опрокинем с утраца по маленькой – в честь Масленицы.

Хитрый Сафон понимал, что неспроста стрелец такой молчун и хоронится, многое он должен знать при своей службе государевой, однако боится выказывать свои веды постороннему человеку. И поэтому нужно стать ему родным, близким, и тогда он выложит всё, о чём знает – подчистую. А у рус-

ских с давних времён, дабы как-то развязать кому-то язык, одно безотказное средство в запасе имеется – совместное питание горячительного винца, от которого и беседа ладится, и дружба закадычная заводится. Любопытный до всяких тайн Сафон решил во чтобы то ни стало разболтать бывальца – и со своим дальновидным умыслом предложил стрельцу наливочки.

– Оно, хоть с утра и грешно надираться хмельным, но по случаю праздника можно, – добродушно бубнил хозяин, доставая из закутка жбан с настойкой.

Вот тогда-то, под ягодную наливочку, Платон Ломонос рассказал Сафону, что в государстве Российском делается, и какое он сам имеет по этому поводу мнение.

– Я потому-то в Сибирь и подался, что по Москве разор катится, – шептал хмельной стрелец Сафону. – В тайном приказе людишек пытаются, животы русскому люду калечат без разбору, виноват не виноват, а будьте любезны пожаловать на дыбу. Сам видел, как каты руки смутьянам выворачивали и грудину крюками рвали. Не приведи, Господи, такие муки терпеть, – он осенял себя крестным знаменем, крестил чарку, лихо одним глотком пил её и, крикнув в кулак, продолжал: – В военном походе оно, хоть и ходишь бок о бок со смертью, а всё ж-таки поспокойней будет. Пока по Россее-матушке смута колышется, так лучше лихое время за Урал-камнем пересидеть, – жалелся и откровенничал Платон Ломонос, пугая своим рассказом впечатлительного собеседника.

* * *

Как бы Сафон ни переживал, ни ругался по всяким пустякам за дело и без дела на своих работничков, а за неделю с посевной управились, и на исходе седьмого дня хлебобобы вернулись в дом. На следующий день всё Сафоновое семейство собралось за богато накрытой обедней по случаю окончания сева. В выставленные настезь окна горницы тянулся с улицы дурман цветущей черёмухи, весеннего разнотравья и лился тёплый солнечный свет, заполняя ароматом закисший, спёртый за зиму воздух крестьянской избы. Отец, распаренный после бани, уминая наваристую юшку и пережидая, когда сгрудившиеся за столом многочисленные домашние после него поочередно брякали ложками по дну горшка, выживая наваристое белужье мясо, говорил:

– Я, грешным делом, шибко переживал за посевную, а вышло всё точно по сроку. Артелью да скопом – заботы решились одним наскоком.

– Глаза боятся, а руки делают! – заметил Фома.

– Так-то бы и на Усолке лихо с постройками управиться!.. До страды в край надобно поспеть избу срубить, – продолжал заботиться отец.

– Должны поспеть, – подхватил разговор Артём, – у меня, почитай, всё заготовлено, теперь тока веди паз, зарубай тёс в чашку и ложки рядком в стен-

ку, мы с Яшкой почти всё, что нужно, приготовили, а мох свежий мы рядом в болотинке надерём, так что ступоров не должно быть, никак не должно.

– Ну, так на том и порешим, нечего в доме засиживаться да лясы точить, поспешать надобно... поспешать... Евдокия с девками пушай тут остаются – за хозяйством приглядывать, а мы после Троицы на двух телегах, не мешкая, выдвинемся... Я тут с матерью порешил отвезть вам на Усолку корову, молодуху-трёхлетку, пушай нам там молоко выдаёт. Как раз Прасковья с ей хорошо управляется, ладная коровёнка, справная. Всё одно потом всё хозяйство на починок переводить будем.

– Глянь-ка, Сафон, – Евдокия тронула мужа за плечо и кивком головы показала на открытое окно, – сосед Андрей-то свою тройку в повозку запряг, а Сава с Глафирой, как бояре, нарядные в коробе сидят, вроде и праздника нет, к чему бы это?

Все обернулись на окна. Сосед Андрей важно тронул упряжку и, описав короткий полукруг по улице, остановился у Сафоновых ворот.

– Мать моя родная! – воскликнул Сафон. – Так они же свататься к нам приехали! Ждали, гадали, а оно всё равно неожиданно вышло. Лушка, а ну брысь за печку! Не положено тебе пока тут быть. Да нарядись как-нибудь побасче!

В ворота громко постучали, Сафон, на ходу опоясывая рубаху, выбежал на двор, за ним Евдокия с новым платом на плечах. Отец, открывая ворота, на ходу начал положенные в таких случаях переговоры:

– Не было ветру – вдруг наваяло,
не было гостей – вдруг наехало.

Он распахнул створы ворот и продолжил:

– С чем пожаловали, люди добрые?
Что вам надобно в нашем тереме?

Сафон и Евдокия поклонились в пояс, в ответ им поклонились приехавшие гости, и Андрей напевным голосом заговорил:

– Долго ехали – быстро мчались мы,
далеко живём – не видать отсель.

Все, кто был в это время в доме, кроме Луши, высыпали вслед за хозяевами во двор поглазеть на сватовство и от слов свата прыснули дружным смехом, отец грозно цыкнул на них, а Андрей продолжил переговоры:

– А приехали мы за девицей,
да за девицей – за красавицей,
что живёт у вас одинёшенька.

На дворе уже стоял откровенный смех, жених, пряча своё смущение за весельем, пуще всех заливался хохотом, смеялась и Глафира.

– Быть того не мочь, чтоб одна жила,
а живет у нас – дочь любимая,

дочь любимая да желанная.

Сафон, сам давясь от смеха, кое-как договорил:

– У красавицы – добрый батюшка,
а у девицы – добра матушка.

- Пол Рассейского государства проехали, прежде чем до нас добраться, -
выдавил сквозь смех шутку Фома:

– Мы приехали – с добрым молодцем
и хотим у вас – вашу дочь забрать.
вашу дочь забрать – в жёны молодцу, –

еле сдерживая смех, проговорил Андрей.

А Сафон ему отвечал:

– Просто так не дам – буду торг держать,
буду торг держать – по рукам стучать...

Это последнее, что смог проговорить Сафон, и все, кто был во дворе, хохотали уже без удержу и до слез. И только одна ничего не понимающая Лукерья вышла на крыльцо и, увидав ржущих родственников, горько заплакала, прикрыв лицо ладошками. Хотя и было по традиции при сватовстве будущей невесте слезу ронять, но, по правде, девушку возмутило то, что из обряда сделали ярмарочный балаган. И потом долго по Чердыни ходила байка, как сосед к соседу свататься через Москву ездил. А Лукерью всё-таки сосватали и о свадьбе сговорились – на Покров.

15. ПУТИК ЗА КАМЕНЬ.

К летнему солнцевороту новый сруб о пяти стенах стоял посреди выруб, как свечечка, выделяясь на фоне тёмного леса свежешкуреной желтизной древесины, и от жаркого июньского солнца тес плавился тягучей сосновой смолой, сверкая янтарными бусинами. Почти месяц Сафон, Фома, Артём, Савка и Яшка упирались поставить дом до Иванова праздника и успели. После того, как в кровлю дома был уложен последний лист дранки, они все от удовольствия оконченной работы и от списания со счетов одной заботы радовались, как малые дети. И даже вечно чем-то недовольный Сафон ходил вокруг дома и с одобрением оглядывал сотворённое им и его подручными жилище. Прасковья по такому случаю накрыла в новом, пахнущем свежей стружкой доме стол с брагой-медовухой, дичью и свежими жареными грибами. Подпив хмельного и набив животы, работнички первый раз за всё время строительства расслабились и нормально, без заботы, отдыхали, устроившись на траве под окнами дома, наслаждаясь летом, теплом и бездельем.

Выпитая медовуха пуше всех ударила в голову Савке, он от нечего делать куролесил по поляне, дурачился, веселился и, нарвав охапку луговых цветов, забрался на крышу. Прошёл по коньку, как по канату, из конца в конец и водрузил цветы на искусно вырезанную Артёмом на торце конька дома лошадиную голову. Стоя, вытянувшись во весь рост на самом пике кровли, он поднял руки вверх и вдруг радостно, по-детски закричал, обращаясь к солнцу:

– Ур-ра-а-а! Кви-ито-оо-к!!

Сафон, улыбаясь во всю ширь своего бородатого лица, крикнул ему снизу:

– Ты паря, прям; как язычник!... Не балуй шибко-то, не гневи Бога. Поставил квиток, да и ладно, слезай, – и добавил негромко и добродушно, обращаясь к Артёму, – ну совсем ещё, как дитё малое.

– Это пока его жареный петух в зад не клевал, он шебутной такой. Ничего, я ему ныне настоящее испытание устрою, может, остепенится.

– Ты чё опять удумал, сынок? – лохматая бровь отца недоумённо поползла вверх. – Какое такое испытание?... Всё за Камень метишь попасть?... Тут дел невпроворот, а ты глупостями хочешь заняться?... Амбар надо ставить, поветь и хлев ладный к зиме нужен. Не время сейчас, – забеспокоился Сафон.

– Потом поздно будет, – задиристо ответил ему Артём, – ты сам давеча говорил, что народ валом валит и поджимает, и ежели я ныне короткую дорогу в Сибирь не сыщу, то другие найдут, и весь соболь – богатство земли Сибирской – другим достанется.

– Артёмка, пойми, – после убедительных доводов сына отец заговорил ласковее, с нотками уговора в голосе, – стены поставить – это одно, а обустроиться и довести всё до ума – это другое. Когда зад крепкий, то и вперёд

идти не страшно.

– Мои зады теперь – крепше некуда, – огрызнулся Артём и продолжил уже спокойнее, – Прасковья у меня мужика целого стоит, на неё и хозяйство не страшно оставить, и в тайгу возьмёшь – не пропадёшь.

Сафон задумался:

– Ты, пожалуй, и прав, – непонятно с чем согласился он. – Ежели честно говоря, то я тоже так думаю. Мы-то сами сюда с Галитчины перебрались, – Сафон кивнул на старшего сына. – Фома, может, и помнит, какая житуха там совсем сволочная была. То война, то неурожай, разор один, бояре податями замучили, казна государева налогами обложила, с голоду пухли, родители мои от чумы померли. Вот и подались мы с тех мест. А как я на Пермь пришёл, так сразу подниматься стал. Теперь и тут такая же свистопляска начинается, – Сафон загрустил, вспомнив прошлое и, тяжело вздохнув, согласился с Артёмом: – Надо далее перебираться... Ох, когда же эти муки наши крестьянские кончатся? – Сафон с горечью хлопнул себя по колену и ушёл в дом отдыхать.

Поздним вечером того же дня, когда все улеглись спать, Артём подошёл к Яшкиной лавке, где он лежал, как кот, свернувшись калачиком, и завёл с ним тихий разговор:

– Яков! Ты, кажись, когда-то женщину себе хотел заиметь? – начал он издалика.

Вогул оживился и, сев на лавке, свесив короткие, не достающие до пола ножки, с радостью заговорил на тему давно мучавшего его вопроса:

– Яшка кочет бабу, она в козяйстве очень нужна, клёб делать, вино делать, детей делать, совсем мне нужна.

– Я тут хочу за Камень пойти, так могу тебя с собой взять, – схитрил Артем.

Вогул от удивления расширил до пятакров свои узкие глаза и, немного погодя, очнувшись, недоверчиво спросил:

– Откуда ты знаешь путь?

– Мы ещё в прошлом годе с братом Фомой твоих родственников выследили. Они по осени на большую луну в пещеру шаманить ходили, так мы их и проводили до самого лялинского юрта.

У Яшки в придачу к глазам чёрной, беззубой дырой открылся рот. Он долго сидел, не зная, что сказать, что ответить. И потом, хитро сощуриив глаза и грозя грязным, кривым указательным пальцем, заговорил:

– А-а-а! Китрый, козяин, сам знал, а меня питал? – он соскочил с лавки и забегал по горнице нового дома.

– Тише ты! Разбудишь всех, что закрутился, как волчок?

Яшка успокоился, сел на лавку и просто спросил:

– Когда пошли? Яшка готова идти.

– Вот тятю завтра в Чердынь проводим и можем выдвигаться, Савка тоже с нами пойдёт.

Вогул ещё что-то хотел сказать про бабу, но Артём его перебил:

– Ладно, давай ложиться спать. Завтра нам многое предстоит сделать.

Артём, довольный исходом переговоров, ушёл к Прасковье и сразу уснул. А бедный вогул, разбередившийся думами о будущей жене, всю ночь ворочался, кряхтел, как кот, чесался и вздыхал.

Сборы были недолги. «Русскому мужику отправиться в путь – только подпоясаться», – сказал Сафон, отъезжая с Фомой на телеге по еле приметной, только намечающейся дороге с починка до большака, идущего в два конца: Соль Камскую и Чердынь. А Артём, Савка и Яшка, заранее попрощавшись с Прасковьей, не обременяя себя великой поклажей, налегке, взяв только самое необходимое, надеясь на матушку-тайгу, что она прокормит путников, выдвинулись в сторону на половину показавшегося из-за горизонта солнца. Как Артём и предполагал, поперёд всех бежал неугомонный Яшка: мечта о женщине гнала его за Камень почти бегом. Когда собирались в дорогу, вогул непременно пожелал нести запас сухарей и даже не побоялся тащить на себе непромокаемый берестяной короб с провизией величиной в половину его роста, только бы держать при себе хлеб и постоянно знать, что он у него за плечами. Савка с блеском в очах смотрел на пищаль, гладил её, как девку, любовался красотой заморской диковины, и Артёму пришлось доверить ружьё ему. И вот теперь Савка шёл вслед за Яшкой, гордо неся голову, ружьё и заплечный мешок со всякой мелочью, потребной в походе. Сам же Артём – с топором, заткнутым сзади за пояс, перекинутым через плечо мотком верёвки из пеньки, с Яшкиным луком и стрелами – шёл замыкающим.

Слегка набитая тропа петляла по лесу, и Артём на основных поворотах или неприметных развилках осторожно, чтобы не слышал Яшка, делал заломы веток в сторону главного направления, примечал особые приметы, встречающиеся на пути, и запоминал местоположение солнца на разных участках. К середине дня путники вышли на берег реки, и далее тропа шла вверх, вдоль её русла. «Яйва», – пояснил Яшка название речки. Следить за приметными знаками не было нужды, и Артем чуть-чуть расслабился.

Глядя в спины впереди идущим двум своим спутникам, он вдруг развеселился от пришедшей ему на память побасенки из прошлого. Любивший наставлять и поучать своих сыновей Сафон свои нравоучения всегда подкреплял пословицей, присказкой или даже целым рассказом, как, например, в этом случае: «Жили-были два брата, один умный, другой дурак. Тот, который дурак, считал себя умным и гордился этим, постоянно говорил всем, что он умный, а умный молчал и никогда не выказывал своего превосходства. И нужно как-то было братьям отправиться в далёкий путь. Загрузили они провизию на несколько дней в один короб, и давай договариваться – кто первый

понесёт. Дурак говорит: «Чё я, дурак первым тащить?» Тогда умный промолчал и понес короб первым. Когда пришло время смениться, дурак опять говорит: «Э нет, брат, ты его дотащи до того места, и там мы сменимся». Когда опять пришло время меняться, у дурака вдруг заболели ноги, спина и вообще он весь какой-то хворый стал, и умному пришлось тащить короб дальше. Пришло время ночлега, братья поели и легли спать. Пока дурак спал, умный встал утром пораньше и размалевал короб яркими красками, разными петухами да бабочками. А когда проснулся дурак, увидел красивый короб и не захотел с ним расставаться. Так и таскал он его ещё три дня, не снимая с плеч, показывая всем, какой у него короб красивый».

Эту байку Артём рассказал своим спутникам у костра на первом ночном привале, устроенном в излучине маленькой речушки, вдоль которой они шли весь день. Савка сразу понял намек на себя и на пищаль, смутился и ничего не сказал. А толком не разобравшийся в сказке Яшка заметил:

– Наверно, шибко красивая пайва била, – потом с сожалением посмотрел на свой простой короб и спросил у Артёма: – У тебя красить есть?

– Нет, – улыбаясь, ответил тот.

– Залко, а то би я покрасил...

Утро другого дня для Артёма наступило просто. Он проснулся оттого, что кто-то рядом громко чмокал, и звук был похож на звонкий поцелуй парня-губошлёпа в девичью румяную щёку. Открыв глаза, он увидел, как Яшка с закрытыми глазами сидел на земле и, обняв крест-накрест ногами короб, громко со вкусом причмокивал, рассасывая в беззубом рту хлебный сухарь. Костёр полностью прогорел, но вогулу не было никакого дела до него.

– Э-э, парень? – окликнул он вогула, Яшка вздрогнул и открыл глаза.

– Так дело не пойдёт, – недовольно сказал Артём, приподнявшись на локте. – Есть должны все вместе. Ежели каждый начнёт втихую тискать снедь и трескать её в одиночку, то через пару дней короб можно будет выкинуть за ненадобностью, чё его пустой-то таскать, – Яшка с дурацким видом смотрел на Артёма и хлопал опухшими ото сна веками, но чмокать перестал. – Ты бы лучше, ежели раньше всех проснулся, за костерком приглядел да водицы вскипятил, – Артём поднялся во весь рост и, развернув плечи, похрустел затёкшими суставами. – Понял?! – сурово спросил он вогула, специально напуская на себя строгость.

Яшка, круто задрав голову вверх, смотрел на Артёма невинными глазами и часто кивал головой, не говоря ни слова в своё оправдание, потому что рот был забит сухим сухарём, и по его смуглому иссечённому шрамами вогульскому лицу было видно, что он сильно перепугался. В это время проснулся Савка, то, что он увидел, сначала удивило его, а потом он громко рассмеялся, тем самым разрядив для Яшки якобы начинающуюся грозу.

«Чем дальше в лес – тем больше дров», – вертелась у Артёма в голо-

ве присказка, которую любил говорить отец при каждом удобном случае, подходящем к этой поговорке. Артём так же, как и вчера, шёл последним, и перед его глазами опять маячили ружьё и Савкин колпак, впереди из-за его спины мелькал берестяной короб Яшки. Путники уходили дальше на восход, тягучие подъёмы становились круче, а затажные ложбины глубже. Чаше стали встречаться каменные нагромождения причудливых форм, а речушки, бегущие со склонов холмов, веселее звенели на перекатах, течение их становилось всё стремительней и напористей. К середине дня перед путниками встала первая серьёзная преграда. Не очень широкая речушка Чикман, всего саженой десять, но с быстрым течением и очень холодной водой. Для выросших на реке и умеющих плавать Артёма и Савки не стоило большого труда переправиться на другой берег. Они, быстро скинув с себя одежду, связали её в тюки и, держа узлы над головами, перешли речку вброд. Когда они выбрались на другой берег, то с удивлением обнаружили, что Яшка так и остался на той стороне. Вогул беззаботно сидел на берегу, и было видно, что у него нет никакого желания лезть в воду.

– Яшка, ты что? Воды боишься? – крикнул Артём.

– Яшке нельзя вода голый кодить, Яшке лодка нада.

– А ну, давай, живей залазь в воду, а не то я обратно переберусь и такое «нельзя» тебе задам! – щёлкая зубами от холода и от злости, прокричал Артём. – Лодку ему подавай!

Вогул как ни в чём не бывало, спокойно сидел, хитро улыбался и ни капли не боялся Артёма.

– Ты перебираться будешь – нет?! – подключился к угрозам Савка.

– Чё шумишь? Пойди в тот куст, достань лодка и коди сюда, меня бери.

– От шельмец хитрый! Когда к реке подходили, он про лодку ничего не сказал, – возмутился Савка.

Они оделись, прошли в береговые заросли ивняка и нашли там узкую вогульскую долблёнку с коротким веслом. Пока Савка плавал за вогулом, Артём развёл огонь.

Потом, когда обедничали, Артём спросил Яшку:

– Ты почему про лодку сразу ничего не сказал?

– А зачем говорить, ти кодил за Камень, должен знать.

Артём замешкался, но быстро сообразил, что сказать:

– Так я знал, что вы на лодке переправляетесь, только я не видал, где вы её прячете. А мы с Фомой, когда родичей твоих выслеживали, то речку вброд переходили, мы завсегда так делаем, ты же видел, нам и лодка-то вовсе не нужна.

– Не нужна? – недоверчиво переспросил Яшка.

– Не нужна, – подтвердил Артём.

– Ладно, – просто ответил вогул и продолжил дальше сосать свой сухарь.

– Яшка, скажи, а почему ты реки боишься и плавать не умеешь? – заинтересовался Савка.

– Раздеваться нельзя, – зашептал вогул, показывая пальцем на реку, – если дук воды к себе возьмёт совсем голого, меня никто не знает, парку знают, штаны знают, шкуру мою никто не знает, это плохо, шибко плохо. У нас много окотников дук воды забрал, их накодили, они страшные били, если не узнали, от них род отказался. А потом медведь их драл, волк драл, птица клевала. Яшка не кочет так.

После короткого передыха с перекусом тронулись дальше. Тропа, еле набитая вогульскими сапогами на мягкой подошве, опять петляла вдоль русла реки, повторяя её изгибы, иногда расходилась с ней в излучинах и топких местах и снова смежалась – как две сестры, они были неразлучны. В России испокон веков дорога и река подразумевались как одно и то же. Зимой санный путь прокладывали по льду замёрзшей реки, а летом дорога шла вдоль берега. К исходу второго дня путники зашли в места, где скалы высились над рекой высокими, неприступными стенами, река бурлила кипучим водоворотом и неслась быстрым, громким потоком. «Вот почему переправа ниже по реке, в спокойном месте. Здесь река намного уже, но переправиться через неё было очень трудным делом», – понял и заметил Артём. Под карнизом скалы, нависшим над берегом, устроили ночлег.

Страшный грохот, раздавшийся в скалах многократным эхом, подкинул Артёма на ноги.

Спросони, плохо понимая, что случилось, он огляделся вокруг и в молочном предраассветном тумане от реки увидел Яшку. Вогул лежал, плотно вжавшись в береговые камни, обеими руками прикрывал голову и что-то непонятное бормотал на своём языке. Неожиданно из тумана выплыл Савка, его лицо было улыбающимся и довольным.

– Что стряслось? Зачем стрелял?! – спросил сурово Артём.

– Да вон, Яшка тебя побоялся тревожить, а меня разбудил, сам весь от страха трясётся и говорит: «Лесной дух пришёл на пережат рыбу ловить». Я ему: «Какой дух?» А он говорит: «Медведь». Ну, я за пищаль, а он опять: «Нельзя стрелять, дух обидится, вредить будет». Ну, прям, как дитё малое. А я и думаю, надоело солёное мясо шамкать, свежатинка-то сама в руки пришла... – с лица Савки спало довольство, и он виновато добавил: – Тока промазал я, не наловчился ещё удачно палить, ушёл зверюга, ух, и здоровенный же был...

Савка уж, было, хотел дальше хвастаться, но Артём перебил его:

– Один втихаря сухари трескает и воды боится, другой воды не боится, зато порох понапрасну жжёт... Савва! Скажи мне... На кой ляд нам столько свежатины? Ну, сожрём мы ляховку, а остальное куда? Пропадать?! А ежели бы ты его только подранил, как тогда дело бы обернулось? Вот что, други

мои! Давайте договоримся так! Чтобы с сегодняшнего дня вы оба, – Артём ткнул указательным пальцем по очереди в обоих, – ни одного шага, ни одной затеи без меня не делали. Понятно?!

Оба сотоварища, соглашаясь, закивали головами. Савка, понимая, что врезал ляп, виновато молчал, а вогул услужливо твердил, как заведённый, от волнения ещё пуще коверкая русские слова:

– Да, козыин, поняял, козыинн, я согласна, козыинн.

– И перестань называть меня «козыинн», – передразнил Артём Яшку. – Мы товарищи, понятно?!

– Понятно, козыинн, – по-прежнему согласился вогул.

– Тьфу! Мать тя за ногу, что в лоб, что по лбу, – в сердцах ругнулся Артём и отступился, поняв, что, пока вогул от страха не придёт в себя, от него добиваться чего-то путного бесполезно. Бедный Яшка, перепуганный насмерть медведем и выстрелом, совсем соглашался, вид его был жалким и несчастным.

Путники основательно подкрепились и снова поднялись в дорогу. Тропа, по которой они шли вдоль русла реки, резко свернула в сторону и стала подниматься в долгий затяжной подъём. Артём из-за своего любопытства к новым познаниям пошёл вслед за вогулом вторым, на ходу выспрашивая у него непонятные для русского человека особенности обрядов Яшкиного племени.

У вогулов и остяков медведь – священное животное, и, прежде чем пойти охотиться на него, охотники через шамана просят у духов разрешение убить зверя и, если шаман договорится с духами, они убивают зверя, но потом просят прощения у убитого медведя за то, что они его загубили. Ежели этого не сделать, то дух убитого медведя будет мстить человеку, а от охотника отвернётся удача. Так понял Артём еле разборчивый и путанный рассказ вогула. А ещё Яшка, вдобавок, высказал свою обиду на Артёма за то, что он выстриг ему волосы, и теперь Яшка не может заплести косы, когда идёт на охоту. А это один из главных ритуалов вогульских охотников.

– Яшка совсем бедний стал, – жалелся он, – волоса нет, коса нет, удача нет.

– Нечего было вшей разводить, – заметил Артём.

– Если они есть, значит они нада! – мудро ответил Яшка.

– Как это? – удивился Артём.

– Рыба в воде есть? – спросил вогул и сам же ответил на свой вопрос: – Есть, – и уточнил, – она нада. Птица в небе есть? Есть, она нада? Нада, – Артём только успевал поддакивать и кивать головой, Яшка сам задавал вопросы и сам отвечал. – Зверь в тайга есть? Есть, и она тозе нада! – он повернулся к Артёму лицом и, подняв указательный палец вверх, торжественно и загадочно сказал. – Значит и вша нада!

Артём опешил от такого умозаключения Яшки и, задумавшись, остано-

вился на мгновение.

– Чёрт его знает?... Может, ты и прав? Всякая тварь для чего-то создана Господом Богом, – решил он и в замешательстве, с полной путаницей мысли в голове, тронулся дальше.

Пройдя от места ночлега небольшой отрезок пути, они вышли на гребень холма, с которого открывался окоёмный вид на два высоченных камня, выделявшихся своим исполинским видом, среди своих меньших собратьев – невысоких холмов, раскиданных по всему пространству – насколько хватало взгляда. Между двумя величественными камнями до самого горизонта на восток простиралась долина, заросшая зеленой тайгой. Артём догадался, что путь дальше пойдёт по урочищу – между двумя этими камнями, и выдвинулся ведущим вперёд. Прикинув на взгляд расстояние до первого камня, он решил, что они быстро достигнут его подножия, поднимутся на вершину и ещё до вечера увидят с высоты птичьего полёта весь Урал, от горизонта до горизонта во все стороны. Но путники прошли около двадцати верст, а гора будто бы отдалялась от них, и они не приблизились к ней даже на половину пути. Солнце уже давно перевалило за полдень и пекло со страшной силой, а до горы ещё оставалось долгое расстояние. Первым не выдержал и начал нудить Савка:

– Артём! Сжался, сколько можно идти, давай передохнём. Я весь взмок уже.

– Козяин! Давно зрять пора. Зивот гремит, – вторил ему Яшка.

Артёму ничего не оставалось делать, как дать отдохнуть и перекусить товарищам, да и сам он порядком подустал. На скорую руку приготовили харч, поели, и, отдохнув, Артём, горя нетерпением, снова поднял друзей в путь.

К вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, они подошли под склон высокой горы, к которой стремились весь день, немного поднялись по скалистым уступам над урочищем, и Яшка, и Савка, измотанные дневным переходом, наотрез отказались идти дальше в гору.

Вдобавок вогул подкрепил свой категоричный отказ страшной тайной этого Камня:

– Там внутри шайтан сидит, нельзя его трогать. Наверк пойдёшь, сильно топать будешь – шайтана разбудишь, он рассердится и тебя вниз кинет, – говорил он шёпотом, чтобы не потревожить чёрта, сидящего в горе.

– Нет никакой нужды нам зараз туда лезть, – вторил вогулу расслабленным голосом Савка, давая понять Артёму, что силы его иссякли, – вот ежели завтра с утрачка, то согласен, а зараз нет, хоть убей, не пойду. Артём согласился со своими спутниками, но решил, что утром обязательно поднимется на Камень.

Вместе с ушедшим за высокий горный горизонт солнцем спала жара. Прокалившийся за день воздух стал наполняться поднимающейся из урочи-

ща сырой прохладой и запахами прелости. У подножия уже были сумерки, а там, наверху, еще светило вечернее, закатное солнце, и камни, как будто изнутри, светились красной медью, как купола храма. Артём очень жалел, что не поднялся на Камень, и теперь, глядя на залитую светом заходящего солнца макушку горы, представлял, какие красоты можно увидеть с той высоты.

Поначалу еле приметный ветерок всколыхнул верхушки сосен, затем ветер загудел в расщелине горы, и из-за дальних холмов в ширину всей дали выползла чёрная клубящаяся туча. Как огромное чудовище, она напознала на горы, покрывая их непроглядной мглой, постепенно перекрывая собой небо с только что появившимися звёздами.

Раскатов грома ещё не было слышно, но ломаные серебряные стрелы Бога-громовержца резали горизонт с настойчивой частотой, и казалось, что там, ещё далеко, вместо дождя, молнии сплошным потоком осыпают землю, полыхая серебрястыми вспышками.

Артём, как околдованный, заворожённо смотрел на надвигавшуюся стихию и восхищался величием природы. Савка с тревогой глядел на страшную, извергавшую молнии тучу, крестился и шептал:

– Мать моя родная, что сейчас будет-то, никак, светопреставление начнётся.

Вогул, сграбастав в охапку короб с сухарями, метался по камням, ища укрытие, нашёл в склоне горы небольшую нишу с подветренной стороны, еле втиснувшись, забился в неё и, укрывшись с головой бортом армяка, что-то невнятно забормотал, Артём с Савкой поспешили туда же. Тесная ниша кое-как вместила троих. Яшка от страха забился в дальний узкий угол расщелины, постоянно бормотал, вздрагивал и охал. Артём с Савелием, тесно прижавшись друг к другу, сидели и наблюдали в открывшийся вид из ниши, как в балагане на ярмарке, за тем, какое представление начинает происходить в горах.

Внезапно налетевший шквал ветра яростно вдарил по скалам и пошёл стеной по урочищу, как невидимой рукой, роняя вековые деревья, поднимая в небо волну пыли, щепок и листвы.

Дождя ещё не было, а сухие молнии затрещали над скалами, хаотично ударя по развалам камней, и, разражаясь снопами искр, с сокрушительным грохотом сотрясали гору. Яшка при каждом ударе молнии вздрагивал всем телом, елозил ногами, упирался в спины Артёма и Савки, пытаясь забиться дальше в щель. Плывущая по небу огромная туча словно зацепилась краями за две высившихся над землёй вершины, остановилась в замешательстве, нервно клубясь лохматыми облаками, и разродилась сплошным ливневым потоком, продолжая разить молниями застолбившие её горные пики. Не очень то набожный Савка со страху постоянно крестился и читал «Отче наш».

Всю ночь туча крутилась над урочищем, выворачиваясь наизнанку, выжимая из себя воду, пытаясь сорваться с зацепивших её вершин, и, когда силы

её иссякли, кончился яростный дух злости, рассыпающийся молнии. Когда истощились запасы воды, ослабевшая и просветлевшая, она тронулась с места и поплыла дальше, морося мелким дождём.

Измученные непогодой и страхами, не спавшие всю ночь путники после бесшабашного разгула стихии под утро успокоились и забылись тревожным сном, прижавшись от промозглого холода и сырости тесно друг к другу, согревая друг друга теплом.

Первым зашевелился Яшка, он пытался вылезти из щели, в которую забился ночью, и не мог. Дергая ногами, вогул бил полулежащих спавших друзей в бока и опять скулил.

Артём и Савка проснулись. Жаркое солнце уже стояло высоко над горизонтом и нещадно палило, выпаривая влагу, накопившуюся после ливня во всём и везде. Горы и вся даль синих холмов плавали в мареве лёгкого тумана, поднимающегося из урочища.

– Яков, ты как туда втиснулся-то? – разглядывая ноги вогула, торчащие из щели, воскликнул Артём. – Сейчас, если за ноги тебя тянуть, можно голову оторвать, – начал подшучивать над незадачей вогула Артём.

Савка его поддержал:

– Да-а, Яшка, решай сам, как тебе лучше остаться – чтоб голова была без ног, или ноги без головы?

Вогул от каверзного вопроса Савки ещё пуще задрывал ногами и завывал, как волчонок, с прискуливанием.

– Это ты, Яшка, от сухарей так распух, – серьёзным голосом заговорил Артём, – их у тебя водицей в нутрях подмочило, вот они и разбухли, отчего ты стал толще, и по этой-то причине ты и застрял, теперь вини только себя за своё обжорство, – он весело подмигнул Савке и продолжил подшучивать над вогулом: – Погоди, потерпи немножко, скоро солнышко тебя прогреет, ты высохнешь, и тогда сам оттуда выпадешь, – он зажал рот ладонью, чтобы открыто не смеяться, и тихо давился хохотом.

Савка, присев, зажался в комок и кое-как сдерживал смех. Вогул от страха, что останется здесь навсегда, сильно, с нетерпением задрывал ногами и начал, как змей, извиваться, пытаясь вывернуться из щели, у него ничего не получилось, силы его ослабли, и он уже по-настоящему, как волчище, тоскливо и страшно завывал от безнадёги. Вой разнёсся над урочищем и вспугнул с деревьев птиц, они поднялись над лесом и разноголосьем зашумели, в панике ища убежище.

Савка ещё что-то хотел издевательское предпринять по отношению к бедному вогулу, но Артём его остановил, тихо сказав:

– Каждой шутке должен быть предел, давай-ка его попробуем вытащить, – и уже в открытую со смехом добавил: – А то, не дай Бог, помрёт со страху.

Савка уж тут не выдержал и залился неудержимым хохотом. Так, кое-как,

со смехом и шуточками, с невероятными стараниями, чтобы не повредить вогулу голову, они осторожно вытащили Яшку из щели. Вогул, довольный, что ему ничего не повредили, тоже смеялся и даже пытался шутить, но Артём озадачил его новым испытанием.

– Так как насчёт того, чтоб на макушку подняться? – предложил он друзьям.

– Я согласен, – не задумываясь, ответил Савка.

А вогул, замахав руками, зашептал:

– Шайтан-гора, нельзя кодить, – и на всё уговоры Яшка отвечал категоричным отказом, постоянно упоминая чёрта. Тогда Артём пошёл на хитрость и предложил Яшке способ, как обмануть шайтана.

– Шайтан – это ваш вогульский чёрт, а я чертей не боюсь, потому как верю в нашего единого Господа Бога – Иисуса Христа, и поэтому твой шайтан ничего не сможет мне каверзного сделать. Так? – спросил он у вогула. Яшка неуверенно пожал плечами. – И ежели я, – продолжал Артём, – возьму тебя в одну связку с собой, то и тебе шайтан не сможет ничего плохого сделать. Так? – вогул, хлопая глазами, опять пожал плечами, а Артём, пока вогул соображал, накинул ему на пояс верёвку, завязал её крепким узлом, другим концом обвязался сам. И не успел Яшка опомниться, как Артём стал подниматься вверх по склону, увлекая его за собой.

Старания друзей были не напрасны, природа щедро одарила путников открывшимся с вершины прекрасным видом, во всю ширь, во все стороны света. Они стояли в восторге на пике Камня, и каждый думал о своём. Яшка много раз проходил мимо Камня и никогда не поднимался наверх. Потрясённый величием простора и красотой земли, вогул стоял, как замороженный, и казался сам себе таким маленьким и ничтожным, как букашка, отчего жалел себя, и по его щекам бежали слёзы. Савке казалось, что вот так, просто раскинь руки, и можно будет взлететь над туманным урочищем, над синими горами и парить свободно, как птица, купаясь в тёплых, поднимающихся от земли потоках воздуха, наслаждаясь красотой жизни. А Артём думал, как на словах рассказать Прасковье то, что он видит сейчас, и не мог подобрать те фразы, те слова, какие смогли бы хоть на толику правдоподобно передать его чувства и состояние от пережитого и увиденного в эти мгновения.

16. ЗДРАВСТВУЙ, СИБИРЬ.

На седьмой день Артём с товарищами, оставив позади себя вершины основного хребта, вышли к маленькой извилистой речушке, несущей свои быстрые воды уже не на заход солнца, а на восход. «Павда», – сказал Яшка название реки и не без гордости добавил, что с этого места начинаются земли, принадлежащие его стойбищу Лялинский юрт. Артём догадался, что основная, тяжёлая часть пути уже преодолена, они перешли Урал-камень, и далее перед ними находится та самая, уже не далёкая, таинственная Сибирь. Мысль о том, что он первым среди русских сумел разведать и пройти этот новый путь, грела душу и томила тщеславием. Идя в пяту за своими товарищами, Артём думал о том, как вслед за ними пойдут другие люди, и мало приметный путик, по которому они проходят сейчас, сперва превратится в наторенную тропу, а затем и в широкую дорогу, по которой пойдут обозы, войска и простой народ в поисках лучшей доли, свободной земли и таинственной страны с названием Опоньковское царство – Беловодье, где царят только правда и справедливость, о которой так много говорили на Руси, но никто никогда той страны не видал, а ежели кто и находил ту сказочную обетованную землю, то уже и не возвращался назад...

После полудня путники подошли к устью реки Павда, впадающей в другую, более полноводную и широкую реку Ляля. Яшка то и дело с тоской и увлажнёнными глазами оглядывал родные берега, дальний простор воды и тихо, еле шевеля губами, шептал: «Ляля, Ляля». Он шёл опять первым и, когда Артём сделал попытку его обогнать, Яшка не дал, притко обежав Артёма, снова выдвинулся вперёд. Весь день любивший поболтать на привале Яшка молчал. По его глазам и лицу было видно овладевшую им тоску и отчаяние по прошлому. Последнюю ночь перед встречей вогула со своими родными юртами Яшка не спал: сначала, было, прилёг, но потом от бессонницы и захлестнувших его мыслей встал и просидел до утренней зари у костра. И ещё не успело подняться солнце, как Яшка разбудил Артёма и уже обратился к нему не, как всегда, «козьяин», а по имени. И это было понятно: путники находились на земле вогулов, и это была его, Яшкина, исконная родовая земля, и на ней – он был хозяин, хоть и изгнанный – но всё-таки хозяин!

– Артём? – тихо тронув за плечо, позвал Яшка, тот очнулся от сна и вопросительно посмотрел на вогула. – Я в юрт пойду, мозет, род простит? Оставят... Бабу дадут... Не могу я, плоко мне одному...

– Так иди, я тебя не держу... – спокойно ответил Артём. – Про нас скажешь своим? – спросил он, наперёд зная ответ.

Яшка промолчал.

– Ладно, – согласился Артём. – Ты знаешь, Яков. Я тебя обманул: не следил я за вашими и дороги в Сибирь не знаю, – честно признался он.

– Я, тозе знал, тцё ты не знал.

– Из-за лодки догадался?

Яшка кивнул головой.

– Понятно...

– Ти юрт не коди, река не коди, кругом тайга коди.

– Ну, обогну я твоё стойбище, а дальше куда?

– Мы когда Ермашку на Тобол бить кодили, на Туру шли, – и Яшка объяснил, как мог, примерный путь до верховьев реки Туры.

Проснулся Савка, и они попрощались с вогулом. Яшка, с сожалением оставив короб с остатками сухарей, взял свой лук и, даже не поев на дорожку, налегке, бойко покривил ногами в родные юрты, находящиеся, как пояснил вогул, за двумя большими излучинами реки со странным и ласковым названием Ляля. А оставшиеся Артём и Савва быстро собрались и ушли от реки круто вправо, обходя вогульское стойбище по тайге большим крюком.

Как побитая собака, Абакын возвращался в своё родное стойбище Лялинский юрт. Он заметно сник, а колени его сильно дрожали, но не от страха, а от волнения, охватившего всё его существо, исчезла та бодрость, с какой он покинул Артёма и Савку, и на подходе к родным с детства местам разволновался, а сердце билось, как сумасшедшее. Ещё издали местные ребяташки заметили одинокого незнакомого путника, идущего в их сторону, и быстро разнесли весть о чужом человеке в русской одежде. Посмотреть на незнакомца высыпало всё стойбище, кроме мужчин, охотников и рыбаков, которые были на промысле.

Восемь долгих лет Абакын не был на родине и теперь, проходя мимо людей, вышедших посмотреть на незнакомца, слышал, как те, кто узнал его, говорили тем, кто его не помнил:

– Это Абакын, пьяница и душегуб.

– Глаза бесстыжие! Как ты смеешь приходиться сюда?

– Будь ты проклят! – летели ему в спину проклятья. Народ расступался перед ним, пропуская его вперёд, как от прокажённого, держась на расстоянии. А он шёл, низко опустив голову, и не знал, куда девать себя от стыда и позора.

Раньше, много лет назад, когда Абакын убил брата и его прогнали, по молодости лет ему было всё равно и безразлично наказание, которое вынесли ему старейшины. Казалось, что вся жизнь впереди, и он ещё увидит и получит своё счастье, но прошло время, а счастья как не было – так и нет, счастливой доли не предвиделось и в будущем. Много передумал дум Абакын, пока жил на Усолке по соседству с семьёй Артёма, и понял одно: «На родине было прошлое, есть настоящее и будет будущее, а на чужбине, среди чужих людей, чужой веры, есть только одно – настоящее». Всё это время, в изгнании, он

прожил одним днём, каждое утро просыпаясь с одной мыслью, как набить желудок и выпить. Но теперь он решил твёрдо: «Будь что будет, пусть хоть убьют». Ему уже было по-настоящему всё равно, тоска по своим родным и близким выела всю душу, но где-то там, глубоко внутри, ещё теплилась маленькая надежда, что всё уладится, и у него будет жена, дети и всё то, для чего человек живёт на белом свете.

Навстречу ему под руки вывели согбенную мать-старуху всё с той же клюкой, какой он убил брата. Сухое морщинистое лицо матери не выражало ничего: ни радости, ни скорби, она просто смотрела на сына белёсыми, выцветшими от старости глазами, и один Бог знал, какие у неё в этот момент бродили мысли в голове. Не сказав ни слова, она развернулась от него, часто переступая ногами, и, подхваченная родственниками, была уведена обратно в юрту.

Не приняла мать сына, но на совете старейшин рода ему было позволено остаться в стойбище, разрешили поставить юрту в самом крайнем месте от реки и дали в жёны вдову – женщину почти вдвое старше его, у которой муж давно погиб, а она с оравой детишек не нужна была никому. Но Абакын и этому был несказанно рад.

Артём и Савва благополучно обошли округом по тайге вогульское стойбище и снова вышли на речку Ляля в пяти верстах ниже по течению. В поисках подходящего места для переправы двинулись дальше. Если Артём правильно понял Яшку, то маяком брода должен быть камень на другом берегу, с нависшим над водой скалистым выступом.

Этот же камень является и указателем начинающейся от реки тропы, уходящей вглубь тайги, дальше на восток, до верховьев реки Тура.

Вездесущий Савка попутно просматривал кустистые заросли ивняка вдоль берега в поисках лодки, о которой говорил Яшка перед расставанием. Он отчего-то был неудержимо весел и постоянно балагурил, вспоминая Яшкины злоключения. Делился с Артёмом мыслями о предстоящей свадьбе, мечтал о том, как они счастливо будут жить с Лукерьей, и то, что он хочет поставить на Усолке дом по соседству с Артёмом... Обходя кусты, Савва неожиданно выскочил на открытый, заливаемый весенними паводками участок старицы, и нос к носу столкнулся с двумя вогулами. Один с луком бил стрелами стоящих на мелководе возле берега щук, другой, помладше, таскал на плече лыковый кукан с нанизанной на него добытой рыбой. Савка медленно попятился назад, но вогулы его заметили, и тот, что был вооружён, перенаправил лук на пришлого незнакомца, один из них громко закричал на языке вогулов, с другого дальнего конца старицы им ответили. Артём стоял и наблюдал за разворачивающимся событием из-за деревьев саженях в пяти от друга, попавшего в беду. Пицаль у Артёма бала заряжена, он подсыпал из деревянной

пороховницы на полку свежего пороха, два раза второпях чиркнул кремнем по насечке, фитиль, пропитанный селитрой, затлел, и Артём, взяв на прицел того, что был с луком, приготовился к стрельбе.

Вогулы медленно шаг за шагом стали подбираться к Савве, который так же, шаг за шагом, отступал назад. Вдалеке на берегу старицы показались ещё двое, и один из них тоже был с луком. Дело принимало серьёзный оборот, выхода из которого Артём не знал, он никак не ожидал, что придётся стрелять в человека, а он к этому был не готов. Лихорадочно перебирая в уме всевозможные варианты, Артём не смог ничего лучшего придумать, кроме как просто взять и выйти из укрытия, держа на прицеле лучника. Вогул, который бежал на помощь, остановился, натянул тетиву, и стрела свистнула у Артёма над головой. Он не помнил, как нажал спусковой крючок, а только увидел, как порох на полке вспыхнул сине-жёлтым пламенем, зашипел, брызгая искрами, и раздался выстрел. Первый лучник упал на землю, завизжал, изворачиваясь от боли и испуга, другой, схватившись за плечо, бросился к своим товарищам, которые, в свою очередь, опретью неслись обратно – туда, откуда бежали.

Артём смотрел на корчившегося вогула, ничего не видя кругом, кроме обезображенного страданиями азиатского лица раненого им человека. Он подошёл к нему; умирающий вогул глядел на врага, который его сразил, глазами, полными мольбы о сострадании и просьбе о помощи. Артём совсем забыл, что это он – виновник его мук, нагнулся, стал помогать приподняться вогулу и крикнул: «Савка, помоги!» Но друг не откликнулся, не подошёл, и Артём удивился странной тишине вокруг, и даже птицы почему-то умолкли. Просто их распугал выстрел, но для Артёма это показалось необычным. Догадываясь, что что-то произошло, он оглянулся и увидел стрелу с черным вороньим оперением, торчащую из груди Саввы. Он бросил вогула, медленно подошёл к другу, всё ещё не веря, что такое могло случиться, тихо опустился перед ним на колени. Стрела пробила грудь Савки, крови не было, а были широко открытые стекленеющие глаза, глядящие в небо. Отчаяние, охватившее Артёма, забило пульсирующими жилками на висках, в голове страшной догадкой мелькнула мысль, что это он – виновник всего: и смерти ни в чём не повинного вогула, и тем более смерти Савки. И такой мелкой и ничтожной в этот миг показалась ему его затея с тропой на восток, что он в сердцах, увесисто, с маху, вдарил себя ладошкой по лбу, и, словно протрезвел, расчётливое сознание вернулось к нему, а мозг стал реально соображать. Артём приподнял друга, снял с него берестяной короб, с которым бегал Яшка, вытянул из спины за торчащий наконечник стрелу, кровь хлынула ручьём через открывшиеся раны, но Артём, не обращая внимания, взвалил Савку на плечо, прихватил пищаль и вброд перешёл старицу, уходя и унося друга подальше от места схватки. Артём понимал, что остальные вогулы убежали за подмогой, и они обязательно будут его искать.

Солнце уже клонилось на закат, а Артём, как в тумане, плохо соображая от усталости, нес Савку на плече, глядяваясь в темнеющую в вечерних сумерках полосу противоположного берега, в надежде увидеть заветный камень. Но бархатная июньская ночь опустилась на землю, долго алая малиновой зарёй за прибрежным лесом, и Артём, совсем ослабший, с трясущимися от напряжения ногами, осторожно опустил тело Савки на траву. Всю ночь, не разжигая огня, он просидел возле погибшего друга, думал, дремал, вспоминал былое, снова дремал и снова думал, и под утро забылся тревожным сном, а перед глазами продолжали маячить страдальческое лицо вогула, застывшие глаза Савки и стрела с чёрным траурным оперением на конце.

Что-то мягкое, жужжащее упало на лицо спящего Артёма и затопталось на щеке, вонзая в кожу маленькие коготки. Артём открыл глаза и увидел прямо перед правым глазом большого лохматого шмеля, он в панике смахнул животинку и резко встал. Артём заснул в памяти вчерашний день и, когда увидел бледное, как полотно, с заострившимся носом лицо Савки, снова сел. Сожаление и тревога с прежней остротой защемили грудь, на глаза навернулись слёзы. Но надо было что-то делать! Он взял топор и со злостью и остервенением начал рубить дёрн, выворачивал его большими кусками, рыхлил лезвием землю и выгребал её руками. Вырыв могилу глубиной на два аршина, положил на прохладное глинистое дно Савку. Прочитал короткую молитву по усопшему, помолчал и похоронил друга, засыпав его чужбинной землёй, выложил дёрном холмик и поставил временный крест из связанных ивовых лозой двух берёзовых стволиков. Оглядевшись вокруг, ища приметный знак для того, чтобы точно знать место захоронения друга, увидел на том берегу, чуток ниже по течению, нависший над водой камень, указатель брода и дальнейшей тропы, ведущей в Сибирь.

– Ну вот, друг мой Савка, прости меня, что не уберёг и упокойся здесь с миром, а место это отныне будет зваться Савинов берег, – сказал он, перекрестился и бросился, не раздеваясь, в воду, штурмуя речку Ляля вброд.

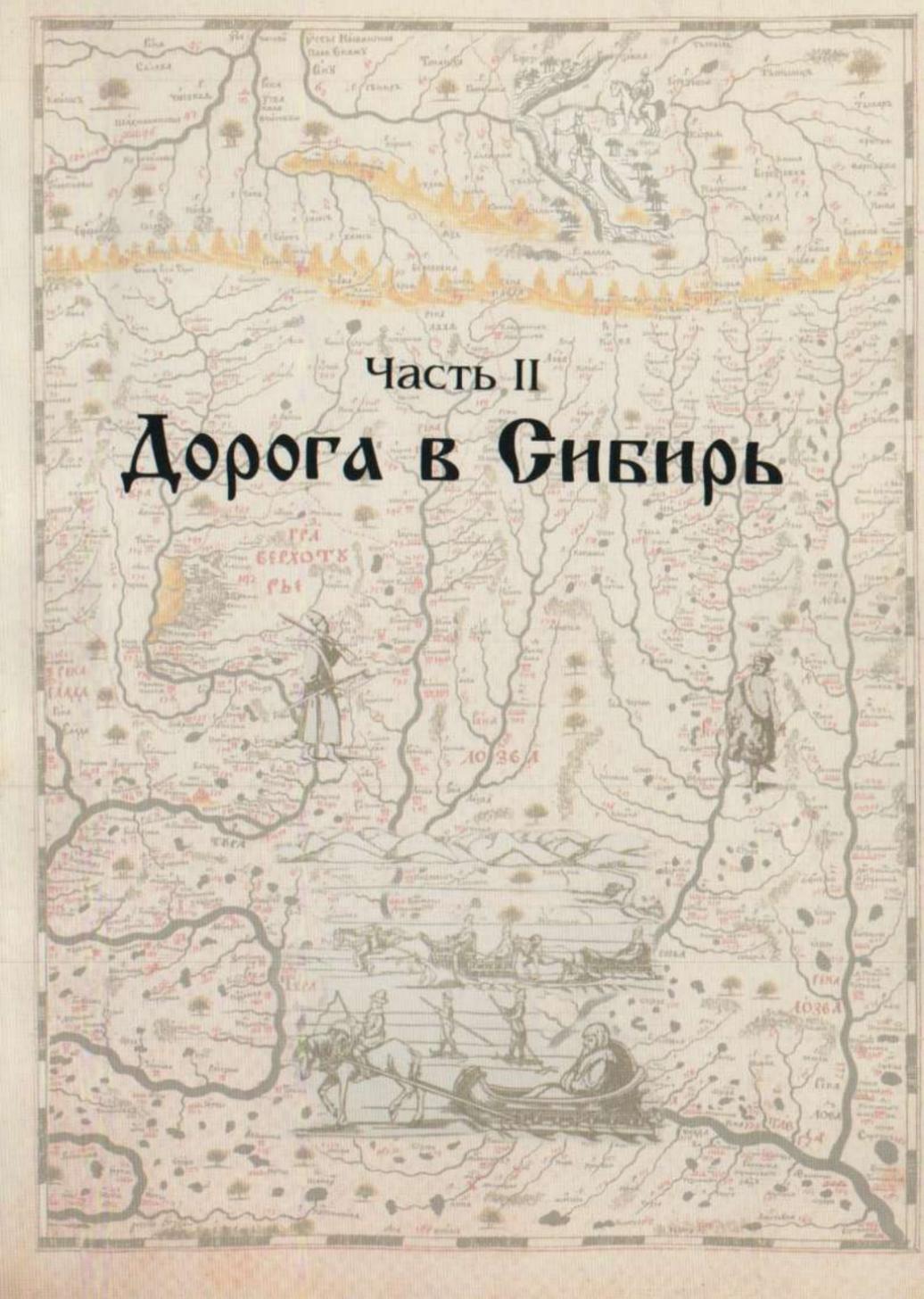
Двое суток Артём пробирался к реке Тура. Заплутал, потеряв тропу, кружанул по болоту раз, другой и, уже отчаявшись вновь найти правильное направление, вышел к мелкой речушке, берущей свое начало в болоте, которая, как он предполагал, должна была вывести его к большой воде, и не ошибся. На исходе дня, совершенно измотанный, голодный, он вывалился из лесной чащи на широкий простор реки и обомлел от неожиданности. Сомнений не было, это была Тура, о которой он слышал от Яшки и стрельца-бывальца, какой ночевал на Масленицу в доме отца. Но от жуткой усталости и бешеного голода он, пока ещё полностью не осознавая, что достиг своей цели, машинально развёл костёр, поджарил, насадив на ветку подстреленную ещё днём на болоте куропатку, не выдержав голода, съел её полусырую и уснул мертвецким сном. А утром, изрядно отдохнув, поймал в светлой проточной воде

на жилку приличных размеров хариуса, запёк его в глине и, насытившись, в бодром настроении, двинулся вдоль берега в поисках доброго места для первого поселения, которое, он надеялся, в скором времени появится здесь. Пройдя вниз по течению около пяти вёрст, обнаружил на крутой излучине реки остров, а за ним – высившуюся на добрую дюжину косых сажень скалу.

– Вот и место для острога, – сказал он вслух, словно делаясь с кем-то своим мнением, и поднялся по крутому боковому склону на верх камня.

Ширь дали, раскинутая у его ног, заморозила Артёма, и, как старому другу, с которым он долго искал встречи, сказал:

– Ну, здравствуй! Сибирь!

A detailed historical map of the Siberian region, showing a network of rivers and roads. The map is annotated with numerous place names in Cyrillic script. A prominent yellow-orange shaded area runs horizontally across the upper portion of the map. In the center, there is a large illustration of a traveler on foot carrying a pack. Below this, there are illustrations of a horse-drawn cart and a person in a boat on a river. The text 'Часть II' is positioned above the main title, and '1036 А' is written in red ink in several locations on the map.

Часть II
Дорога в Сибирь

ГЛА
БЕХОТЪ
РЫ

1036 А

1036 А

1064

1064

1064

1064

1064

1064

1064

1064

1064

1064

Во все времена дороги, пути, сообщения были важны для людей. Путей много, и все они разные. Сухопутные и водные, горные и равнинные, лесные и степные. Шляхи, тракты, путики и волоки – всё это дороги, проложенные человеком. Во времена освоения Урала и Сибири это разбитное, в ненастье расхлябанное, в жару заколдобинное, в стужу занесённое снежными перемётами дорожное перепутье с множеством объездов, скороток и развилок. Первооткрыватели, пионеры, разведчики – это смелые люди; они терпели лишения и невзгоды; их походы были тяжёлым испытанием и полны опасных приключений: с ночлегами под открытым небом у костра, с возможностью повстречать шальных людей, разбойничающих в глухих местах, и рискованными переходами по землям враждебных племён, населявших территории Урала. Первые Российские дороги прокладывались отважными первопроходцами, ратниками, крестьянами, купцами и гулящими людьми. Дороги, проложенные в далёком прошлом, и поныне ведут во все стороны света и в каждый уголок великой страны – России.

1. ГРАМОТА НА ПЕРМЬ ВЕЛИКУЮ.

Писарь приказа Казанского дворца Юшка Филиппов, от усердия высунув кончик языка, старательно выводил буквы, переписывая начисто грамоту царя Фёдора Иоанновича на Пермь Великую в город Чердынь воеводе Сарычу Шестакову:

«... Следует де тебе, воевода Сарыч Шестаков, кинуть ключ охочим да знающим людям, дабы те прознали новый короткий путь от Перми Великой через Урал-Камень в Сибирь, до верхов реки Туры. И кои те выкликанцы найдутся, то поручил бы ты им ту дорогу мостить и ладить, дабы тот новый путь через Урал-Камень был пригож да короток...»

Со старанием крючоктворил пером по бумаге Юшка. Поджав губёшками торчащий из-под юношеских пушных усиков кончик языка, он аккуратно выводил пером каждую букву и украшал её причудливой завитушкой, а красную букву новой строки обрисовывал затейливым узором. Не хотелось Юшке переписывать на свой гербовый лист сухие казённые слова, начертанные на дешёвой бумаге с прямой речи царя Фёдора Иоанновича дяком Иваном Вахромеевым. Шутка ли дело, – думал писарь, – грамотку, какую он сейчас пишет, повезёт гонец за тысячу вёрст через всю Рассеюшку, и прочтет её воевода на самой окраине государства великого... Юшка с усердием морщил лоб, взглядывался пытливым взором в закопченный до черноты потолок, пытаясь придумать и прописать словеса помудрёней да позаковыристей, чтоб блеснуть пред начальником своим знанием грамоты и прилежанием в труде. И эти-то вычурные словоблудия и думки о далёких землях завели его так далеко, что он сам запутался и уже по второму разу описал подробно все действия пермского воеводы и выкликанцев. А когда спохватился – было уже поздно. Старательно выведенные буквы, как казалось ему, лежали в строчке на гербовой царской бумаге так ладно и ровно, что Юшка сам залюбовался своим творением. Он отстранил лист на вытянутую руку, горделиво посмотрел на грамоту издали, затем поднес своё писание к очам и пригляделся к письму вблизи. Рассыпанные по всей грамоте маковыми точками мелкие чернильные брызги от пера хоть и были сильно заметны, но не очень-то огорчили его. А вот посаженное под последней строкой чернильное пятно размером с горошину бросалось в глаза и сильно портило вид. Юшка задумался, почесал затылок, поглядел на копчёный потолок и, как опять показалось ему, решил разумно и правильно: ежели он испортит ещё один, с водяными знаками, дорогой, стоивший немалых денег, лист гербовой бумаги, то от дяка-скряги непременно получит выволочку, а от лишних напоминаний воеводе и выкликанцам, как быть и что делать на месте – хуже не будет. Он мелко

перекрестился, пощекотал кончиком разлохмаченного гусиного пера у себя в носу, задиристо чихнул и уверенно дописал:

«Писана на Москве лета 7104 декабря 20 дня»

А ниже ещё старательнее вывел:

«Подлинная за крепую дьяка Ивана Вахромеева»

Присыпал писанину песком, подождал, покуда просохнут чернила, поскрёб ногтем посаженую на грамоте ещё одну небольшую кляксу и, подхватив полы подрясника, чтоб не путались в ногах, пошёл скорым шагом с государственной бумагой к старшему на догляд.

Дьяк Иван, бегло читая грамоту, круто супонил брови и недовольно качал головой, приговаривая: «Ай-яй, ай-яй... Каков шельмец!» Это был верный знак того, что дьяк в дурном духе и из-за самой малой Юшкиной оплошности он может разъяриться. Пробежав глазами последнюю строку, дьяк, с побагровевшей мордой, злобно прошипел:

– Што ж ты?! – он подскочил с лавки, упёрся костяшками пальцев в столешницу и, срываясь на визг, заорал: – Рыбья твоя башка! Вертопрах паскудный, царской казне урон несёшь! Да из-за таких, как ты! – дьяк ткнул на опешившего писаря крючковатым от долгих писаний, испачканным чернилами пальцем, – государству одни убытки! Гляди, аспид, сколько чернил извёл. Мало того, что насловоблудил неимоверно, так ещё и пятен насадил, бумагу попортил!

Юшка, зная норы дьяка – то, что он быстро вспыхивает и так же быстро гаснет – решил переждать вспышку гнева подальше от разъярившегося начальника. Юшка съёжился, сложил руки перед собой ладошками и, делая лёгкие поклоны, пошёл в пятки от брызгающего слюной дьяка. Упёршись спиной в тяжёлую дверь, писарь, продолжая кланяться, стал тихо подбивать её задом, чтобы при малейшей опасности юром выскользнуть и спрятаться за толстым дверным створом. Дьяк, заметив намерения писаришки уйти от ответа, продолжая кричать, схватился за тяжёлую медную чернильницу, стоявшую на столе, и уж было хотел швырнуть её в удиравшего, но при размахе плеснул чернила себе на плечо. Он скупно поглядел на испачканный рукав подрясника, опомнился, слегка охолонул и, подумав о порче чернильницы и бесполезной потрате драгоценных чернил, осторожно, словно куриное яичко, поставил её на место. Успокаиваясь и приходя в себя от молниеносной вспышки гнева, дьяк медленно, как драгоценность, посадил себя на лавку и всё тем же кривым, чумазым пальцем поманил к себе писаря:

– Поди ко мне, паскудник!

Писарь боязно смотрел на него, но продолжал стоять на месте. Дьяк ласковее и мягче повторил приказ:

– Подойди, Юрок. Не бойсь – кусать не буду.

Юшка отлип от двери и неуверенно, шаг за шагом стал подходить, а дьяк

тем временем начал с укоризной увещевать его:

– Как же так?! Дубина ты стоеросовая! Али я тебя не порол, али я тебя не таскал за волосы: надясь как намедни за ухо трепал, а ты?.. – повысив голос, дьяк вскрикнул: – Опять за старое?! – Юшка вздрогнул и испуганно остановился на полпути. – Ты же не послание королю свейскому пишешь, – сокрушаясь, смягчив тон, продолжил дьяк, – а простую грамотёшку в Пермь далёкую. Так зачем же вензеля такие выписывать? А отсебятины сколь натабараршил? – он потряс перед Юшкой листом и, тыкая в писаное пальцем, недоумеая сказал: – Это ж ни в какие ворота не лезет. Расписал всё так, словно летопись сочинил – летописец чёртов, – и, спохватившись, подняв очи под своды палаты, быстро перекрестился, произнося скороговоркой молитву:

– Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. – Он окончательно успокоился, озадаченно покачал головой и вопрошающе сказал: – Как же мне тебя ещё пороть – чтоб выправить? Ты же толковый малый, лучший писарь под моим началом! Из тебя хваткий казначей может получиться, а в твоей башке одна каша, и несёт тебя, как ветер в поле лист осенний. Тыфутя в чернильницу – и меня туда же потянуло. – Он поправил стопу листов на столе, пододвинул чернильницу, потрогал веер писчих перьев, аккуратно уложенных с краю столешницы, и задумчиво уставился на писаря, вслух соображая: – Как с тобой быть-то?..

– А ты, дядька Иван, отпусти меня, – тихо, еле слышно, глядя в пол, проговорил Юшка.

– Как отпустить?! Куда отпустить?! – удивлённо вскинулся дьяк.

– На Пермь отпусти, – он мельком глянул на дьяка и, снова уперев взгляд в грязный пол, как попрошайка, забубнил: – К воеводе отпусти, к Сарычу Шестакову на Пермь. Вот с этой грамоткой и отправь, – Юшка, осмелев, поднял глаза и увереннее договорил, – всё одно, посылать-то кого-то надобно.

– Эвон ты куда хочешь махнуть, – и хитро, с прищуром очей, спросил, – от меня, значит, вздумал удрать, чтоб присмотра за тобой не было?

– Нет, дядька Иван, я хочу всю Рассею посмотреть, – Юшка поднял взор на дьяка, спросил: – Какая она – земля наша? Люди молвят – шибко просторная!

Вахромеев, задумавшись, подтвердил:

– Да-а, землицы-то в царстве-государстве нашем вдоволь. Никем не меяряна и до конца не изведена. И только Богу одному известно, сколько в ней верст, саженой и аршин, – и неожиданно дьяк навалился на столешницу так, что Юшка вздрогнул, а Вахромеев заговорил полушёпотом: – Да от нашего догляду ни одна мышь не ускользнёт. Везде, в каждом углу, во всякой норе свои глаза да уши есть.

Он замолчал и, пристально глядя на Юшку, задумался, оценивая и прикидывая, что из того может получиться.

Юшка, слегка оробев от высверливающего всю душу взгляда начальника, нерешительно топтался на месте и, теребя руками полы подрясника, стал виновато оправдываться:

– Я... Я ничего... Я тока хотел...

– Да ты не робей, парень, – добродушно перебил его дьяк, – а ежели и впрямь отпущу, што ты на то скажешь?..

– Да я!... Я!.. Я век тебя благодарить буду, – с надеждой и благодарностью затараторил Юшка. – Господу за тебя молиться буду. Всё, что хошь, для тебя сделаю.

– За себя я сам помолюсь. И благодарность мне твоя через Бога ни к чему. Ты лучше вот как отплати, – дьяк, поманив рукой, повелел подойти писарю ближе. Юшка, не сходя с места, с вниманием, чуть-чуть прогнувшись в поясе, подался вперёд.

– Ты вот што, дружок, – начал дьяк доверительный разговор, – молод ты ещё, и рановато тебе с царскими грамотами в мир ийти... Лихой народец ныне пошёл, вдруг государев указ не убережешь, – тогда что?.. Слышал, поди: подьячего Козлова насмерть заporоли за утерю грамотки... – Он сделал вид, будто задумался и, оживившись найденным решением, бодро заговорил: – А вот ежели я определю тебя помощником к стрельцу Пырову. А?.. Он грамотку-то в Чердынь повезёт. – Вахромеев лукаво прищурил глаз и вкрадчиво изрёк свою задумку: – Так вот: ты в дороге за ним будешь приглядывать, – он нарочито ласково поглядел на Юшку и поманил его к себе всей ладонью, – писарь подошёл на шаг. – Ежели крамола какая, – тоном заговорщика зашептал дьяк, – али в казну лапы запускать начнёт, ты всё примечай, всё запоминай да украдкой записывай. – Ушлый, опытный в таких делах дьяк, увидев внутренний душевный слом Юшки, уверенно продолжил: – И за другими приглядывай, кто чем дышит, кто мыслишки иные имеет, кто против царя смуту затевает? – Дьяк погрозил пальцем: – И чтоб ни одна живая душа не знала, зачем ты к Пырову приставлен. Понял?!

Юшка растерянно молчал.

Вахромеев с видом оконченного дела жёстко добавил:

– Потом, по приезде в Москву, ты мне всё донесёшь. – Он долгим взглядом поглядел на писаря и уже добродушно договорил: – Справишься с первым испытанием, подьячим сделаю, казну на подряд устройства дороги доверю...

Дьяк подошёл к маленькому оконцу, делая вид, что разглядывает кремлёвский двор, давая возможность Юшке опомниться и сообразить, на что подписывается.

– Так, теперь по поводу сыска дороги в Сибирь, – задумчиво сказал дьяк и, помедлив немного, круто развернувшись от окна, деловито начал другой разговор: – Ежели знаток пути за Камень сыщется, то он должен клятвенно

побожиться на Святом писании, что дело его верное – без обмана. А коли так, то по тому пути, кой знаток укажет, тебе нужно будет самому пройти и описать на бумаге всё до мельчайших подробностей: сколько леса потребно просечь, где мосток ставить, где гать стелить, где камень рушить. Прикинь, сколько людишек на ту работу будет потребно, и примерно подсчитай, какие затраты на устройство дороги казне предстоит понести... Там, на месте, к народу приглядывайся и к разговорам прислушивайся – может, что и пригодится в дальнейшем, – как на уроке, обстоятельно наставлял дьяк писаря. – А ежели Сарыч отписку государю будет посылать, пусть её стрелец один везёт, а ты останься при воеводе. Шестаков в прошлой грамоте жаловался, что писаря у него толкового нет, вот и послужи ему... – дьяк сделал многозначительную паузу и с лукавой улыбочкой договорил, – верой и правдой. И тоже приглядывай, да не забывай записывать, чтоб доказательно было. На слово никому не верь, пустобрёхов на Руси всегда с лихвой было, и разговор наш помни, разумеешь?!

Юшка, не решаясь вымолвить ни слова в ответ, соглашаясь, кивнул головой и сразу сник, потух, будто испустил дух, как надутый бычий пузырь. Отказать дьяку Ивану в подгляде и доносам на других Юшка не мог. Ежели отказать, то дьяк его совсем замордует. «Так будь что будет. Там, в Перми, может всё и обойдётся. До царя – далеко, до Бога – высоко», – рассудил он.

* * *

Юшка с малолетства воспитывался в монастыре. Когда ему шёл шестой годок отроду, родители его и старший братец померли: за одну зиму хворь выморила всю семью, а Юшка выжил, но остался круглым сиротой. Сердобольная соседка хотела пригреть мальчика в своём доме, да своих детишек пятеро – в неурожай не прокормить, а мужик её и вовсе не хотел иметь в своем доме приёмыша. Был бы Юшка постарше – оставили бы у себя, как работника, а кормить лишний рот, пока малец окрепнет – обуза для любой семьи. В монастырь его поначалу тоже не брали – мал был, но тётка, соседка, после заутренней службы, подтащила Юшку к игумену монастыря Филиппу, дабы он дал Юшке благословения, а малец взял да и отчеканил наместнику за упокой по памяти. На вопрос игумена, откуда он знает эту молитву, Юшка ответил: «Когда маманьку хоронили – запомнил». Удивлённый детской памятью и сообразительностью Филипп разрешил оставить мальчонку при монастыре в учении и впоследствии сам стал заниматься с ним. Хорошо владеющий грамотой Филипп прикипел душой к мальцу, опекал его, заставлял много читать, показывал, как нужно переписывать мудрёные книги, объяснял ведение буквенного счёта на кириллице. Игумен Филипп так много возился с мальцом, радел за него, наставлял и оберегал, что вскоре за Юшкой закрепилось новое прозвище Филиппов малец. Юшке и самому нравилось за-

ниматься грамотой; сообразительный и хваткий до учения, он быстро осваивал новые знания. Однажды, ища что-нибудь занятное для чтения в личной библиотеке игумена, Юшка обнаружил книжицу под названием «Хождение за три моря». В этой книге рассказывалось о том, как при правлении великого князя Василия Третьего, тверской купец Афанасий Никитин ходил в дальние страны, за три моря и тридевять земель торговать. Это повествование так заинтересовало, заворожило Юшку, что он выучил наизусть весь текст книги от корки до корки. Он сильно загорелся путешествиями и стал мечтать о далёких странах и неизведанных землях... Но по прошествии пяти лет игумен помер, и остался Юшка один, без опеки. Благодаря природному уму и любознательности, Юшка рано постиг церковную грамоту, познал ход всех служб и обрядов. Но завистники помнили, что он был любимчиком игумена, и при каждом удобном случае недобро припоминали ему: то шутку устроят, то подзатыльник отвесят. Среди братии он всегда был замороженным цыплёнком, и всяк, кто посильнее его, мог обидеть мальчика. Материнской ласки он не помнил, отцовского наставления не знал. Родители его померли так давно, что он забыл их облик. В редких случаях, когда удавалось пробраться в пекарню, где монах Феофил, дядька добрый и приветливый к Юшке, пёк просфоры, где было тепло и пахло хлебом, юнец, пристроившись за большой русской печью, читал книги, какие удавалось выпросить у скупого келаря Епифана. Зачитавшись до рези в очах, он засыпал и снились ему: маманя – тёплая, ласковая, а отец – сильный, большой. И будто встречались они в далёкой, жаркой стороне, где круглый год тепло, а на деревьях растут большие, с бычьей головой, полосато-зелёные сладкие репы. Смороженный хлебным духом и пригретый печным теплом Юшка сладко спал до тех пор, пока его не найдут. После чего неминуемо следовало жестокое наказание – монастырское послушание: всенощное стояние на коленях с отбиванием поклонов и чтением молитв. Восемь лет пробыл Юшка в монастыре послушником, а потом за знание грамоты и умение красиво писать определили его в приказные палаты писарем. И вот уже пятый годок Юшка живёт, работает и томится в приказе. Дабы сохранялись государевы тайны, писарям казанского дворца возбранялось многое: под строжайшим наказом нельзя было выходить из казённых палат и общаться с мирскими людьми. Запрещалось вести личную переписку и иметь друзей. За всеми следили, и каждый следил друг за другом. Для Юшки во дворце была отведена подвальная келья без оконца, похожая на домовину, где он спал, работал над письмом, если удавалось, читал и мечтал. За пять лет, что он числился приказным писарем, он в воображении побывал во всех уголках России. На границе с Ливонией и в татарских степях, на Беломорье и в далёкой Перми. Когда Юшка писал указ или послание, он мечтал и мысленно видел дороги, по которым эти послания повезут. Представлял себе места, куда придёт бумага, на которой он старательно выводил буквы с за-

витушками и вензеля в заглавиях. Он в воображении думал о людях, которые получат писанные им грамоты. Грезил о широких реках и раздольных полях, о бескрайних лесах и больших городах. Его душа томилась в мрачных стенах приказа и просилась на волю.

2. ДОЛОГ ПУТЬ ОТ МОСКВЫ ДО УРАЛЬСКОГО КАМНЯ.

На второй день после Рождества Христова, рано утром, ещё по сумеркам, Пыров и Юшка прибыли в Переславскую ямскую слободу и долго ждали обозных сборов. Похмельный после праздников стрелец, на всё махнув рукой, сказал: «Поедем с обозом», – завалился в дорожный возок и, накрывшись с головой овчинным тулупом, заснул. Юшка, дожидаясь времени выхода обоза, расхаживал по обширному ямскому двору, с интересом наблюдая за сборами ямщиков. Мужики-возницы сноровисто и обстоятельно готовились в путь: кормили лошадей, крепили упряжь, увязывали везы. Кто-то кого-то искал, выкрикивая простуженным голосом: «Пантилюха! Где ты?! Ух – ушкуйник, найду – пришибу гада... Куда пропал со вчерашнего?» Утренний морозный снег скрипел, лошади фыркали, тряся мордами, мужики кряхтели, отхаркивая похмелье вчерашнего дня. А Юшка ждал, волновался, переживал, что всё так долго и томительно начинается. Ему казалось, что никто никуда не хочет ехать, и боялся, что никогда не тронется этот чёртов обоз. И вдруг кто-то где-то, невидимый, громко, протяжно прокричал: «Трооогай!»

Обоз медленно, натужно, растягиваясь на полверсты, начал выдвигаться из слободы. Мужики матом понукали застоявшихся лошадей, лошади брыласто фыркали, оскалисто ржали. Тяжело гружёные сани заскрипели примороженными полозьями, вереница подвод выпрастывала слободу. Первые двинулись – задние стоят, выжидая расстояние. Вятский мужичок, держа лошадь под уздцы, с санями-розвальнями, гружёными кулями с хлебом, упорно пытался вклиниться в промежутки между подводами в середине обоза и тут же получал полный отвес крепких ямщицких ругательств от каждого проходившего мимо возчика. Мужик растерянно суетился, дергался в обоз, подтягивая за собой под уздцы лошадь, и, получив очередной угрожающий отказ, безнадежно, с сожалением заламывая шапку, выговаривал: «Эх! Мать моя – золотая середина! Проспал! Едрит твою в корень!».

Каждый бывалый мужик, ходивший обозом, знает эту серединную истину. Передние лошади, пробивая снежные перемёты, быстро устают, и мужики, жалея скотину, загоняют свою лошадь с санями на обочину, пропуская вперёд следом идущие подводы, а затем, сами пристраиваются в хвост. У тех, кто едет в конце, положение тоже не сладкое. Ежели последний возница уснёт, то ленивая лошадь может попросту отстать от обоза. А по разбитой дороге, где только что прошёл обоз из ста и более подвод, тяжело идти и тем паче догонять. Все бывалые ямщики и возчики знают это правило и заранее, когда формируется обоз, готовят себе места в середине. Тут-то и кроется вся хитрость: в середочке возчику можно и вздремнуть на ходу, идущие следом за ним подводы не дадут сильно отстать от передних, а пока дойдёт очередь серединного до головы каравана, там и дневной тридцати-сорокавёрстный

перегон кончится.

Сердце Юшкино ликовало, радовалось скорым переменам в его судьбе, и он никак не мог поверить тому, что перемены уже начались. И казалось ему, что за тем поворотом, или за лесом, или за далёким горизонтом, он увидит что-то новое, невиданное. Но за каждым его ожиданием ничего не менялось: за поворотом снова была извилистая дорога, за лесом – полевой горизонт, а за горизонтом всё повторялось. Лишь редкие убогие деревушки посреди полей с покосившимися избёнками проплывали мимо. Юшка вертел башкой, вглядывался вдаль и ничего нового не примечал. Ему казалось, что всё это он давно уже где-то видел и пережил в своих давних мечтах. Скоро ему надоело это дорожное однообразие, и он попытался разговорить стрельца. Пыров мутными, похмельными глазами посмотрел на Юшку, отмахнулся рукой, плотней прижал к себе кожаную торбу с грамотами, глубже закутался в тулуп и засопел, всхрыпывая, иногда шумно выпуская кисло-вонючий дух. Юшка приуныл, спать не хотелось, он, выбирая удобное положение, чтоб вздремнуть, вошкался, вертелся в возке, раскачивая его, и всё равно не мог заснуть.

– Што, паря?.. Побалакать хочешь? – откликнулся на Юшкину возню возчик и, не дожидаясь ответа, заговорил: – Это мы завсегда готовы, дорога длинная, долгая, одним словом – скука. Ты, как я погляжу, монашек?

– Нет, дяденька, я послушником был, а теперь числюсь приказным писарем, – с радостью вступил в разговор Юшка. – Юрком меня кличут.

– А на кой ляд мне знать, как тебя кличут? – не зло, равнодушно откликнулся ямщик. – Вот доберёмся до Переславля, там мы с вами и разойдёмся; через день-другой я в обрат до Москвы пойду, а вы далее – куда вам следоват. И один Бог знат, свидимся ли колысь. Я на своём веку перевозил столько народу, о-го-го – тьма-тьмушая, хоть сто пядей во лбу имей, а всё равно всех не упомнишь. – Он развернулся вполоборота, окинул Юшку измеряющим взглядом, прикинул про себя, что из парня собеседник неважный, сказок своих не имеет и ничегошеньки в жизни своей малолетней ещё не видал. Ямщик отвернулся, упёрся взглядом в кобылий хвост и завёл разговор, чтобы выговориться, душонку свою горемычную излить:

– Судьба проклятуша! – начал ямщик. – Никакой радости нет. Жить-то... Хотя по молодости страсть как веселиться любил. Кишки от голода к спине присохнут, а весело. Деревня на деревню в драку из-за межи сойдутся, все морды в кровь друг другу расшибут-покалечат, а всё равно весело. В страду весь день от зари до зари в поле батрачишь, устанешь, руки-ноги ломит, а на вечерку бежишь, весело, – он обернулся поглядеть, слушает ли его седок, и, убедившись, что тот весь во внимании, спросил: – А ныне?.. Ты, паря, перебирайся ко мне, сюда поближе, а то я будто бы с кобыльей жопой разговариваю, хотя и такое иногда бывает.

Юшка развернулся в возке, навалился спиной на извозчичью сидушку,

спросил:

– Давно, дяденька, извозом занимаетесь?

– А как повенчался со своей старухой, так и пришлось податься в извоз.

До женитьбы-та я болтался, как говно в проруби. То у одного хозяина пороблю, то у другого. Свою угла нет, земли нет, ничего нет, руки-ноги, да башка пустая – вот он весь я тогдашний и был. Кабы вдвоём с ей, со старухой-то, так можно было бы и по хозяевам жить, а как забрюхатела, так хозяин и попёр нас... Слава Богу, в то времечко бирючи по округе ходили, на извоз охотников зазывали, подъёмные сулили, избёнку в слободе давали и огородец к тому же небольшой, вот с тех пор я и хожу в ямщиках при государевых делах. Мать их под кобылий хвост! Дела-то эти!

– Што, не сладко живётся? – спросил Юшка.

– Да какие уж тут сладости, ни пряников, ни радости! На Рождество дома не был, – припозднился в дороге из-за пурхи, – с горечью ответил ямщик. – Нноо, милая, промежность держи, – он подклестнул лошадь, которая за болтовнёй хозяина стала лениво отставать от впереди идущей подводы. – Я почитай, – продолжил он, – всегда в пути. До дому доберусь, ничегошеньки не успеваю сделать... Ни пожрать, ни поспать и с бабой не поспать – ничего ладом не получаца. Токмо приладишься к делу, опять в путь требуют. Эх-ма!... А та знай рожат – баба-то. Каждый год приплод приносит. И кто их только ей делает, детишек-то, ежели меня дома никогда нет? Наплодила ртов – не переchezza. А их ить кормить надо. Они жрать просят. А расчёт не дают. Это только говорят: кошта версты – деньга, а на самом деле их и не получишь. Тут как-то в Москве, в ямской слободе, ямщики собрались за расчётом, а денег нет. Мужики на подьячих драться лезут, деньги требуют, подьячие на дьяка спирают, а дьяка не достать, он в приказе сидит, под ратной защитой...

Весь световой день обоз шёл, не останавливаясь, перекусывали на ходу – всухомятицу: у ямщика хлеб с луком, у Пырова и Юшки то же самое с вялым мясом.

Поздно, уже потемну, добрались до Троицы. Обозные мужики распрягали лошадей, кормили-поили их, разжигали костры, готовили вечерю, ели сами. Укладывались спать, кто где мог пристроиться – у костра, на возу, в кибитках, под открытым небом. Пыров и Юшка, поевши с ямщиками горячего, пошли на ночлег в ямскую избу, где и так было битком народа. Вонючая, пропахшая мужицкими портками, гнилой сыромятиной, кислой капустой и ещё бог знает чем ночлежка гудела от храпа. Люди спали повсюду – на лавках, на полатах, на полу, там, где можно было приткнуться, притулиться, приноровиться. Пырову и Юшке как царским служивым отвели место, растолкав ночующих мужиков, на широкой лавке у печи.

Утром, стрелец разбудил заспавшегося Юшку:

– Эй, писарь, вставай, хватит лавку давить, в дорогу пора!

– Так это, рано ещё, – сонно отозвался Юшка, расчесывая искусанную клопами шею.

– День уже на дворе, вон обозные в путь собираются, – бодрым голосом сказал Пыров. Он за ночь отошёл от похмелья, порозовел лицом, перестали трястись руки, был бодр и улыбчив. – Мы вестовые быстрой царской гоньбы али как?

Он обладал на себе рубаху, подпоясался, проверил печати на торбе с грамотами и, накидывая на плечи тулуп, сказал:

– Нечего нам с обозом тащиться, как вошь по гребню, – надо гнать, а то мы так-то и до весны не обернёмся. Иди, ищи нашего возчика, пусть запрягает. Потом найдёшь меня, в четвёртой избе от этой. Там у Фёдора-ямщика постолюемся и в дорогу.

Они вместе вышли на двор, с деловитым видом постояли у расписанного желтизной сугроба и молча разошлись: Пыров заказывать харч, Юшка искать ямщика.

Бывалец Пыров, прослуживший гонцом больше десяти лет, знал всё и вся. Где можно сытно и дёшево постоловаться, где взять жратвы в дорогу, где опохмелиться и где найти утеху с бабой. Подорожная царская грамота открывала ему все двери, кормила и давала возможность брать в любом дворе лошадь. На подорожные расходы из казны приказа выдавались деньги, но Пыров старался их не тратить и всё всегда норовил взять задарма, пользуясь положением царского посланника.

Стрелец сильно постучал в широкие ворота дома знакомого ямщика. Во дворе забрехала собака, и через некоторое время со стороны двора откликнулся недовольный, заспанный женский голос:

– Кого там принесло с утра?

– Это я, Пыров, – отозвался стрелец.

За воротами послышалось шарканье лаптей, стукнул деревянный затвор, створка распахнулась, и молодая баба, с распущенными волосами, припухшим от сна лицом, в холщёвой рубахе, прижалась к стрельцу, пахнув на него кисловатым домашним теплом и бабьим телом. Она хотела что-то сказать, но Пыров опередил её.

– Фёдор дома? – спросил он, с нетерпением отстраняя женщину от себя.

– Дома, спит, вечером с Ярославля пришёл, – она сделала вид, что обиделась, развернулась и пошла в дом, на ходу крикнув: – Ворота запри.

– Я не один, сейчас писарь придет, готовь, что есть, столоваться будем.

– Ты таким важным стал, уже с писарем ездить, – она многообещающе посмотрела на стрельца и сделала еще одну попытку прижаться к нему. – Чё вчера не пришёл? Я бы приняла на постой, Фёдор спит – пушкой не разбудить.

– Тошно мне вчера было, да и не один я, навязали на мою голову мальчика, –

недовольно сказал Пыров. – Теперь придётся таскать его за собой, учить уму-разуму, – он подтолкнул её к дверям и нетерпеливо шепнул: – Да иди ты уж! Студёно на дворе.

– Ты-та научишь несмышлёного и буквы писать, и баб е...ть, тут-то и я сгодились бы, – с лукавинкой в очах томно шепнула она и открыла дверь.

Они зашли в дом; баба, как кошка, в темноте пошла вперёд, захватила с печи пучок щепы, подошла к красному углу, зажгла от лампы лучину, воткнула её в светец. Горница осветилась слабым огоньком горевшей лучины, выказывая скудость внутреннего убранства и чистоплотность хозяйки: глинобитный пол выметен, скраб прибран по местам, стол, сшитый из деревянных плах, тщательно выскоблен до белизны.

Натягивая юбку через голову, женщина, путаясь в длинных волосах, отпихивая их с лица пухлыми, чувственными губами, громко сказала: – Фёдор, подымайсь! – и, завязывая тесёмку на талии, договорила: – Пётр приехал, столоваться будет.

Заскрипели нары, Фёдор с лохматыми волосами и всклокоченной бородой поднялся, сел на нарах, ошалело лупя глаза и туго соображая. Разглядев стрельца, хозяин оживился:

– А-а, Петр, проходи, присаживайся за стол, – он поспешно соскочил с нар и, суется, стал натягивать портки, приговаривая, – шас баба штось наладит, таким гостям мы завсегда рады, глядишь, и копейка какая-никакая нам за заботу перепадёт.

– Перепадёт Федор, перепадёт, – лукаво подтвердил Пыров, – не беспокойся. Ты знаешь, я всегда с лихвой плачу – за тёплый прием, за ласку, – стрелец украдкой подмигнул бабе, ставившей на стол миску с квашеной капустой.

Вслед за капустой хозяйка выставила горшок с парёной рёпой и бараниной, томившейся в печи с вечера, а также хлеб, квас. На дворе залаяла собака, хозяйка выскочила из избы, привела Юшку, он стеснялся, робел, помолился на образа, осторожно присел на лавку.

– Ну что, нашёл возчика? – спросил Пыров, заглядывая в горшок с парёнкой.

– Да. Запрягает уже, – ответил Юшка.

– Ты, паря, не робей, за всё казна платит, так што давай уминай, ныне не пост, жрать всё можно, – сказал стрелец, вытаскивая кусок баранины из горшка.

Юшка быстро поел, достал из своей котомки письменные принадлежности, пристроился с краешку стола – поближе к светцу – и принялся записывать свои первые впечатления от путешествия.

«26 дня декабря месяца выехали из Переславской слободы. В ночь на 27 день прибыли в Троицу. Проехали 55 вёрст. Ночевали в ямской избе, столова-

лись у Фёдора ямщика».

– Эй, парень?! Ты што там за каракули выводишь, не на нас ли ябеду строчишь, а?! – настороженно, с беспокойством спросил Пыров.

– Я записываю то, что увидел в пути: где останавливаемся на ночлег, сколько вёрст проехали, где столовались и какие города-деревни проезжаем.

– Для чего тебе то? – недоверчиво спросил стрелец.

– Чтобы знать и помнить: где я был, что видел, – спокойно ответил писарь.

– Вот чудак, – удивился стрелец, – на кой ляд мне записывать, ежели я и так помню, где я спал, где столовался.

– Дьяк Вахромеев наказал: сделать полную опись дороги, – соврал Юшка, чтобы Пыров отстал с вопросами.

– Ну, коли так, ежели начальство приказало, так пиши, – с уважением согласился стрелец.

Юшка записал ещё несколько заметок о том, что приметил сам и то, что выведал у возницы.

До Переславля доехали за один день, переночевали в ямской избе и наутро, наняв другого возницу с новой подводой, поехали дальше. Через три дня путники прибыли в Ярославль.

Стрелец и Юшка остановились на постой в кабацкой горнице для приезжих. У прониры Пырова и здесь нашлись знакомцы – они вместе с приятелем, воеводским пушкарем Поздеем, заказали в кабаке по ковцу белого вина (водки), а Юшка поел и пошёл осматривать город. По приходу с прогулки он записал в своей грамотке:

«29 день декабря месяца. Ярославль от Москвы стоит за 280 вёрст. Город большой, есть острог, каменные купеческие палаты, три винных лавки, два казённых кабака. Городом управляет воевода...»

После записей от нечего делать, Юшка зашёл в кабак, находившийся с горницей для приезжих под одной крышей, но с отдельным входом по другую сторону большого пятистенного дома. Пушкарь и стрелец, оба во хмелю, сидели за длинным столом с толстой девкой между ними, горланили песню и каждый со своего бока обнимал толстуху: Поздей за широкие плечи, а Пыров за необъятную талию.

– О-о! Юрок! – увидав писаря, радостно заорал Пыров, – давай к нам, на вот, чарку, выпей! Мы с Поздеем уже по два ковша выжрали.

Юшка попробовал отказаться, но стрелец настаивал, он, сунув писарю в руки глиняную кружку, пьяно кричал: – Давай-давай, не кочевряжься. Со служивыми людьми не грех и выпить.

Юшка выпил.

– Нако, закуси парень, а то сморит, – сказал кто-то ласково, ткнув Юшке под нос солёный огурец.

Потом он выпил ещё и ещё, и все люди вокруг стали милыми, добрыми, весёлыми, такими близкими и родными. И откуда-то рядом с ним появилась его «маманька» – большая, добрая, горячая, она жалела его, ласкала и приговаривала: «Какой молоденький, чистый, светлый... Пойдём, я уложу тебя почивать... Давай, я помогу тебе раздеться...»

– Ты бы сменил подрясник на мирскую одежду, – услышал Юшка первое, когда проснулся, – Не гоже тебе теперь, как баба, подолом-то трясти.

– С чего так? – не поняв сказанного стрельцом, спросил Юшка; его сильно мутило, раскалывалась и плохо соображала голова.

– С чего-с чего, мужиком ты стал, – улыбаясь во всю рожу, объяснил Пыров.

– Когда? – всё ещё не понимая, о чём твердит стрелец, спросил Юшка.

– Ночью – долдон непонятливый. Ты до Глашки – кабацкой девки, шибко охоч был, ну, и она тоже – баба не промах, воспользовалась.

– Да ты што?! – ошалевши, удивился Юшка.

– Вот тебе и што!.. Ладно, собирайся, поехали.

Следующую запись в своей грамотке Юшка сделал в Вологде.

«Первого дня января месяца приехали в Вологду. 190 вёрст от Ярославля. Город большой, богатый, много купцов, среди них есть немцы. Укреплён каменной стеной. Управляется воеводой...»

Попутно Пыров доставил грамоту Вологодскому воеводе. В съезжей избе подьячий, доверенный воеводы, сказал, что боярин уехал на охоту и он сам примет грамоту под роспись. Пыров, не желая останавливаться на ночёвку в битком набитом людьми постоялом дворе, сговорился с ямщиком за отдельную плату переночевать у него. После они с Юшкой пошли оглядеться по посаду. На обширном дворе Вологодского кремля Пыров встретился со своими дружками-стрельцами и, засев с ними в кабаке, широко загулял. Юшка, памятуя о своём прошлом пьянстве в Ярославле, о том, как болел похмельем и мучался совестью из-за кабацкой девки, наотрез отказался составлять стрельцам компанию. Побродив по городу, Юшка вернулся в ямскую избу, поел, сделал запись в своей бумаге и улёгся спать. Посреди ночи прилёлся с гулянки Пыров. Шумный, крикливый, неуклюжий, впотьмах своротил светец, ма-тюгнулся, опрокинул кадку с водой, выругался и в Бога мать и на всех святых угодников разом, для светла захотел распалить лучину, стал бить кремнем о кресало, искры снопом сыпали в стороны, но трут не принимался огнём, и стрелец, отступившись от огня, долго устраивался рядом с Юшкой на на-

рах и, уже уснув, никак не мог успокоиться. Он громко выкрикивал команды, судорожно дёргался, махал руками, во сне он продолжал драку, которую сам же и затеял в кабаке. Юшка после прихода стрельца не мог спокойно заснуть. Потревоженный сон раздробился на рваные обрывки: он засыпал, и тут же на него наваливались страшные чудовища. Юшка в страхе просыпался, чесался и, как в бреду, снова забывался в тяжёлом удушливом сне, и все кошмары начинали сниться заново. Сильно натопленная по-чёрному печь душила жаром и чадила угарным дымком. Клочья и подхваченные где-то на ночёвке вши не давали покоя. Над его головой, на полатах, спали и посапывали хозяйские детишки, на широкой лавке у противоположной стены оба в голос храпели хозяева – мужик и его баба. Только под утро он забылся и провалился в тяжёлый сон – как в чёрный омут.

«Горим! Горим!» – сквозь сон услышал Юшка чей-то истошный крик, и тут же сверху на него кто-то упал, скользком крутанулся по Юшке, перемахнул через Пырова и выскочил в дверь из избы. Тлеющее пламя, подхваченное свежим потоком воздуха из распахнутых дверей, взвилось большим всполохом и сразу охватило половину горницы. Юшка, захлебнувшись едким, удушливым дымом, закашлялся, переполз через стрельца, упал на пол, быстро вскочил на ноги и, снова хватанув ртом едкого дыма, присел на четвереньки. Он хотел на коленках добежать до дверей, но вспомнил о стрельце. В удушливом дыму, ничего не видя слезящимися глазами, он на ощупь стал растряхивать стрельца. Ничего не добившись от расхристанного на нарах пьяного Пырова, Юшка стащил громоздкое тело стрельца с нар и потянул его за плечи к выходу. Угарный дым стелился по-над полом на три-четыре вершка, и, чтобы не захлебнуться, нужно было прижиматься ниже к половицам. Высушенные до костяного звона смолёвые брёвна дома ловко, с потрескивающим весельем, занимались разгоравшимся огнём. В отсветах пламени по избе заволокло металась полуголая баба, она в охапку собрала пожитки, бросила их горкой в руку, набрала посуды, бросила и её, полезла на полати и стащила с них щупленькое, маленькое тельце ребёнка в холщовой рубашке. Помутившись разумом от угара и горя, с задохнувшимся дитём на руках, она, не зная что делать, остамело пала на колени посреди горевшей избы и баюкала дитятку. Юшка что есть мочи упирался, но никак не мог перетащить стрельца через высокий порог. Хозяин дома выбил ногой маленькое оконце в горнице и выкидывал в пустой оконный проём всё, что попадалось под руки. Заметив свою очумелую бабу, мужик схватил её с ребёнком в охапку и, пробежав по лежащему Пырову, сбив Юшку, хозяева выскочили вон. Стрелец от причинённой боли охнул, очнулся и, чертыхаясь, вскочил на ноги, ударился о притолоку головой и, схватившись руками за разбитую башку, шатаясь вышел на волю. Юшка поглядел вслед Пырову, встал на колени и пополз обратно в пекло. Торбу с грамотами он нашёл ощупью на нарах. Добротню сшитая сумка, из-

готовленная московскими шорниками из толстой бычьей кожи, от жара села, скукожилась, но была цела. Вывалившись на просторный двор, Юшка упал, зарываясь в снег, хватанул опалённым горлом морозного воздуха и закашлялся до блевотины. Изба, в которой они ночевали, полыхала вся. Искры от сгоравшей соломенной кровли снопом подымались в чёрное звёздное небо и, плавно кружась, как светящиеся малиновым цветом снежинки, оседали повсюду, подпаливая близ стоящие соломенные крыши стаяк, конюшен, сараев. Людшки тщетно забрасывали постройки снегом, заливали водой, стихия разбушевалась и не уступала людям. Огонь всё больше и больше расходился вдоль и ширирь, перемётываясь по захалугам, пристроям, дровяникам с одной постройки на другую, охватывая своим обжорством весь вологодский ям. Выпущенные из стаяк и конюшен лошади, коровы, овцы шально носились по сгорающей слободе, наводя ещё больше паники на отчаявшийся народ.

К полудню Вологодская ямская слобода выгорела вся. На пепелище чёрными обугленными быками стояли печи, тлеющие головни чадили смрадом пожарища. Холодный промозглый ветер, раздувая кучи мерцающих углей, гонял по ставшему просторным яму клубы серого пепла... Измученный, подкочённый, полураздетый, в просыревших одёжках люд тянулся к останкам домашнего тепла. Погорельцы грелись, сушились – каждая семья на своём родном пепелище. Бабы подвывали, мужики, угрюмые, злые, цыкали на жён и струнили детишек. Юшка бездумно брёл по сгоревшей слободе и крепко, как драгоценность, прижимая к груди торбу с грамотами, смотрел на людскую беду. По его чумазому лицу текли слёзы. Юшку приметил Пыров, подошел.

– Уезжать надо отсель, – сказал стрелец.

Юшка, размазывая сажу на лице, вытер выкатившую то ли из-за дыма, то ли от жалости к случившемуся крупную слезину и промолчал. Пыров отвернувшись, делая вид, что не заметил слабости писаря, продолжал его убеждать:

– Ты, паря, пойми, ошиваться здесь – только время терять; нет тут в нас великой нужды. Я только что сговорился с тотьменским ямщиком, он нас до следующего яма довезёт.

Юшка поглядел на Пырова, тот был в одной прожжённой в нескольких местах рубахе.

– Надо, так поехали, – безучастно ответил писарь.

– Вот и лады, надо только тулупчиком где-то разжиться, а то мой кафтан пропал, пока я с огнём бился, – он заметил в Юшкиных руках торбу. – Ээ, худо, брат, руку подпалил изрядно, пузырьками пошла, да ничего, будут кости – мясо нарастёт, а за грамотки тебе, Юрок, – стрелец обнял Юшку одной рукой за плечи, дружески встряхнул его и с благодарностью произнёс, – спаси тебя Бог! Никогда не забуду. Время придёт – отблагодарю. – Он довольно засмеялся и весело стал рассказывать: – Ты знаешь, я думал, что уже в огненной

геенне жарюсь и на мне черти скачут, копытами своими тело моё скорбное бьют. Ха-ха. А это, оказывается, хозяева по мне пробежали, когда от огня спасались...

«Город Чердынь расположен на правом берегу реки Колвы и устья Више-ры: он невелик, но добротен. Посад обнесён деревянной стакетой, защищающей от набегов сибирских татар и вогулов. В городе есть каменный собор в честь Иоанна-Предтечи и мужеский монастырь. В центре городка имеется небольшая крепость, обустроенная деревянным тыном. Крепостные ворота находятся в невысокой башне. Внутри крепости – воеводский дом, приказные палаты, амбары. За посадом – поселения пашенных крестьян и ямской двор», – записал Юшка в свою путевую грамоту.

В день Крещения Господня гонцы прибыли в Чердынь. Воевода Сарыч Шестаков принял Пырова и Юшку ласково – как-никак московские люди и на всякий случай с ними надо иметь ухо остро. Воевода приказал служкам сытно накормить путников и определить с ночлегом. Прочитав предназначенную для него грамоту, он покряхтел, подумал, прикинул, что да как, посетовал, что, мол, забот и так невпроворот, в воеводской казне денег нет, а тут ещё и дорогу ладить, хоть и понимал умом, что потребность в ней есть большая. Но лишние заботы всегда обуза. Да делать нечего, выполнять царские указы надобно поспешая, а то и в немилость государю угодить недолго. Позвал подьячего и наказал ему: «Оповестить целовальников и бирючей, чтобы те разнесли царский указ по всей Перми Великой». После того, как вновь прибывшие стрелец и писарь отдохнули, Сарыч вызвал их к себе и обстоятельно стал расспрашивать стрельца о положении дел в столице. Тщедушный на вид Юшка для боярина Шестакова был так, не досужий для разговоров, не стоящий большого внимания молокосос. Но воевода отлично понимал, что присланный Вахромеевым писаришка приставлен к нему не просто так, а для подглядки и доносов и, учитывая это, Сарыч повёл расспрос стрельца осторожно, с оглядкой на Юшку, потихоньку приглядываясь к новому человеку в своём окружении.

– Ну что, как Москва? – начал воевода спрос, обращаясь к стрельцу, который вольготно расселся на широкой лавке у пышущей жаром печи.

– Стоит град стольный, – невозмутимо ответил стрелец, сетуя в своих мыслях на то, что Сарыч не приказал поднести за трапезой вина и сейчас на вопросы воеводы отвечал коротко, дабы побыстрее отбрехаться и уйти в кабак.

– А я тебя не спрашиваю: стоит или не стоит столица, – воевода, раздражаясь на наглость стрельца, резко заметил ему, – это-то и так ясно, ещё Иван Васильевич, царствие ему небесное, – Сарыч перекрестился, – говори-

вал: «Стоять третьему Риму вечно!» Зараз я тебя спрашиваю: какие дела ныне в Москве творятся?

Пыров, подумав, что с воеводой шутки плохи, встал, подтянулся и на вопрос ответил по существу:

– Слава Богу, царь наш батюшка Фёдор Иоанович жив-здоров, царствует во славу и царица наша Ирина Фиодоровна – тоже вроде бы здорова. В народе молва идёт, что царица опять на сносях... – Пыров перекрестился и притворно, подняв очи ввысь, сказал: – Да, дай-то Боже, чтоб дитё здоровеньким был, а то мрут и мрут младенцы, никак не выходит быть наследнику царского престола...

Сарыч вслед за Пыровым мелко перекрестился и осторожно, с оглядкой на Юшку, спросил: – А что Годунов?

– Годунов ныне на Воробьевых горах новый терем себе поставил, – горделиво начал стрелец свой рассказ, – не хуже государева дворца. Широко размахнулся царский шурин. При Иване Грозном рындой числился, а тут, – он значительно поднял палец вверх и с уважением стал перечислять достоинства Годунова: – Послов иноземных сам принимает и подарками богатыми инородцев одаривает... люд простой щедрой рукой обласкивает... купцам вольготы сулит... войскам жалование справно платит... сам всем заправляет и власть в государстве в своих руках, – он сжал руку в кулак и показал воеводе, – вот как держит... А царь... – он махнул той же рукой и небрежно произнёс, – токмо на богомолье по монастырям ездит, пиры закатывает да на охоте потехи с медведями устраивает...

Юшка тем временем с интересом разглядывал воеводские доспехи и оружие, развешенное на стене. Двойной кольчужный панцирь, верхний и нижний, с золотыми бляхами-значками; железный шишак с золотым накладным образком Святого Георгия; сабля с серебряными ножнами и рукоятью в драгоценных камнях, тяжёлая узорчатая воеводская булава и богато украшенная золочёной резьбой, добротнo сработанная заморскими мастерами пищаль. Юшка такого богатства ещё никогда не видал, не удержался и украдкой потрогал оружие. Затем он заметил разложенный на столе большой лист плотной бумаги с нанесёнными и подписанными латиницей названиями рек и городов. Юшка часто по заказу дьяка Ивана Вахромеева переписывал из заморских книг иноземные карты для ратных походов русских войск и легко умел читать эту мудрёную грамоту. Он без труда определился по сторонам света и догадался, что это карта Перми Великой, Уральского камня и части Сибири.

Воевода, заметив интерес писаря к карте, спросил:

– Что, парень, разумеешь сию мудрёную грамоту?

Юшка от неожиданности вздрогнул и, от смущения ничего не ответив, кивнул головой. Сарыч подошёл к столу, ткнул пальцем в карту.

- Читай! – приказал он.
- Са-мо-ядь, – по слогам прочитал Юшка.
- А сие?
- Сиберия, – уверенно произнёс писарь.
- Молодец! – скупое похвалил Сарыч и, заметив перевязанную руку парня, спросил: – С десницей что?
- Вологда горела, там и опалил.
- Как пером владеть будешь?
- Ничего, справлюсь.
- Ладно, на сегодня хватит, можете идти... понадобится – позову.

3. ИЗ НИЩЕГО ДОМА И ТАРАКАНЫ БЕГУТ.

Накануне Рождества, в Сочельник, под вечер Артём, голодный, уставший, измотанный трудным переходом на лыжах по рыхлому, глубокому снегу, приближался к Усолке. Его собака, унюхав близкое жильё, умчалась вперёд, но, боясь ослушаться хозяина, не побежала в деревню, а остановилась на опушке леса и звонко подлаивала в ожидании, когда человек выйдет на неё. Артём уже давно почуял запах жилого дымка с еле уловимым привкусом печёного хлеба и так явственно, так живо представил, почувствовал во рту вкус свежего, ржаного, круто посоленного хлеба, что у него от голода под ложечкой противно, с тошнотой засосало, а от усталости закружилась голова. Он сглотнул комок голодной слюны и прибавил ходу. Ещё сегодня поутру, когда только-только начал заниматься рассвет, он, проснувшись в обнимку с собакой у нодьи, решил, что за один день должен отмахать весь остаток пути в двадцать вёрст, а если не осилит этот переход за один день, то ему предстоит ещё одна ночёвка в лесу и, что обидно, недалеко от Усолки. Он наскоро перекусил вяленой козлятиной – сухари и крупа закончились – запил мясо кипятком, запаренным на брусничнике, после собрал пожитки. Пороховница, запас свинца для заряда, остатки провизии, топор за пояс, здоровенный мешок, набитый рухлядью, на плечи, ружьё на грудь, уложил всё ладно, собрался основательно и тронулся в путь. Весь световой день он шёл без отдыха и остановок, чтобы успеть засветло попасть домой на Рождественскую вечерю. По зимнему насту он поспел бы к сроку, но снежная пурга, разгулявшаяся над тайгой, задержала его на предпоследней стоянке на целые сутки, а выпавший за время ненастья на полтора вершка снег сильно тормозил ход. И вот уже в потемневшем лесу, когда деревья встали одной сплошной чёрной стеной впереди, по мере его выхода из чаши, сперва еле-еле прорезались розовые закатные просветы, а потом расступились крайние ели на опушке леса – перед его полем, которое Артём сам корчевал, разрабатывал, пахал целину, сеял и с которого уже третий год прибирал неплохой урожай ржи. А там за полем, в вечерних морозных сумерках, ещё чуть-чуть – и завиднеется его деревенька, где ждут его жена и детишки.

* * *

По указу царя, дабы укрепить окраины восточных владений Российского государства, службой Казанского дворца были рассчитаны льготы для поощрения новосельников. Охочим на переселение людям и их семьям должны были предоставляться деньги, скот за счёт казны, нарезать под хозяйственные нужды наделы земли и выделяться для строительства домов лес, но, несмотря на царский указ, лишь малая толика государевых благ перепадала переселенцам. Воровство и мздоимство приказных дьяков, подьячих и цело-

вальников, сводили до минимума все благостные начинания государя. И всё же, терпя лишения и невзгоды, народ переселялся, обживался и трудился на новых землях, что значительно способствовало укреплению и расширению государства российского.

* * *

За четыре года починок Артёма Верхняя Усолка расстроился, разросся в небольшую деревеньку из полутора десятков крестьянских дворов, не считая землянок, в которых на первых порах, пока не поставят избу, жили новопришлые. Каждый год деревня принимала по несколько семей новосёлов, прибывающих на новые, свободные земли из центральной России. За счёт переселенцев деревня год от года росла, крепла. Насельники обустроивались основательно и надолго. Пополнялась деревня и детишками, родившимися уже здесь – на Усолке. Прасковья, жена Артёма, в первый год их совместной жизни принесла первенца – мальчонку-крепыша. По святцам младенчика нарекли Иваном, после сына родилась девчущка-погодушка Марьюшка, и ныне жена опять была на сносях. Когда по первому снегу Артём уходил в парму, Прасковья попросила его вернуться к Рождеству. «Срок у меня, Артюша, с Масленицы... значит, должна на Великий Праздник разрешиться... Постарайся вернуться... Береги себя!» И когда он уходил, обнесла крестным знаменем его путь-дорожку. С Покрова Артём пробыл в тайге – за Камнем. Охотился ружьём, промышлял капканами и ловушками соболя, лису, куницу, белку. Там, где он впервые вышел на берег реки Туры, он поставил избушку, исходил и разведал все окрестности, от Туринских верховьев до устья речки Тагилки, и имел, как он и предполагал, неплохой денежный подъём от рухляди.

Прасковья, заслышав дальний собачий лай, на который брёхом откликнулись все деревенские дворняги, поняла, что возвращается Артём, накинула на плечи полушубок и пошла за ворота встречать мужа. Вечер сгустился сумерками. Дальний край поля и тёмный горизонт неба уже почти слились с полосой чёрного леса. И уже не было возможности разглядеть что-либо в потёмках, но она чувствовала, она знала, что Артём вышел из пармы и идёт к ней. Подлетела собака, виляя хвостом, осторожно принялась, лизнула руку, от радости пару раз звонко слаяла, обежала Прасковью и умчалась к идущему по полю Артёму. Подбежала к нему, несколько раз твякнула – и обратно к Прасковье, так и носилась между ними, как шальная, со звонким лаем, пока оба хозяина не сблизились. Прасковья помогла снять с плеч мужа мешок, потом, присев на корточки, развязала штромки на ходунках, Артём сошёл с лыж, поставил их к стене и обнял жену. Она, оглаживая его лицо, выбирая сосульки из усов и бороды, тихо спросила:

– Видишь? – у неё мелко дрогнули губы, а глаза наполнились слезинками.

– Когда? – спросил Артём.

– На Касьяна. Не убергла, – она ткнулась лицом ему в грудь.

Из дома в тяжёлую входную дверь кто-то натужно ударил, потом ещё, на третий раз дверь поддавалась, распахнулась, и с разлёта, в одних холщёвых рубашонках, детишки вывалились на крыльцо.

– Гольшом-то зачем?! – с беспокойством всполохнулась мать.

– Тятя! Тятя пришёл! – закричали они вразнобой и босиком сыпанули к отцу, сын повис на руке, а дочка ручонками обхватила ногу Артема.

– Ладно, что на дворе топтаться – пойдём в избу, – он подхватил ребятишек на руки, и они теснёхонько, табунком, чуть-чуть замешкавшись на пороге в дверном проёме, прошли в дом.

Прасковья помогла мужу раздеться, он сел на лавку в красном углу, она, суетясь, стала выставлять на стол еду, дети залезли к отцу на колени, наперебой стали задавать вопросы.

– Тятя, а ты в медведя стрелял? – серьёзно спросил сын.

– А зайчика или белочку видел? – полюбопытствовала дочь.

– Медведя видел, но убивать не стал, а зайчик с белочкой вам гостинцы послали, потом достану – они у меня там, в мешке, – спокойным, уставшим голосом ответил отец.

Немогота навалилась на него разом, словно придавила тяжёлым грузом к лавке, и уже не было сил говорить, шевелиться, и очень хотелось спать. Прасковья поставила перед ним миску с мясом, плошку с молоком, блюдо с пирогами и ворчливо, с ласковой заботой приговаривала:

– Вон как осунулся, один нос торчит, очи, словно в яме, сидят! Давай откушай, родненький, наедайся... Квёлый чевой-то?.. Устал поди?.. Ой! Да што ж это я?! – спохватилась она. – Я ведь в бане с утра для тебя огонь держу, детишек вон вымыла, – она достала из сундука чистое нательное бельё для Артема и, подхватив его за талию, словно немощного, повела в баню. – А вы живо на печку и сидите там тихо, не балуйте.

Ребята схватили со стола по пирогу, полезли на печь. А Прасковья вела по тропе до бани Артёма и горделиво со смехом жаловалась мужу на проказы детей:

– Они тут ишь чего удумали: я со скотиной управлялась, захожу в дом – а их нет, всполошилась, туда-сюда – нигде нет, а потом гляжу: у сундука крышка чуток приоткрыта...

Артём в бане поначалу кочевряжился.

– Я сам! – говорил он, – что ты со мной как с дитём возишься? – а потом сдался, позволил Прасковье поларить его венником.

После, уложив его на полок, она, тщательно, до скрипа, терла его мо-

чалом, а он лежал на полке, нежился и думал: « Как мало человеку нужно, чтоб почувствовать себя счастливым». А Прасковья в намокшей, прилипшей к телу рубахе, охаживала его, оглаживала и приговаривала, как маленькому:

– Ручку надо помыть... ножку надо пошоркать... и тут, и там, и здесь... С гуся вода, с лебедя вода, а с моего Артёмушки – вся худоба.

Артём не удержался и потянул с Прасковьи рубаху за подол вверх. А она со смехом, с лучающимися от счастья глазами, изменившимся от возбуждения грудным голосом сказала: – Ах! Артёмушка!.. Как наскучалась я о тебе! – и сразу вся осела, ослабла, словно всю свою силушку передала ему.

Ночью, когда детишки уже посапывали на печи, Прасковья тихонечко лежала у Артёма на плече и не спала. Но, боясь потревожить сон мужа, не шевелилась. Она жмурила глаза, пыталась уснуть, а сон не шёл, и она, снова открыв глаза, смотрела в темноту, прислушивалась к ветру на улице, слушала, как мыши скребутся... Ей хотелось поговорить, а Артём хотел спать, но стоило ему прикрыть веки, как в глазах его снова проплывал лес, белел снег и мелькали гнутые носки ходунков, обтянутые лосиной шкурой. То, что он видел днём воочию – то и повторялось ночью в видении.

– Как случилось-то? – шёпотом спросил он.

Она сразу поняла, о чём муж спрашивает:

– Сено с овина скотине вилами скидывала, ухватила пласт, а он тяжёлым оказался, поднатужилась и прям внутрих что-то треснуло, а к вечеру скинула.

Артём почувствовал, как с её щеки на его грудь сползла слезинка. Он, не зная что сказать, только крепче прижал её к себе, а она, шмыгая носом, продолжала:

– Ручки, ножки, головка... Не уберегла.

– Ты шибко-то не горюй, – попытался он успокоить жену, хотя у самого на душе было скорбно. – Что о том горевать, Бог смилостивится – ещё даст.

«Мужик всегда в таком случае черствее бабы, – немного с обидой на мужа подумала Прасковья. – Он под сердцем плод не носил, не чувствовал, как маленький человечек растёт, не ощущал его тяжести и не видел его, а мне каково переживать всё это?»

Она хотела высказаться родному человеку, просто по-бабьи поплакаться, пожалеться, но, вместо придуманных слов, сказала:

– Надо в праздники в церкву на богомолье съездить, причаститься и свечку поставить.

– В святки к отцу в Чердынь поедем, – успокоил он её, – и в храм сходим, и родных навестим, да и с рухлядью определиться надобно... Ты договорись с соседкой Комарихой, чтоб за скотиной приглядела, а дом выстудить надо: пока через дня три-четыре обернёмся, тараканы повымерзнут.

– Что ты, Артёмушка?! Нельзя их выводить: они – к богатству. Из нищего дома и тараканы бегут.

4. КРЕЩЕНИЕ.

В день Крещения Господня, после заутрени, в родительском доме на праздничную обедню собрались все Сафоновы дети. Из Соли Камской приехала Лукерья со своим мужем – купчишкой-лавочником Корнеем, невысоким коренастым мужичком в летах, и двухгодовалой дочерью Стешей. Фома со стрельчихой, теперь уже законной женой Марфой – бабой хваткой, статной и сноровистой, Артём с Прасковьей и детьми, Фрося с большим животом и молодым мужем плотником Петюней. Полинка, последняя Сафонова дочка, жила с родителями и была всеобщая любимица.

По праздному случаю Сафон выставил четверть белого вина, зарезал борова и накрыл стол с размахом, не скупясь на расходы. Потчевал Сафон гостей, детей, зятьёв, снох и внуков с большим удовольствием.

– Мечи, Евдокия, из печи всё, что есть, на стол. Лейте, пейте, заедайте да про нас не забывайте! – кричал он гостям в хмельной радости. – Родненькие вы мои! – приговаривал он, обходя стол и обнимая всех по очереди. – В кои-то веки всем скопом собрались, порадовали стариков, потешили. – Вернувшись на своё место, Сафон оглядел собравшихся и вдруг, сменившись лицом, пьяно заслезился и жалостно выговорил: – Разъехались, разошлись, отчий дом оставили, про родителей совсем позабыли. Одно радуется, все пристроены. Вот только последняя и осталась, – кивал он на Полинку, – да, и та скоро упорхнёт, и останемся мы одни-одинёшеньки со старухой.

– Я тебя, батя, сколько уговаривал перебраться к нам на Усолку, так ты же сам не желаешь насыщенное место кидать, врос, как пень – не выкорчуешь, – упрекнул отца Артём.

– Ничего, тятя, мы вам внуков подсунем, будете нянчиться, – подбодрила его Лукерья.

– Што ты свёкор, дорогой ты мой, в старики-то себя числишь, – посмеиваясь, сказала Марфа и, лукаво подмигнув, договорилась, – ты у нас ещё мужик справный, на тебя поглядеть, так ты ещё кой для чего можешь сгодиться!

Сафоново лицо расплылось в улыбке, он, довольный и растроганный, подлил Марфе винца.

Фома и Корней, схлестнувшись в споре, громко разговаривали, перекрикивая друг друга.

– Я с молодых лет с коробом по ярманкам бегал! Чем только не торговал! – кричал Корней. – Всё! Хватит! Набегался! Таперича в лавке торгую, а вскоре и лабаз свой поставлю. – Он сжал руку в кулак и, маяча им перед носом Фомы, бахвально выговорил: – Вот как торговлю держать буду! Во!..

– Знаю я вас – мелочных купчиков, – задиристо огрызнулся Фома и отпихнул от своего лица кулак Корнея. – Все вы одним миром мазаны, всё-то вы обмануть норовите. Без обману торговли не бы-ва-ет! – покачал он указа-

тельным пальцем перед лицом собеседника.

– Мы с батеи и братовьями артельно робим, – говорил Петруня Артёму, – нанимаемся и кому дом, кому амбар, где мосток, кто што пожелает – и церковь с куполами могём.

– А водяную мельницу нам на Усолке сладите? – спросил Артём.

– Мельницу? Мельницу сладим, – согласился Петруня.

– Думала, за купца замуж выхожу, а выскочила за скупердяя, – высказывала Прасковье свою обиду на мужа Лушка. – Каждую копейку жмёт. Новый плат к празднику попросила, а он и говорит мне: «Этот ещё не сносился», – передразнивая голос мужа, сказала она. – Хотела гостинцев в лавке родителям взять, да где уж там... – Разоришь, кричит, по миру пустишь. А сам теперича на дармовщинку пьёт.

– Мама!

– Мама!

Каждая к своей мамке, подбежали двоюродные сёстры Стеша и Маша.

– Зачем Ванька бьётся? – пожаловалась Стеша.

– Он её толкает, – подтвердила Маша.

– Ванятка?! Не лезь к девкам! – строго прикрикнула на сына Прасковья.

– Он больше не будет, – пообещала Лукерья, утёрла подолом своей нижней юбки дочке под носом сопли и, легонько шлёпнув её ладонью по заднице, сказала:

– Идите, детки, играйтесь, не мельтешитесь здесь.

– Я за Святки знаешь сколько денег выручил?! – хвастанул Корней Фоме и, хлопнув рукой по туго набитой мошне, висевшей на поясе, заорал: – Я!.. Я много чего могу!.. Да ежели ты знаешь! Я всё могу...

– Ооо! Мой, кажется, уже назюзюкался, – озабоченно сказала Лукерья Прасковье и, переключившись на мужа, стала его, упрекая, успокаивать: – Што ж ты поперёд всех так напился? Все люди как люди, а ты? Не пора ли тебе, муженёк, охолонуться, – она бесцеремонно потянула его за локоть, – пойди на двор, обветрись.

– Правду глаголешь, баба. У нас сёдня што?! – громко заорал он, пьяно уставившись на жену.

– Што? – дерзко переспросила она.

– У нас сёдня Крещение, – пояснил он, – и надобно смыть все свои прошлогодние грехи. Айда на Иордань, окунёмся троекратно по православному, очистим тело от скверны.

– А и вправду пошли, – поддержал Фома.

– И я, пожалуй, пойду, – согласился Артём.

– Не гоже мне от сынов отставать, – сказал Сафон.

Все со смешками и шуточками живо засобирались. Толкаясь на пороге, оделись и, дурачась, подталкивая друг друга, всем семейным гуртом вышли

на улицу.

На Колве, у открытой Иордани горел большой, жаркий костёр. Крещенский морозец парил над полой водой, клубился пар от уже принявших омовение людей. Народ топтался вокруг полыньи и огня, кто грелся, кто готовился окунуться в освящённую воду, а некоторые просто глазели, галдели, выкрикивали шуточки, смеялись. Прыткий бражник, крещёный татарин Илюха Карапуз, вытащил на лёд пятиведёрную бочку белого вина и прямо у проруби торговал сивухой – по копейке ковш. Мужики и редкие отважившиеся бабы, по очереди скидывая с себя верхнее, оставаясь в одном исподнем, а кто и во все голышом, один за другим опускались в Иордань, по три раза окунались с головой в воду, каждый раз обнося себя крестным знамением, проплывали по течению вдоль проруби и по другую сторону выбирались из воды на лёд пошитой из жердей хлипкой временной лесенке. Бабы и девки, стыдясь, в прилипших, намокших, просвечивающих телами рубахах, прикрываясь руками, норовили побыстрее укрыться и сразу попадали в распахнутые объятия шуб, кафтанов и зипунов, приготовленных заботливыми близкими. Мужики, бодрясь, показушно не боясь мороза, залпом пили крепкую сивуху и, закусывая, смачно хрустели солёными огурцами.

Корней скинул с себя добротный кафтан, отвязал с пояса кожаную мощную и, не зная кому доверить деньги, растерянно сунулся туда-сюда, потом не решительно протянул увесистый кошель жене, но, передумав, привязал его себе на шею, разделся до нижнего белья и неуклюже плюхнулся в воду, подняв веер брызг. За ним по очереди стали заходить в Иордань Фома, Артём, Сафон и Петруня. Корней, дурачась, лез к ним, подтапливал, брызгал водой, громко ржал и выкрикивал издевки. Глядя на мужиков, Марфа разделась и бесстыже осталась в одной нижней, нарядной, с вышитыми оборками рубахе, нарочно приготовленной и надетой для этого случая. Её пышные телеса соблазнительно колыхались под тонким покровом льняного полотна, белые полные руки слепили наготой. Зная себе цену, она с достоинством опустилась в Иордань. Корней хотел уж было вылезать, да, завидев её, остался в воде. Пока Марфа окуналась и истово крестилась, взмахивая, как лебяжьим белым крылом, рукою, обнося себя от лба крестным знамением, высоко поднимая локоть и показывая пучок жёстких волос подмышкой, он плывал вокруг неё, разглядывал, шаря глазами по её могучей груди, и при этом выговаривал по синевшими от холода губами любезности:

– Ах! Марфа! Статная ты баба, была б моей, я б тебя!...

– Отстань ирод, грех ведь так-то, чай не на свиданьи, – она, отмахнувшись, брызнула на него водой и стала выбираться из полыньи.

Купчик, услужливо придерживая, приподнял её за увесистый зад, а Фома, раскинув полушубок, принял её сверху. Прилипшая к телу рубаха обрисовала её крупный стан, мужики бесстыже глазели, а бабы ревниво оглядывали её.

Марфа, одев поверх рубахи полушубок, подошла к бражнику Ильюхе, взяла из его рук полную чарку и лихо, по-мужицки, одним залпом выпила вино, после чего, не поморщившись, отказалась от кем-то услужливо предложенного ей огурца.

– Ай да баба! Чистый стрелец! – послышался чей-то завистливый голос из толпы.

– Такая в хозяйстве вместо коровы сойдёт, вон ишь какие сиськи распустила, не у всякой скотины такие-то дойки имеются, – высказался другой.

– И за коня сойдёт, на ней и пахать можно, – подсмеиваясь, заметил третий.

– Даа!.. Точно русалка! Фоме сказочно повезло с ей, – сказал ещё кто-то.

– Ээ-хе-хе, ребятки, эта баба со своим первым мужиком-стрельцом бок о бок от татар отбивалась. Сам видел, как она бердышом косоглазую голову напрочь снесла, вот так-то, а вы говорите: корова, русалка, – промолвил седебородый старик.

– А где же Корней?.. – всполошилась Лукерья. – Корней?!.. Ох!.. Пропал!.. Сгинул!.. Аааа! – истошно завопила она, упала на колени у полыньи и, взглядывая в речную темноту, пытаясь разглядеть дно, бормотала: – Утоп, утоп, родимец!

Фома и Артём не мешкая нырнули в Иордань, следом за ними прыгнули в воду ещё несколько мужиков. Место для крещенской проруби было выбрано неглубокое, но течение ощутимо протягивало по дну. Мужики по горло в воде ощупали ногами дно, Фома пару раз нырнул с головой, но ничего не смог разглядеть в мутной воде. Кто-то притащил оглоблю и попытался пошарить ею подо льдом. Все старания были напрасны: Корней бесследно пропал.

– Как же так случилось-то? – спросил Петруня.

– А Бог его знает, – заикаясь от холода, ответил Артём.

– Гад! С деньгами ушёл, пожадничал, суч-чёнок, – со злостью, подлязгивая от озноба зубами, сказал Фома.

– Да уж! Дела! Как теперь Лушка одна с дитём-то, – посетовал Сафон.

По народу поползли разговоры.

– Купчик-то шибко пьян был, еле на ногах держался.

– Непотребно вёл себя в святой час, знать, его Бог-то и покарал.

– Говорят: у него с собой денег куча была.

– Вот и поделом ему. нечего бахвалиться. Бог-то – он шельму метит.

После случая с Корнеем желающих лезть в Иордань не стало, народ начал расходиться, оставшееся зеваки держались подальше от полыньи – негромко судачили. Все Сафоновы, не зная, как быть, топтались в нерешительности, разводили руками, понимали, что у полыньи ничего не выждешь – а уходить боялись. Все словно ждали, что Корней выскочит сейчас из воды, «аки чёрт из болота», и посмеётся над всеми.

Лукерья, как замороженная, сидела на льду и остамело глядела на воду.
– Што уж теперь-то, – уговаривал её Сафон, – пойдём, доча, домой.
– Где Стеша? – испуганно спросила она.
– Её Ефросинья уже увела, – подсказала Марфа.
– Как же так? Как же так? – как полоумный, твердил одно и тоже Петруня.

Весть об утопшем быстро разнеслась по Чердыни и на место происшествия приехали стражник с письменным головой Гаврилой Семёновым. Стражник пошёл по толпе расспрашивать: не было ли злого умысла в произошедшем случае; может, кто помог купчику утонуть? Или он сам захотел порешить свою жизнь? Письменный голова, увидав старого знакомого, подошёл к нему.

– Здорово, Артюха – рожно те в брюхо! – не к месту громко пошутил он.
– Здорово, Гаврила, – не обращая внимание на шутку, серьёзно поздоровался Артём.

– Што тут стряслось-то? – спросил голова.

Артём вкратце рассказал, что случилось, и высказал своё предположение:

– Он до посинения торчал в воде, может, ногу свело, или падучая приключилась, пьян он шибко был, наверное, его течением под лёд затащило.

– Ну, да ладно, утоп и утоп, Бог с им. Кстати ты мне встретился. Дело у меня к тебе. Поговорить надобно, – письменный голова и Артём отошли в сторонку, и Гаврила тронув Артёма за плечо, заговорил доверительно: – Ты тот наш уговор помнишь? – Артём кивнул головой и Гаврила продолжил: – Так вот, настало времечко, пришла грамота воеводе Шестакову от Царя: дескать, срочная надобность в коротком пути за Камень появилась, требует-де государь знающего человека сыскать, который и путь укажет и, что самое главное, в укладке дорог толк имеет...

– Ладно, путь, допустим, я укажу, а большие дороги ладить и мосты ставить мне как-то не доводилось, – честно признался Артём.

– Да ты не робей, Артюха, – Гаврила хлопнул его по плечу. – Мужик ты хваткой, что к чему, сложить да прикинуть сможешь. Ты одно пойми – казна деньги отпустит, а за живую деньгу – кого хошь наймёшь, хоть плотаря, хоть плутаря. В таком-то размашистом деле и свою мощну пополнить не грех...

Артём, задумавшись, молчал, а Гаврила продолжал наседавать с уговорами:

– На государевой-то службе, знаешь, как? Можно хорошую деньгу зашибить и славу сыскать.

«А можно и голову сложить», – подумал Гаврила, но вслух сказал другое: – Ежели справишься – царём обласкан будешь честь по чести.

Дошлый письменный голова рассуждал: «Ежели я подставлю воеводе в

устроителя дороги своего человека, то без дела в стороне не останусь».

– Ну, так как? – спросил он вслух.

– Да, я как-то не знаю, – неуверенно, сдвинув шапку на лоб и почесав затылок, ответил Артём.

– Что ты как дитё неразумное – не умею, не знаю, я тебе дело говорю. Ты думаешь, охотников нет? Да за такую справу, да за этакий-то куш выкликанцы все пороги воеводских палат обобьют. Думаешь, ты один за камень путик ведаешь? Шалишь, брат, ушлый народец уже давно туда несколько тропинок протоптал. Но воевода хитёр, ему покороче да подешевше надобно...

Артём мялся, прикидывал и никак не мог решиться. Он знал, какое благо и какая опасность таится в государственном деле. «Али крах, али золото в сумах», – подумалось ему.

– Ладно, так-то ты ещё долго кочевряжиться будешь, ты вот что: приходи завтра с утречка в острог, вместе к воеводе пойдём, там-то всё и обсудим, договорились? – Гаврила для рукопожатия взмахнул рукой.

– Договорились, – всё ещё с опаской сказал Артём и подставил Гавриле ладонь; они стукнули по рукам и крепким рукопожатием скрепили сговор.

5. СУД – ДЕЛО ПРАВОЕ.

В условленное время Артём пришёл на острожный двор, огляделся, целовальника не было. Потолкавшись чуток во дворе, он заметил, что мороз загоняет людишек в тепло. Он зашёл в съезжую избу, поздоровался с народом, сел на лавку. Присутствующие в избе люди, ожидая скорого выхода воеводы, судачили о разном: о своих болях и радостях, о личных делах и делах государевых. И все говорившие толковали только о себе, о своём и не слышали другого вопиющего, словно их беда была наименьшей, а их дело – наиважнейшим. Ежедневно Сарыч Шестаков самолично принимал у крыльца воеводского дома простой люд и принародно вершил право. Выслушивал жалобы, прошения, желанья, судил и рядил, кого наказать, кого помиловать. Собравшиеся в съезжей избе людишки ждали приёма, грелись, разговаривали, кто-то спал и храпел, кто-то кашлял и харкал соплями на земляной пол. Сидевший рядом с Артёмом мужик нылся знакомцу о своих тяжбах с соседом. Другой яростно доказывал, что он прав, и воевода его обязательно должен поддержать.

Дверь распахнулась, и на пороге в клубах морозного пара возник письменный голова.

– Здорова всему люду, – сказал он.

Люд откликнулся приветственным разнобоем голосов. Гаврила пошарил по сумрачной горнице очами, заметил Артёма, поманил его рукой, Артём поднялся и подошёл к голове.

– Погоди маленько, Сарыч нас примет в палатах, – вполголоса сказал Гаврила, – это он так на показуху – людишек принимает, а нам с тобой почёт будет особый. Потолкайся пока здесь, как понадобится – кликну.

– Подожду, отчего ж не подождать, – согласился Артём.

Тем временем народ начал выходить из избы, и, кучкуясь у воеводского крыльца, жалобщики и любопытствующее зеваки стали ожидать появления вельможи.

Сарыч Шестаков, в добротной шубе с подкладом из чернобурой лисы, в боярской шапке с именным золотым значком на собольей опушке, вышел из палат к народу. К нему подошли Семёнов со служивым сотником Готовым и встали подле, письменный голова – по правую руку, стольник – по левую.

– Ну что, кто первый ябедничать будет? – по-простецки обратился воевода к собравшемуся народу.

Несколько мужиков наперебой стали выговаривать обиды.

– Вы што?! Порядку не знаете? – осадил он людишек, ткнув пальцем в первого попавшегося на глаза, спросил: – У тебя что?

– У меня это, как его, михайловские мужики стог сена с покоса увезли.

– Откуда знаешь, что михайловские?

– Так, санный след в их сторону ведёт.

– Разберись, – наказал воевода сотнику и, обращаясь к жалобщику, недовольно выговорил ему: – Что ж ты, дурья твоя башка, с таким-то мелочным вопросом ко мне лезешь, с такими жалобами впредь к околоточному обращайся.

– У тебя какая ябеда? – спросил он у другого крестьянина.

– Переселенцы мы, вологодские мы, по плотницкому делу мастеровые, по положению; подъёмную помочь бы надобно.

– Придешь завтра, – предвидя расходы, недовольно отрезал Сарыч.

– Так я вчера был, а ты, батюшка, сказал что сёдня,

– Сказал завтра – значит завтра, – отрубил воевода. – Ты чё просишь? – спросил он у другого.

– Разрешение на скобяную торговлю выхлопотать хочу.

– Напиши челобитную, в ней сделай полную отпись, каков товар, откуда, сколько его, где торговать собираешься, кошту мы тебе сами назначим, прошение подашь письменному голове. – Ну, а ты? – обратился он к следующему.

Вдруг, сквозь толпу, словно ломовой, стал продираться взьерошенный мужик, без шапки, в полушубке на голое тело, но в исподних подштанниках и лаптях без онучей на босу ногу. Люди, стоявшие перед ним на дороге, обернувшись, тотчас расступились, и на пяточок перед крыльцом вышел мужик; сзади себя он, как салазки, тянул за длинные волосы бабу. Дотащив свой воз до ног воеводы, он выпустил волосы из рук, и голова её, как мороженая редька, с хрустом стукнулась об утопанную у крыльца наледь.

– Вот! – с бешеными глазами и оскалистой улыбкой сказал мужик, – карай, воевода, клятвоотступницу.

Женщина, почти голая, в расплосованной нижней рубахе, с разбитыми губами, с вытянутыми, как у покойницы, вдоль тела руками, не сопротивляясь и не издавая звуков, лежала, и только часто дышавший живот и глядящие страхом глаза выказывали, что она ещё при памяти.

– Что стряслось, выкладывай по порядку? – выдавший и не такое, невозмутимо спросил Сарыч.

– Сснохалась ссука сс кем-то! – от возбуждения или озноба, бывшего мужика мелкой трясучкой, он заговорил заикаясь. – У, падлюка! – он пнул ногой, обутой в лапоть, бабу по голове и хрипло, с отдышкой выговорил: – Жаль – не поймал варнака, убёг подлец, а эта молчит, не выдаёт ссвово дружка, сстерва, как я её только не бил.

– Ты уверен, что она прелюбодеяла, или это всё твои домыслы? Может, ты так – скуки ради кулаки чешешь или перебрал вчера, а теперь опохмелиться нечем, вот и лютуешь? – спросил Сарыч у мужика.

– Чего?.. А вчера, есть грех, – мужик виновато оправдался, – было маенько – сгульнул в кабаке. Так пока я там был, эта сука и сплутала. Да я её,

подлюку беспутную, знаю, всё норовит подвернуть кому-нибудь, – уверенно подтвердил мужик.

– Значит, говоришь, правёж нужен?

– Нужен?! Нужен?! Отец родной! И што б имя, – он снова пнул бабу и, обращаясь к ней, злобно высказал, – имя ссвово дружка выдала, блядь такая!

– А может быть, закопать её живём? Пусть издыхает медленно, чтоб другим неповадно было, – с иронией в голосе спросил воевода громко, дабы слышала толпа.

Народ одобрительно загудел.

– В землю её – по горло! Всех блядей известь надобно! – кричали мужики.

– Пошто так можно-то?! Невиновна она! Напился и куражиться! – жалели и оправдывали несчастную жёнки.

– Глотов! – приказным тоном обратился Сарыч к сотнику, – волоките эту бабу на позорное место и выдайте ей двадцать батогов – за распутство.

– Зараз устроим, – с удовольствием ответил служивый и кликнул стрельцов.

Двое уже в летах ратников, вмиг смекнув, что от них требуется, деловито подошли к бабе, со знанием дела взяли её за руки-за ноги, оттащили несчастную на дощатый помост и привязали её руки и ноги к жердинам. Пока один скидывал с себя кафтан, чтобы не упреть при исполнении наказания, другой с треском разорвал на бабе со спины рубаху.

– З-зачем оддёжку попортил? – немного заикаясь, спросил стрелец, который скинул кафтан.

– По нагому-то мясу позабавней будет, чё тряпье-то колотить, всё равно после правежа – одни кровавые лохмотья останутся, – очень громко прокричал другой.

Толпа обступила помост в ожидании зрелища, по народу пошли разговоры:

– Не выдюжит она, помрёт.

– Ничего ей не сдеется, бабы – они, как кошки, живучи.

– А может, она ведьмака?

– Эээ-хх! – с громким выдохом стрельца, со свистом чиркнув воздух, в мясистое тело шлёпнулся первый удар палки.

– Эээ-хх! – второй удар, и видно было, что бьёт служивый с удовольствием, остервенело, как свою, словно сам застал её с полюбовником.

Женщина от каждого удара палкой изгибалась, как издыхающая рыба, насколько ей позволяли путы, и утробно, изнемогающе охала. Кто умел вести счёт, дружно, многоголосно считали: «три, четыре», кто не умел считать, загибали пальцы: «пять, шесть».

При виде расхристанного родного тела да того, что бьёт его родную жену

не он, а кто-то другой, мужик спохватился, подскочил к стрельцу и перехватил руку исполнителя на седьмом ударе.

– Не моги! – закричал он. – Моя баба, и только я вправе бить её!

Толпа охнула, стрельцы недоумённо уставились на придурковатого мужика.

– То бей, то не бей, – обиженно сказал тот, который рвал рубаху.

Все ждали, что будет дальше. В дело вмешался воевода:

– Что, жаль бабу стало? – спросил он у мужика.

– Сам бил – не жалел, а со стороны поглядел, так всё сердце от скорби кровью облилось, ежели помрёт, куда я с детишками-то один.

– А как же быть с остатними батогами? – поинтересовался Сарыч у бедолаги. – Суд – дело правое, и отменять своё слово я не собираюсь.

– Твоё слово, воевода – закон, так держи его, – спокойно сказал мужик, скинул с себя полушубок и лёг поверх привязанной жены на помосте, поудобней расположился на мясистом теле своей бабы, обнял её крепко руками и затих в ожидании.

Довольные продолжением потехи людишки загалдели, заулюлюкали, на мужика посыпались издевательские выкрики:

– Смотри, как ладно устроился!

– Теперь он сам своей палкой добивать её будет.

– А стрелец понукать его – по жопе, чтоб шевелился.

– Давай заканчивай, – нетерпеливо прикрикнул воевода, он отвернулся от толпы и, поднимаясь по ступеням крыльца, сказал негромко: – Вот и поделом ему, нечего домашние дразги на суд людской выносить, а остальных я завтра приму, на сегодня им веселья хватит, – и зашёл в хоромы.

– Восемь, девять, десять, – продолжили счёт в толпе.

Услышав своё имя, Артём очнулся от своих дум и увидел, что с крыльца зовёт его письменный голова:

– Айда, воевода ждёт нас! – прокричал ему тот, поманив рукой.

Артём поспешил за Гаврилой, и они вместе прошли через прихожую в воеводские хоромы. Зайдя с дневного света, Артём не успел оглядеться и привыкнуть к полумраку палат, он по наитию перекрестился на красный угол и сразу услышал голос:

– Как звать?

– Артём, – сказал он, не поняв, кто его спрашивает.

– Путь за Урал-камень знаешь? – спросил Сарыч.

– Пятый годок за камень хожу, сам все тропочки набил, – ответил Артём, признав сидящего за столом воеводу.

– Какую заботу за камнем имеешь?

– Рухлядь промышляю – лиса, соболь, зверьё мелкое – белка, кунница.

– Сколько вёрст до верховьев Туры?

– А кто их считал, восемь-десять дён – пешим ходом, а бывало, и за семь деньков управлялся – ежели шибко торопно.

Сарыч прикинул в уме и одобрил:

– Значит: туда и с оборотом сюда три недели получается, годится, а конный проехать сможет?

– По лету я верхом на лошади езжу, а зимой на лошади не пройти, нет, не одолеть снежные глубокие перемёты на коне, на ходунках-то оно сподручней будет.

– Ты знаешь, что это государево дело? – жёстко спросил Сарыч.

– ... – Артём кивнул головой.

– Ежели знаешь – то смотри, чтоб без обману было, а не то с тебя все шкуры спустим. И с поручителя твоего – спрос будет, – он строго зыркнул на Гаврилу Семёнова, – вы оба теперь в ответе. Уяснили?

– Взялся за гуж – не говори, что не дюж, – неуверенно ответил вслух Артём, а сам подумал: «Лихое дело – царский указ исполнять».

– Ну, коли так, даю тебе двух стрельцов с пищальми и приказного писаря, – он кивнул головой на молодого паренька, стоявшего за аналоем. – Нынче же, – продолжил говорить воевода, – вам следует пройти через камень, приглядеться к местам, посчитать переправы, мостки, и обязательно прикиньте, сколько вёрст до Туры. Мешкать нельзя, отправляться надобно завтра, край на другой день. Всё, что потребно вам будет в пути, я выделю за счёт казны. – Он оглядел присутствующих и, удовлетворённо хлопнув рукой по столешнице, сказал: – Всё! Есть стовор. Значит, на этом и порешили. Пиши, Юшка, отписку в приказ, что знаток дороги за Урал-Камень сыскан. Как тебя там по полному звать-величать? – спросил воевода у Артёма.

– Артёмий, Сафонов сын, – ответил он.

– Ну, а прозвище у тебя есть?

– Есть, Бабин,

– Отчего так?

– Из-за бабы с братом дрались, так нас и окрестили Бабины – Артём и Фома.

– Не гоже в отписке к царю обзывать по-таковски, – он немного подумал и сказал, – пропиши его, Юшка, так: Артемий Бабинов, без отчества, житель деревни такой-то, откуда ты?

– В Верх-Усолке живу, – подсказал Артём.

– Вот-вот, напиши так: житель деревни Верхняя Усолка.

С этого часа жизнь Артема пошла другим чередом – другим порядком. Сначала, для верности, Сарыч Шестаков и иже с ним, отвели Артёма в острожную церковь, чтобы Артём побожился перед иконами – о правом деле, приложил руку к Святому писанию и поцеловал крест – на верность царю. После чего он был повёрстан на государеву службу, с величанием без

отчества, с годовым окладом в восемь рублей и причитающемуся хлебному довольствию.

Остальную половину дня Артём, Гаврила, Юшка и двое стрельцов – те самые, которые наказывали гулящую бабу – Фёдор и Ероха, готовились к пути. Затарились у ключника в казённых амбарах провизией с расчётом на двадцать дней, запаслись и проверили снасти, надобные в походе, уложили и упаковали всё в подводку и разошлись. Выход на Урал-Камень был назначен на завтра – после обедни.

Вечером того же дня в доме Сафона женщины при свете лучины занимались рукоделием и судачили, мужики за столом обговаривали события последних дней. Дети сидели на печи, игрались и подслушивали, о чём говорят старшие.

– Ох, теперича и панихиду не знамо когда отслужить, – со вздохом, одной рукой раскручивая веретено, другой рукой вытягивая из пучка шерсти на прялке нить, сказала Евдокия.

– Мобыть ещё объявится? – вышивая рушник, робко высказала наивное предположение Полина.

– Утоп он, утоп, – с горечью в голосе заметила Луша. – Корнил, – она опустила на колени вязание и, глянув на образа, перекрестилась, – царствие ему небесное, не к ночи помянутый, повадками всегда беспутен был, так что утоп он, и отпевать его надобно по-православному, на третий день, как стигнул.

– У нас, у пермяков, примета есть: утопленник – к лёгким родам, – теребя шерсть, сказала Прасковья и поглядела на большущий живот Ефросиньи.

– Што милая, тянет? – спросила она у золовки.

Фрося отложила рукоделие и, оглаживая руками свой огромный живот, слабым голосом ответила:

– Разбушевался штой-то, шибко брыкается.

У мужиков за столом разговор шёл своим чередом.

– Как дальше быть с торговым делом Корнила – ума не приложу, – говорил Сафон, – наша Лушка – вертлявая, всё дело может прахом пустить.

– В торговом деле мужикова рука нужна, курица не птица – баба не купец, – поддакивал тестю Петруня.

– А ежели Лушка мужика себе другого найдёт, – предположил Фома, – с её станется, тогда для нас энто дело считай – пропало.

– Я так думаю: следует тебе, тятя, в Соль Камскую перебираться, Лукерья одна не справится, – высказал своё мнение Артём.

– Правильно, и я так думаю, пора съезжать из Чердыни, – подтвердил отец.

Вдруг из женского угла послышался переполох, мужики разом оберну-

лись.

Ефросинья, сидя на лавке, вытянув ноги в долу, вся бледная, с округлившимися очами, держа руки на животе, тихонечко поохивала. Евдокия, как квохча, всплескивая руками, выговаривала:

– Ох, Господи, началось! Царица небесная, заступись!

Петюня кинулся к жене:

– Што?!.. Што, роднуля – плохо тебе?

Лушка и Праскева, встав поперёд его, заняли оборону.

– Иди, иди отседова, – негрубо оттолкнула Петюню Лушка.

– Шли бы вы все на улицу, нечего здесь пялиться, мы и сами управимся, – сказала Прасковья.

И пошли две тельные бабы стеной на мужиков – подталкивая их к выходу; те, нехотя, оделись и по-одному стали выходить на двор. Петюня, мешкая в дверях, последний, вытягиваясь из-за женских плеч, нервно заминая в руках шапку, с надеждой и сердоболью смотрел на жену.

– Давай, давай иди уж, – нетерпеливо понукнула его Прасковья и вытолкала вон. – Баню затопите! – крикнула она им вслед и захлопнула дверь.

Схватки Фросю отпустили, и она, с чувством вины, притихшая, сидела на лавке и лупала глазами.

– Кажись всё, отступился пихаться, может не сёдня? – вопросительно оглядывая всех, боязно выговорила она.

Евдокия подошла к дочери и со знанием дела стала развязывать на ней все узелки: на рубашке, на юбке, на лаптях. Прасковья, поняв действия све-крови, стала помогать ей, расплела Фросины косы, распустила волосы по плечам. Затем мать осторожно сняла с дочери одежду, оставив её в одной нижней рубашке. Тем временем Луша принесла и поставила на стол хлеб, соль и жбан браги. Мать, взяв Фросю под руку, обвела её три раза вокруг стола, приговаривая:

– Как скоро раба Ефросинья обойдёт вокруг стола, так скоро и родит. Аминь!

Потом Евдокия сняла с божницы икону Божьей матери и обмыла её свежей водой над дном опрокинутого деревянного ведра, затем дала роженице три раза глотнуть с трёх мест с донца ведра воду, поворачивая его по солнцу. Оставшуюся влагу она набрала себе в рот и неожиданно брызнула на Фросю.

– Как вода на лице не держится, так и на рабе божьей Ефросинье ни уроки, ни призоры не держитесь. Аминь! – произнесла она три раза заклинание и уложила дочь на постель.

В это время отец, два брата и зять топтались во дворе на морозе. Петруня, переживая за жену, суетился: то осторожно, стараясь не шуметь, на цыпочках подойдёт к двери – послушает, то подбежит к окну и прильнёт очами к непроглядному, мутному бычьему пузырю, пытаясь что-либо разглядеть.

– Ну чё, как там? – спросил Сафон.

– Тишина пока, – ответил Петюня, побежал обратно к дверям и приложил к ним ухо, – нет, по-прежнему всё тихо, – шёпотом сказал он.

– Пошли в баню, погреемся, чё сопли-то морозить, – предложил Фома, – она, может, до утра не выпростается.

– Айда, – согласились Артём с отцом.

– Я, пожалуй, останусь, – заявил Петюня

– Ну, как хочешь, – сказал Фома, и они ушли.

Только хотел Петюня приложиться ухом к двери, чтоб послушать, внезапно дверь распахнулась, от сильного удара дверью по голове он упал на задницу, ухватился рукой за ушибленное ухо, а на крыльцо из дома выскочила Полинка и торжественно объявила:

– Мамаля наказала, чтоб вы пожар кричали, а то дитё вылезать не хочет, – и тут же убежала.

– Пожар, – нерешительно выговорил Петюня, продолжая сидеть на крыльце. – Горим, – крикнул он чуть громче.

На его слабый крик прибежали Сафон и братья.

– Што? Как? Где? – наперебой, суетясь, оглядывая дом со всех сторон, спрашивали они.

– Полинка сказала, чтоб пожар кричали, а то дитё на белый свет не хочет выходить, – оправдался Петюня.

– Кто ж так пожар орёт, надобно, чтоб взаправду Фроська испужалась, – сказал Фома и заорал во всё горло: – Пожар!! Горим!!!...

Все поддержали, бестолково, но громко загорланив:

– Горим! Горим!..

За полночь всё, слава Богу, разрешилось, родилась девочка.

6. ЛАВИНА.

Перед дальней дорогой человека всегда обуревают беспокойство: вроде бы всё уже обдумал – на сто раз, а смутное чувство, что сделал что-то не так или забыл о чём-то важном, сверлит в мозгу и не даёт успокоиться. Вот и теперь, ведя в поводу свою лошадь, запряжённую в сани-розвальни, в которых сидели его жена и дети, Артём думал и никак не мог понять, что его беспокоит. Он вспоминал и перебирал в памяти события вчерашнего дня и не мог нащупать ту ниточку, тот узелок на ниточке, который обязательно надо распутать, иначе он не успокоится. Пройдя слободу, обоз из двух подвод прошёл по льду замёрзшей реки, выбрался на крутой левый берег и по полевому с перемётами зимнику двинулся к дальнему лесу – в сторону Верхней Усолки. Стрельцы Фёдор и Ероха, привычные к дальним пешим переходам, размеренно, экономя силы, шли след в след подле своей подводы. Фёдор правил вожжами лошадь, а Ероха, прячась от встречного, промозглого ветра, придерживая левой рукой рукоять сабли, шёл за широкой спиной напарника. Юшка никак не мог привыкнуть к шагу стрельцов, он то забежит вперёд, то пристроится сзади и везде ему кажется, что не место; угрюмые, молчаливые стрельцы не обращали внимания на его назойливые вопросы, и Юшка нагнал впереди идущего с подводой Артёма:

– Давно звериным промыслом занимаешься? – придав голосу взрослости, обратился Юшка к нему.

– Сызмальства, – ответил Артём и, осмотрев Юшку с ног до головы, подумал: «Вот и первая моя оплошность...» – Что с рукой?

– Огнём опалил, ничего, пройдёт.

– Недоглядел я, руку надо править, в дальней дороге болячки нам ни к чему, и одет ты по-лёгкому, ладно, до Усолки дойдём – там разберёмся, подберём тебе что потеплее.

Юшка, забыв про напускную солидность, с любопытством и блеском в очах, по-мальчишески стал сыпать вопросами.

К позднему вечеру одолели переход до Верхней Усолки. Вымороженная изба приняла путников холодом и неуютом. Пока топили печь, пока Прасковья варила горячее и налаживала снедь на стол, пока Артём управился со скотиной, Юшка, не дождавшись вечера, не раздевшись, уснул на лавке. Стрельцы Фёдор и Ероха в ожидании сытной горячей жратвы сидели за столом и вяло вели беседу.

– Парень малахольный какой-то, – кося глазами на спящего Юшку, негромко говорил Ероха. Фёдор внимательно смотрел на рот напарника. – Я таких-то знаю, – продолжал Ероха, – с ними всегда в какую-нибудь передрагу попадешь. Такие-то, как энтот, – кивнул он на Юшку головой, – лезут во все дыры и в каждую щель свой нос суют.

– Я в-видел, как с-сотник с воеводским посыльным раз-зговаривали, они хоть и таились, но я по губам разобрал, – занкаясь, перейдя на шёпот, заговорил Фёдор, – они молвили о том, что с этим м-молодым ухо остро держать надобно. М-мол, не просто так он приставлен, а чтоб выведывать и доносить, у него, с-сказывают, гумага есть, в кою он всё зап-писывает, – доверительно поведал товарищу Фёдор.

– То-то я гляжу, он всё с вопросиками пристаёт, что да как. Вынюхивает, паскудник, – почти прижавшись к уху товарища, сказал Ероха.

Пришёл из хлева Артём, и стрельцы свернули свой доверительный разговор. Прасковья наладила на стол, разбудили Юшку, и все сели трапезничать. Быстро наевшись, Юшка приладила с краю стола – под светцом – писать свою бумагу.

«Из Чердыни вышли с рассветом. Прошли двадцать пять вёрст. Дорога до Верхней Усолки наезжена, по лесу узка и извилиста, потребен уход, надобно выправлять и корчевать...»

– Вон глянь? – толкнув в бок Фёдора и указав глазами на Юшку, сказал Ероха.

– Ага, уже чи-чиркает, – в тон ему отозвался напарник.

– А тот глубокий ложок, что после леса перед Усолкой, шибко по весне разливаётся? – обращаясь к Артёму, спросил Юшка.

– В половодье да, но летом напрочь пересыхает, – ответил Артём.

– Значит, мостка не требуется? Так и учтём, – сказал он и принялся писать дальше.

После того, как Юшка дописал, Артём попросил его снять перевязь с руки. Парень, морщась от боли, оторвал присохшую к ране грязную тряпицу.

Артём посмотрел:

– Прасковья, глянь? У нашего писаря рука пропадает.

Жена, взяв Юшкину руку в свою, стала внимательно разглядывать рану. Юшка и Артём ждали, что она скажет.

– Ежели вы завтра уходите, – заговорила она, – то я ничем помочь не смогу, опалина запущена и начала паршить.

– Вот так-так! Нам завтра в путь идти, и как быть? – спросил Артём.

Юшка с вопросом и лёгким испугом в глазах посмотрел на всех.

– Зелье от ожога я приготовлю, – сказала она, подумав, – завтра попробуем остановить паршу и на следующий день уйдёте. Но десница на холоде будет сильно мёрзнуть, а у огня больно жечь. Каждый день надо мазать тем, что я дам, и делать свежую перевязь.

– Денёк потерпеть можно, – согласился Артём.

Юшка с облегчением вздохнул и, соглашаясь, ответил: – И мазать, и пе-

рематывать, всё буду делать, лишь бы никого не подвести.

Следующим после дня отдыха утром, оставив лошадей с подводами на дворе Артёма, уложив провизию и снасти на деревянные салазки с длинными лямками, чтобы тащить их за собой на лыжах, путники вышли в поход, держа направление на поднимающееся над тайгой, тускло горевшее медью солнце. Артём, хорошо знающий этот древний вогульский путик за камень, по ходу продвижения объяснял и рассказывал Юшке особенности пути: где какая долина, как пройти тягунец – не карабкаясь в кручины, пояснял писарю, где нужно поставить мосток, как в болотце выстелить гать и где требуется уложить лежнёвку. Поднимаясь на взгорье, откуда открывался вид на долину или урочище, Артём показывал Юшке местоположение тропы и, как на карте, объяснял, где нужно срезать излучину и как обойти возвышенность. Писарь, учитывая подсказки Артёма, что-то коротко записывал на бумагу, потом делал на стволе ближнего дерева топором зарубу и на светлом срезе стёса надписывал чёрной палочкой, изготовленной им самим из воска и сажи, только ему понятные значки, обозначавшие примерное расстояние и направление пути.

Зимнее утро – позднее, январский день – короток, студёные вечера – ранние, а тёмные ночи – долгие. С ночёвки поднимались затемно. Юшка наблюдал за утренней звездой Авророй: где, в каком месте и на каком расстоянии от солнца она появляется, потом что-то считал, отмечал и записывал в своих бумагах. По восходу этой звезды он определял точное время и своё местоположение. Остальные готовились в дорогу, после плотно ели и с первыми лучами солнца выходили в путь. Весь световой день походники шли без передыха, стараясь одолеть как можно большее расстояние. У Артёма через каждый промежуток одного дневного перехода для ночлега были оборудованы стоянки и сооружены небольшие шалаши, где они и ночевали.

Ежедневно вечером, после жорки, Юшка доставал из-за пазухи походную чернильницу, присаживался поближе к костру, где светлее, теплее и на пере не замерзали чернила, наносил на бумагу примерный маршрут, выводил и рисуя только ему понятные линии, загогулины и названия. Безграмотные Фёдор и Ероха многозначительно подмигивали друг другу, кивали на Юшку головами и перешёптывались, мол, знаем мы, какие кренделя он там выписывает. Уставшие за день, они, тесно прижавшись друг к другу, заворачивались в кафтаны и, по обрётённой за многие годы военной службы привычке, сразу засыпали. Артём, плохо знающий грамоту, глядел в Юшкины бумаги, но толком ничего не понимал. Он видел, как парень, преодолевая боль от незаживающей раны на руке, с великим упорством брался за письмо на морозе, и ещё с большим уважением стал относиться к этому хлипкому, терпеливому, грамотному писарчуку.

На четвёртый день пути, когда Артём с товарищами начали долгий подъем по тягунцу на перевал, в спину путников подул усиливающийся ветер.

– Не успели, – с огорчением заметил Артём, – скоро так запуржит, что и зги не увидишь, надо место для стана подыскивать, дай Бог, чтоб непогода недолгою была.

Прибавив ходу, они обогнули скальный отрог и зашли в неглубокое ущелье между двух пологих круч, где за подветренной невысокой скалой сразу нашли благоприятное место для стана. Юшка побежал ниже по склону очищать лапник с чахлах елинок для подстилки и на кровлю времянки, Артем крепил жерди для шалаша, вырубленные здесь же; он время от времени поглядывал на надвигающуюся тучу и поторапливал напарников:

– Живей! Живей, ребята!.. Зараз начнётся кутерьма!

Стрельцы свалили сосновую сухарину для костра и, не теряя времени на разделку, корячась, надрывая пупки, подтащили её целиком к строящемуся шалашу, чтобы во время ненастья не бегать далеко за дровами. Для прочности Артём уложил четыре пары лыж на скаты кровли, обложил их лапником и, когда выстилал последние ветки внутри, порыв ветра бесновато рванул, задирая лапник, и понёсся шквалом по заснеженным склонам, подгибая редкие чахлые деревца. Сильный ветер, срывая с наста снег, запуржил плотной стеной, закрутил позёмкой, и непонятно было, откуда летят эти обжигающие, режущие, как тысяча мелких колючек, снежинки.

Костёр, так и не успевший по-настоящему разгореться, задуло, засыпало снежной пурхой. Дневной свет притух, и на расстоянии двух аршин ничего нельзя было разглядеть. Артём, Юшка, Ероха и Фёдор забились в тесный шалашик, без горячего погрызли сухари и, пережидая непогоду, завели разговоры.

– Отчего оглох-то? – обратился Артём к Фёдору.

– То я повинен в его убогости, – живо откликнулся Ероха. – Ране-то мы пушкарями служили, вот я с зельем-то и перестарался, – он кивнул на друга и продолжил говорить, – Фёдор-то запальщиком был, а я заряжал. А пушку взяло да и разорвало, от переизбытка разрыв-травы... С тех пор он плохо слышать стал, оглох малость, а что не понимает, то по шевелению брыл угадывает, оттого и смотрит так на говорящего.

– Расскажи, Ерофей, поподробней, дюже как люблю, когда про войну сказывают, – попросил Юшка.

– Нас с Федькой, – плянув на друга, начал свой рассказ Ероха, – определили служить в Иван-крепость на реке Нарове, а напротив, по другому берегу той самой речки, стоит ливонский замок с высокой башней под названием Длинный Герман. Наша-то крепостца приземистая, но могучая, а их замок повыше, но стенами похлипше. А война та была и не война вовсе, а так, противостояние одно, кто кого пересидит. Вот от скуки и от нечего делать мы и затевали всякие разные потехи, у нас с ливонцами уже в обычае было: то обиду покричим друг другу со стен, утром-то по реке далеко слышно, то они

нам жопы покажут, то мы им хер вывалим, или наоборот, это значит: они на нас серут, а мы на них ссым.

Федька внимательно глядел на лицо друга и широко улыбался, вспоминая вытворяемые ими проказы.

– Ну, а после того, как наорёмся и вдоволь натравимся, – продолжил свой рассказ Ероха, – в острастку по разу из пушек друг по дружке стрелим, на этом и остановимся. Токмо, то ли наше зелье сыроватым было, то ли пушки у них лучше били, их железное ядро аккурат нам в стену шмякалось, а наше, каменное, до их замка не долетало – в воду реки брякалось. Вот я каждый день и прибавлял по чуть-чуть зелья, чтоб по стене ихней как следует влечь. И уже почти добился своего, но не вышло, в очередной раз пушку в клочки разорвало так, что отлетевшим затыльником пол-нашей противоположной стены разворотило. Я то успел убежать, а Фёдор нет, его аж на саженой десять огненной волной шибануло, как не убили? Вот с тех пор он глухой и заикается. Нас с Фёдкой тогда за разрыв пушки и за порчу стены палками наказали, из пушкарей разжаловали и отправили в полудённую сторону на войну с крымским ханом Давлет-Гиреем, чтобы служба мёдом не казалась. Вот там-то мы страху натерпелись: басурманские нехристи – шибко жестокие люди, да и не люди вовсе, а одно поганое слово – янычары.

– Кто такие? – заинтересовался Юшка.

– Звери они лютые, – пояснил Ероха и продолжил: – Ливонцы железными ядрами палят, мы – от скудости – каменными булыжниками стреляем, а татары – головёшками...

– Как так?! Какими головёшками?! – не отставал с вопросами Юшка.

– Человечьими. Какими же ещё, – притворно-возмущённо воскликнул Ероха, а сам незаметно хитро подмигнул Фёдору и начал объяснять подробней, показывая на Юшкиной голове: – Вот у тебя башка, ежели уши и нос отрезать, в самый раз за ядро сойдёт. Такой гостинец ежели прилетит, так почище ядра жути нагонит...

Вьюга воеет, позёмка метёт, время тянется долго, вот уже и поспали, а непогода не утихомиривается. От безделья, когда занятия нет, от уныния спасает беседа. Фёдор и Ероха рассказали свои побасенки, черёд дошёл до Артёма, немногословный, по-мужицки косноязычный, он только отмахнулся:

– Какой из меня рассказчик, мне с Ерохиным словоблудием не сравниться.

– Давайте, я расскажу, – напросился Юшка.

– А, ч-чо ты з-знаешь, – полюбопытствовал Фёдор.

– «Повесть временных лет» знаю, «Хожение игумена Даниила» знаю, «Слово о законе и благодати», «Повесть о погибели земли русской», «Хожение за три моря». И ещё много чего.

Все от удивления переглянулись, раззявив рты.

– Отткуда?! – спросил Фёдор.

– Книг много прочитал, – не без гордости ответил Юшка.

– Так давай, не тяни, рассказывай, – с нетерпением попросил Ероха.

Юшка начал рассказывать свою любимую повесть о путешествии Афанасия Никитина.

«В лето 6977. И поидох вниз Волгою, и придох в монастырь Колязин ко Святой Троице живоначальной и к святым мученикам Борису и Глебу...»

Непогода бесновалась день, вечер и всю ночь. Шалаш занесло, завалило снегом по самую макушку, что и не заметишь. Утром, проснувшись и не услышав завывания вьюги, Артём, растолкавшись в тесном шалашике, вылез наружу, за ним по-одному выбрались и остальные. Пурхаясь по пояс в рыхлом снегу, ночёвщики огляделись. Стан занесло снегом на два-три аршина, сухарина, которую притащили Фёдор и Ероха, еле угадывалась под снежным покровом, салазки с провизией и снастями занесло так, что и не видно.

– Ну што, откапываться будем? – спросил Артём и нащупал рукой под толщей снега на кровле шалаша лыжи и, как лопатой, пятой ходунка начал разгребать замёты, и все остальные разом, без суеты зашевелились – каждый зная своё дело. Разгребли место под кострище, откопали салазки и расчистили ствол сухарины.

Фёдор принялся рубить дрова, Юшка складывал костерок, Ероха доставал из мешков снедь, Артем зачерпнул в котелок снега и пристроил его над кострищем. Подняв голову, он глянул на рассветное небо. Здесь, на середине склона, за прикрытием другой горы ещё было смурно, но на гребне высокой кручи, под которой они находились, в лучах восходящего солнца маковым цветом сверкал снег. Артём засмотрелся на красоту, залюбовался, заслушался тишиной, а снег под ногами у Юшки – скрип-скрип, у Ерохи ложки, плоски, котелок – бряк-бряк, и топор Фёдора – тюк-тюк, отдавались звуки эхом в горах. «Хорошо», – подумал Артём и сразу услышал странный шорох, будто где-то зашевелись тысячи змей – шурша чешуёй и шипя жалами. Он перевёл взгляд на холм и...

«О Боже! Обвал!» – вскрикнул он мысленно. А сам продолжал стоять и смотреть, как заворожённый. Намётанный на вершину снежный карниз срезался по склону, и лавина, набирая ход, множась и ускоряясь, клубясь снежной пылью, неслась на него.

– Обвал!!! – заорал он и бросился к шалашу под скальную стену.

Юшка и Ероха, быстро сообразив, что к чему, побросав всё, опрометью бросились за ним. Полуслухой Фёдор, не услышав крика Артёма, продолжал тюкать топором.

Гул нарастал. Артём, Юшка и Ероха из-под навеса каменной стены не видели обвала, но чувствовали мощь приближающейся лавины по мелко вздрагивающей скале, к которой они прижались спинами. Друзья кричали

Фёдору, махали руками, но он, увлечённый работой, не слышал, не замечал их стараний и продолжал разделять сухарину. В отчаянии и злобе на друга Ероха матюкнулся и кинулся к Фёдору из-под спасительного укрытия. Взметнувшийся над уступом снег полетел над головами Артёма и Юшки, опылая их с ног до головы. В последний миг, когда первая волна обрушилась на стан, они видели сбитого с ног, кувыркающегося Ероху, мелькающие его руки, ноги.

– Шевелись, Юшка!.. Топчись и крутись на месте!.. Как по дробине, перебирай ногами! – громко кричал Артём, стараясь переорать шум обвала.

Внезапная тишина испугала их: Юшка и Артём, по грудь присыпанные снегом, выкручиваясь телом, брыкая ногами, выползли наверх и остолбенели от безмолвия, от тишины, какая повисла над бедовым местом.

Сорвавшаяся с кручи лавина пронеслась по склону, взлетела со скалы, под которой прятались путники, пролетела над ними, снесла кровлю у шалаша и всей своей огромной массой из камней, снега и обломков деревьев ударила, похоронила под собой всё, что было внизу, и огромной, природной плотной перекрыла ущелье. А теперь, натворив дел, натешившись, наигравшись своей необузданной мощью, она успокоилась, затихла, словно пристыдилась за свои проказы.

– Глянь, Артемий, ходунок торчит! – радостно прокричал Юшка и побёг вытягивать лыжу, раскачав её за гнутый конец, он выдернул её и восторженно заорал. – Целая! Не битая!

– Тише ты, чё разорался? – прикрикнул на него Артём.

Юшка непонятливо повертел башкой и глупо уставился на Артёма.

– А чё тише-то? – спросил он шёпотом.

– Может, кто голос подаст.

– Ааа, – догадался писарь и, сняв шапку, стал чутко прислушиваться к тишине и услышал.

– Кажись, корова мычит, – тихо сказал он.

– Где? – спросил Артём и кинулся к нему. – Где?! Где?! – он выхватил у Юшки ходунок и, торопясь, стал разгребать снег там, куда показал Юшка.

Ероху откопали скоро, живой и невредимый, он долго отплёвывался, отсмаркивался, прокашлялся и вдруг, от радости, что при животе, засмеялся гогогом и понёс матом:

– Вот курва! Штоб её сказило!!! Гы, гы, гы... Как она меня, сука, шибанула! Я и ...!!! – он враз осёкся и, с надеждой глядя то на Артёма, то на Юшку, спросил: – А Федька где?.. Он же здесь был?

– Надо искать, – сказал Артём.

– Федя?! Федя?! – Ероха пополз на коленках по завалу, прислушивался и звал друга: – Федя? Дружка мой, откликнись?

Юшка догадался, сбегал в обвалившийся шалаш и принёс два шомпола

от пищалей, ими, как щупами, они обследовали весь завал, насколько хватало длины шомпола, и нашли ещё пару ходунков, одни салазки и медный котелок. Весь день они искали, истыкали шомполами каждый аршин обвала, прислушивались к звукам, приглядывались, не шелохнётся ли где снег, но Фёдора не было – ни живого, ни мертвого. И когда вечерняя заря последним своим отблеском чиркнула по макушке самого высокого камня, и ночная непроглядная мгла накрыла горы, Артём, Юшка и Ероха отступились от поисков. Уставшие, замёрзшие, голодные, без разговоров, молча, каждый думая о своём, развели огонь. Ероха из заплечного мешка, который он таскал всегда с собой, а когда спал, клал себе под голову, достал кусок сала и немного сухарей. Молчали. Сало сварили, в наваре размочили сухари, единственной оставшейся деревянной ложкой по очереди хлебали из котелка тюрю. Молчали. И даже вездесущий Юшка не лез с вопросами, молчал. Каждый думал своё и понимал, что разговор будет и разговор будет тяжёлым. Первый не выдержал Ероха:

– Завтра я его опять буду искать, – глядя куда-то поверх костра, уверенно сказал он.

Артём ничего не ответил на заверения стрельца, знакомо ему это было – терять друга, от того и молчал, понимал, что Ерохе выговориться надо, выплеснуться, излить боль из души, и сейчас говорить стрельцу, как он решил поступить далее, не стоит.

«Тяжело придётся им, – думал Артём. – Обвал за один день не раскопашешь, лавина завалила ущелье снегом на аршина три-четыре, да по ширине аршин двадцать, здесь и за неделю не управиться. Жратвы нет, мороз крепчает, вон как небо вызвездило, крещенские холода пришли, к утру всё так выхолостит, что земля зазвенит. И возвращаться смысла нет, надо завтра же идти вперёд. Через два дня пути на восход Лялинский юрт будет, делать нечего, придётся навестить старого друга Яшку».

– Нельзя оставлять так, не по православному это, зверьё найдёт, обглодает, – настаивая, доказывал своё Ероха.

Артём зачерпнул ложкой варево, хлебнул, жуясь, передал ложку Ерохе, тот отмахнулся и зло сказал:

– Всё! Сыт! Наелся!

Артём передал ложку Юшке.

– Доедай, – спокойно сказал он и, завернувшись в тулуп, улёгся спать. – Завтра разберёмся, утро вечера мудренее, – послышался его голос из под тулупа.

Юшка, доскрёбывая остатки тюри из котелка, виновато, осторожно поглядывал на Ероху.

Стрелец, подшуруживая палкой в костре, ни к кому не обращаясь, заговорил:

– С Федькой-то мы, как братовья водились, с измальства вместе... Горе

и радость – всё пополам делили. Родители наши холопами князя Андрея Михайловича Курбского были, мой тятка конюхом да на извозе при боярине держался, а Федькин отец истопником в княжих палатах числился. А когда князь к польскому кролю Сигизмунду перекинулся, царь Иван Васильевич Грозный шибко на него озлобился и наказал своим опричникам, чтоб всех домочадцев живота порешили... Вот мы с Федькой тогда жути натерпелись... Когда опричники на дом князя налетели, мы с Федькой-то в подклеть спрятались и всё своими очами видели, как боярыню и сына убивали, а младенца княжеского новорождённого Алёшка Басманов с одного раза об стену грохнул. Потом порубали саблями всех мужиков, а баб, мамок наших и сестёр донага раздели и гонялись за ними по двору, как за курами, ловили, насильничали, били палками, саблями брюхи резали и... – он сплотнул комок слёзного удушья и, махнув рукой, еле договорил: – Вобщем, убили всех! И правых, и невинных... А мы на то смотрели, – продолжил он чуть позже, – слезьми умывались, а поделать ничего не могли... После расправы подались мы с Федькой в люди; ох, и горька доля сиротская, натерпелись мы горюшка – намаялись. Голодали, просили милостыню, воровали и не раз биты были нещадно. Но есть всё же Бог на свете. Не дал нам пропасть купец один, Евсей Капитонов – царствие ему небесное, не к ночи будь помянут. Пожалел, пригрел нас, и жили мы при нём в услужении, работали от зари до зари, но зато сыты и в тепле. А когда подросли, по-мужицки окрепли, отдал нас Евсей, вместо своих сынов, на службу царскую, вот купец-хитрец – всё задолго наперёд просчитал за нас, с тех пор мы и определены на казённые харчи...

Уснул Юшка, а стрелец ещё долго говорил, вспоминая прошлое.

Крепкий мороз не дал Артёму выспаться. Костёр еле тлел. Ероха, сидя у прогоревшего огня, дремал, клюя носом. Юшка, закутавшийся с головой в шубу, спал и от холода лязгал зубами. Артём стаскал остатки шалаша в костёр, стал греться, протянув руки к огню. Схватившееся от елового лапника большое пламя обжигало, но не прогревало до нутра. Артём поочерёдно подставлял под жар бока, спину и всё равно не мог согреться.

Ероха очнулся от дремы.

– Там, в низинке у ручья, – неожиданно заговорил он, – я виячюк приметил, утро поднимется – пойду, лозы нарежу.

Артём вопросительно посмотрел на него.

– На трёх ходунках мы далеко не уйдём, надо две пары снегоступов сплести, – пояснил Ероха свою затею. – Ежели останемся искать Фёдора, – продолжил он скорбно, – силу и время потеряем, а без доброй жратвы мы скоро ослабнем. Ныне мороз и бескормица зверя с гор в леса загнали. Надо идти либо назад, либо вперёд, авось, Бог даст, какого зверя подстрелим.

– Здесь, через два перехода на восход вогульское стойбище есть, там живёт один мой давний знакомец, должен помочь, – высказал свои мысли

Арте́м.

– Значит, так и порешили: идём вперёд. – согласился Ероха. – А Фёдора я всё равно потом найду и похороню по-православному.

7. СТАРЫЙ ДРУГ.

Вместе с Яшкой в вогульское стойбище Лялинский Юрт пришёл мор. За один год в племени вымерла половина населения. Старейшины думали, гадали, решали, отчего такая напасть и по-одному, друг за другом умирали. Главный шаман племени камлал, бил в бубен, выпив настоя из поганых грибов, общался с духами; впав в забытье, он пытался узнать у живущих по ту сторону времени, кто повинен в беде, и вскорости тоже помер. Некоторые мужчины, переболев, выживали, но полноценно спать с женщинами уже не могли. Несмотря на то, что у Яшки умерли почти все родственники, его самого никакая хворь не брала. Многие люди в стойбище поначалу относились к нему, как к прокажённому, чурались его, осуждали убийцу брата, обходили стороной его дом. Человеку, прожившему у русских несколько лет, не доверяли. Соплеменники догадывались, что именно он привёл в стойбище смерть и повинен в гибели людей. Некоторые хотели даже убить его, но не нашлось смельчака, который смог бы это сделать. Когда Яшка догадался, что ему грозит смертельная опасность, он не стал ждать неприятностей со стороны недоброжелателей и приступил к решительным действиям. Зная о животном страхе своего народа ко всему непонятному, Яшка присвоил себе имя «чёрного шамана», повесил в ухо оловянный православный крест и каждый день на утренних и вечерних зорьках стал бить в бубен. Он по-своему представлял общение с Христианским Богом и бестолково вопил без разбору – какие помнил – слова из русских молитв. Своими действиями Яшка навёл такой страх на своих суеверных соплеменников, что по округе пошли слухи, будто он перенял от русичей некую шайтанову силу, которая может осилить всё. А сам Яшка, видя успех своих действий, всем говорил, что за него стоит русский Бог, который оберегает его и умертвляет всех, кто желает ему зла. А молится он неустанно и просит русского бога о том, чтобы мор ушёл из стойбища. И действительно, вскорости смерть отступилась косить насельников юрта направо и налево, приутихла, спряталась на время в каждом вогуличе в ожидании благоприятного часа, чтобы потом возродиться с новой силой. Эту нечаянную, временную победу над злыми духами Яшка присвоил себе. С тех пор тёмные, боязливые соплеменники потянулись к самозванцу, «чёрному шаману», кто с советом, кто с просьбой, а кто просто поговорить с мудрым Абакином, который видел каменные юрты русских высотой с самую высокую лиственницу в тайге. За четыре года Яшка раздобыл, стал важен и обзавёлся второй женой, за которую он даже не отдал выкупа, потому как она была старшей его приёмной дочерью, но ему этого было мало, и он уже вожаделенно поглядывал на другую, младшую падчерицу, да из дальнего лобвинского юрта пришла весть, что богатый человек хочет сосватать её своему сыну в жёны.

В низенькой тесной зимней юрте Абакина собрались оставшиеся в живых старейшины и самые знатные охотники. Под предлогом спросить совета у уважаемого Абакина – будет ли нынче весна ранней – они просто пришли поговорить о том, как живут москвиты.

Яшка, чувствуя к себе уважение соплеменников, с удовольствием рассказывал о нравах другого народа. Как на Руси живут, как молятся в храмах, какие у них красивые бабы и какой они делают вкусный хлеб. За четыре года, что Яшка прожил в родном юрте, он уже не раз рассказывал все истории, что приключились с ним на чужбине, и даже многое добавлял от себя, что делало его воспоминания красочней и интересней. И каждый житель стойбища, от мала до велика, знал всё, что говорил Яшка, наизусть, и всё же долгие зимние вечера лучше коротать за приятной беседой, и, как только раннее холодное солнце опускалось в бесконечную парму, к Яшке приходили люди поговорить.

– В русскую баню заходишь – всё одно, что в кипящий котёл попадаешь, – не торопясь, растягивая получаемое удовольствие от своих умных слов, рассказывал Яшка.

На земляном полу в обложенном речными камнями чувале мерцали, переливаясь огненными всполохами, угли, дым сизо струился, поднимаясь вверх, и уходил в небольшую дыру в кровле. Люди слушали Яшку и думали, как странно живут эти русские, и казалось им, что та, чужая жизнь беззаботна и легка, как в сказке.

Артём, Юшка и Ероха подошли к лялинским юртам ещё засветло. Голодные, промёрзшие, не решаясь вблизи стойбища разводить огонь, не выказывая себя, они в прибрежном логу просидели до вечера. Дождавшись, покуда сгустятся сумерки, Артём тихо, сторожко пробрался к крайней избушке, у которой ещё ранее при свете дня заметил Яшку, когда тот выходил по надобности из своей приземистой юрты. Прижавшись к тыльной стене вогульской полуземлянки, Артём осторожно вытащил пучок мха из небольшого отверстия отдушины и явственно услышал голос Яшки. Не зная чужого языка, он понял, что речь вогул ведёт о своём прошлом житье у русичей; понятные слова «баня, хлеб, баба» то и дело проскакивали в Яшкиной речи. Хоронясь за стеной сруба, Артём продрог, у него от голода подвело кишки, а долгим разговорам вогулов не было конца, и тут он услышал понятные каждому русскому слова. « Фот, такие дела – на куй!» – сказал Яшка, и гости одобрительно засмеялись, и, судя по начавшемуся движению внутри избушки, Артём понял, что все собрались расходиться.

– Яков? – тихо окликнул Артём вогула из-за угла, когда тот, проводив гостей, стоял у порога юрты и хотел уж было вернуться внутрь.

Яшка, услышав окрик, от неожиданности слегка присел, но, переборов в

себе страх, осторожно пошёл на голос.

– Да ты не робей, шайтанья твоя душа, то я – Артём, – сказал он и вышел из укрытия.

– Козяин, – от изумления еле выговорил вогул.

– Да кто ж тебя так-то ещё окликнет... Ну, здорово, што ли, – он пожал руку вогула и обнял его ненастойчиво.

Яшка растерянно, но с радостью, улыбаясь беззубым ртом, путано заговорил:

– Моя о твоя думала, но совсем не ждала.

– Я тоже не чаял встретиться, но так уж вышло... помощь мне твоя нужна...

Яшка, от волнения не вспомнив нужных русских слов, сказал что-то на родном языке и, отмахиваясь, мол, потом-потом поговорим, настойчиво потянул друга в юрту.

– Да ты погоди, – Артём негрубо отвёл Яшкину руку. – Не один я, со мной ещё двое, там, в логу ждут, – сказал он доверительно.

Вогул подумал немного, затем открыл дверь юрты и гортанно проговорил что-то в полумрак избушки, ему с готовностью ответил женский голос. После короткого разговора с женщиной он, довольный и улыбчивый, весело скомандовал Артёму:

– Айда, – и, прикрыв дверь, решительно пошёл первым в сторону лога.

За трапезой гостям прислуживала престарелая женщина. Она молча выслушала приказания хозяина и тихо, безмолвно приступила делать свои женские обязанности. В первую очередь, она принесла из закути кусок берёзовой чаги и, подпалив его огнём, обнесла гостей. После того, окурив инородцев священным дымом, силой которого изгонялись злые духи, она открыла входную дверь и, махая чагой, прогнала духов прочь из избы. Покуда хозяйка готовила варево из дикой козлятины, резала строганину из хариуса, накрывала на разостланную оленью шкуру перед гостями нехитрые закуски, Артём и Яшка оживлённо беседовали, вспоминая прошлое.

– А помнишь, как ты меня в бане палил, веником бил? – коверкая русские слова, спрашивал, улыбаясь, Яшка.

– Помню, всё помню, и как ты калачи воровал на базаре, и как учил меня шкуры выделывать, – вспоминая, говорил Артём.

Юшка слушал разговор хозяина с Артёмом и с любопытством разглядывал вогула. Украшенные бусинами и цветными лентами две косички мужчины смотрелись чудно и непонятно. В ушах у Яшки также были украшения: в одном ухе татарский серебряный алтын, в другом оловянный православный крестик, на шее болталась жилка с нанизанными вперемежку медвежьими когтями и клыками. Внутреннее убранство хижины представляло собой избу-

землянку с земляным полом, с обложенным речными валунами открытым костерком для обогрева и приготовления пищи. У входа в жилище стоял, высотой с аршин, деревянный идол, предохраняющий от злых духов, дабы они не проникали в дом. Другой божок – родовой тотем, находился в углу, где по православному обычаю должны были быть иконы. В противоположном углу от шаманской божницы висел широкий полог из оленьих шкур, из-за которого время от времени появлялось округлое, с узким разрезом глаз лицо. Догадываясь, что за пологом находится женская половина, заинтересованный Юшка украдкой поглядывал в сторону занавеса.

Всё было в диковинку Юшке: быт, одежда, облик чужеродного народа. Он во все глаза смотрел на всё и запоминал, чтобы потом записать увиденное в свою грамотку.

Варево приготовилось, и женщина, выудив большой кусок козлятины из казана, нарубила его ножом на равномерные куски и сложила горкой в глубокое деревянное блюдо, поставила его и казан перед гостями и, не сказав ни слова, ушла за занавесь на женскую половину.

Козлятину ели руками – выбирая куски прямо из блюда, запивали еду мясным отваром – черпая его деревянными плоскими из казана. Сетуня на недосол, бесхлебье и скудость блюд, Ероха с завидным обжорством набивал живот сытной, но вонючей козлятиной. Юшка, привыкший к бедной монашеской жизни, соблюдал пост, ел только строганину, ягоды и копчёную рыбу.

Яшка, любивший поговорить с умным человеком на равных, сдержанно, как и полагается уважаемому вогулу, не торопясь, ел и вёл беседу с Артёмом:

– Я теперь, однако, короший человек, – гордо говорил Яшка, – моя теперь весь юрт слушает. Все плокие людишки здохли – а я живу... Две баба есть, олень есть, всё есть. Давно было, когда каждая собака на меня лаяла, а теперь ластятся все, потому как я умный, у лусских жил – много чего видал. А у тебя как дела? – спросил он неожиданно.

– Родители мои живы-здоровы, с Прасковьей всё хорошо, детишек двое растут, живём не тужим, слава Богу, – просто, без хвастовства ответил Артём.

– Зачем в парма людей ведёшь? – подозрительно спросил Яшка.

– По царёву указу: большую дорогу от Чердыни буду за камень до верхов Туры налаживать, вот пришли приглядеться, что да как, – честно рассказал Артём вогулу государев план.

– Дологу, стало быть, ладить, на лошадак, значит, туда-сюда ездить, остлог ставить, – Яшка задумался.

– Да ты не переживай шибко-то... – успокаивающе заговорил Артём. – Мы все одно от Сибири не отступимся, лучше вам с нами в ладу жить, а ежели препятствия станете чинить, мы с ружьями придём, – он погладил рядом лежащую пищаль и со значением договорил: – Так своим и скажи.

Яшка внимательно выслушал Артёма, почесал бороду, пожевал беззу-

бым ртом, решил что-то сам про себя и продолжил заносчиво бахвалиться:

– Знаешь, как я живу, меня все слушают, – он что-то сказал в сторону женской половины, и из полумрака на свет огня одна за другой вышли три женщины: первая старая, та, которая прислуживала, вторая молодая, испуганная и забитая, на вид лет пятнадцати, а третья совсем ещё девчушка, немного старше десяти годков.

– Моя баба! – оттолкнув старую, Яшка, ухватив за рукав супа молодуху, подтянул её на свет от очага и, оглаживая женщину, поворачивая её из стороны в сторону, как на торге, цокнув языком, сказал: – Молодая, класивая, Надия зовут, – он дернул завязки из оленьих жилок на ворота супа – распустил узелок, растянул шнуровку и скинул с плеч до бёдер верхнюю часть её одежды.

Обнажённые бабьи сосцы столь малой величины ничуть не смутили Ероху: наглядевшись за свою жизнь всякого, он невозмутимо сидел и продолжал жевать мясо. Артём вежливо отвёл взгляд в сторону, а Юшка, не поняв, что произошло, несколько мгновений смотрел на девичью грудь, как замороженный, и, спохватившись, смутился, покраснел, зажмурил глаза, а в голове мелькнула строчка из повести Афанасия Никитина: «А жёнки их ходят, голова непокрыта, а сосцы голы, да фата на гузне». Он украдкой перекрестился и прочитал про себя короткую молитву, разгоняя грешные мысли.

Яшка, приложив ухо к обнажённому, уже округлившемуся женскому животу, ласково произнёс:

– Коросая баба, красивая, – послушав, шевелится ли дитё в утробе матери, Яшка, довольно улыбаясь, изрёк: – Скоро маленький будет! – он сальной рукой погладил, помял женскую грудь и мечтательно заявил: – Ежели сын будет, Аскером назову, батыр значит! – и, продолжая ласкать и оглаживать женщину, неожиданно спросил у Артёма: – А кочешь, я тебе свою старую бабу дам? Она у меня шибко голодная до мужика. Кочешь?

– Зачем? – растеряно переспросил Артём и, сообразив, что предлагает ему вогул, поспешил отказать: – Нет, благодарствую, спасибо... ты же знаешь – у нас так не принято.

– Ну, как ать кочешь, – по-настоящему расстроившись отказом Артёма, Яшка нетерпеливо подтолкнул молодуху и, замахав руками на женщин – идите, мол, идите – отправил их обратно в угол. – Завтра калым за младшую буду брать, – горделиво заговорил он снова. – Добрый калым. Большой калым. Из стойбища Лобва богатый аюк приедет. Когда первый большой снег пришёл в парму, а реки покрылись зимними мостами, он приезжал в наш юрт с сыном и приглядел мою Костью. А теперь пришло время отдать её, – Яшка на мгновение пригорюнился и сразу, словно опомнившись, радостно заявил: – Завтра приедут сваты и пригонят оленей, много шкур привезут, серебра. Вот посмотришь, как все меня уважают. А ты у нас на празднике самым почётным го-

стем будешь, – и, спохватившись от пришедшей ему в голову новой задумки, восторженно спросил Артёма, – а ружья твоя стрелять будет?

– Будет, – согласился Артём, – по такому случаю отчего ж не пальнуть раз-другой.

– Тогда я тебе всё, что кошь, дам, мясо дам, рыбу дам, бегунки дам, всё дам, только чтоб громко было.

На что Артём с благодарностью ответил:

– Этой подмогой ты, Яшка, большую услугу государю нашему окажешь...

Ранним утром, когда гости ещё спали, Яшка подговорил свою старую жену сходить к соседям, якобы за какой-нибудь мелочью и ненароком обмолвиться, что к Абакыну пришли посланники с огненными палками от самого Русского царя. Жена выполнила наказ в точности, как он велел, и вдобавок от гордости за мужа «наллела ещё с три короба». Важная весть разошлась по тихому, сонному стойбищу быстро, и к Яшкиной избушке, чтобы узнать подробности, потянулись люди.

Яшка, подглядывая в щель приоткрытой двери своей хижины, дождался, покуда на его дворе собрались все; затем с благодарностью за посланную ему удачу погладил рукой стоявшего у порога идола, принял важную осанку, на всякий случай мелко перекрестился и торжественно вышел на сход. Собравшийся народ вопросительно глядел на Абакына. Он, обведя людей надменным взглядом, объявил своим соплеменникам о том, что русские, прознав о свадьбе его младшей приёмной дочери, пришли выказать ему своё уважение. Подняв указательный палец вверх, Яшка с достоинством сказал:

– Даже большой Русский царь знает Абакына!

А ещё Яшка поведал своим соплеменникам очень важный секрет, который доверили ему гости, что скоро через их Юрт русские проложат большой путь, по которому пройдёт огромное войско на войну с сибирским ханом, и то, что от имени самого русского царя друг его Артём назначил Абакына главным вогулом стойбища. Яшка горделиво окинул взглядом всех собравшихся и с нотками угрозы в голосе, торжественно, с расстановкой произнёс:

– С сегодняшнего дня!... вы все!... должны!.. меня слушать и мне подчиняться!.. А ежели кто из вас не будет повиноваться самому ставленнику – русского царя, – на этих словах он со значением ткнул себя пальцем в грудь и с угрозой в голосе продолжил свою речь: – Ежели кто из вас станет затевать против меня смуту, то придут русские, – он указал пальцем на Артёма и его спутников, которые, ни о чем не подозревая, слышав людской гомон, вышли из юрты и, не догадываясь, о чем говорит Яшка, дружелюбно улыбаясь, одобрительно кивали головами, – и своими огненными железными палками, – продолжал угрожать Яшка, – которые называются «писяль», убьют всех не-

покорных.

После запугивания и угроз Яшка, изобразив на лице личину добродушия и гостеприимства, пригласил всех своих соплеменников на праздник по поводу свадьбы его любимой приёмной дочери.

8. СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД.

Дальний звон бубенцов, окрики погонщиков, хорьканье оленей оповестили жителей юрта о том, что свадебный караван жениха уже на подъезде к стойбищу. В предвкушении большого праздника люди радостно оживились, засуетились. Яшка, как настоящий и безраздельный хозяин стойбища, отдавал распоряжения. Из захламленной подклети хижины вытащили огромный медный казан, развели большой костёр, привели белого священного оленя и, притянув его волосяным арканом за рога к жертвенному столбу, привязали.

Празднично убранные олени тройки, запряжённые в нарты с богато одетыми гостями, заехали на поляну перед Яшкиным домом. Таюк в украшенной лентами цветной парке поднялся с передовых нарт и подошёл на небольшое расстояние к Абакыну. Малолетний, низкорослый, годков пятнадцати жених, как разряженный куль, мешковато засеменял позади отца и встал рядом. Многочисленная гостевая свита полукругом обступила хозяина и его сына. Местные вогулы встретили приехавших улюлюканьем и одобрительными криками, выказывая уважение их богатству и знатности.

Артём и его спутники с интересом наблюдали за тем, что происходило в стойбище. Юшка, примечая всё, старался запомнить, а потом и записать в свою грамотку странные особенности свадебного обряда вогулов.

Яшка-Абакын в новой малице, вышитой бисером, в окружении старейшин, стоял возле своего дома и, приняв гордую осанку, с достойным видом начал свою приветственную речь:

– Мы, манси с реки Ляля, – торжественно заговорил он, – приветствуем манси с реки Лобва!

Гости и хозяева неглубоко, с достоинством поклонились друг другу.

– Давние традиции наших племён, – продолжал Яшка, – говорят нам о том, что родовая связь между уважаемыми людьми не должна прекращаться, и сегодняшнее торжество ещё сильнее укрепит дружбу между нашими родами. – С этими словами Яшка вытянул из-за пояса нож и, держа его в обеих руках, преподнёс Таюку. – Я доверяю тебе, – продолжил он свою речь, – мой уважаемый гость, моим ножом – твоею рукой, перерезать горло этого белого оленя и напоить нашу землю священной кровью.

Таюк обеими руками взял булат.

– Это большая честь для меня, много мной уважаемый Абакын! – с лёгким поклоном сказал Таюк.

– Жертвенная кровь, которую ты сейчас прольёшь, благородный Таюк, на века скрепит наше родство и дружбу! – ответил Яшка

– Я, Таюк, благодарю тебя, Абакын, за оказанное мне доверие и, пользуясь твоим добродушным приёмом, я с большим удовольствием выполняю эту просьбу.

Он подошёл к оленю и уверенно, хладнокровно перерезал горло животного. Брызнувшая из перехваченной ножом шеи животного кровь тугой, шипящей, пульсирующей струёй обагрила снег.

– Пусть кровь белого священного оленя навсегда свяжет род уважаемого Абакына и мой – род благородного Таюка! – торжественно сказал он, показывая всем на обозрение в поднятой вверх руке окровавленное лезвие ножа.

Этот жест вогулы приветствовали одобрительными криками и улюлюканием. Таюк обтёр клинок о рукав своей нарядной парки и вернул его Абакыну. Под всеобщие радостные возгласы они троекратно обнялись, соприкасаясь друг с другом щеками.

Новые сородичи со стороны обеих племён стали восторженно обниматься, цокали языками, хлопали друг друга по плечам, выказывая свою доброжелательность и уважение.

Растерявшегося Юшку схватил молодой вогулич за грудки и резво три раза приложился своими щеками к его, что-то радостно прокричал и переметнулся к стоящему рядом Ерохе. Стрелец с брезгливым видом отшатнулся и оттолкнул от себя возбуждённого вогула. Отойдя подальше от греховодства, Ероха встал поближе к Артёму и, негодуя, выругался:

– Вот привязался, чёрт узкоглазый! Еле оторвался!

– Видать, у них так принято выказывать своё уважение, – посмеиваясь, объяснил Артём.

Этот вогульский обычай напомнил Юшке православный праздник Пасху, когда все со всеми, троекратно целуясь, христосуются во славу воскресения Спасителя. И он, поддавшись всеобщему восторгу, крутанулся на месте и шагнул к рядом стоящей вогулке, обнял её и неуклюже троекратно приложился своим холодным носом к её лицу. Юшке казалось, что все вогульские женщины на один облик, только молодые или старые, и тут он узнал в девушке Яшкину молодую жену, они оба смутились, испуганно отшатнулись друг от друга и быстро разошлись.

В это время Яшка в гуще людской через мелькавшую толпу подавал Артёму знаки – он словно держал в руках воображаемую пищаль и тыкал пустыми руками в небо, показывая Артёму: мол, пора бы уж и стрелять.

Артём заметил Яшкины знаки и задумчиво произнёс:

– Из россейской грязи да в вогульские князи.

– Што, про кого ты балакаешь? – переспросил Ероха, – я из-за этого гвалта ничего не расслышал.

– Да я о Яшке подумал: надо же, как судьба поворачивается. Кем был и кем стал?

– Чудны вогулы, – удивлённо сказал Ероха, – ничего не пойму, что они тут затевают, то ли резню, то ли кружало.

– Кажись, гульбище разворачивается, ты, Ероха, вот что – тащи пищали,

я Яшке пальнуть обещал, вроде бы самое время.

– Я мигом, – согласился Ероха и пошёл за ружьями, на ходу сам с собой рассуждая: – Пищали в таком разе сгодятся – на всякий случай, а то, того и гляди, что прирежут и в тот чан вариться засунут. От этих нехристей чего угодно ждать можно.

Он зашёл в дом, взял два ружья и вернулся.

– Заряжены? – спросил Артём.

– Я их ещё вчера заправил, – ответил стрелец, – зелья на полку подсыпь, жгут запали, на крючок нажми, тут и жажнет, – подтвердил он.

– Давай тогда разом и вдарим, – предложил Артём.

Они подготовили всё как надо, подняли ружья стволами вверх.

– Пали! – скомандовал Артём, и...

Как гром среди зимы, неожиданно раскатился двойной выстрел по стойбищу. Испуганные вогулы стали метаться, ища укрытие. Олени сорвались с места и понеслись, калым, рухлядь, свадебные подарки вывалились из перевернувшихся нарт и растряслись по стойбищу. Поджав хвосты, поскуливая, разбежались и спрятались собаки. Некоторые женщины, ослабев от испуга, не могли сдвинуться с места и, упав на колени, обхватив головы руками, подывали. Жених от страха залез в подклеть близстоящего дома. Через несколько мгновений кружавинка посреди юрта опустела. Несколько вогулов-воинов, которые в битвах с русскими уже слышали грохот пушек и пищалей, настороженно оглядываясь по сторонам, выхватив ножи, стояли вокруг своего хозяина. Таюк, с побледневшим злым лицом, ненавистно глядел на московитов, кулаки его сжались, а очи метали молнии. Яшка, довольный произошедшим, громко смеялся, щерясь беззубым ртом, и, приседая от хохота, хлопал себя по коленкам.

Артём, Ероха и Юшка удивлённо осмотрелись вокруг.

– Не долог праздничек-то был, – съехидничал Ероха.

– Кажется, наделали мы тут с тобой делов, – озадаченно произнёс Артём.

– Да-а! Сыграли свадебку, – сокрушённо подтвердил Юшка.

Яшка, наконец-то заметив опустение – а среди оставшихся не было ни одного человека, поддержавшего его веселье – потихоньку стал затихать, он изредка всхлипывал от душившего его хохота и украдкой утирал слёзы смеха.

Первым пришёл в себя Таюк, он дал распоряжение своим воинам: отловить убежавших оленей и собрать разбросанный скарб. Затем Таюк вытащил испуганного сына из подклети, поставил его на ноги и начал стыдить:

– Ты воин, а не девка!..

Сын, насупившись, молчал.

– Ты за женой сюда приехал, а не под юрту лазить.

Жених по-детски шмыгнул носом, рукавом нарядной парки вытер предательски выползшую на безусую губу зелёную соплю.

– Опозорил меня перед всеми манси... – продолжал срывать злость Таюк на малолетнем женихе.

Сын с виноватым видом молчал и глупым взглядом смотрел на отца.

Вогулы, отойдя от первоначального испуга, стали приходить в себя и потихоньку вылезали из укрытий. Кто из домов, кто из близстоящих кустов, а некоторые из-под снега. Люди осторожно сходились к центру поляны, с опаской поглядывая на русичей и на их диковинные ружья.

Хитрый Яшка, довольный, что ему удалось напугать глупых людишек, решил выправить создавшееся положение в свою пользу. Он помахал руками, привлекая к себе внимание, и притворно-добродушно начал говорить:

– Посланники русского царя не думали пугать вас, они так хотели выказать своё уважение к нам. Когда я был в большом русском городе, там всегда по праздникам стреляли из пушек, а это, пожалуй, ещё громче будет, так, словно много грозовых громов в один раз ударит, и всем всегда было весело, а вы, тёмный народ, не понимаете этого, они же не в вас стреляли, а в небо, – он с улыбочкой на лице ткнул пальцем вверх, и все натужно заулыбались; потом он засмеялся, и все через силу засмеялись.

– Интересно, о чём он говорит? – спросил у Артёма Юшка.

– А Бог его знает, что он там треплет, но то, что важности на себя напускает – это точно. Они же как дети малые, неразумные, им что ни скажи, всему верят, – ответил Артём.

– Жути на них, нехристованных, нагоняет, штоб – как овцы волков – его и нас боялись! – зло сказал Ероха, сплюнул презрительно через губу и загнул матюг. – Это они шас испужались, а потом отойдут от страха и нам гадить начнут, – продолжил стрелец со злостью. – Трусливый человек никогда своего страха не прощает, втихушку – да отомстит. Не нравится мне этот Таюк и головорезы его. С ним ухо востро держать надо – видал, как он оленю горло пересёк, глазом не моргнул, ему так-то и человека зарезать запросто.

– Завтра уходить надо, – задумчиво проговорил Артём и, приняв решение, сказал: – С Яшкой за жратву я договорюсь, а ты, Ероха, глаз с пищалей не спускай! Ты, Юшка, далеко не отлучайся и будь всегда на виду!

Пришедшие в себя от страха вогулы потихоньку расшевелились и принялись продолжать то, для чего собрались. Часть людей со стороны жениха взялись устанавливать временную юрту для молодожёнов. Другие – резать и разделывать ещё двух оленей. Женщины принесли шкуры и разложили их вокруг кострища. Старая Яшкина жена готовила в казане на костре варево и раздавала другим женщинам указания – те незамедлительно исполняли: резали мясо, готовили приправы из душистых трав, свежевали рыбу. Молодая Яшкина жена насыпала в деревянное корыто крупномолотую ржаную муку, развела её небольшим количеством тёплой воды, как драгоценность, осторожно, щепотью взяла из берестяного теса соль и, скупно посолив, замесила тесто.

Затем Надия выгребла из кострища угли, положила на них круглый медный боевой щит, а когда щит накалился, смазала его медвежьим салом. После она, отрывая от густо-скатанного теста небольшие куски и по одному ловко перекидывая комочек с руки на руку, растягивая его в сочень, принялась печь пресные лепёшки. На разостланных шкурах женщины расставили разномерные деревянные плоски – для жидкого мясного наваара, чтобы запивать во время трапезы грубую пищу, в берестяных туесах выставили мороженые ягоды: клюкву, бруснику. Приготовленное в казане оленьё мясо выложили в большие деревянные блюда и расставили по всей окружности, чтоб каждый гость мог свободно дотянуться до главной еды вогулов. Нарезанная тонкими ломтями мороженая белуга, копчёный хариус, вяленая стерлядь, отварная нельма, изобилие рыбы, и всё это – с минимумом соли и хлеба.

– Ты глянь-ка, – Ероха тронул рукой Артёма за плечо, – вчерась твой дружок нас хлебами не потчевал, – ехидно съязвил он.

– Муку вогулы выменивают у бухарцев на рухлядь, – ответил Артём и пояснил, – для этого они раз в год ездят на торжище в городок Искер, что на реке Иртыш, а это далеко и опасно. Хлеб им достаётся очень дорого, оттого и скупаются, и пекут его только по большим праздникам. Это у нас хлеб – всему голова, и без хлебов – трапезы нет, а у них хлеб – это дорогое чужеземное кушанье.

Гости и хозяева, в зависимости от знатности, стали рассаживаться на шкуры вокруг костра. Абакын и Таюк рядом, почётные русские гости – по одну сторону от Яшки, Таюк и его воины – по другую.

– Может, и чарочку по такому случаю поднесут, – шепнул Ероха.

В это время двое вогулов занесли в центр круга бурдюк из козлиной кожи, внутри которого колыхалась и переливалась жидкость.

– А вот и то, что ты хотел, только смотри, много не пей! – предупредил Ероху Артём.

– А чё так? – спросил стрелец.

– Помнится мне, Яшка говаривал, что это настой на поганных грибах, и от него потом видения разные бывают.

– Ничего! – обрадовано воскликнул Ероха, – лишь бы в голову шибануло, а там посмотрим, что за настой.

– Ты за пищалями гляди в оба, не ровен час – уведут.

– А я их вот так, под себя подложу и на них сидеть буду.

Обжорство началось сразу, без славословий и застольных речей. Все ели много и ненасытно. Тяжёлый бурдюк с брагой, начиная с Яшки и Таюка, передавая друг другу, пошёл по кругу. Когда очередь дошла до Артёма, он, приложившись губами к костяному, полому, как соска, наконецнику, сделал вид, что пьёт и, передавая бурдюк Ерохе, напомнил:

– Смотри, шибко-то не усердствуй!

Ероха, прилаживаясь к костяшке, только хмыкнул и потянул вонючую жидкость в себя. Сделав несколько больших глотков, он, передавая бурдюк Юшке, громко отрыгнул, схватил, что попало под руку из еды, запихал быстро в рот и, пережёвывая, громко чавкая, сказал:

– Не ядрёна – но вонюча, словно дерьма нахлебался.

Юшка, поглядев на стрельца, не захотел пить и передал пойло дальше.

Жениху и невесте, находившимся в свадебном чуме, есть не полагалось. В то время, пока трапезничают гости, молодым следует исполнить древний обряд: после их соития, они должны предъявить всем собравшимся сородичам доказательство, что девушка была невинной, и только после этого жениха и невесту допускали к общему застолью на полноправной основе, как мужа и жену.

Нажираясь, гости поглядывали на жениховский чум и, ожидая знака от молодых, с нетерпением выговаривали:

– Пора бы уж и справиться.

– Не очень-то и мудрёное это дело – девку портить.

– Может, он в её керкере запутался.

– Что-то долговато они там, – обеспокоено сказал Абакын Таюку.

– Ты вспомни, как сам впервые с девушкой наедине остался.

Яшка хмыкнул и ничего не ответил свату. А сам подумал, что первой его женщиной была старуха, и было это всего пять лет назад.

Жених уже третий раз пытался всё сделать так, как объяснял ему отец и рассказывали старшие братья, но у него ничего не получалось. От обиды на самого себя он растерялся, сник и сидел, отвернувшись от лежащей рядом нагой невесты. Она, неумело погладив жениха по плечу, жалея его, тихо сказала:

– Не переживай, сейчас мы сделаем так, как научила меня мать, а потом мы вместе справимся, я всё равно стану женщиной, а ты мужчиной.

Она достала из потайного кармана своего кекера маленький желчный мешочек оленя, распустила узелок на конечной жилке пузыря и выдавила из него заранее приготовленную звериную кровь на специально подостланную в свадебное ложе шкуру белого оленя. Девушка накинула на голое тело кекер, подняла полог, прикрывающий вход в чум и, размахнувшись понизу, швырнула шкуру на всеобщее обозрение. Люди, увидав знак, радостно закричали, кто-то схватил шкуру и, подняв её вверх, как хоругвь, под общие возгласы одобрения побежал с ней вокруг гостей и костра, показывая всем чистоту невесты и то, что она стала женщиной.

Ероха, приложившись ещё пару раз к бурдюку, сидел, как истукан, и смотрел на всё происходящее с луповатой улыбочкой на лице; ему казалось, что он, как сидел, так и взмыл вверх, завис над гульбищем и глядел сверху на чудаковатых, веселящихся людишек. Время от времени он спохватывался, вспомнив наказ Артёма, и, проверив, что ружья под ним, успокаивался.

«Надо же, пищали сделаны из тяжёлого железа, а тоже поднялись вместе со мной». – подумал он. Ему было хорошо, легко и отратно на душе. Раньше на гулянках он, выпив вина, дурел, становился буйным, лез в драку, сквернословил, а от чудного вогульского грибного настоя в его душе поселилась благодать, сейчас он любил всех и оттого был счастлив.

Юшка, любопытный до всего диковинного, с интересом смотрел на происходящее. И вдруг понял, что все люди, какой бы они не были веры или народности, на каком бы языке они не говорили, они похожи друг на друга и действиями, и повадками. Вот два старых вогула с седыми жидкими бородачками и слезящимися узкими глазницами о чем-то степенно разговаривают и в знак согласия кивают друг другу головами. Юшке казалось, что он уже видел этих беседующих стариков в Москве, Ярославле или Чердыни. Двое молодых вогуличей, громко споря, ожесточённо махая руками, доказывали что-то друг другу. И это знакомо. Женщины сидели особнячком, чуть в стороне от мужского круга. По мере надобности, они прислуживали за мужским застольем, что-то подносили, что-то убирали, разговаривали между собой и нарочито громко смеялись, привлекая к себе внимание мужчин. И женщины ведут себя так же.

Надя была среди них, она сидела скромно, не участвовала в бабских разговорах, о чём-то думала, и её блуждающий, ничего не означающий взгляд скользил по присутствующим, словно ей было безразлично всё, что здесь происходит. Юшка поглядел на неё, и где-то под ложечкой приятно потянуло. Не поняв своего ощущения, Юшка отвёл от женщины взгляд и продолжил рассуждать сам с собой. Он всё больше уверялся в своих мыслях, что все люди одинаковы, и тут его осенило, что и чувства у всех людей одинаковы. Веселятся, горюют, страдают, любят. Он снова посмотрел на Надю, и их взгляды встретились.

– Любят... – задумчиво прошептал он и, пугаясь своей мысли, быстро отвел очи в сторону, а через некоторое время снова искал её глазами и где-то глубоко в душе желал, чтобы и она на него посмотрела. Сегодня ночью, когда Яков скинул с неё одежду, Юшка от стыда зажмурился и быстро перекрестился, но мельком он успел увидеть и запомнить её смуглый стан, маленькую грудь с сосками-клюквинками и её смущенное лицо с косым разрезом глаз.

Артём, улучив время, обратился к Яшке:

– Послушай, друже! – заговорил он, обняв Яшку одной рукой за плечо. – Нам завтра уходить надо, время не ждёт. Ты обещал мне помочь с провизией.

– Жалко, однако, у нас через луну большой праздник будет, я бы котел штоб ты на окоту с нами кодил, писяль стрелял.

– Да мы бы и рады остаться, но, – Артём пальцем показал на небо и важно договорил, – царь ждёт!

– Ну, ежели сам Царь, – восхитился Яшка и, подумав, спросил: – А ты

царю, – он ткнул пальцем вверх, – про меня скажешь?

– А как же, непременно расскажу, – схитрил Артём, а, подумав, чуть тише сказал: – Ежели он меня примет.

Яшка, не расслышав последних слов Артёма, гордо ответил:

– Завтра, когда солнце поднимется над пармой, я тебе дам всё, что ты пожелаешь, – пообещал он.

Пока Абакын разговаривал с Артёмом, Таюк шёпотом, чтобы не слышали посторонние, заговорил со своим старшим воином:

– И чего Абакын нянчится с этими русскими, была б моя воля, я бы их всех перерезал и делу конец, да вот ежели они и вправду сами московским царём посланы, то беда будет. Убивать их нельзя, тут хитрее поступить надо, вредить всячески и мешать им их дело делать. А то ишь как выходит, пусть хотя бы наладить, ханство сибирское норовят к рукам прибрать, со всех сторон нас обложить пытаются. На Лозьве поганые русичи стоят, на Тагиле стоят, теперь на Туре хотят быть, не желаю я того. – Он теснее прижался к воину и ещё тише вкрадчиво сказал: – Ты, Сатыка, смелый воин, глаз твой меток, рука крепка, но против железной палки тебе не устоять. Видишь того русского, кой истуканом сидит, – Сатыка кивнул головой, – так вот, стрелец, напившись настоя, с непривычки до утра в себя не придёт, и покуда он с духами общается, ты постарайся взять у него огненную палку!

– Уважаемый Абакын обидится – украсть у гостей, в его юрте, да в праздник, – попытался возразить Сатыка.

– Не твоя забота, – перебил Таюк воина, он схватил Сатыку за ухо и зло прошептал, – твое дело взять, а там видно будет! Такое ружьё всех наших оленей стоит. Мне нужно поссорить Абакына с русскими, и ежели они перегрызутся из-за пропажи, так то мне на руку. Понял?!

Сатыка догадался, что надумал Таюк, и с готовностью согласился:

– Исполню, хозяин! Всё сделаю так, как ты велишь. Не желаю, чтоб чужие в нашей парме хозяйничали.

Короткий зимний день незаметно перешёл в сумерки, и ночь с востока темнотой напозла на тайгу.

В центр круга к костру вышел вогул, в одной руке у него был бубен, в другой небольшая палка. Он ударил в бубен раз, другой, прислушался к покачившемуся по стойбищу звуку, погрел растянутую кожу бубна над огнём, ударил ещё, послушал и, довольный правильным звучанием инструмента, вразвалочку обходя кострище, стал ритмично выбивать гулкие звуки из бубна. Обойдя вокруг костра на раз, он громко каркнул вороном и низким, внутриутробным, словно выкатывающимся из горла голосом, заговорил нараспев. В круг вышла девушка и, изгибаясь всем телом, как птица, взмахивая руками, павой пошла на вогула. Она тонким голосом подхватила песню охотника, и они вместе, противостоя друг другу, переключаясь голосами, изображая раз-

говор, затанцевали.

– Она лебедь, стало быть, а он, значит, охотник... – догадался Юшка.

Охотник-мужчина, обойдя девушку-лебедя, крадко оглядываясь по сторонам, пошёл дальше. В круг вышла другая женщина и, грациозно перебирая руками, семена ножками, стала прохаживаться по кружалу. Вогул с бубном обошёл и её.

– И косулю пожалел, – опять догадался Юшка.

Охотник продолжал идти по воображаемой тайге, а навстречу ему выходили другие женщины, изображающие лису, куницу, росомаху.

Юшка никогда не слышал такого пения и не видел подобных плясок. Явных слов в песне он не различал, но ему было понятно всё, что разыгрывают вогулы. У каждого народа есть свои былины и сказки, которые придуманы и сложены предками в далёком прошлом. В этих передающихся из уст в уста, от поколения к поколению повествованиях рассказывается о мире, в котором они живут, о реке, о тайге, о высоких горах, об охоте на зверя, о том, что человек видит и чем занимается в жизни.

Сатыка, помня наказ Таюка – во что бы то ни стало завладеть огненной, железной палкой – всё время находился неподалёку от Ерохи. Он наблюдал за проклятым русским, который сидел, не сходя с места на подложенных под ним пищалях. В дурмане от чудо-грибов, стрелец глупо глазел на пляски и, в такт ударам бубна, хлопал в ладоши, покачиваясь из стороны в сторону. Иногда его непослушное тело заносило, и он, завалившись на бок, бормоча проклятья, опираясь руками, с трудом поднимался и всякий раз ощупывал рукой то, на чём сидел, проверяя, на месте ли пищаля. Однако, Сатыка знал одну старую заповедь, что только терпеливому и хитрому охотнику удаётся добыть зверя, и он ждал, ждал удобного случая, чтобы осуществить свой замысел. Сатыка приготовил длинную суковатую палку, похожую на ружьё, подкрался позади стрельца поближе и, когда Ероха завалился на бок в очередной раз, вогул ловко успел подменить пищаля на суковину. Никто не заметил воровства: взоры всех людей были прикованы к разыгрываемому действию в центре круга у кострища.

Охотник, идущий по тайге, встретился с медведицей и её двумя маленькими медвежатами – одетые в мохнатые парки дети-вогульчата были действительно похожи на маленьких медвежат. Женщина-медведица рыкнула и низким голосом нараспев заговорила с охотником.

Юшка понимал, что игра-сказка подходит к завершению, и то, что сейчас произойдёт, есть и будет смыслом всего действия. Он, пригибаясь, чтобы не мешать зрителям смотреть представление, перебрался поближе к Яшке.

– Дяденька, – обратился он к вогулу, – ты не мог бы мне объяснить, о чём они толкуют?

Яшка удивлённо посмотрел на парня и, сообразив, что чужак не может

понять вогульской речи, стал рассказывать:

– Зыл в парме один человек, – заговорил он поучительно, – и чтобы себя одеть и прокормить, он ловил рыбу, стрелял птицу, бил на одежду зверя и однажды закотел человек узнать истину всего живого: зачем дуки сотворили рыбу в воде, птицу в небе и зверя на земле? Вот идёт окотник по парме и всякого, кто повстречается ему, он спрашивает, зачем они есть на земле? А те ему и отвечают.

– И что сказала девушка-лебедь?

– То, што она красивая, и все, кто на неё смотрит, любят её, а лебединая верность самая крепкая на земле, но окотник убил её любимого, и теперь она в тоске.

– А косуля?

– Косуля ответила, што она самая быстрая, и даже летящая стрела охотника не догонит её, но китрый человек поймал её оленя в ловушку.

– Понятно! – догадываясь о сути сказки, согласился Юшка. – Лиса, значит, хитрая, но у неё есть шуба, из-за которой она всегда не в ладах с человеком, росомаха – жадная и разорная, и поэтому она тоже враг человеку. А медведица что говорит?

– Она спросила у окотника, зачем, убив медведя, он оставил её медвежат сиротами?

– Ну, а охотник, что в ответ скажет? – спросил Юшка.

А окотник обманет её, скажет, мол, медведя он даже не видал, и, значит, убил его кто-то другой – злые дуки, наверное, или есё кто?

– Кто? – не унимался писарь.

– Всегда есть кто-то, на кого вину свалить можно, – улыбаясь, объяснил Яшка.

В это время изображающий охотника вогул после нескольких зловещих ударов в бубен указал рукой на Артёма и что-то громко проговорил. Юшка в последних словах, произнесённых вогулом, различил только одно слово «русська» и догадался, что охотник в убийстве сказочного медведя обвинил Артёма, Ероху и его.

Неожиданное повествование в древнем сказании оказалось внове для вогулов, и множество пар глаз обратилось в сторону русичей. Поверившие в сказку детишки с ужасом и страхом глазели на чужаков, взрослые смотрели на пришлых кто с недоумением, кто с любопытством, а кто-то и с откровенной ненавистью.

– Всё! Кончилось веселье, – сожалая, произнёс Артём и обратился к писарю, – пошли, Юшка, укладываться почивать, с утра уходить надо, загостились уже. Я растрясу Ероху и попробую его утащить, ты возьми пищали и дуй за мной.

Ероха, завидев Артёма, осоловело полез обниматься. Он пытался встать

на ноги и не мог. Артём подхватил его под руку, подставил плечо и, шатаясь, заваливаясь то в одну сторону, то в другую, повёл Ероху к дому. Юшка подобрал ружья и, заметив подмену, удивлённо крикнул:

– Спёрли! – он подбежал к Артёму и, показывая увесистый сук, недоумевая, произнёс: – Пищаль на палку подменили.

– Эх! Ероха, горе-стрелец, не уберёг, – с сожалением, без злобы, упрекнул Артём.

А Ероха, непонимающий и счастливый, лез целоваться.

– Артёмушкааа! дай же я тебя рас-це-лу-ю, потому, как уважаю оч-чень.

Артём, брезгливо отворачиваясь от слюнявых губ Ерохи, недовольно выговорил:

– Да уймись ты кривляться, пошли спать, завтра разбираться будем.

Наутро Артём решил не поднимать шум из-за пропавшей пищали. «Не буди лихо, пока оно тихо». Раздор между ним, Яшкой и Таюком сейчас совсем не нужен. Объяви вогулам о пропавшей пищали – и тут может завариться такая каша, что потом не расхлебашь. Все начнут подозревать друг друга, Яшка на Таюка, Таюк на москвитов, что они врут, а такой раздор Артёму ни к чему.

Солнце поднялось, и они засобирались в путь. Всё, что просил Артём у Яшки, он дал: мясо, рыбу, чуток соли, ходунки, маленькие нарты-салазки. На прощание вогулич пустил маленькую слезу, обнял по русскому обычаю всех по порядку, пожалелся, что Артёма с пищалью не будет на празднике луны, и когда Артём, Ероха и Юшка тронулись, Яшка перекрестил их в путь и крикнул вслед: «На обратном пути закоди».

9. ИЗМЕНА.

После ухода русских из стойбища Таюк на оленьей упряжке и Сатыка на ходунках, стараясь быть не примеченными, отправились в парму, чтобы подалее от людских глаз и ушей – испробовать пищаль. Спрятанная на нартах под оленьими шкурами диковинная железная палка, которая может убить человека силой грома и огня на расстоянии, будоражила воображение Таюка. Олени бегут, нарты катятся, Сатыка на ходунках отстал, а Таюк размялся и грезилось ему, каким он будет непобедимым батыром. «Железная палка» даст ему столько силы и власти, что он сможет одолеть всех своих недругов. Загнав оленей в урочище, Таюк с нетерпением вытащил пищаль из-под шкур и, медленно поворачивая её в руках, стал разглядывать диковину. Искусно сделанное оружие заворожило его. Затёртые до золотого блеска бронзовые детали, дульные хомуты, подложная скоба, тыльник – всё радовало глаз. Тут подоспел запыхавшийся Сатыка, и Таюк, как малое дитё, обрадованный новой игрушкой, цокая языком, хвастаясь, повертел ружьём перед носом Сатыки. В очах преданного воина мелькнул огонёк зависти, но Сатыка подбостранно сказал:

– Это мой подарок тебе, уважаемый Таюк.

– Ну, давай же, выбивай быстрее огонь! – нетерпеливо прикрикнул Таюк. Пока Сатыка высекал искру из кремня, хозяин, вертя в руках пищаль, рассуждал: – Я видел, как московиты делали: надо отвести в сторону крюк, – он взвёл скобу, – зажечь эту верёвку, потом взять так и нажать сюда. Давай?

– Кхы, как всё просто, – заметил Сатыка и подпалил фитиль, пропитанный серой шнур затрещал, искрясь.

Таюк прижал тыльник к плечу, поднял ствол в небо и, зажмурившись, нажал на спусковой крючок.

Сатыка, замешкавшись, не успел зажмуриться и закрыть руками уши, вместо ожидаемого грома железная палка издала слабый щелчок. Открыв рот, он смотрел изумлённо то на хозяина, то на пищаль и ничего не понимал. Таюк, выпучив глаза, отстранив ружьё от себя на вытянутые руки, глядел на диковину, как на ядовитую змею.

– Что такое?! Почему она не грохнула?! – удивлённо и зло прокричал Таюк.

Сатыка, виновато пожимая плечами, молчал, не зная, что сказать.

– Зелье! – догадался Таюк. – Туда надо сыпать зелье! Где оно?! – заорал он на Сатыку.

– Какое зелье? – удивляясь, спросил тот.

– Какое! Какое! – передразнивая, прокричал хозяин. – Такое – такое они носят на поясе в рожке. Надо было и рог взять. А ты! Ууу – сын росوماхи! – Таюк от досады замахнулся на Сатыку пищалью.

– Я же не знал, – оправдывался воин. – Ты не сказал, я и не додумался.

– Рыбья твоя башка, думать надо.

Со скверным чувством досады, один, злой, на оленьей упряжке, быстро, другой, виноватый, на ходунках, припозднившись, они порознь вернулись в стойбище. Сразу после возвращения Таюк собрал в кочевой юрте всех самых преданных своих людей и, чтобы за хлипкими стенами временного жилья из бересты и шкур не подслушивали посторонние уши, выставил перед юртой наблюдателя и завёл разговор вполголоса:

– Ты, Сатыка, дурак! И в башке твоей рыбий умишко! – зло и издевательски выговаривал упреки Таюк своему воину. – Железную палку ты спёр, молодец, хвалю, а вот про зелье – сам не додумался.

– Так откуда ж я знал, что ещё что-то надо, я думал – на крючок надавишь, и оно грохнет, – оправдывался Сатыка.

– Кхы! Грохнет! – со смешком, язвительно передразнил Сатыку Таюк. – Ежели по твоей пустой башке как следует треснуть палкой, то она грохнет – как пустая колода. Ха, ха, – ехидно засмеялся он. – Писяль не грохочет, писяль стреляет, – нравоучительно изрёк Таюк и поднял вверх палец.

Дружным смехом поддержали хозяина все, кто находился в юрте, хотя никто из присутствующих не имел представления, как пользоваться этой диковинной штукой.

Таюк, дав людишкам вволю посмеяться над незадачливым Сатыкой, поднял руку вверх, привлекая к себе внимание. Все сразу перестали смеяться.

– Не для смеха собрал я вас! – заговорил он голосом, не терпящим возражений. – Мне нужно, – он обвёл охотников строгим взглядом, – чтобы вы поняли, что русским на нашей земле не должно быть места. Ежели мы начнём убивать их открыто, а кому-то из них удастся уйти, то русский царь, прознав про наше злодеяние, пошлёт войско и отомстит нам. Надо сделать так, чтобы сама парма противилась им. И всякая ветка дерева, каждый куст в лесу мешали, цеплялись и не давали чужакам проходу, чтобы о каждую корягу, лежащую на пути поганых, запинались их ноги, чтобы стая голодных волков шла за ними по следу и гнала их, как трусливых зайцев, и чтоб медведи-шатуны бродили на их пути...

Помолчав, давая возможность прочувствовать собравшимся важность события, Таюк стал выдавать распоряжения:

– Ты, Сатыка, возьми трёх лучших охотников и, незаметно обойдя русских, иди впереди их. Поднимай из берлог медведей, чтобы они, голодные и злые, ходили по лесу в поисках добычи и пугали чужаков. Налови и разбросай по тропинкам дохлые тушки мелкого зверья, чтобы запах крови раздражил волков, но не насытил их, чтобы волки, клацая зубами, гнали чужаков без оглядки и не давали им покоя. Собак не берите, от них много шума, и они вас могут выказать. Расставьте в парме потайные ловушки и самострелы, дабы

знали нечестивые, по чьей земле идут. Разнесите весть о чужаках по всей округе, дабы каждый одинокий охотник творил им зло и чинил препятствие.

Приподняв полог, в юрту заглянул приглядывавший за округой молодой вогулич. «Акын идёт!» – предупредил он. Таюк досадливо махнул на юношу рукой и со злостью негромко продолжил:

– Это Абакын стелется под русичей, как звериная шкура, а я не стану терпеть пришлых москвитов и всячески буду противиться их пришествию, – чуть подумав, он шёпотом добавил: – Надо поссорить Абакына с Артёмом, и я знаю, как это сделать.

Яшка, важный и гордый, задрав высоко полог, хотел пройти в гостевую юрту Таюка в полный рост, но из-за низко устроенного входа ему всё равно пришлось изрядно приклониться. Он, как и подобает важному человеку, сдержанно поприветствовал всех и без приглашения присел рядом с Таюком. Немного помолчав, как требовал обычай, Яшка завёл пустой разговор:

– Хорошо свадьба идёт, – то ли утверждая, то ли спрашивая, сказал он.

– Хорошо, хорошо, – кивая головами, согласились все.

Помолчали.

– Жених и невеста тоже хорошие, – продолжил Яшка.

– Хорошие, хорошие, – подтвердили все.

Помолчали.

– А хорошо грохнули писяли, – как бы вспомнив, весело сказал Яшка.

– Хорошо, хорошо, – заулыбавшись, отвечали охотники.

Разговора не получалось. Почувствовав неладное, Яшка насторожился и замолчал.

Неловкая тишина затянулась, и Таюк, не упуская случая, с притворной грустью в голосе заговорил:

– Всё хорошо: и свадьба, и жених с невестой, и писяли весело грохнули. Только вот, неблагоприятные они.

Яшка, не поняв, о ком толкует Таюк, вопросительно посмотрел на него.

– Ты русских встретил, накормил, напоил, спать определил, на свадьбе они гуляли, веселились, а отплатили чем?

Яшка, не понимая, о чём толкует Таюк, продолжал смотреть на него

– Мне неприятно говорить тебе о том, уважаемый Абакын, но все видели, как этот молодой русич вертелся вокруг твоей молодой жены, и было видно, что твоя Надя с охотой принимала его ухаживания.

Тишина зловеще повисла в юрте, и только было слышно, как тяжело, сопя носом, задышал Яшка.

Для пушей острастки Таюк ещё плеснул немного масла на раскалённое сердце Абакына.

– Сатыка видел, – заговорил он вкрадчиво, – как потом, ночью, когда все разошлись, этот русский встречался с твоей женой за лабазом, – он недвус-

мысленно, движением рук и тела всем дал понять, чем занимались русский и Яшкина жена в ту ночь, и, обведя всех присутствующих многозначительным взглядом, хозяин остановил свой испытующий взор на преданном воине.

Сатыка, от неожиданности высказанных хозяином слов, открыл рот, Яшка с тревогой в очах глянул на Сатыку, и тому ничего не оставалось делать, как кивком головы подтвердить услышанное всеми.

У вогулов было в традиции отдавать на потребу гостю или близкому родственнику жену для утехи, и в этом странном обычае есть глубокий умысел: чужая кровь укрепляет род.

Надия для Яшки была особенной женщиной. За много лет скитаний по чужбинам, перенося все лишения бродяжнической жизни, он всегда мечтал о своём маленьком счастье: иметь свой дом, красивую жену и сына-наследника, и теперь, когда его мечты сбылись, он может враз всё потерять. «Как же так? Ведь я желаю её, – думал он. – Я хочу, чтобы она родила мне сына, – мысли его раскалились, в голове закипела ненависть. – Как он мог?! Этот шенок волчицы посметь без моего разрешения взять её?!» Яшка в одно мгновение взопрел, лицо его побагровело, а в голове, тесня все другие думки, засела одна мучительная мысль, что его Надия ему не верна. Он сейчас же хотел сорваться с места и бежать, чтобы выяснить всё, но правила уважения к хозяину юрты не позволяли ему этого сделать, и он терпел. А Таюк и его друзья, дразня Яшку, заговорили о женской неверности: какие жёны бывают коварные и как они ловко обманывают своих мужей. Рассказывая наперебой забавные истории о незадачливых мужиках, все громко и издевательски смеялись. Яшка понимал, что смеются над ним, и не знал, что делать и как поступить, а издёвки жгли уши, слова, как гнилостные черви, проникали в душу и, пожирая всё его нутро, оставляли прах от его надежд на счастье с молодой женой, на сына, которого он так долго ждал. Он не мог спокойно усидеть на месте, словно под ним были раскаленные угли. Яшка ёрзал, потел, душа его мучалась. Его желание было одно: сорваться с места, прибежать домой и убить неверную. Мучительно протерпев ещё немного времени, Яшка не выдержал и, сославшись на занятость, вышел из юрты. Зная о том, что Таюк и его люди, ехидно смеясь, смотрят ему вслед, Яшка, сдерживая в себе гнев, ведя себя степенно, не спеша, прошёл видное место и как только, как показалось ему, отдалился от гостевой юрты на приличное расстояние, сразу прибавил ходу. С каждым шагом бег его ускорялся, и, не выдержав, сорвавшись в галоп, как олень, подхлестнутый каюром, он помчался к своей хижине.

Наблюдавшие за Яшкиным бегством через открытый полог юрты Таюк и его дружки смеялись, высказывая издевательские шуточки.

10. МЕДВЕДЬ ИДЁТ ПО СЛЕДУ.

«Юрки вогульские ходунки, сработанные местным охотником, они вроде бы и ничем не отличаются от сделанных русскими мастерами лыж, а ход другой...» – первым торя снег на подаренных Яшкой ходунках, с тяжёлым грузом мыслей в голове, шёл и размышлял про себя Артём. «Не так всё пошло, с самого начала не так. И человека не уберёт, и с вогулами отношение испорчено... Сам виноват! Надо всегда и за всем следить самому... Ежели взялся за дело, влез в хомут, то и тяни справно... Это когда один, то сам за себя в ответе... Уже двух человек на этом пути не уберёт – Савку и Фёдора... А когда укладку дороги заступим чинить, сколько народу в потребе будет? И за каждого надобно ответ держать и перед Богом, и перед совестью».

За Артёмом следом шёл Ероха, с чугунной башкой и мутным взором, кое-как двигая чреслами, он мучительно превозмогал тяжесть своего хмельного положения. От выпитого вчера зелья его жутко мутило, он то и дело останавливался и, громко рыгая, выворачивая кишки наизнанку, блевал на снег коричнево-зелёной желчью. Отрыгнув, стрелец крыл матом всех вогулов, их богов и тот поганый настой, от которого ему вчера было так хорошо.

– Уж лучше нашей родимой дымки четверть ведра выжрать, чем их отравы плотнуть! – сблевав в очередной раз, утирая рукавом испачканный рот, со слезящимися глазами еле выговорил Ероха.

Юшка шёл замыкающим и, остановившись, ожидая, куда стрелец очуется, подсмеиваясь над его мучениями, незлобно спросил:

– Ты, дядька Ерофей, расскажи лучше, как, нахлебавшись зелья, чуял себя?

– Летал! – тяжело, раздражённо ответил стрелец.

– Как летал?! – удивляясь, переспросил писарь.

– А вот так! – стрелец раскинул руки и, глядя себе под ноги, словно разглядывая что-то внизу, пояснил: – Все людишки маленькие, а я большой – но лёгкий. И висел я над всеми, что луна в звёздном небе, и было мне так радостно и хорошо, может быть, даже как в раю.

Артём не расслышал вопроса далеко позади оставшего Юшки, но ответ Ерохи различил справно, и думка его со злостью зацепилась за стрельца: «Ишь ты! – мысленно обратился он к Ерохе. – В раю он побывал! Я вот наябедничаю воеводе про утерю пищали, с тебя спросят, так спросят, что жизнь адом покажется... Однако, я старший и, ежели разобьётся, то я сам виноват в том, что не досмотрел, не уследил, с меня и спрос по полному ответу будет... Придётся самому отбрёхиваться... Да, была не была, скажу, что пищаль пропала вместе с Фёдором при снежном обвале – на камне... А Яшка в случае с пищалью ни при чём, он по скудости ума хотел как лучше, а вышло не очень. Всё, что обещал, Яшка дал: и ходунки, и жратву. Принял нас, как дорогих го-

стей, уважение оказал, не мог он пишалъ взять, не мог... А думается мне, что к пропаже ружья каким то боком, но причастен Таюк. Этот знатный вогулич ещё натворит нам бед, с ним ухо остро держать надобно».

За один день путники одолели полных двадцать вёрст. Отдохнувшие, отъевшиеся, со свежими силами они без привалов прошли всё расстояние, намеченное на день. Артём каким-то чутьём догадывался, что надо одним дневным переходом уйти подальше от вогульского стойбища. Когда проходили мимо Савкиной могилы, он ненадолго остановился, снял шапку, прочитал молитву, перекрестился и, не теряя времени, тронулся дальше. К позднему вечеру того же дня они вышли в верховья Актая, туда, где когда-то три дня плутал Артём. Здесь у него был охотничий стан, место нажитое и облагороженное: добротнo связанный на два ската шалаш и заготовленные для костра дрова. Они освежили еловыми ветками кровлю и подстилку в шалаше, приготовили вечерю, насытились. Ероха завалился спать, а Артём улёгся у костра на еловых ветках и, глядя в звёздное небо, задумался о своём, о Прасковье, о детях, о родителях. Юшка взял бумагу, перо, погрел медную чернильницу над огнём и, пристроившись к костру, стал записывать расчёты о пройденном пути.

– Юшка, сколько тебе годков? – спросил Артём.

– Девятнадцать, – не отрываясь от дела, ответил тот.

– Вот, и мне столько же было, когда я первый раз задумался о сибирской стороне.

После некоторого молчания Юшка закончил своё дело и, аккуратно уложив принадлежности в торбу, спросил:

– А тот крест, что на левом берегу реки Ляля, кто там поконтят?

До полуночи Артём рассказывал Юшке свою сказку о том, как познакомился с Прасковьей, о друге Савке, обо всём, о чём хотелось ему рассказать.

Ночью подул сиверко и заметил снежной пургой. Наступившее серое утро не порадовало Артёма. Невесть откуда появившаяся тревога беспокоила его. Вроде всё, как всегда, но как-то шумно стало в тайге, тревожно. «Вон и сороки без толку трещат, – заметил он. – В этакую-то непогоду сидеть им по веткам, хохлиться, а они разлетались». Где-то неподалёку, шумно круша рогами сухостой, пробежал лось. «Неспроста это, – подумал Артём, – его с лежища поднял кто-то». Мелкое зверьё, белки, куницы, суетясь в кронах деревьев, сыпали ствольной шелухой и стряхивали с ветвей снеговые шапки. Зашевелилась тайга, затревожилась, словно кто-то невидимый разворошил спокойный уклад лесной жизни.

– Неспроста то, неспроста, – заметил вслух Артём.

– Чё, Артемий, бормочешь себе под ус? – поинтересовался Ероха.

– Что-то беспокойно ныне в тайге.

– Да? – Ероха поглядел по сторонам, прислушался, – кажись, всё в по-

рядке, сороки трещат – так, может, падаль не поделили, а лось сквозь чащу проломился, стало быть, от волков уходит, – невозмутимо, спокойно объяснил он.

– Может, ты и прав, – неуверенно согласился Артём, но чувство тревоги не оставило его.

В путь вышли поздно. Серое смурное утро затянулось и не уступало своего времени начинающемуся дню. Плотная хмара перекрыла небо и заслонила солнце. Юшка, идя за Артёмом впереди Ероха, сетовал:

– Плохо без солнышка путь верный держать, враз и не определишь, где полудённая сторона.

– А ты по мху на деревьях смотри, – посоветовал стрелец.

– Так-то оно так, но по мху – верно не укажет.

– Отчего ж не укажет, вот, смотри, – Ероха заглянул за близь стоящее дерево и ткнул в мох пальцем, – где мох, там и полночь, – махнул он неопределённо в северную сторону.

– Мне надобно знать точное направление – куда мы идём и в какое время дня делаем основные свороты.

– Ты где ж таким мудрёностям научился?

– Когда при монастыре был – книги умные читал, а в приказ перевели, так я для дьяка отписки хожалых людей переписывал и планы земель разных с листа на лист переносил.

– Ты по-заморски балакать можешь?

– Могу по-латыни.

Впереди идущий Артём внезапно остановился, и зазевавшийся за разговором Юшка налетел на него сзади.

– Чё встал-то? – почему-то шёпотом спросил он.

– Кажись, медведь рявкнул! – негромко ответил Артём.

– Какой медведь?! Зима же! – не поверил подоспевший к ним Ероха.

Саженья в сорока от них ещё раз рыкнуло, и Ероха, насторожась, воскликнул:

– Ё-маё, а и взаправду медведь!

– Шатун и, судя по рыку, здоровый, – уточнил Артём.

– Это опасно? – спросил Юшка.

– Его кто-то поднял из берлоги и теперь он голоден, а это значит – злой, и лучше с ним не встречаться, – объяснил Артём.

– Всё, Юшка, меняем сторону хода, а не то нам придётся портки менять, а у меня в запасе других нет, – тихим, пугающим голосом пошутил стрелец.

– Пойдём вперёд, сворачивать не будем, но пищаль, на всякий случай, заправим, – сказал Артём и занялся перезаряжать ружьё. – Ежели шатун на нас выйдет, – между делом наставлял он попутчиков, – бежать от него нельзя, медведь расценит это как слабость и станет догонять, а коли кинуться на

него, он примет это как вызов и будет защищаться, лучше стоять и показывать вид, что мы его не боимся, но и нападать не собираемся. – Артём подсыпал зелья на полку, взвёл курок и, с пищалью наготове, пошёл первым. Юшка последовал за ним, у писаря от испуга враз взмокла спина и заметно задрожали руки. Он, вытянув шею и словно приплюхиваясь к округе, с опасливым видом на лице оглядывался по сторонам. Ероха, показывая свою бесшабашность, пытался шутить:

– Юшка, я вот иду за тобой и чую: пар от тебя вонючий валит, ты, дружок, часом не обгадился?

– Нет, но ежели взаправду сказать, боязно, ажно взопрел весь, – честно признался парень и, распустив узел пояса, распахнул полы зипуна.

Примерно через версту Артём остановился, прислушался.

– Не слышать вроде? – заметил он. – Или он отстал, или затаился и идёт следом.

– Ежели медведь увязался за нами, то он себя ещё проявит, – рассудил Ероха.

Юшка, пока была опасность, напрочь забыл следить за направлением и делать заметки: потеряв ориентир, он стал осматриваться по сторонам.

– Что, Юшка? Лешак голову заморочил? – спросил Артём.

– Есть малость.

– На этом месте и я когда-то плутал. Только чуток слабинку дашь, растеяешься, тут лешаки тебя в оборот и возьмут: башку так закрутят, что потом трудно оправиться. Ну да ничего, по первому разу с кем не бывает, – успокоил писаря Артём.

Остаток дневного пути прошли без происшествий. Но в одном месте, на тропе, Артём обнаружил свежий след вогульских ходунков и брошенную, со снятой шкуркой, тушку куницы.

– Какой-то нерачительный охотник тут был, – вслух заметил Артём. – Без собаки промышляет и тушку кинул. У радивого охотника бросовое мясо на приманку хищному зверю идёт. Неспроста то... Неспроста.

На ночлег выбрали открытое место посреди поляны. Артём решил: на просматриваемом месте безопасней отдыхать: ежели медведь увязался за ними и, учуяв запах съестного, решится напасть, то не застанет их врасплох. Артём и стрелец хозяйничали, поддерживали огонь, варили жратву, устраивали лежак. Юшка же занемог, его бил озноб, чресла одолела слабость, он весь покрылся холодной испариной, а это означало – захворал, и не на шутку. Артём, приметив Юшкину слабость, не тревожил парня и наказал стрельцу приглядывать за ним. Ночью объявился медведь. Он, рвякая, треща мороженым тальником, ходил по округе, но к открытому огню подойти не решался. Артём и Ероха попеременно стерегли костёр. Юшка в полудрёме, в полубреду лежал на еловой подстилке, прикрытый Артёмовым полушубком, и казалось ему то,

что происходит вокруг, и сном, и явью.

Утром Юшка почувствовал себя лучше, слабость была, но озноб прекратился.

– Идти сможешь? – спросил Артём, готовясь в путь.

– Смогу не смогу, а идти надо, не горевать же здесь, – хорохорясь, ответил писарь.

– Ежели заминок не будет, то к полудню выйдем к Туре, там у меня землянка тёплая, кое-какой припас есть, знахарить тебя будем, а пока, паря, держись, – подбодрил Юшку Артём.

Ероха, обойдя кругом стана, вернулся:

– Всё в округе истоптал косолапый, кое-где совсем близко подходил к стану, зараз, чай, залёт где-то, время выжидает, – озабоченно сказал стрелец. – Не отступится он от нас, следом пойдёт, – предположил он.

Артём распределил между собой и Ерохой Юшкины вещи, и они тронулись далее. Медведь, своим звериным чутьём унюхав немощ одного из людей, уже не таясь следовал за ними, открыто выжидая удобного случая отбить слабака или пожировать на дармовщинку, дождавшись, покуда человек сам издохнет. Так хищник выбирает из стада диких коз или табуна оленей себе жертву, поэтому не пуганый людьми, не стреляный пищальями медведь шёл следом за человеком.

С каждой пройденной верстой Юшка всё больше слабел и, когда, по словам Артёма, до землянки оставалось всего ничего, парень осел на подкосившихся ногах и впал в беспамятство. Ероха и Артём связали Юшкину пару лыж за хомутки, чтобы не разъезжались, провертели ножами в гнутых носках ходунков отверстия, привязали к ним верёвку, уложили на них хворого писаря, стрелец впрягся грудью в лямку и потянул лежак – салазки дальше. Артём шёл позади и следил за медведем: тот, чуя скорую поживу, обнаглел, с подскоком бежал совсем близко, тянул носом воздух и смотрел грустными глазами на Артёма. Через пару верст Ерошка выдохся, он скинул через голову верёвку и устало, не скидывая ходунков, присел в сугроб:

– Валить надо косолапого, словно баранов нас гонит, идёшь и оглядываешься с опаской, – устало выговорил он.

– До избы ещё с три версты будет, вот и пушай медведь туда своим ходом идёт, чтоб мясо не тащить, – рассуждая, ответил Артём.

К зимовью подошли засветло. Наполовину врытая в землю изба, две сажени в ширь и три в длину, выглядела добротной: связанные в обло углы, проконопаченные мхом ряды с накатом из брёвен на кровле. Утеплённая сверху пластами дёрна, изба была похожа на небольшой дом без окон. Затопили печь. Юшку уложили на единственный узкий толчан, он трясся в ознобе, бредил, бормотал неразборчиво и мотал головой. Выхолощенная холодом маленькая избушка прогревалась долго: глинобитная печь раскалилась, а на стенах из-

морозы висла хлопьями. Чтобы дотемна управиться с медведем, Артём и Ероха поспешили. С пищалью наготове – Артём первый, за ним с саблей наголе стрелец – они сторожко пошли на зверя. Медведь, увидав двигающихся на него людей, приподнялся на задние лапы, пригляделся, рыкасто рявкнул. Артём, зная, что медведя одной пулей да с далёкого расстояния не свалить, подходил ближе, Ероха чуть сбоку за ним. Зверь принял вызов и, как бы нехотя, осторожно, пошёл на людей.

– Саженой десять!.. Пали!.. – шепотом торопил Ероха.

Артём молча прицелился и сосредоточенно, шаг за шагом стал продвигаться ближе к медведю. Тот, готовясь к атаке, сначала осел на задние лапы и с подскоком сорвался на наступающих. С расстояния пяти саженой Артём выстрелил, зверь на бегу дёрнулся, мотнул головой, словно стряхивая дурман, кровавые брызги всером разлетелись от его морды, и, очухавшись в одно мгновение, медведь подлетел к ближнему человеку. Артём, прикрываясь пищалью от бокового удара медвежьей лапы, хотел отскочить в сторону, чтобы дать возможность стрельцу свободно сработать саблей. Но медведь, опередив Артёма, с прыжка ударил его лапой наотмашь в плечо так, что Артём кулем, оторвавшись ногами от земли, улетел в сугроб. Справившись с одним человеком, медведь встал в рост и, загребая лапами, как маховиками, воздух, пытаясь достать стрельца, пошёл на него. Ероха, улучив выгодное положение, когда медведь раскрылся, сделал выпад и вонзил саблю в открытую грудь зверя, в следующее мгновение стрелец пригнулся и, уходя в сторону, ловким движением распорол косолапому брюхо от груди до промежности. Медведь, ещё не расчухав случившегося, в агонии, продолжал идти вперёд, внутренности его, теряя кровь и паря на морозе, вывалились и тащились за ним по снегу, с каждым последующим шагом силы покидали зверя, он остановился и, покачавшись на дрогнувших лапах, рухнул.

Артём с трудом выкарабкался из снега. Потирая ушибленное плечо, он, прихрамывая на правую ногу, подошёл к Ерохе, тот с холоднокровным спокойствием, вытирая о снег клинок сабли, спросил:

– С животом, Артёмий?

– Руку выбил и ногу подвернул. – Артём заглянул себе за плечо и, приложив здоровой рукой оторванный клоч с полушубка, смешливо посетовал: – Вот, одёжку попортил!

Довольные, что всё обошлось малыми потерями, мужики засмеялись. Так, с улыбочками на лицах, они осторожно приблизились к подыхающему зверю. Медведь, елозя лапами по снегу, пытался встать, но силёшек не хватало и он, желая защититься, огрызнуться, оскалиться, задира морду, но ни рыка, ни устрашающего оскала не получалось; его разможенная пулей нижняя челюсть с остатками клыков, языка и шкуры, болталась под брылами. Медведь грустными, казалось, словно человеческими глазами, беспомощно

глядел на людей так, что Артём, не в силах выдержать его взгляда, отвернулся. Ероха знающе, деловито вытянул саблю из ножен и, как топором, размашисто хрястнул лежащего медведя поперёк загривка. После они сняли с него шкуру, вытянули требуху, отрезали заднюю лягу и, закопав в снег остатки туши, взяв ляжку и шкуру, вернулись в избушку.

Юшка по-прежнему был в бреду. Артём и Ероха раздели писаря донага, уложили его на жирную, с остатками мясных срезов мездру разостланной шкуры. Артём принёс из закутка туес с соговым мёдом от диких пчёл, обмазали с ног до головы им хворого, обернули плотно в шкуру мехом наружу и, укутанного, как младенца, уложили на топчан. Парня бил озноб так, что медвежья шерсть ходила ходуном, а сама шкура краями расплзалась, оголяя совсем ещё юное не окрепшее худосочное тело

– Лихоманка одолевает парня, ажно зубами стучит, – с сожалением шёпотом проговорил Ероха, поправляя, запахивая поплотнее на Юшке шкуру. – Так-то он всю ночь распахиваться будет – не уследишь, я вот зараз пояском его перехвачу, чтоб надёжней было. – Он снял с себя пояс, перетянул поперёк по серёдке им шкуру и завязал крепким узлом, – ну вот, так-то оно лучше.

– Ежели к утру не очухается – худо будет, – сказал Артём.

– Да, так оно, на всё воля Божья, – перекрестившись, изрёк стрелец.

Они поставили котелок с медвежьим мясом на печь, но ждать, когда мясо отварится, не было смысла. Самец был взрослый и крепкий, скоро его не приготовишь, варево дойдёт только к утру, а жрать хотелось сейчас. Кроваво-бурая, круто посоленная печень зверя на раскаленном камне приготовилась скоро, съели её быстро. Спать улеглись теснёнхонько на глиняном полу.

Артём, почуяв наступающее утро, пробудился и первым делом в крошечной темноте тесной избушки, приглядевшись в сторону топчана, сквозь шумный храп Ерохи прислушался.

Укутанный в медвежью шкуру Юшка не подавал признаков жизни. Артём растолкал спящего стрельца:

– Слышь, Ероха?

– Чё?

– Тишина.

– Может, он того?

– Надо проверить.

В печке расшевелили не потушенные за ночь угли, подкинули дров, через открытое хайло огонь осветил землянку. Ероха, склонившись над кулём, стал разворачивать его, Артём стоял рядом и из-за Ерохиного плеча пытался глянуть на Юшкино лицо. Первое, что они увидели – неподвижные, широко открытые глаза, смотревшие, не моргая, прямо на стрельца. Испуг на мгновение овладел Ерохой:

– Фу! Дьявол! Напужал! Чё глазищи-то выгарашил? Я уж думал, ты... –

Артём ткнул Ероху в бок, стрелец осёкся и, не зная, что сказать, неуверенно выговорил: – Живой, и ладно.

– Ты, как? – спросил Артём

– Жрать хочу, – слабым голосом ответил Юшка.

– Зараз, паря, мы тебя мясным отваром попотчуем, – исправляя свою оплошность, первым отозвался Ероха.

Тревога вчерашнего дня отошла, отлегла от сердец и они оба разом зашевелились, за суетой не показывая своей радости. Ероха, взяв котелок с печи, по-отечески, с ложечки стал кормить Юшку, Артём занялся по хозяйству: разгрёб снег у землянки, наколот дров и пополнил початую поленницу, стоящую у самого входа в землянку. Сходил на речку, вырубил майну, спустил в неё морду, чтоб к вечеру была свежая рыба. Если питаться одним медвежьим мясом, можно брюхом затужить. За работой Артём думал: «Юшке, чтобы набраться сил, нужно время... У меня плечо зудит, нога ноет... Скоро выйти в обрат не получится... Дня три-четыре мы здесь ещё пробудем, а ежели так, то надо хорошенько подготовиться, чтобы обратный путь был без помех и потерь». Вернувшись в землянку, Артём наперво спросил шёпотом у Ерохи:

– Ну, как он?

– Уснул, – тихо ответил стрелец. – Давай, Артёмий, поснедаем? – предложил Ероха, – Смотри, как мясо разварилось, жаль – заправить нечем, крупичи бы какой – ан нет, обрыдло уже одно мясо жрать, были б ещё зубы – ан и зубов нет, да што теперь делать-то, брюхо набивать чем-то надобно, – стрелец суетился и ворчал, как баба у печи.

Артём улыбнулся этому своему сравнению и, чтобы спрятать улыбку за словами, заговорил:

– Зараз пожорим да за остатним медведем пойдём, промедлим – волки растащат. За три дня его надо раздербанить, наварим кусками, подсушим, в пути сгодиться, рыбёшки наловим, наморозим, соль есть, обратную дорогу как-нибудь одолеем, лишь бы Юрок поправился.

На подходе к схрону с закопанной в снег тушей медведя, Артём и Ероха услышали птичий гвалт, каркало вороньё, трещали сороки, курлали вороны. Товарищи, поняв, что схрон обнаружен, прибавили ходу. Заметив людей, птицы прекратили клевать мясо, насторожились.

– Ах! Вы! Мать вашу! Бесово отродье! – заорал Ероха и замахал руками, – Кыш, проклятушие!

Хитрые сороки низом улетели в чашу, наглое вороньё россыпью разлетелось в стороны и расселось на близких ветвях деревьев наблюдать, что будет дальше. Четыре больших ворона продолжали сидеть на терзаемой туше и невозмутимо взирали на подходивших людей. Ероха подбежал первым, Артём подоспел следом. Вороны неохотно, натужно взмахивая крыльями, снялись с туши и, взлетев, уселись на ближайшие макушки елей. Никто не хотел упу-

скасть свой кусок добычи.

– Вот-те на! – возмутился Ероха, – был медведь с тремя лапами, а тут, глянь – один передок остался...

– То не вороны, то вогулы ополовинили тушу, а остаток зверью на прикорм кинули, чтобы нам не досталось, – высказал своё предположение Артём. – Волки не оставят мясо, пока всё не изложут, птицы так быстро не могли растащить. Тут человек был. – Артём, обходя тушу, пристально глядел на утопанный в округе снег. – А вот и следы их ходунков: двое их было, и ушли они туда же, откуда пришли, – рассудил Артём вслух.

– Значит, вогулы всю дорогу за нами вязались, – догадался Ероха и выругался: – ... Мать-честная! Они за нами, как тати, крадутся, а мы их ещё и подкармливаем. Может, догоним нехристей и врежем как следует, чтоб неподвадно было – чужое брать.

– Вогула в тайге не догонишь и не найдёшь, здесь они нам нос утрут, – пояснил Артём.

– Неужто так и оставим? – недовольно сказал стрелец

– Мнится мне: они всё одно где-то здесь, недалече хоронятся; их Таюк за нами приглядывать послал, так что они за нами повсюду таскаться будут. Ну, и пушай, у их своя забота, у нас своя. Нам царёво дело до конца довести надобно. Давай забираем, что осталось, и до землянки ворочаемся.

– А ить там Юшка хворый остался, – обеспокоено отозвался Ероха, – не ровен час, вогулы на стан наведуются, однако, поспешать пора.

Артём срубил небольшую бёрёзку, стесал с неё лишние сучки, затем они катом перевалили на раскидистые ветви тушу медведя и, взявшись за комель, как два вола, потянули волокушу с добычей к зимовью.

Проснулся Юшка и не сразу сообразил – где находится. Вонючая шкура медведя терпким запахом шибала в нос, в рот лезла жёсткая шерсть, измазанное жиром тело жутко чесалось. Ему, ослабшему от болезни, не хватало силёшек высвободить руки, и он, укутанный как дитё, лежал недвижно и смотрел в тёмный потолок. Память потихоньку возвращалась к нему, мысли чередой полезли в голову. Юшка думал: «События последнего времени круто изменили мою жизнь: тихое монастырское прошлое бытиё сменилось насыщенным приключениями настоящим житием. И ежели б я туточки сейчас умирал, прости мя Господи, то никак бы не пожалел, что вырвался из приказа». Заслышав скрип снега под ногами людей, подходивших к зимовью, Юшка повеселел. «Други вернулись», – с радостью подумал он и уж хотел было крикнуть что-то приветливое, но решил подшутить над друзьями и притворился спящим. Дверь скрипнула, приоткрылась, вовнутрь заглянул человек: голова в косматой шапке оглядела землянку. Юшка, чуть-чуть приоткрыв глаза и признав чужого, от испуга съёжился, втянул голову в плечи, вжался в нары, затих.

Хитрый, догадливый Сатыка приметил закутанного в шкуру Юшку, он не стал заходить вовнутрь, осторожно прикрыл дверь, задумчиво постоял и, найдя решение, оживлённо сказал своему напарнику:

– Там молодой москвит прячется, его и землянку сжечь надо.

– Таюк сказал: не убивать, – испуганно возразил молодой вогулич.

– А мы никому не скажем. Всё сторит и никто не узнает, ежели ты не проболтаешься! – Сатыка угрожающе посмотрел на напарника и дотронулся рукой до рукояти ножа, висевшего на поясе.

– Нет, нет, что ты, никому не скажу, – испуганно согласился молодой вогулич.

– То-то, смотри у меня, а не то, – Сатыка вытянул на половину лезвия ножа из ножен, – что зверь, что человек, мне ни до кого нет жалости. – Видя, что парень струсил и впредь будет исполнять всё так, как захочет он, Сатыка добродушно сказал: – Ладно, давай, помоги, – он уперся руками в стоявшую у входа поленницу, поднатужился и столкнул её на дверь землянки. Затем дрожащими от волнения руками стал высекать искру из двух кремнёвых осколков. Не сразу, с трудом фитиль затлеет. Сатыка раздул огонь, подпалил бересту и уложил её под рассыпанные поленья. Вогулы подождали, пока пламя не разгорелось, и, убедившись, что огонь подхватился за поленья основательно, быстро двинулись в обрат по тому же следу, каким пришли.

Юшка слышал, как, грохоча о дверь, рассыпалась поленница, он с негодованием подумал: «Озоруют, нехристи, да то не беда, придут дружки – разберут завал». Он стал прислушиваться, что будет далее. И через некоторое время услышал непонятный слабый треск, а затем шорох удаляющихся ходоунков. «Ну, Слава Богу! Ушли!» – успокаиваясь, прошептал он.

Сухие дровишки занялись огнём быстро, треск разгоравшихся поленьев усилился, и в дверные щели начал просачиваться слабый дымок. Догадавшись, что сотворили вогулы, Юшка, ужаснувшись от мысли, что может стореть заживо, стал извиваться как уж, выкручиваться всем телом, после некоторых усилий он выскользнул из шкуры и голышом кинулся к дверям, ударил в них плечом раз, другой, не получилось, рассыпанная поленница держала дверь накрепко. «Вот давеча, на этом же самом месте, помянул я смерть, она и припёрлась за мной... Второй раз уж в пекло попадаю... Там-то, в Вологде, не заперт был, а тут?...» Мысли судорожно путались в голове, а решение так и не приходило. Вдруг его осенило: попробовать выбраться через кровлю. Одним прыжком Юшка взлетел на топчан, упёрся руками в потолок, поднатужился, пытаясь приподнять или раздвинуть накат из брёвен, да где там, осилить добротню сработанную Артёмом кровлю с кондачка не вышло. В отчаянии Юшка сел на топчане, скрестив ноги, обхватил голову руками и, качаясь из стороны в сторону, стал, как собачонка, подвывать. Сначала дымом затянуло верх под потолком, и, по мере заполнения им землянки, плавно растекаю-

щаяся пелена накрывала Юшку, словно погребальным саваном. «Что делать, Боже?! Что?!» – возопил он и вспомнил своё прошлое спасение из горящей избы. Он схватил медвежью шкуру, завернулся в неё, закатился под топчан, уткнулся лицом в сырой, прохладный земляной пол и принялся творить молитву о спасении.

Ероха и Артём, тужась от усилия, взопревшие от напряжения, тащили волокушу к зимовью, Вдруг Ероха потянул воздух носом и остановился:

– Чуешь, кажись, гарью пахнет? – спросил он.

– То свежим дымком потягивает, – согласился Артём.

– Неужто Юшка очухался и печь затопил? – предположил стрелец.

– Из одной трубы – да столько дыма? – усомнился Артём, – что-то неспокойно мне, кидаем всё и к зимовью, быстро!

Оставив волокушу, они бросились к избушке.

Пожар скоро расходился по сухим брёвнам избушки. Пламя, поднимающееся вверх, взялось подлизывать козырёк наката, передняя стена с дверьми была уже вся объята огнём, разгоревшаяся большим кострищем разваленная поленища пыхала жаром.

Артём с налёта, скинув с ног лыжи, принялся как лопатой – ходунком, закидывать снегом пламя. Ероха загнутым концом ходунка раскидывал горевшие головни из кучи, чтоб подобраться к входу. Раскидав дрова по сторонам, Ероха стянул с себя кафтан и с маху, хлётко сшиб пламя с обгоревшей двери и, пока она не занялась огнём сызнова, вырвал её с петель, откинул в сторону и, хватанув полную грудь воздуха, вошёл внутрь. В сплошном дыму, ничего не видя, он добрался до топчана, руками ошупал лежанку – пусто, ногами обтоптал весь пол по избушке – ничего. Артём продолжал закидывать переднюю стенку снегом. Ероха выскочил из избы чумазый, со слезящимися глазами, схватил пригоршню снега, вытер им лицо и, быстро отдышавшись, хриплым голосом еле выговорил:

– Там Юшки нет.

– Как нет?! – не переставая тушить пламя, удивлённо переспросил Артём.

– Нет, – пожав плечами, растерянно подтвердил стрелец. Из-за его спины клубами валил накопившийся в избушке дым.

– Лады, давай потушим, потом разберёмся, – решил Артём.

Юшка потерялся во времени и не понимал, сколько его прошло. Он не слышал, что творится вокруг и не осознавал, где находится. Закутавшись с головой в шкуру, Юшка тараторил молитвы и впал в состояние, граничащее со светом живых и миром мёртвых.

Справившись с огнём, Артём и Ероха вошли в избушку, огляделись – никого. Вдруг до их слуха дошло слабое глухое бормотание, Ероха заглянул под топчан и, сдерживая смех, прыснул в кулак. Тихонечко стрелец рукой

поманил Артёма, тот встал на колени и заглянул под топчан, там был Юшка. Парень в ужасе от страха забился, уткнулся головой в самый дальний угол под лежаком и, скукожившись, сидел на корточках, укутанный в шкуру так, что из-под неё торчали трясущиеся подошвы ног и часть голой задницы. В сумраке под топчаном, кроме голых пяток и зада, ничего нельзя было разглядеть, и казалось, что именно то торчащее голое место и бубнит.

11. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Тяжелы и опасны походы первооткрывателей. Достигнуть намеченной цели: дойти и найти – это первая часть поставленной задачи; вторая часть не менее трудна: требуется то, что ты нашёл и разведал, донести до людей, иначе жертвы были напрасны.

Последующие два дня Артём, Ероха и Юшка готовились в обратный путь. Прогоревшую дверь навесили на петли и затянули медвежьей шкурой, чинить или ладить новую не было времени. Зимний день короток и надо успевать все дела сделать засветло. Юшка ещё хворал, но выглядел уже бодро; в мерклом свете лучины, разложив на столе письменные принадлежности, он подолгу корпел над бумагами, делая поправки и расчеты в своих записях. Ероха душой привязался к этому шуплому юнцу и всячески оберегал его, радел за парня: за едой стрелец подкладывал писарю кусочки посмачней и заботливо подливал в плошку отвар из брусничника или настой на меду. Когда Юшка выскакивал по надобности на мороз, Ероха по-отечески заставлял его одевать шапку и сам накидывал ему на плечи зипун. Юшка благодарно относился к заботам Ерохи. По вечерам, когда уже темнело и за день все дела сделаны, Юшка с удовольствием рассказывал по памяти книги. Особенно Ерохе нравилось про Индию, и он просил:

– Расскажи про то, как султан выезжает, или про черных людей.

И Юшка рассказывал:

«А все чёрные люди, а все злодеи, а жёнки все бляди, да веди, да тати, да лож, да зелие, осподарев морют зелием...»

Артём готовился в обратный путь основательно, продумывая всё до мелочей. Теперь его главной задачей было довести Юшку и Ероху до Чердыни в целости и сохранности, чем быстрее – тем лучше. Опасаясь, что вогулы надумают сотворить ещё какую проказу, Артём и Ероха по очереди дежурили по ночам. За заботами прошло время сборов, и на утро четвёртого дня от прихода на это место они вышли в обратную дорогу. Два дня путники шли без заминок и приключений. Вогулы их не тревожили; ни медведи, ни волки и никакая другая нечисть препятствий не чинила. На первой ночёвке в тайге всё обошлось спокойно, лишь неясный мышковала и всю ночь, как призрак, летала над станом, шелестом крыльев пугала Юшку и не давала спать. Артём же с Ерохой чутко дремали: время от времени то один, то другой поднимали головы от лежанки и настороженно слушали таёжную тишину, не почуяв сторонних шумов, успокаивались и снова засыпали. Утром Юшка, по обыденности своей, встав лицом на восход, держа в руках перед собой походный складень, прочитал утреннюю и заступнику путников Николаю Угоднику молитвы, Артём прошептал короткую о спасении, Ероха, не утруждая себя,

три раза широко перекрестился и принялся за варево. Наскоро поев, путники вышли далее.

Вот уже два дня Артёма мучила одна думка: заходить к Яшке или обойти стойбище стороной. После полудня на подходе к урочищу Юрты, так и не определившись в решении, он обратился к стрельцу:

– Слышь?.. Ероха? – крикнул он громко на ходу.

– Ну? – откликнулся тот.

– Я всё думаю, заходить к Яшке – али нет?

– Да постой ты... Я впопыхах ничего не пойму, чо ты там балакаешь?

Артём остановился. Юшка и Ероха подошли следом.

– Ерофей, ты бывалый мужик, – уважительно заговорил Артём. – Как ты мыслишь? После всех пакостей, что делали нам вогулы, стоит ли заходить в Юрты?

Ероха, не торопясь с ответом, отдыхиваясь от ходьбы, снял рукавицу, огладил рукой заиндеветые усы и бороду. Артём и Юшка с вопросом в очах ждали. Стрелец, польщённый обращением Артёма к нему уважительно, тянул время, он высморкнулся на снег, обтёр испачканную соплями руку о штанину и, наконец, заговорил:

– Знаешь, Артемий? – начал он велеречиво, как тараруй. – Я так думаю! Почему вогулы сейчас не вяжутся за нами? – спросил он и сам ответил: – Да потому, что они ждут: зайдём мы на обратном пути али не зайдём? Ежели зайдём – значит, страха перед ними в нас нет, а вот ежели обойдём стойбище, то, стало быть, мы убоялись нехристей... – выдержав время, стрелец договорил: – Я так мыслю: надо заходить.

Выслушав Ероху, заговорил Артём:

– Помните? Когда Яшка нас приглашал, сказал, что через луну будет праздник.

Писец и стрелец подтвердили.

– Ну, так вот, луна ныне обновилась, прошло семь дён, значит, сегодня срок гуляний.

– Авось пожирuem, – довольно заметил Ероха.

– Как-то они нас примут? – помня поджог, боязно сказал Юшка.

– Ну, коли порешили разом, тогда айда, – согласился Артём и пошёл первым. А у самого на душе кошки скребут, предчувствие плохого не покидает его, да делать нечего, решение принято, надо идти.

Глухие удары бубна раскатисто разносятся по тайге. В стгушающихся сумерках ритуальный костёр горит ярко и пышно. От всполохов огня прыгают тени людей. Бубен отбивает такт. Женщины, со скрытыми под берестяными личинами лицами, пляшут, улюлюкают и кричат на разные голоса – подражая птицам и зверью. Мужчины, как и подобает им, сидят степенно и ведут беседы. Артём, Ероха и Юшка появились в свете огня в тот миг праздника, когда

раскрепощенные люди, разогретые едой и опоённые зельем, одурманенные всеобщей радостью и сплочённые одним родством, стали одним целым сообществом. Не ожидая чего-то из ряда вон выходящего, люди забылись так, что только упавшее небо, гром среди зимы или пришествие духов могло остановить веселье. Сначала пришельцев никто не заметил. Артём снял ходунки, воткнул их пятками в сугроб и вышел вперёд, ближе к кострищу, Ероха и Юшка последовали за ним. Бубен ударил раз, другой и всё тише – третий, четвёртый, совсем затих. Несколько женщин, опьянённых танцем, ещё по разу крикнули, взмахнули руками и, словно злой дух Куль заколдовал их, окаменели; разговоры мужчин остановились на полуслове.

Артём оглядел всех вогулов, увидел Яшку и не узнал его: Абакын сидел среди своих соплеменников-мужчин с каменным лицом и выглядел постаревшим. Поняв, что за то время, пока они не виделись, что-то случилось, Артём, быстро соображая, как быть, заговорил первым:

– Доброго здоровьица тебе и всем твоим людям, Абакын, – оказывая уважение, почтительно поприветствовал он.

– Сдорово Артём, – просто ответил на приветствие Яшка.

– Почему такие перемены? Ты сам приглашал нас на праздник луны, вот мы и пришли.

– Да, я пригласил тебя и от своих слов не отказусь. Ты мой гость, и долг велит мне принять тебя, накормить, напоить, дать кров и ночь спать, всё это я выполняю.

Артём догадался, что Яшка на людях не откроется, подошёл ближе и предложил ему:

– Поговорим с очей на очи?

– Поговорим, поцёму не поговорить, – согласился Яшка.

Артём присел рядом, а Яков попросил своих людей отойти подальше и приказал женщинам накормить Юшку с Ерохой.

– Говори, Яков, что случилось? На тебе лица нет, сидишь, как истукан.

– Зацем вы пришли, не надо было кодить. Зил Яшка спокойно, всё было коросо, тепель всё плоко... – грустно ответил он.

– Что плохо? – осторожно наседали с вопросами Артём. – Говори, не тяни кога за хвост. Может, мы вместе разрешим твои неурядицы?

– Ты знаешь? Я думал: убью всех, её убью, его убью, а убил сына.

– Как же так?

– Таюк обманул меня, как зверя заманил, я думаю: зацем ему это надо? Нашу Косту взял – роднёй стал, коросие слова мне говорил, а напраслину распустил. Я послушал ик и поверил им. После ик поганных слов, словно злой дух Куль вселился в меня, глаза затмил злобой. Таюк сказал, сто моя Надия ночь была с писарем, я бил её, сильно бил, потом спрашивал. Она сказала, не кодил, старука сказал, не кодил, ты спреси писаря: он кодил?

– Да ты, Яков, очумел. Не мог Юшка такого вытворить, честный он – бойкий человек. Да и где, когда они могли встретиться наедине? Это Таюк нас лбами сталкивает, чтобы мы путь в Сибирь не ставили.

– Теперь я знаю, дом маленький, спали все, езели кто встал, я бы цуял, ты бы цуял, старая бы цуял. Нет, никто не цуял. Плокой я, брата убил, Надию бил – сына убил, плокой, совсем плокой.

Артём поглядел на Яшку: за одну неделю он заметно постарел, осунулся, в глазах пропал живчик.

– Ты, Яков, сначала делаешь, потом думаешь, зараз сетуешь о том, – упрекая вогула, высказался Артём. – Что с твоей женой теперь случилось, где она?

– Дома лезыт, она совсем кволый стал, я сильно бил её, она сына бросила, тепель встать не мозет.

– Хочешь, Юшка на кресте – как перед Богом – тебе побожится, что он этого не делал, – предложил Артём.

– Коцю, оцень коцю! – согласился Яшка, кивая головой.

Тем временем веселье продолжилось, женщины встали в круг, и хорон у кострища возобновился, мужчины завели разговоры заново. А Юшка с Ерохой насытились и оба сидели в сторонке с грустным ощущением, что они на этом празднике лишние. Юшка искал глазами Надию, но так и не смог рассмотреть её. Он вглядывался в одинаковые, похожие – для русского человека – лица молодых вогулок и ни в одной не признавал Надию. Сам того не желая, он думал о ней, подспудно, где-то глубоко в душе он желал её и сам себе боялся в том признаться. Его окликнул Артём и попросил подойти. Юшка, не догадываясь, о чём будет идти речь, подошёл и с широкой, приветливой улыбкой поздоровался:

– Доброго здоровьца, Яков! – весело поприветствовал он вогула.

– – Яков в ответ кивнул головой.

Понимая, что Яшка неправильно может истолковать свою мысль, заговорил Артём:

– Юрий, понимаешь, тут так обернулось дело: Яков, по навету Таюка, избил жену за то, что она, якобы, встречалась с тобой.

Улыбка сползла с лица Юшки, покраснев, как рак в кипятке, он стоял и не знал, что ответить.

– Побожись, – попросил его Артём, – перед Богом и людьми, что ты не виноват и не было у тебя злого умысла.

Юшка встал на колени, вытянул за шнурок с груди нательный крест, поцеловал его и, крестясь, троекратно клятвенно произнёс:

– Вот вам крест, пред Богом, пред людьми и перед тобой, Яков, не грешен я в сем, не был я наедине с твоей женой, не прелюбодеял и, – он осёкся и договорил неуверенно, – не возжелал ея.

– Ну вот, что я тебе говорил: не мог он так поступить, и целование креста

в том тебе доказательство.

У Якова мельком блеснула искорка в очах и тут же погасла. Юшкина клятва не принесла ему облегчение, что-то опустело в его душе, оборвалось, истреплѐхло, он вдруг ясно понял, что стал старым и дряхлым, как высушенный мухомор, и так ему стало жалко себя, глаза его увлажнились, и на морщинистую щеку выкатилась слеза.

Приметив слезы, Артѐм, намеренно меняя разговор, спросил:

– Яков, а где зараз Таюк?

– На Лобве, Косту взял и уекал в свой Юрт, – ответил Яшка. – А Сатыку люди видели в парме, кодит где-то кругом, таится.

– Стало быть, он нам и пакостил, – задумчиво произнёс вслух свою догадку Артѐм.

– Сатыка за тобой смотрел, Таюк его заставил, мои люди за тобой не кодил, мои люди дома бил.

– А ты откуда знаешь?

– Окотник один говорил, он тебя видел, Сатыку видел, мне сказал, теперь я тебе говорю.

– Ладно, поздно уже. Ты, Яков, извини. Мы завтра до солнца уйдѐм, и нам надобно отдохнуть. Я гляжу, ты так и не разобрал гостевую юрту, можно, мы в ней переночуем?

Яков согласился, и Артѐм с товарищами ушли на ночлег в юрту, в которой неделю назад гостевал Таюк. Ероха растопил дувал – для согрева. Артѐм подготовил снасти и перебрал провизию, чтобы с утра выйти в дорогу без заминок. Юшка у огня наводил порядок в своих бумагах. Все время похода он пытался держать пост, но когда жрать нечего – не до выбора, и сегодня на празднике с голодухи он переел скоромного, желудок его не выдержал переизбытка жирной жратвы, и теперь в его брюхе всё крутило и булькало, живот пучило, и он время от времени, подхватившись, выбегал из юрты вон, семенил, поддерживая штаны, до ближайшего молодого ельника на окраине поселения и там, в укромном месте, облегчался. Уже и Артѐм с Ерохой улетелись спать, а Юшку продолжали мучить поносные позывы. Прибежав в очередной раз в ельник и сделав своё дело, он услышал шорохи и тихие голоса. Притаившись в густых зарослях молодых елинок, Юшка в свете луны увидел людей: два человека сторожко подошли к краю ельника и о чём-то тихо переговаривались. Приглядевшись, писарь в одном из них признал Сатыку. Не понимая разговора вогулов, он решил проследить за ними и узнать их намерения. Переговоривши, Сатыка крадучись ушёл в поселение, другой остался. Юшка, подозревая, что вогулы о чём-то договорились и затевают неладное, затаих, ожидая, как всё обернѐтся далее.

Праздник заканчивался, и люди потихонечку начали расходиться. Яшка один из первых поднялся с разостланных шкур и, погружѐнный в свои раз-

мышления, не спеша пошёл к себе в хижину. Не дойдя до дома несколько шагов, он услышал тихий оклик.

– Кто? – спросил Яшка.

– Это, я, Сатыка, переговорить надо.

«Ууу, сын волчицы», – зло подумал Яшка, но всё же подошёл:

– Чё надо? – неприятливо спросил он.

– Меня Таюк послал поговорить с тобой. Давай отойдём подальше, я не хочу, чтобы москвиты меня увидели.

Яшка согласился, и они отошли на окраину ельника, где порознь прятались второй вогул и Юшка.

– Говори!

– Таюк просил меня сказать тебе, Абакын, чтобы ты не принимал русских, не давал им еду и кров!

У Яшки от негодования закипела кровь, и он заговорил жёстко:

– Как ты смеешь, сын дохлой волчицы, говорить мне это! Таюк, старая хитрая росомаха, стравливает меня с Артёмом, а он мне друг. И я не буду делать то, что говорит Таюк. По вашему злему навету, я побил Надию и потерял сына. Теперь вы хотите, чтобы я отказался от друга, который спас мне жизнь. Таюка я слушать не буду и поступлю так, как считаю нужным. А тебе, Сатыка, я отрежу твой поганый язык, дабы ты никогда не болтал того, чего не было. Я помню, как вы все надсмехались надо мной, никогда не забуду ваших улыбающихся морд.

Гнев охватил Яшку, и он, выхватив нож, шагнул вперёд. Сатыка на шаг отступил. Яшка сделал ещё шаг. Сатыка, оставаясь на месте, взялся за рукоять своего ножа. Вдруг за Яшкиной спиной в свете луны встала тень, он на одно мгновение отвлёкся, и Сатыка, воспользовавшись замешательством соперника, молниеносным движением руки ударил клинком Яшку в грудь. Ноги старого вогула, словно подломившись пополам, резко опустились на колени, его мёртвое тело мгновение постояло, как бы раздумывая, куда упасть, и, словно решив, рухнуло вперёд головой – лицом в снег.

Второй вогул, с увесистым суком в поднятых над своей головой руках, стоял и не понимал, почему Абакын упал – ведь он не успел его стукнуть палкой по башке – и, когда понял, что случилось, тихо заговорил:

– Ты зачем его убил?! – удивлённо спросил он. – Я хотел его палкой по башке стукнуть, а ты его ножом. Таюку не понравится.

– Я должен был убить его только за то, что он обозвал меня сыном дохлой волчицы, я таких оскорблений не терплю. А ты, Тартын, совсем глупый. Нас никто не видел, значит, нас здесь не было. Пусть все думают, что его убили русские.

Юшка, наблюдавший за всем происходящим из-за дерева, никак не мог взять в толк, почему Яшка упал и молчит. Писарь не мог понять того, что

смерть бывает такой простой и быстрой. Вогулы, что-то переговорив между собой, быстро ушли. Юшка выбрался из укрытия и осторожно подошёл к Яшке, он присел перед ним на корточки и спросил:

– Эй, Яков? Ты с животом? – Юшка перевернул его на спину. Что-то склизкое, тёплое и липкое он почувствовал на руках и вдруг, сообразив, что это кровь, отстранился в недоумении, попятился назад и, ускоряясь, опрометью кинулся вон из ельника. Прибежав в юрту, Юшка растряс заспавшегося Артёма.

– Ты чё? Утро уже? – спросил он.

– Там Яшку убили, – на одном дыхании выговорил Юшка.

– Кто?

– Сатыка.

– Подкинь в чувал дровишек, для света, – попросил Артём. Юшка исполнил. Когда пламя разгорелось, Артём воскликнул: – Мать моя! Едрит ты в коромысло! Всего меня в кровяке вымазал! Юшка посмотрел на свои руки, и тошнота подкатила к горлу, он шустро выскочил за полог и, согнувшись пополам, стал рыгать на снег.

Артём потормошил стрельца за плечо и, когда Ероха очнулся от сна, тихо сказал ему:

– Давай Ероха, подымайся... Там Яшку убили, мы с Юшкой пойдём посмотрим, а ты будь настороже - мало ли что...

– Понял, – сонно ответил Ероха, а когда Артём выходил из юрты, удивляясь, спросил: – А кто, кого убил-то?

– Юшка говорит, что Сатыка Якова зарезал, – пояснил Артём и вышел. – Где? – спросил он у блюющего Юшки.

– Там, – еле выговорил писарь и махнул рукой в сторону ельника.

Яшка лежал на спине с открытыми глазами, смотрящими в небо, и большая, полная весёлая луна, радостно отражалась в его тёмных, остекленевших, мертвых зрачках. Смерть его была настолько быстрой, что на его застывшем лице не было ни страха, ни злобы, ни удивления, оно было спокойным и умиротворённым. Артём опустил перед убитым на коленки, склонился над ним, приложил ухо к груди, потрогал шею.

– Всё, пропал Яшка, коченеет уже, – сказал он и прикрыл покойнику очи.

– Чё делать-то? – спросил подоспевший Юшка.

– Не знаю, – честно признался Артём, мысль его лихорадочно работала. «Что делать, как быть? – думал он. – Ежели оставить его здесь и уйти... нет, так православные не поступают». И, выбрав решение, сказал Юшке: – Его надо отнести к людям, а там видно будет, авось, как-нибудь выкрутимся из этой передраги.

– Так на нас же подумают! – беспокоясь, воскликнул Юшка.

– Знаю, но не оставлять же его здесь, давай, берись, ты за ноги, я за руки –

и поташили!

Они подняли Якова и понесли в поселение, узенькая кровавая дорожка потянулась за ношей по их следу.

В стойбище праздник закончился, и вогулы нехотя разбрелись по юртам. Те, кто постарше, разошлись первыми. Женщины убрали утварь – казаны, блюда, чаши, – растаскивали шкуры. Несколько мужчин, недотолковав о чем-то, шумно спорили у догорающего кострища. Молодёжь, парни и девушки, не желавшие рано расходиться, толпились особняком, придумывая, как весело провести остаток ночи. В это время Артём и Юшка принесли и положили мёртвого Яшку в центр круга, где ещё недавно веселились и плясали вогулы.

Другой раз за одну ночь повторилось событие, заставившее всех остолбенеть от увиденного. Женщины замерли, мужчины замолкли, молодёжь перестала галдеть, и все в немом молчании уставились на пришедших и их ношу. Приходя в себя от временного столбняка, вогулы осторожно стали подходить ближе и обступили Юшку, Артёма и убитого Яшку плотным кольцом.

Артём, пытаясь объяснить вогулам, что произошло, стал путано толковать и показывать руками, мол: «То, не мы, то Сатыка, он в тайге прячется, а мы, мы Яшку нашли, вот принесли». И тут он сообразил, что, кроме Яшки, в стойбище русской речи никто не понимает, и все его усилия объяснить произошедшее тщетны.

Вогулы зашевелились, как растревоженный муравейник, по толпе пошёл гомон недовольства: женщины, подвывая, заголосили, мужчины угрожающе, со злостью стали высказываться на инородцев. Плотный круг вогулов начал сужаться, и, поначалу слабые, потом все яростнее и дерзновеннее, посыпались удары. Толпа толчками оттеснила их от лежащего на снегу мертвого Яшки, и расправа началась. Юшка от сильного толчка упал и, съёжившись, прикрываясь руками, громко, почти выкрикивая слова, творил молитву. Артём держался на ногах до последних сил; шапку с него сбили, полушубок распоясался, вогулы плотным роем надели на него и, словно болотная трясина облепила его и потянула вниз. Не выдержав натиска, он упал. Ожесточённая толпа подмяла Артёма, удары ногами посыпались на него со всех сторон. Последнее, что он увидел, это огромная, висящая над ним луна и берестяные маски, скрывающие лица вогулов. «Всё, конец! Затопчут!» – стучало в его мозгу...

Оглушительный грохот выстрела прозвучал резко и неожиданно. Вогулы на мгновение замерли и в один миг в страхе бросились врассыпную кто куда.

Ероха, ярый, с всклокоченной бородой, с развевающимися, как крылья, полами красного стрелецкого кафтана, дико орущий матом, в одной руке – дымящаяся пицаль наперевес, в другой – сверкающая сабля, в свете ночной луны похожий на злого демона – правителя подземного мира духа Йол-Нейер,

не на шутку напугал вогулов.

Разогнав толпу, Ероха подлетел к Юшке и, помогая ему подняться, прокричал:

– Артемий?! Давай живей, бежим! Уходим, пока они не очухались!

Артем, понимая, что это мгновение упускать нельзя, в горячке не замечая боли, подхватился и кинулся бежать в сторону гостевой юрты: заскочив вовнутрь, он схватил короб со снедью, закинул его на плечи и выскочил вон, слёту стрёб в охапку воткнутые пятками в сугроб все пары ходунков и опрометью побежал прочь из стойбища. Ероха с Юшкой на загривке уже неслись впереди по набитой узенькой стёжке вдоль реки, да так быстро, что Артем еле за ним поспевал.

Долго бежали, коротко ли – Артем взопрел, выбился из сил, а догнать Ероху так и не смог.

– Да постой ты! – хрипло прокричал он.

Ероха замедлил шаг, остановился и рухнул от изнеможения вместе с Юшкой на обочину в сугроб. К ним подошёл Артем, скинул беремья ходунков с рук и, устало присев, привалился к Ерохе.

– Ну, ты силён, брат! – отдыхиваясь, сказал Артем. – Ты вроде бы и в летах мужик, а несёшься как угорелый, еле поспевал за тобой.

– У страха очи вельма велики, оттого и прыть, – пояснил стрелец.

– Я ему и кричал, – весело ввязался в разговор Юшка. – «Оставь, Ерофей, я сам побегу», а он и слушать не желает, несётся, как жеребец – ни догнать, ни остановить.

Все рассмеялись довольно, что из передраги живёхонькими вышли. Когда вволю насмеялись, первым заговорил Артем:

– В эту пору они за нами не сунутся: ночь для вогулов – это время злых духов, и без сильной надобности они по темени в тайгу не пойдут, ежели вздумают погоню чинить, так только с утра соберутся, – пояснил Артем.

– Я так думаю, – заговорил Ероха, – зараз передохнём и потом на ходунках уйдём как можно дальше, время у нас есть, а когда на камень взойдём, там нас никто не достанет.

К вечеру, одолев тридцать вёрст, они добрались до великого камня, что высился над урочищем поймы реки Павда. Для безопасности, с остатками последних сил, они вскарабкались на крутой склон высоты и, выбрав удобное место, остановились на ночлег. Здесь, с кручи, вся округа со стороны лялинского юрта просматривалась как на ладони, и подойти к горе незамеченным было невозможно. Они обустроили приют, не таясь, запалили огонь, поснедали вечерю и по очереди улеглись спать. Первым вызвался сторожить и поддерживать огонь Юшка:

– Всё одно, мне поправки о пути надобно записать – пока я не запомню, – так оправдал он своё желание побыть наедине с собой и своими мыс-

лями.

Близкая полная луна, тихая звёздная ночь, спящие попутчики и он, парнишка-сирота, у которого отродясь ничего не было своего: ни дома, ни семьи, и даже одежда: подрясник, скуфья и исподнее – все было монастырское и государево. За многие годы, прожитые в монастыре, а затем в приказной келье, похожей на гробовину, у него никогда не было друзей. А теперь, как Божий дар, приобретя свободу и товарищей, которые всегда могут постоять за него и никому не дадут в обиду, он чувствовал себя счастливейшим человеком. Юшка, привязавшийся к Артёму и Ерохе, как к кровным своим сородичам, не жалея, был готов отдать за них всю свою жизнь без остатка. От гордости за себя и своих друзей – а может, так подействовала на него большая и полная луна – ему хотелось встать и заорать во весь голос, как ему хорошо и отраднo... Первым на смену пробудился Ероха. Он потянулся, встряхнулся от сна, подсел рядом с Юшкой.

– За полночь уже, – посмотрев на звезды, определил стрелец. – Чё раньше-то меня не поднял? Отдыхать тебе пора. Намаялся, поди? Другую ночь уже не спишь.

– А вы ить с Фёдором набрехали тогда, – недоверительно на вопрос ответил Юшка.

– Когда – тогда? – удивляясь, переспросил стрелец.

– А про то, как татары головёшками человечими из пушек палат. Не может голова цельной остаться; её ещё в жерле пушки разрыв травой раздавит, и полетит при выстреле одна каша.

– Прав ты, не было того, набрехали мы тебе с Фёдькой, – согласился стрелец и, обняв Юшку за плечи, глядя ему в глаза, улыбаясь, сказал: – Ох, и башковитый ты парень, Юрок, – и, словно оправдываясь за своё прошлое враньё, серьёзно договорил: – Но отрезанных голов мы навидались за время того похода. Татары, ежели одолеют в битве, то потом всем недругам своим, живот положившим, головы отрезают и в гурт складывают, чтоб страх показать...

Стрелец замолчал и задумался, глядя в сторону склона стоявшей неподалёку горы.

– Завтра с утра поставлю большой крест на месте гибели Фёдора, дабы издали видно было. А когда в Чердынь вернёмся, паду в ноги воеводе, чтоб с вами: с тобой и Артёмом – на построй дороги отпустил. Прижился я к вам и расставаться не хочу, да и к дружке своему Фёдору ближе буду. Вот найду его и погребу по-православному, тогда и угомонюсь, а то сердце моё болит за неоконченное дело. Душа-то Фёдора, поди, мается, не упокоенная и не отпетая, чую я то...

12. ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ.

Четверо суток шли без препятствий, погода стояла солнечная, морозная – зимнее вёдро. Артём и Юшка подтверждали замеры и поправляли упущения первого прохода по этому пути. Артём уходил вперёд, а Юшка, визируя его, задавал направление, скрадывая крутые повороты, и с учётом новых поправок ставили на деревьях свежие зарубы. Ероха, взяв на себя обязательство кормильца и кострового, по возможности, добывал дичь и готовил на привалах варево. Артём накануне последней ночёвки в лесу посетовал, что непривычно возвращаться из тайги с пустыми руками – «ни рухляди, ни гостинца детишкам», и Ероха, запомнив слова Артёма, решил во что бы то ни стало добыть гостинец. Он поутру, до зорьки, пока Артём и Юшка спали, подкинул в костёр побольше дровишек, чтоб други во сне не озябли, заправил пищаль картечью и, встав на ходунки, вышел на промысел. Потревоженные им ночующие в снегу рябки вспархивали из под лыж, как шальные – бей в лёт – и делу конец, но Ерохе нужен был особенный гостинец, такой, чтоб детишкам радость и от Артёма похвала.

Сторожек ранний зверь: пока не послушает, не оглядит, не обнюхает округу, из укрытия не выберется и, ежели зверь заподозрит что, то будет сидеть и таиться до последней возможности. Вот уже и сизая заря пошла по восходу, а ничего приметного нет. За зарёй рассвет стал шириться всё выше и выше, солнце взошло и поднялось над лесом, день наступил. Охотничье время утренней зорьки ушло, а ни зверя достойного, ни дичи завидной на пути ещё не повстречалось. Стрелец вслушивался в лесные звуки, вглядывался в непроходимые чащи, да всё впустую, достойный на гостинец зверь так и не повстречался ему. Он кружанул пару верст круг стана и уж было собрался возвращался ни с чем и – чу, шорох, почти под ногами. Ероха насторожился, присел на корточки, прислушался, шорох усилился, он пригляделся и заметил на ровной снежной поверхности сбои, неглубокие воронки окружностью с локоть. Вдруг в двух саженьях слева от него взметнулся снег, и черный, тяжёлый глухарь грузно взлетел и сел саженьях в десяти на ближнюю, старую, развесистую сосну, за ним поднялся ещё один, потом другой, третий... Ероха притих, боясь вспугнуть удачу. Не пуганая людьми стая в дюжину птиц подалась на кормёжку, догадался он. «Медлить нельзя, ежели глухари не токуют, то любое движение, любой шорох птицу вспугнёт», – быстро сообразив, Ероха вскинул пищаль и, не целясь, выстрелил. Вспугнутые глухари сорвались с ветвей и ушли в чащу, но за дымкой выстрела Ероха заметил, как что-то камнем пало вниз.

Артём и Юшка от звука выстрела пробудились и разом поднялись с лжанки.

– Стрелец озорует, – предположил Юшка.

– А кому ж ещё, только вот за какой надобностью палить зазря? Жратва есть, а к вечеру в Усолье будем, – недовольно выговорил Артём.

Пока прибрались после сна, пока Юшка прочастил утреню, а Артём наладил котелок с кипятком, появился стрелец. Тяжело нагруженный ношей, с взопревшим от усилия красным лицом и с сияющей улыбкой, Ероха важно подошёл и скинул с плеча Артёму под ноги двух увесистых глухарей, связанных за головы кожаным ремешком от пороховницы.

– Вот, гостинец детишкам и супруге твоей, – важно и довольно сказал стрелец.

– О-го-го! Вот это удача! – уважительно высказался Юшка.

Артём ухватился рукой за перевязь и, приподняв глухарей, полёгал их на вес.

– Да тут почти под пуд будет! – одобрительно удивился он и, вешая добычу на сук стоявшей рядом берёзы, спросил: – А мы с Юшкой один выстрел слышали.

Ероха важно уселся, скрестив ноги, на подстилку из еловых веток у костра и, бахвалясь, подробно, с привираниями стал рассказывать, как он добыл глухарей:

– Мне ещё вчѐра запали в душу твои слова, Артемий, про гостинец-то, вот я и решил... Выбрал я двух самых крупных самцов и давай их спаривать на мушке, чтоб одним зарядом обоих уложить!

Поснедали, а Ероха снова и снова, да сначала, да ещё с новыми подробностями заводил разговор о своей удаче, время шло, и Артём, спохватившись, стал собираться в дорогу. Подвешенные на суку глухари, связанные под голову, от веса своего вытянулись на тонких шеях, каждый под два аршина и, схваченные морозом, околели.

– Вот незадача! – посетовал Артём, пробуя затолкать глухарей в короб. – Надо было уложить их, пока они тёпленькие были, а зараз как быть, что с ними делать?

– Может, шею надломить, лапы подрубить, – предложил Юшка.

За глухарей вступился Ероха:

– Как так? Подрубить, подломить, ты чѐ, очумел – этакую красоту портить, – он подхватил свой заплечный мешок и, бурча: «Чѐ за гостинец без ног, без голов будет», вытряхнул всё своё имущество из мешка. – Дайте-ка, я сам справлюсь, – и с усердием принялся впихивать глухарей в мешок, обоих разом.

На удивление Юшки и Артёма, в Ерохин необъятный заплечник добыча влезла вся, только вот головы на поларшина торчали из него. Когда Ероха закинул поклажу себе на плечи, товарищи его зашлись от смеха. Две глухариные хохлатые головы, с ярко-красными надглазницами, с разинутыми клювами, из-за Ерохиных плеч глядели в разные стороны и смотрелись угрожающе.

Юшка, тыча пальцем на стрельца, смеясь, еле выговорил:

– Орёл двуглавый! Ха, ха, царский знак, ой, не могу!

– Зорко царёво око – всюду бдит, – подхватил шутку Артём.

Юшку от слов Артёма словно молниейшибануло, он вспомнил предупреждение дьяка Ивана Вахромеева о всевидящем оке, поперхнулся смехом, закашлялся и с опаской огляделся по сторонам.

Артём, продолжая шутить, похлопал его по спине:

– Что, Юрок, смехом захлебнулся?

– Да, как-то так, ненароком получилось, – откашливаясь, оправдался писарь и натянуто улыбнулся.

Не видя себя со стороны, Ероха, поворачиваясь то к Юшке, то к Артёму, смотрел на них, как на полоумных, и, махнув рукой, обиженно сказал: «Да ну вас к лешему». Натянул лямки ходунков на пимы и пошёл первым, покачивая, словно дразня, при ходьбе глухариными головами из стороны в сторону, за ним подался и Артём, продолжая подшучивать. Юшка пошёл замыкающим, и мысли его были совсем не шутейные: то, что наказывал ему дьяк, он не выполнил, и скорая встреча с начальником пугала его.

Уже по темну вошли в Усолку. Обжитая деревня встретила путников дымами, мычанием коров перед вечерней дойкой и брёхом собак. Дома Артёма с товарищами ждали, готовились. Сердце бабье, ежели любит, чует, и Прасковья знала наперёд, когда вернется муж. Всё было готово к встречинам: опара поставлена, баня подтоплена, лишь подсуетись – и гости будут накормлены, обогреты и обихожены.

Время за полночь, а Артём, Ероха и Юшка, отпаренные в бане, от пуза насытившиеся, за разговорами припозднились за столом.

– Завтра с утречка пойдём на Чердынь, – заговорил о деле Артём.

– Так передохнуть бы, откормиться чуток, – предложил Ероха, а то вон, – стрелец тронул писаря за худую костяшкучу плеча, – Юшка совсем сухой стал, шкура да кости и ни толики сальца.

– Поспешать надобно, – возразил Артём, – и так замешкались на трёшку дён, ежели задержимся хош бы на день, так на все шесть припозднимся, а нас ждут, – и, обращаясь к писарю, спросил: – У тебя, Юрок, всё готово в сказке, дабы не оплошать пред воеводой?

Чистый, млеющий от банной неги, осоловевший от обильной жратвы, довольный Юшка расслаблено сказал: – Может, что и упустил, да кто ж проверять-то будет, – и усмехнулся.

– Ты гляди, парень! Кому чужому так не сбрехни! Спрос со всех нас будет, – предупредив писаря, строго сказал Артём.

– А и то правда, ты с чего так развеселился-то? – заинтересовался необычным поведением писаря Ероха.

– А то весело, что хорошо мне, никогда прежде так отраднo не было, –

довольно сказал Юшка и, поясняя свой весёлый настрой, договорил, успокаивая друзей: – Возвернулись мы с исполненным делом и, слава Богу, с животами, отчего ж тут не возрадоваться, а пред воеводой отведу справно, можете не хвляться.

Приехав в Чердынь и проезжая посад, Артём заехал к отцу. Сафон хвляничал на дворе и, заслышав, что кто-то подъехал к дому, вышел за ворота.

– Сынок, ты? – подслеповато шурясь, спросил отец подходившего к нему Артёма.

– Я, тятя, – и сын, и отец наскоро, словно стыдясь нежностей, обнялись.

– Чай, не один, ежели на двух подводах? – спросил Сафон.

– Трое нас.

– Так загоняйте лошадей с саниами на двор, я зараз ворота отворю, да матери надо сказать, чтоб на стол накрывала.

– Ты, тятя, погодь, мне сначала надобно к воеводе на очи показаться, доложить, а потом мы к тебе приедем, вот тогда-то и попотчуете нас.

– К воеводе, говоришь?

– Ну, да.

– А ты знаешь, что знакомца твоего на Москву в путях увезли?

– Кого ж это?

– Да, Семёна Гаврилова, – по-стариковски перепутал имя и прозвище отец.

– Ты хочешь сказать, Гаврила Семёнов, – поправил Артём.

– Вот, вот, про него самого, – и, прислоняясь ближе к сыну, шёпотом заговорил, – люди болтают, будто бы на него Сарыч ябеду написал царю – дескать, Семёнов казённые деньги в карман себе кладёт и живёт непотребно во грехе с девками, да царя хулил.

– Вон как обернулось-то, – озадаченно ответил Артём. – Ежели у таких людей шапки с головы летят долой... – Артём на мгновение призадумался и решил: – Тогда непременно поспешать надобно, а то заране меня приметит кто и воеводе доложит о том, что я к нему не тороплюсь.

– Ох, сынок, зря ты в это дело ввязался, неровен час, Гаврила тебя за собой потянет.

– Так уж поздно отбрыкиваться, влез в ярмо, теперь поспевай, тятя. Ладно, тятя, ехать пора, матушку обними за меня, авось к вечеру свидимся...

Сарыч Шестаков принял Артёма, Юшку и Ероху не мешкая. Не успели разведчики новой дороги въехать за острожные ворота на просторный воеводский двор, как Сарычу тотчас доложили, и он потребовал путников к себе немедленно.

Воевода, подождав, покуда Артём, стрелец и писарь, сняв шапки, перекрестятся на образа, вместо приветствия нетерпеливо спросил:

– Ну что, как справились?

– Припозднились чуток – из-за вогулов, иначе одолели сию задачу, путь разведан, – уверенно ответил Артём.

– Ты опиши дороги сочинил? – спросил Сарыч у писаря, глядя на него пытливым взором.

Юшка достал из-за пазухи потрепанный рулон листов и, пройдя вперёд, положил списки на стол пред воеводой.

– Вот, тут накоротке всё изложено, – сказал он.

Сарыч, развернув скрутку, бегло осмотрел листы.

– Добро, – скупно похвалил он и, откладывая бумаги в сторону, сказал: – Потом, на досуге разберусь. Где другой стрелец, Федькой, кажись, кличут? – спросил он.

Артём замешкался с ответом, и Ероха, выйдя вперёд, скорбно заговорил:

– Фёдора на камне снежным обвалом задавило так, что и не сыскали мы его, и пишаль под тем завалом потеряли и всю провизию, сами из-за того чуть не сгнули, и в том наша заслуга, что дело справили. – И неожиданно сменил отговор на просьбу: – Отпусти меня, боярин, с ними на Москву, а там и на устройство дороги отпусти, хоть по охранной службе, хоть работником, мне на Камень край надобно! Фёдора хочу найти, похоронить его трбно по обряду, с отпеванием и крест поставить, как положено, по-православному!

– Ладно, то потом порешим, зараз ступайте, но покуда всем троим должно быть в остроге, вскорости вы мне понадобится!

Артём, Ероха и Юшка, топчась в узком дверном створе, стали выходить из горницы, и Сарыч обратился к ним снова:

– Да, и кликните мне со двора Глотова!

– Вот он, я! – отозвался из тёмных сеней сотник и протиснулся меж разведчиками в горницу.

– Ступайте, ступайте, – не терпя, потребовал воевода и, когда за докладчиками прикрылась дверь, спросил у Глотова:

– Всё слышал?

– Да воевода, всё, слово в слово, – подтвердил сотник.

– Ну, так вот, – начал излагать свою думку Сарыч. – Прежде чем отправлять Артюшку и иже с ним в Москву, надобно с каждого спросить правду. Может, брешут оне в сговоре? А ну, как обманули? И ежели после того их враки откроются, с кого спрос будет? А дело царёво, и мне рисковать проку нет. – Сарыч посмотрел на стольника проверяющим, долгим взглядом и продолжил говорить: – Энтот Артюха – человек Гаврюхи Семёнова, то его замысел был отправить за камень именно этого мужика. А где зараз Гаврюха? – спросил он у сотника и сам ответил: – То-то, на дознании в тёмной сидит. Значит, следует сделать так! – предложил Сарыч Глотова, – ежели Артюшка на Семёнова показания даст, что тот его подбивал на воровство, на то, что они хотели

поймать денегат с устройства дороги, то, значит, Артюшку в пути и пытаться о том, как думали делиться и кто ещё в створе. А ежели докажет, что створора на злой умысел меж им и Гаврюхой не было, то можно и отправлять к царю с челобитной. Ты сейчас же бери их троих по-одному и на спрос, пусть под запись каждый в отдельности клятвенно скажет, как всё было, и ежели их показания в невинности сойдутся, тогда и отпустим. А также надобно, чтоб Артюшка от себя написал челобитную к Царю, будто бы он сам откликнулся и пожелал по доброй воле пойти в вожи на устройство дороги. Уяснил?!

– Уяснил, – согласился сотник, – тут дело служивое, всё спросим.

– Ты смотри, без усердия, а то я тебя знаю! – пригрозил Сарыч.

После приёма воеводы Артём, Ероха и Юшка зашли в Церковь. Ероха заказал батюшке отпевание по Фёдору, поставили свечи за упокой усопших и за здравие близких, помолились каждый о своём и своему любезному святому. Затем Ероха предложил зайти в кабак отпраздновать возвращение.

У порога питейки их окликнул поспевающий им вслед Глотов:

– Погодь, Артемий! – все в ожидании оглянулись. – Поговорить надобно!

– Ну, говори! – предчувствуя неладное, ответил Артём.

– Наедине надобно и не здесь, пойдём ко мне в казёнку, там и потолкуем! – дружески улыбаясь, предложил Глотов.

– Долог разговор-то будет? – ещё с большим недоверием спросил Артём.

– Да как придётся, – уклончиво ответил Глотов.

– Ладно, я гляжу, мне не отвертеться, – нехотя согласился Артём и, обращаясь к Юшке и Ерохе, ободряюще сказал: – Я скоро буду, смотрите, разгул без меня не начинайте! – он крадче подмигнул друзьям и первым пошёл к казенным палатам, за ним вслед двинулся и Глотов, словно охраняя, чтоб Артём не убёг.

Не успели Юшка с Ерохой сообразить, почему Артём подмигнул и попросил не ходить в кабак без него, как к ним подбежал человек от воеводы. Запыхавшись от скорого бега, посыльный спросил:

– Ты што ль московский писарь будешь?

– Ну, я, – отозвался Юшка.

– Тебя там требуется, без тебя никак!

– Что требуется?

– Бумагу написать надобно, воевода приказал!

– Раз воевода просит – тогда пошли, – согласился писарь.

Ероха, топчась на месте, решая: «И выпить хочется и одному как-то не сподобно», – тоскливо посмотрел на двери питейки и, досадно махнув рукой, пошёл за Юшкой. Знающий, бывавший во многих передрягах стрелец почуял опасность и, решив не бросать друга, пошёл за ним. Догнав писаря и посыльного, Ероха, слушая их болтовню и ведая, куда ведёт та тропка, по которой они шли, окончательно понял, что произойдёт далее.

– Ты откуда? Кто таков? Что делал? – сыпал вопросами посыльный.

– Из Москвы, монастырский послушник, писарь казанского приказа, – отвечал коротко Юшка.

За ответами на вопросы он и не заметил, как они минули здание казённой управы и подошли к небольшому бревенчатому дому без окон с одной дверью.

Посыльный выдвинул железный засов, открыл дверь и, услужливо пропуская Юшку вперед, спросил:

– Морозно на Камне было?

– До сих пор знобит, никак отогреться не могу, – ответил Юшка и шагнул вперед, в темноту.

– Тогда ничего, ты привыкший, вытерпишь, – и предложил пройти в тёмную Ерохе.

Стрелец смело шагнул за писарем, и тяжёлая, замороженная дверь закрылась за ними.

– Вдвоём-то, поди потеплее будет, хе-хе, – последние слова со смешком услышали они от посыльного за захлопнувшейся дверью.

Готов завёл разговор издалека, сначала стал спрашивать Артёма про семью, про дело, каким ранее занимался. Артём отвечал, понимая, что это только начало и ждал того, главного вопроса, из-за которого его сейчас допрашивают.

– А как ты с Гаврилой Семёновым знакомство свёл? – после пустых распросов неожиданно спросил Готов.

– Да уж, поди, годков пять будет, – немного подумав, ответил Артём. – Он тогда у Строгановых управляющим на Чердыни был.

– Так, так, – заинтересованно произнёс сотник. – По какой такой надобности ему, боярину, с тобой, черносошным мужиком, знакомство водить?

– А Бог его знает, почему он ко мне участие принял. Только вот, помог он мне тогда, оплатил все мои расходы и за камень снарядил.

– С твоей-то стороны какой уговор был?

– Гаврила попросил, чтоб потом я ему путик вогульский выдал. Видно, он ещё тогда ведал, что короткий путь за камень вскорости понадобится.

– Ну, ну, ведал, говоришь? – Готов помолчал, раздумывая. – Теперь расскажи, как за камень ныне ходили, – спросил он.

Артём рассказал всё, как было, лишь про пицаль утаил; пришлось солгать, выгораживая Ероху, сказал, как и уговаривались заранее, что ружьё пропало в обвале вместе с Фёдором. Готов внимательно выслушал его, позвал писаря и попросил пересказать всё сначала, но только уже под запись. Артём повторил всё в точности так, как говорил в первый раз.

Готов выслушал его и далее сидел, молча, раздумывая: «Как-то всё

гладко у этого мужичка получается. Пересказ провёл слово в слово, как по писаному, грамоты не знает, с виду вроде простоват, а вот есть что-то в нем хваткое и осторожное разом. Вроде бы всё рассказал, да я носом чую, он что-то утаивает, меня-то не проведёшь, есть за ним грешок, есть, а какой – не пойму», – и, не находя ответа, он всё больше и больше раздражался.

– Ну, чё, может, я пойду? – спросил у него Артём.

Неожиданно Глотов, сорвавшись с места, подскочил к нему и заорал:

– Я те пойду! Я те так пойду, что дорогу до Сибири забудешь!

Артём опешил и с удивлёнными глазами уставился на взбесившегося стольника.

– Я же вижу, ты скрытничаешь! – и с криком – што?! – резко размахнувшись, вдарил Артёму кулаком меж глаз.

Мелкими искрами рассыпался белый свет в очах Артёма, рука у Глотова была тяжелая, набитая на крестьянских мордах, она, как пудовая гиря, обрушилась на Артёма, и он, словно мешок с отрубями, лихо слетев с лавки, безвольно упал на земляной пол. Не успел Артём очухаться и с трудом стал подниматься, как сотник резво подошёл к нему и, приговаривая: «Я вышибу из тебя, черносошная собака, всё, что ты утаиваешь!» – принялся усердно пинать его ногами.

Злость и обида буревала в Артёме, хотелось подняться и дать достойный отпор стольнику, а возможности не было – двое подручных Глотова при попытке Артёма подняться тыкали его тупыми рукоятками бердышей, прижимая к полу, и он, насколько мог, прикрываясь руками, терпел обиду, зная, что ежели он только пальцем тронет верного воеводского пса, его заперют на позорном месте плетьюми до смерти.

«Натешившись» над Артёмом, сотник приказал стрельцам оттащить его в тёмную и привести писаря.

Юшка про поход в Сибирь повторил всё в точности так, как говорил Артём. А за дела Гаврилы Семёнова он и слыхом не слыхивал и знакомство не водил.

Глотов понимал, что писаришка ничего не знает о плутовстве Гаврилы и показать на него не сможет. Сотник сначала подумал отпустить парня, но для остратки и забавы ради всё-таки решил показать писаришке, кто тут главный, и без размаха ударил Юшку в лицо.

Дошла очередь до стрельца: Ероха, думая об Артёме и Юшке, не стал выгораживать самого себя и признался, что по его оплошности вогулы украли пицаль, а вина его друзей лишь в том, что они пеклись о нём.

После признания Ерохи, Глотов потерял интерес к этой троице: крамолы против государства нет, хулы на царя нет, казнокрадство Гаврилы Семёнова они не подтвердили. Глотов от досады за скудость показаний отбузузил Ероху и, взяв бумаги, пошёл на доклад к воеводе ни с чем.

– Вот записи спроса от всех троих, – сотник положил перед Сарычем развёрнутые листы бумаги.

– И что? – глянув вскользь на записи, спросил воевода.

– Не удалось подтвердить сговора Артюшки с Гаврилой, молчит мужик, а писаришка и стрелец дел не знают.

– Как спрашивал-то, с усердием?

– Не без того, да всё впустую, али Артюшка и взаправду не ведаёт о намерениях Гаврилы, а как следует пытать, так ты сам не позволил.

– Не дай Бог увечишь его, кто тогда за камень артель поведёт, а другого искать времени нет. Сегодня гонец из Москвы приехал, грамоту от царя привёз, так в ней напоминание о скорейшем решении с путём в Сибирь. Надобно отпускать Артюшку, пушай едет, а за пицаль вычислим у стрельца из жалования.

В тот же день Артём, Юшка и Ероха, с подбитыми лицами, но довольные, добрались до кабака и отпраздновали своё благополучное возвращение из Сибири, а заодно и за счастливое освобождение из темницы.

А впереди им предстоял другой путь – в стольный град Москву.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ «ВОЖ ДОРОГИ»

1. ЦАРСТВУЮЩИЙ ГРАД МОСКВА.*

Весенней мартовской распутицей с последним зимним соляным обозом Артём на крестьянской телеге, гружёной кулями с солью, проезжая обширный пригородный посад столицы с разъезженными, заваленными конским навозом дорогами вдоль маленьких домиков с соломенными крышами, глядел и удивлялся увиденному: грязь улиц, убогость строений и бедность прохожих людей не ладилась с его представлениями о стольном граде. Вспомнив рассказы друга Савки о Москве, какая она богатая, красная, золочёная, Артём обернулся и, прокричав, спросил у ехавшего следом на другой подводе Юшка:

– Где царёвы дворцы, где соборы с червленными куполами и богато одетый люд?!

Юшка, поняв удивление друга, соскочил с телеги, скорым шагом обогнал подводу, на которой ехал, и, подойдя к Артёму, разъяснил:

– Это ещё не Москва, мы токмо въехали в Переславскую слободу, зараз на ямском дворе спешимся, а далее – до царёвых палат ещё с полторы версты ногами пойдём, – он вытянул руку вперёд и, указывая пальцем на еле виднеющееся в дымах из печей широкое взгорье, сказал:

– Вон, видишь там, на холме, Иван Великий стоит?

Артём, прикрывая ладонью взор от бившего светом в лицо, опускаясь на заход солнца, вгляделся вдаль и сквозь дымы приметил белый храм и золочёную маковку колокольни:

– Вроде бы белокаменный собор видится и красные палаты.

– То стены из жжёного кирпича, сие и есть кремль, – довольно сказал Юшка и, тыкая пальцем в разные места, стал пояснять, где что находится.

К вечерним сумеркам Артём и Юшка пешие, в намокших, грязных, ставших, как пудовые гири, пимах, еле припёрлись к воротом Казанского приказа.

Писарь уверенно постучал в створ, и через короткое время боковая дверь приоткрылась.

– Кто такие? – придавая грозности голосу, спросил не знакомый Юшке привратник.

– Я писарь приказа Юрок Филиппов сотоварищи, из Перми прибывши, – ответил писарь.

– Начальства нет, а я никакого Юрка не знаю, и указу не было кого-либо принимать, так што ступайте подобру-поздорову, пока не пальнул.

Юшка хотел что-то объяснить, но дверь со стуком закрылась, и из-за

* В настоящее время автор работает над последней частью трилогии.

неё привратник прокричал:

– Ежели будете шуметь, ей-ей пальну да собак спущу!

Юшка растерянно смотрел на Артёма и, не зная, что сказать, пожал плечами.

– Так, понятно, здесь нам приюта не будет, тогда пошли ночёвку искать, может, кто и сжалиться.

– Постой, – придя в себя, сказал Юшка, – мне как-то Пыров говаривал, что на Болотной площади дом для хожалых людей есть, ночь переспать копейку с человека кошта, я знаю, где находится площадь, значит, и уютный дом найдём.

Придя на место, они без труда нашли дом, отдали надсмотрщику за порядком по серебряной копейке, он проводил их в горницу и указал место, где можно прилечь.

Безоконая изба, похожая на амбар, дощатые нары на всю горницу, душный смрад и рядами спящие люди, – вот и вся затея, да и этому убогому приюту уставший путник рад, есть кров над головой и дешёво.

Ещё до зари ночёвщики, в основном работный люд, пришедшие в стольный город по делам, стали потихоньку расходиться, кто с челобитной к чиновнику, кто по торговым делам, кто в поисках работы.

Артём и Юшка проснулись и, выйдя на волю, увидели на Болотной площади толпу гомонящих людей. Заинтересовавшись причиной сборища, Юшка спросил у крайне стоящего мужика:

– Чего ожидаем, дяденька?

– Варнаков да душегубов по царёву указу казнить будут, – ответил мужик.

Артём, услышав ответ, потянул Юшку за рукав.

– Пойдём отсель, – попросил он писаря, – не желаю я на то глядеть, в этом годе столько смертей повидал, что, пожалуй, на всю жизнь хватит.

– Ведут, ведут!! – крикнул кто-то, и толпа зашевелилась, загудела, все люди обернулись, направив взоры в сторону входящих на площадь колодников под охраной стрельцов.

Звеня цепями, в рваных отрепях, тяжело передвигая ногами, изуродованные пытками, с потухшими очами и потерявшие человеческий облик, несчастные приговорённые прошли сквозь расступающуюся толпу и по-одному поднялись на дощатый помост.

Артём хотел уйти, но какая-то сила удержала его, что-то знакомое мелькнуло в памяти, и он остановился.

На помост вышел бирюк и, развернув скрутку бумаги, стал читать:

«Лета 7106 в 25 день марта царь и великий князь Фёдор Иоаннович всея Руси указал:

Ваську Корку за злодейство, чинённое им на дороге под Малым Ярос-

лавцем, лишившего живота купца Ивана Поронина его жены и трех детишек, за то голову рубить;

Гаврюху Семёнова за хулу на царя да за казнокрадство домочадцев – из дома гнать, вотчину его, и земли, и скарб забрать в казну, ему язык рвать да в Пелым отправить;

Федьку, Гришкина сына, за воровство – праву длань рубить, клеймо ставить;

Тимоху, беглого холопа помещика Ивана Гарина, – ноздри рвать, самого вернуть хозяину...»

Продолжение следует...

БАБИНОВСКАЯ ДОРОГА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ.

Вторая половина XVI столетия явилась в истории Российского государства эпохой стремительного расширения его границ. На южных рубежах осваивались плодородные земли Дикого поля, на востоке были взяты Казань и Астрахань, добровольно вошли в состав России Чувашия и Башкирия, признала свою зависимость Ногайская орда. В 1581 году отправился в знаменитый поход казачий атаман Ермак, разбивший войска хана Кучума и присоединивший к России Сибирскую землю, пределов которой Москва еще не знала.

Чаньвинская пещера.

Поход Ермака не был первым проникновением русских людей в Сибирь. В разные времена они разведали и узнали от аборигенного населения немало дорог через Уральские горы – от тропы через Собь-Елецкий перевал на севере до водного пути по реке Яику у южных предгорий Урала. Реки служили дорогами в периоды весеннего половодья и осенних паводков, но становились недоступными зимой, а некоторые – и во время летней межени. Перевалы покорялись лыжникам и легким нартам, но были труднопроходимыми летом. С присоединением Сибири в повестку дня встала проблема поиска годной для всех времен года короткой и удобной дороги через Уральский хребет.

Эта задача оказалась по плечу уральцу Артемию Сафоновичу Бабинову. Он происходил из крестьян деревни Верхняя Усолка Соликамского уезда, но к тому времени, вероятно, проживал в посаде города Соликамска. Бабинов знал, что сибирские вогулы приходят из-за гор совершать религиозные обряды в Чаньвинскую пещеру. Рискуюя своей жизнью, он несколько суток шел по следам лесных охотников, отмечая путь сломленными ветками. Вернувшись в Соль-Камскую, Бабинов вызвался проложить прямую грунтовую дорогу в Сибирь. В 1595 году царь Федор Иванович именным указом повелел начать строительство дороги.

Менее чем за три года сорок Соликамских «посошных людей» под руководством Бабинова с помощью одних топоров и лопат проложили путь от своего города до верховьев Туры. Длина дороги составила 263 версты (около 280 км), что сократило путь в Сибирь в семь раз. Через реки, овраги и болота было построено 37 мостов. Путь шел через реки Яйву и Косьву, поднимал-

ся на перевал у Павдинского Камня и спускался по восточному склону Урала по рекам Ляле и Мостовой до старого мансийского городища Нером-Кара. В 1597 году строительство было успешно завершено. Новый путь назвали «Новой Сибирской Верхотурской дорогой», но это официальное название не прижилось. Народ назвал дорогу «Бабиновской», в честь отважного русского первопроходца.

Строительство дороги послужило причиной возникновения многих населенных пунктов и, прежде всего, города Верхотурья. На высоком скалистом мысу над рекой Турой, неподалеку от Нером-Кара в 1598 году начали возводить деревянные башни и стены первого верхотурского кремля. В Верхотурье был направлен воинский гарнизон во главе с воеводой, появились таможня, гостиный двор с двадцатью амбарами. На судовой плотники, переведенные из Соликамска, Чердыни, Хлынова и Устюга, строили суда, на которых люди и товары отправлялись в главные сибирские города – Тюмень, Тобольск. Для обеспечения нормального движения между Соликамском и Верхотурьем через каждые двадцать верст стали ставить «ямы» – казенные избы для путников и ямщиков, возле которых возникли села Верхняя Усолка, Сурмог, Верхняя Яйва, Павда, Чикман, Половодово, Молчан, Караул.

Царь Федор Иоаннович жалованной грамотой наградил Бабинова угодьями вдоль дороги по Яйве-реке, освободив его от податей и оброков. Но в России испокон веку было «до Бога высоко, до царя далеко»: воеводы с «Артюшки Бабинова» подати и оброки требовали, невзирая на царские бумаги. Наступила эпоха Смутного времени, российский трон переходил из одних рук в другие, и Бабинову еще не раз пришлось слать свои челобития московским государям. Привилегии его были подтверждены Василием Шуйским и Михаилом Федоровичем, первым русским царем династии Романовых.

Вначале Бабиновская дорога была рассчитана лишь на зимнюю «гоньбу» – время, когда мороз сковывал ледяным панцирем болота. 22 апреля 1599 года царь Борис Годунов приказал верхотурскому воеводе послать людей «тое новую дорогу от Соли Камския до Верхотурья чистить и мостить накрепко..., чтоб та дорога была не узка, и мосты были хороши, и пеня бы чистили и коренья, и заломов на той дороге не было, чтоб наши сибирские запасы и всякую нашу казну было перевозить той дорогою мочно...» Вожем (проводником) согласно государеву указу был назначен Артемий Бабинов. Прорубали прямые просеки, строили новые мосты через реки, мостили гати через боло-

Артемий Бабинов.
Из экспозиции ВГИАМЗ

та, на некоторых участках дорога получила деревянное покрытие. Движение по ней стало круглогодичным.

Поскольку Бабиновская дорога была не простой проселочной, а большой ямской дорогой, ширина ее определялась по актам XVII века в три сажени. За открытие и обустройство прямой дороги в Сибирь Артемию Бабинову царской грамотой были жалованы земельные угодья по верхней Яйве. Став знатным землепроходцем и строителем дорог, Бабинов до конца своей жизни находился на Государевой службе. Он продолжал строить дороги, следил за содержанием прорубленных путей. По возвращении из Сибири историк Г.Ф. Миллер в 1742 году писал: «Потомки этого Бабинова живут и поныне в дер. Чикман в Верхотурских горах на большой дороге. Они очень гордятся заслугами своего предка и хранят у себя жалованную грамоту царя».

Дорог с официальным статусом государственных – «государевых» – из архивных документов известно только девять. Среди них – Бабиновская дорога.

Дорога соединила Европейскую Россию с Сибирью в то время, когда происходило ее освоение русскими. Значительные людские массы, безмерные объемы груза проникали на восток через узкое горлышко трехсаженной дороги. Известный уральский археолог П.А. Корчагин сравнил Бабиновскую дорогу по своей значимости со всемирно известными Великим шелковым путем или с путем из Варяг в Греки.

В первые годы и даже десятилетия сибирские города и уезды нуждались в поставках буквально всего: хлебных запасов, оружия, пороха, свинца, соли, тканей, бумаги и пр., потребности новых земель можно представить по таможенным книгам г. Мангазеи за 1633 и 1635 гг. Тогда для доставки использовали южный мангазейский ход, который шел от Верхотурья по рекам. Перечень ввезенных товаров содержит 117 наименований... Действительно, для русских городов в Сибири это была «дорога жизни».

Благодаря Бабиновской дороге, доставляемому по ней хлебу и соли, пороку и свинцу Россия сумела в лихую годину Смутного времени сохранить недавно обретенную Сибирь. Территория Северного и Среднего Урала перестала быть тревожным пограничьем и прочно вошла в состав Русского государства.

Бабиновская дорога получила статус «государевой», и из Москвы не раз приходили строжайшие требования, чтобы все следующие в Сибирь и из Сибири купцы, чиновники и «гулящие люди» не смели искать иных путей. Один из таких указов был получен в Верхотурье в 1683 году. Дорогу было велено беречь «накрепко, чтоб вновь дорог с Верхотурского уезда из Сибири не проISKивали и не прокладывали». Таможня взимала десятую часть стоимости провозимого товара, рос и богател город Верхотурье. Пост верхотурского воеводы приобрел привлекательность для представителей знатнейших бо-

Бабиновская дорога сегодня.

ярских родов России – Бярятинских, Вяземских, Гагариных, Лопухиных, Мещерских, Пожарских...

В течение XVII-XVIII вв. власти выпустили множество указов о запрещении всех дорог, кроме Бабиновской. Правительство выработало меры по борьбе нарушениями, движение по дороге осуществлялось только по проезжим грамотам, на путях ставились заставы. Но предприимчивые торговцы искали обходные пути. Одним из таких путей по дороге в Соликамск, в обход гарнизонов воспользовался литературный герой Даниэля Дефо, известный нам с детства. В «Дальнейших приключениях Робинзона Крузо» рассказывается, как он, с помощью проводника-сибиряка проехал по запрещенной дороге.

Последний указ о запрещении пользоваться иными путями, кроме Бабиновской дороги, вышел в 1763 г.

Кто только не проехал по ней за два столетия. В XVII в. проезжали все сибирские воеводы: князья Ф. Телятевский, И. Татев, В. Пронский, Н. Бярятинский, Ухтомский... По ней везли ссыльных: боярина И.Н. Романова, князя И.Б. Черкасского, боярина Ф.И. Шереметва, протопопа Аввакума... В XVIII в. к печальному списку присоединился и светлейший князь Меншиков и А.П. Ганнибал. По Бабиновской дороге проезжали посольства в Китай, участники экспедиции В. Беринга, академики И. Лепехин и П. Паллас, И.Г. Гмелин, историки Г.Ф. Миллер и В.Н. Татищев. Ученые И.И. Лепихин, А. Гумбольдт, Р.П. Мурчисон, А.Я. Купфер, А. Регули ехали по Бабиновской дороге и останавливались в Верхотурье. Продолжали двигаться сухопутным путем, погрузив на барки в Верхотурье имущество экспедиций, первооткрыватели Ерофей Хабаров и двоюродные братья Лаптевы. Этот список можно продолжать и продолжать...

Официальное открытие Сибирского тракта, сменившего Бабиновскую дорогу, состоялось в 1783 г.

Но это не означало, что ее забросили и совсем перестали пользоваться. Бабиновская дорога была построена за два с небольшим года, а уходила в небытие почти два столетия.

В 60-е годы XVIII в. она активно использовалась крестьянами, приписанными для работ на Богословских заводах Походяшина.

В последней трети XIX в. в связи с развитием торговли и учреждением земской почты и земских станций движение по дороге вновь оживилось. В

Верхотурье и близлежащие заводы зимой по ней завозили товары с Нижнего Прикамья и Поволжья. В основном, это были хлебные припасы. Из Сибири везли товары на Нижегородскую ярмарку. Население деревень, расположенных вдоль дороги, одним из основных своих заработков считало тогда извоз. Земство принимало меры по поддержке дорог в порядке: летом делали подсыпку, зимой прочищали дорогу.

Заметную роль сыграла дорога в годы Гражданской войны.

В 20-е годы дорогой еще пользовались на всем протяжении. По ней, объезжая уральские заводы, проехала известная революционерка, журналист Лариса Рейснер. Но уже в 30-40-е годы с изменениями административного деления дорога оказалась в разных административных единицах и как единое целое уже не использовалась.

С ликвидацией неперспективных деревень стали забрасываться и отдельные участки, соединяющие ранее деревни.

В настоящее время дорога не используется.

Со второй половины XX века предпринимались неоднократные попытки найти реальную Бабиновскую дорогу, проследить ее на всем протяжении от Соликамска до Верхотурья. Изучение источников показало цифровое разнообразие длины дороги, наблюдаемое в разных материалах и документах, что было обусловлено использованием различных мерных верст и изменением некоторых ее участков со временем. Так, например, в «Поверстной книге» 1630 г. длина дороги определяется в 320 верст (261км). В своих записках генерал-майор В. Генин, проехавший по Бабиновской дороге в ноябре 1723г., показывает 231 версту (около 247км). Известный уральский краевед Н. Чупин по данным почт-календаря 1801г. определяет ее длину в 273 версты (290км)...

В начале 70-х годов XX века две историко-бытовые экспедиции по Бабиновской дороге были проведены областным краеведческим музеем. Начальник экспедиции – главный хранитель Похомова Н.П. (ныне директор музея камнерезного искусства в Екатеринбурге). В состав экспедиции входили, кроме сотрудников областного музея, работники музеев Нижнего Тагила, Невьянска, краевед из Соликамска. Был создан орг. комитет экспедиции, в который входила и зав. отделом культуры г. Верхотурье. Экспедицией был собран большой материал, записаны воспоминания старожилов. Деревянная часовня из пос. Шуралы передана в музейный комплекс Нижней Синячихи.

В 1978 г. по старому Бабиновскому пути прошли участники этнографической экспедиции Пермского университета. В селениях они беседовали с потомками тех, кто обустроивал дорогу. Местные жители щедро делились рассказами и показывали старинные орудия труда, предметы домашнего обихода, одежду, украшения. В основанном Бабиновым с. Верх-Яйве пожилой человек рассказал: «Тут была ямская станция. Похоронили Бабинова на ле-

вом берегу Яйвы, справа от дороги. Раньше там был обтесанный камень, стояла избушка».

Достоверность факта о захоронении Артемия Бабинова на кладбище с. Верх-Яйва подтвердить какими-нибудь документальными свидетельствами пока не удалось. Может быть, здесь похоронен не сам открыватель дороги, а какой-то его потомок? Но и опровергнуть информацию

Разрушенный мост на Бабиновской дороге

нельзя, так как многие старожилы говорили об этом с большой уверенностью, ссылаясь на рассказы предков.

Из экспедиций последних лет можно назвать экспедицию 1996г., когда музейные работники, краеведы, журналисты, архитекторы во главе с зам. главы администрации г. Соликамска Ю. Юдиным за 10 дней прошли почти 300км. Экспедиция выявила, что полотно дороги большей частью утрачено, хотя в районах Верх-Яйвы, Чикмана, Растеса направление дороги хорошо прослеживается. По итогам экспедиции был поднят вопрос о музеефикации хотя бы отдельных участков дороги.

В октябре 2005г. объединение «Триединство» организовало экспедицию «Дорогами первопроходцев», пройдя путь в 276км от Соликамска до Верхотурья. Основные задачи экспедиции формулировались следующим образом:

- оценить возможности воссоздания легендарного пути «Бабиновской дороги» в статусе особо охраняемых территорий;
- начать технико-экономическое обоснование возрождения исторического пути, наметить программы туристических и паломнических маршрутов;
- привлечь внимание общественности к исследуемым проблемам.

Большой вклад в изучение сохранившихся следов Бабиновской дороги на территории Верхотурья и окрестностей был сделан Верхотурским отрядом Камской археологической экспедиции под руководством П.А. Корчагина.

Помимо археологических раскопок, в Верхотурье в 1992-93 г. были проведены и разведки с целью выявления трассы Бабиновской дороги (иначе «московской» или «государевой дороги в Сибирь») в границах и за пределами города. Разведкам предшествовало тщательное изучение источников и литературы. В результате полевых исследований, было установлено, что бытующее мнение, будто ул. Малышева – это и есть Бабиновская дорога, неверно. Удалось достоверно определить расположение трассы дороги в черте Верхотурья.

В XVII-начале XVIII вв. исследованный участок дороги проходил от де-

ревянной Николаевской башни или северо-восточного угла каменного кремля через деревянный мост, перекинутый через русло р. Свяги, к Святым воротам Николаевского монастыря. Затем полотно сворачивало на запад и спускалось параллельно современной ул. Революции к устью р. Калачик. Жители домов в междуречье Калачика и Свяги показали, что в огородах их усадеб находилась полоса каменной вымостки шириной несколько метров, которую они при весенней вскопке своих участков вынуждены были разбирать. Далее, проходя по несохранившемуся деревянному настилу или мосту, по искусственно нивелированному участку берега р. Туры дорога поднималась в Ямскую слободу к Знаменской церкви, стоявшей в центре небольшой площади. Огибая церковь, дорожное полотно пересекало наискосок современные кварталы и подходило к улице Малышева напротив дома 48. На четной стороне улицы находятся два дома, поставленные с отступлением от красной линии. Этот сбой отмечен даже на современных планах города. Перед деревянным одноэтажным домом (Малышева, 48) сохранились оплывшие кюветы, ранее ограничивающие дорожное полотно. Остатки двух параллельных кюветов, расстояние между которыми чуть меньше 6 м, идущие от продовольственного магазина в сторону юго-западного угла школьной ограды, хорошо заметны на задернованной площадке около памятника Малышеву. Внутри ограды школьного сада кюветы не сохранились, скорее всего, они были перекопаны во время посадки яблонь. Далее следы полотна Бабиновской дороги были зафиксированы возле дома 6 по ул. Маяковского в виде булыжной вымостки шириной 5,3 м. Жильцы дома сообщили, что в 1953 г. еще вынимали ее камни из своего огорода. Мошение выполнено из бесформенных гранитных булыжников размером 30-40 см. Затем полотно теряется в огородах, где оно проходит параллельно узкому коридорчику между приусадебными участками, выходящему на ул. Кирова между домами 10 и 12. Около дома по Кирова, 12 также обнаружен участок мошения.

За пределами Ямской слободы участок дороги ул. Кирова – д. Мостовая – д. Фура-Пересечение – лесозавод – ж/д переезд заасфальтирован и используется для движения транспорта. Сказать определенно – так ли в XVII в. проходила дорога – затруднительно, но поиски следов полотна в д. Фура результатов не принесли. Старое полотно отыскано на восточной окраине п. Актай за ж/д переездом. В нескольких десятках метров от переезда старая трасса остается влево от современного асфальтированного Верхотурского шоссе. Полотно в данном месте покрыто щебнем, а с правой стороны сохранились кюветы, отрытые по стандартам XIX в. От п. Актай дорога идет лесом, пересекает небольшую речку (Большая Мостовая?) по деревянному мосту, а затем приближается к шоссе, которое пересекает у километрового столба 5/14. Далее Бабиновская дорога проходит вброд через безымянный пересыхающий ручей, оставляя по левую руку заросшее болото, и снова пересекает Верхотур-

ское шоссе возле километрового столба 8/11. Потом подходит на 300 м к р. Актай в урочище Каменка, где пересекает одноименную реку по деревянному мосту.

Затем дорога следует через урочище Большой Актай, оставляя слева пионерский лагерь. В данном районе множество развилок и отворотов, ведущих на проезжие просеки, чтобы не сбиться, необходимо выбрать путь, имеющий северо-западное направление, не пересекающий р. Актай. После прохождения широкой просеки под ЛЭП дорога вновь приближается к Верхотурскому шоссе и возле нежилой д. Кондратово, от которой сохранился лишь обелиск, оба пути сливаются на протяжении нескольких сот метров. Затем полотно старой дороги уходит вправо и через несколько сот метров подходит к шоссе Екатеринбург-Серов в 600 м от перекрестка с Верхотурским шоссе. На некотором протяжении полотно старой дороги перекрыто современной автострадой, но появляется вновь на отвороте на Старую Лялю. С этого места дорога интенсивно используется, ее полотно расширено для двухполосного движения, имеет усовершенствованное покрытие. Далее до с. Караул, где заканчивался наш разведочный маршрут, современная автотрасса проходит по старой дороге по водоразделу рек Актай и Ляля, оставляя в стороне деревни Николаевка и Мельничная, и пересекает р. Лялю в д. Савиновой по большому деревянному мосту. Потом, поднимаясь из поймы на коренной берег и срезая излучину реки, подходит к д. Злыгостева, где имеется небольшое спрямление исторической трассы. Ранее она проходила непосредственно через деревню, а ныне оставляет ее слева. Далее дорога идет по высокой пойме р. Ляля до с. Караул.

Таким образом, в разведке был изучен более чем сорокакิโลметровый отрезок Бабиновской дороги.

П.А. Корчагиным был поставлен вопрос о музеефикации сохранившихся участков Бабиновской дороги на территории Верхотурья, что было отражено в написанной им же концепции развития Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

В 1997г. на стене колокольни собора Святой Троицы в Соликамске была установлена доска с надписью «На Соборной площади в 1597г. взяла свое начало Государева (Бабиновская) дорога, соединившая центр России с Сибирью».

В 2009г. на стене восстановленной Поварни-Караульни Верхотурского кремля, на месте окончания дороги так же была открыта мемориальная доска.

Памятный знак в виде верстового столба установлен в пос. Махнево, а в пос. Павда передана памятная доска с текстом, повествующем о Бабиновской дороге, проходящей через этот населенный пункт.

В октябре 2009г. на научно-практической конференции, посвященной 80-летию соликамского музея, научные сотрудники музеев Верхотурья и Со-

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

1.

1599 г. апреля 22. Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье воеводе Василию Головину и письменному голове Иваке Воейкову о починке новой дороги между Соликамском и Верхотурьем.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье Василью Петровичю Головину да голове Иваке Васильевичи) Воейкову. В прошлом во 105-м (1597) году по нашему указу посыланы из Перми с возом с Ортюшкою с Бабиновым 2 целовальника, а с ними посошных людей 40 человек, новые Сибирские дороги чистить и мостов мостить; и те целовальники с посошными людьми Сибирскую дорогу чистили и мосты мостили худо, для того, чтоб вперед той новой Сибирской дороге не быти, и вожа Ортюшки Бабинова те целовальники и посошные люди не слушали. И с тое с новые дороги воз Ортюшка Бабинов к нам на тех пермьских целовальников писал, что они нашим делом не радеют и посошными людьми не нарежают, а пермьские целовальники к нам писали на вожа на Ортюшку, что-де им воз Ортюшка велит дороги чистить уско и мосты мостить худые. А сколько целовальники посошными людьми новые дороги от Соли от Камские до нового города до Верхотурья чистили и мостов мостили, и тому прислали к нам роспись, а в росписи написано: от Соли от Камские до нового города до Верхотурья 263 версты, а мостов мостили от Соли от Камские через речки и через бояраки, и через грязные места до Верхотурья поперечных 7 мостов, длинных 30 мостов, а на поперечных мостех 56 сажен и на длинных мостех 135 сажен. А которые ездят с Москвы в Сибирь и из Сибири к Москве воеводы и головы, и дети боярские, и всякие служилые люди, и про ту, про новую про Сибирскую дорогу нам сказывают, что та новая дорога чищена, и мосты мощены худо, пенье ссечено не из коренья, и заломы по дороге великие, и чищена дорога уско, и мосты, которые были мощены на речках и на ручьях, и в бояраках, вешнею водою поносило, и на грязех на болотах мосты испроломались, и выбои по той дороге великие, и только-де тое новые дороги с весны летнею порою не чистить и мостов не мостить, и вперед тою новою дорогою зимнею и летнею порою сибирских хлебных запасов и сибирские казны спровадити будет немочно, и ездити тою новою дорогою служилым людям нужда великая. И мы ныне писали в Пермь к Григорью к Иевлеву и к старостам, и к целовальником, а велели им взят с Пермьские земли дву целовальников да посошных людей, сколько человек пригоже, послать тое новые дороги изнова чистить и мосты мостить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас послали с Верхотурья сына боярского добра да с ним вожа Ортюшку Бабинова, а велели им с пермьскими с посошными людьми тое новую дорогу от

Соли от Камские до Верхотурья чистити и мосты мостить. И то б есте сыну боярскому, котораго пошлете, и возю Ортюшке приказали накрепко, чтоб дорогу чистили старово лутче и шире, и пенья не было, и мосты б мостили хороши, чтоб та дорога была не уска, и мосты были хороши, и пенье бы чистили ис коренья, и заломов бы на той дороге не было, чтоб наши сибирские хлебные запасы и всякая наша казна было провадить тою дорогою мочно, и служивым бы всяким людем, ездя тою дорогою, в грязех и в недомостех нужи не было. А как тое дорогу вычистят и мосты намостят, и вы б о том отписали к нам к Москве и велели отписку отдать в Казанском и в Мещерском дворце дьяком нашим Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову, чтоб нам было ведомо. Писан на Москве лета 7107-го (1599) году апреля в 22 день.

На обороте: скрепа: Дьяк Нечай Федоров; адрес: В новой город на Верхотурье Василью Петровичю Головину да голове Иваке Васильевичю Воейкову; помета о подаче: Привез сын боярской Петр Албычев.

Напечатано в: Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. второе, доп. Т. 1. М., 1999. С. 370-371.

1617 г. Января 9, Грамота «с почетом» царя Михаила Федоровича в Соликамск воеводе Богдану Лупандину об освобождении от податей вотчину «вожа» Сибирской дороги Артемия Бабинова в Соликамском уезде.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси к Соли Камской воеводе нашему Богдану Поликарповичю Лупандину. Бил нам челом Сибирской дороги вож Ортемка Софонов сын Бабинов а сказал: по указу блаженныя памяти царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси велено ему Ортюшке проведывать прямые дороги от Соли Камской в Сибирь на Верхотурье сухим путем; и он де Ортюшка, проведав тое дорогу от Соли Камской в Сибирь на Верхотурье, пермичи посадскими и уездными людьми прочистил; а прежде тово в Сибирь была дорога окольная: от Соли Камской мимо Чердынъ водяным путем Вишерою рекою вверх, да через Камень в Лозвою реку, да Лозвою вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки, а Тоболом вверх до усть Туры реки, а Турою вверх до Тюменскаго города; и тою де дорогою хаживала наша денежная и соболиная казна и хлебные запасы по смете с 2000 верст; а тою де дорогою сухим путем, что он Ортюшка прочистил от Соли Камской до Верхотурья, верст с полтретьяста, а от Верхотурья до Тюмени верст с 700, и тою де дорогою ходит наша соболиная и денежная казна и хлебные запасы; и за тое службу блаженныя памяти царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии пожаловал ево Ортюшку, велел ему дати свою государеву жалованванную грамоту, чтос ево деревлипша и с двора, что на посаде у Соли Камской, в Сибирские запасы и оброков никаких с него имать не велел, и велел ево во всяких податех обольготить, и велел ему на той же новочистной Сибирской дороги житии на Ейве реке на льготе, и слободу устроить для проезде воевод наших и служилых и всяких людей, и нашее соболиные и денежные казны и хлебных запасов; и никто ни откуда нейдет, что место пустое, пашни нет, а кормятся привозным хлебом; и в прошлом де во 124-м году воздвигнули они наше богомолне храм во имя Введения пречистые богородицы, и ныне де в его вотчине у того храма служба повседневная; и по той де по прежней блаженныя памяти царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии жалованной грамоте даны ему на ту вотчину грамоты владети по Ейве реке вверх от Сибирской дороги 20 верст да до Чикмана речки, и по Чикману вверх до взвоза Сибирской же дороги, до креста, а вниз по Ейве реке 15 верст до Ика реки пашнею и санными покосы и всякими угодыя за его службу, что он в Сибирь прямую дорогу протравили прочистил; и ныне де Соли Камские посацкие и уездные люди тех прежних грамот не слушают, и ево Ортюшку во всякие подати 6 лет рядом и по сию пору. И нам бы его Ортюшку за его службу пожаловать, велети ему той вот-

чиною по старым межам владети попрежнему пашнею, и санными покосы, и всякими угоды, и податей с ево двора на посад и с его деревнишка для ево службы некоторых жмати не велети, чтоб ему с тое прямые дороги для податей не съехать. И будет так, как нам Сибирской дороги вож Ортюшка Бабинов бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, а при царе Федоре будет ему такова грамота на Ейву реку на ту вотчину была дана, и за ту службу податей с него ни которых имати не ведено, и ты б по прежней царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси жалованной грамоте с ево Ортюшкина двора на посаде и с ево деревнишка за его службу податей некоторых с него имати не велел, а велел ему Ортюшке тою вотчиною по Ейве реке вверх и по Чикману вверх до ввозу, до креста, и вниз до Ейве реке по реку Ик пашнею, и санными покосы, и всякими угоды владети попрежнему. И прочет сю нашу грамоту и списав с ней противень слово в слово, отдал назад Ортюшке Бабинову, и он ее держит у себя для иных наших воевод и приказных людей. Писан на Москве лета 7125-го генваря в 9 день.

Подлинная грамота за крепкою дьяка Федора Опраксина.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Бородинских Г.А., Шилов В.В. Бабиновская дорога – путь длиною в 400лет. – Березники, 1998.
2. Корчагин П.А. Бабиновская дорога: историография и новый этап исследования // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). – Березники, 1994.
3. Корчагин П.А. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье. – Археологические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург, 1998.
4. Карелин В.Г. Пути-дороги Соликамско-Верхотурского тракта. – Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию Верхотурья. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: ИИ и АУрО РАН, 1998.
5. Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (4.1. состояние коммуникаций). – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2007.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе.	
Дерябин Валерий Васильевич.....	3

Роман-версия о Дороге.	
Предисловие Ю. Горбунова.....	4

Часть первая. ТРОПА НА ВОСТОК.

1. Вогульская тропа.....	7
2. Схватка.....	16
3. Золотая баба.....	25
4. Встреча.....	34
5. Знахарь.....	43
6. Рождество.....	54
7. Колядки.....	60
8. Ворожба.....	67
9. Венчание.....	77
10. За женой в Соль Камскую.....	87
11. Масленица.....	94
12. Вор Яшка.....	104
13. Скорняжное дело.....	112
14. Сватовство.....	122
15. Путик за Камень.....	134
16. Здравствуй, Сибирь.....	145

Часть вторая. ДОРОГА В СИБИРЬ.

1. Грамота на Пермь Великую.....	153
2. Долог путь от Москвы до Уральского Камня.....	160
3. Из нищего дома и тараканы бегут.....	172
4. Крещение.....	176
5. Суд – дело правое.....	182
6. Лавина.....	190

7. Старый друг.....	200
8. Свадебный обряд.....	207
9. Измена.....	218
10. Медведь идёт по следу.....	222
11. Обратный путь.....	234
12. Из огня да в полымя.....	244

Часть третья. ВОЖ ДОРОГИ.

1. Царствующий град Москва.....	253
---------------------------------	-----

Историческая справка.

Бабиновская дорога: прошлое, настоящее, будущее.....	256
--	-----

Письменные источники.....	265
---------------------------	-----

Литература.....	269
-----------------	-----

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЕРХОТУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Книга издана в рамках областной государственной программы
Формирование туристско-рекреационной зоны
«Духовный центр Урала»

Дерябин В.В.

НА ВОГУЛЬСКОЙ ТРОПЕ.

«Бил нам челом Сибирской дороги вож
Ортемка Софонов сын Бабинов...»

Общая редакция: Новиченков Н.Н.
Корректоры: Георгиева С.И., Смирнов М.В.
Верстка и дизайн: Надеждин А.А.

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

Крестьянин из деревни Верхняя Усолка Соликамского уезда Артемий Сафонович Бабинов «проведал» новую прямую сухопутную дорогу из Соликамска в Сибирь. В 1597 году по указу царя Федора Ивановича началось ее строительство. Дорога в семь раз сокращала путь в Сибирь. В 1598 году на том месте, где «государева дорога» подходила к реке Туре, был основан город Верхотурье, который на протяжении двухсот лет сохранял значение важнейшего опорного пункта на пути из европейской России в Сибирь.

О самом «сибирском воже Ортюшке Бабинове», кроме немногочисленных грамот и челобитных, мы имеем очень мало данных – косвенные свидетельства, слухи, предания... Данная книга, наверное, первая попытка наполнить «плотью и кровью» хрестоматийный образ первопроходца, который не был ни злодеем, ни праведником – он был человеком своей эпохи.